

А Карпов

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Алексей
Карпов

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

ЖЗЛ

Annotation

Книга рассказывает о князе Владимире Всеволодовиче Мономахе — одном из наиболее ярких правителей в истории России. Временем его княжения (1113—1125) по существу завершается эпоха Киевской Руси, и именно ему пришлось вырабатывать те принципы, которые легли в основу нового политического устройства страны. На основе скрупулёзного разбора всех сохранившихся источников автор воссоздаёт яркий портрет князя Владимира Всеволодовича — выдающегося государственного деятеля, полководца, писателя, мыслителя, человека. Значительное внимание уделено в книге собственным сочинениям князя, прежде всего его «Поучению», а также происхождению и развитию знаменитой легенды о «шапке Мономаха» и других регалиях царской власти, унаследованных князем от византийских императоров.

- [Великий князь Владимир Мономах](#)
 - [«Добрый страдалец за Русскую землю»](#)
 - [Хроника](#)
 - [Год 1053](#)
 - [Год 1066 \(?\)](#)
 - [Годы 1068—1069](#)
 - [Год 1073](#)
 - [Год 1075](#)
 - [Год 1076](#)
 - [Год 1077](#)
 - [Год 1078](#)
 - [Год 1080](#)
 - [Год 1083\(?\)](#)
 - [Год 1084](#)
 - [Год 1085](#)
 - [Год 1087](#)
 - [Год 1089](#)
 - [Год 1092](#)
 - [Год 1093](#)
 - [Год 1094](#)
 - [Год 1095](#)
 - [Год 1096](#)

- [Год 1097](#)
- [Год 1098](#)
- [Год 1100](#)
- [Год 1101](#)
- [Год 1102](#)
- [Год 1103](#)
- [Год 1104](#)
- [Год 1105](#)
- [Год 1106](#)
- [Год 1107](#)
- [Год 1108](#)
- [Год 1109](#)
- [Год 1110](#)
- [Год 1111](#)
- [Год 1112](#)
- [Год 1113](#)
- [Год 1114](#)
- [Год 1115](#)
- [Год 1116](#)
- [Год 1117](#)
- [Год 1118/19](#)
- [Год 1120](#)
- [Год 1121](#)
- [Год 1122](#)
- [Год 1123](#)
- [Год 1124](#)
- [Год 1125](#)
- [Слово Мономаха](#)
 - [1. «Поучение»](#)
 - [Поученье](#)
 - [Поучение](#)
 - [Комментарии](#)
 - [2. Письмо князю Олегу Святославичу](#)
 - [Древнерусский текст](#)
 - [Перевод](#)
 - [Комментарии](#)
 - [3. Молитва](#)
 - [Древнерусский текст](#)
 - [Перевод](#)

- [Комментарии](#)
 - [Послания церковных иерархов](#)
 - [1. Послание митрополита Никифора о посте](#)
 - [Послание Никифора, митрополита Киевского, великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава](#)
 - [Комментарии](#)
 - [2. Послание о вере латинской](#)
 - [Послание Никифора, митрополита Киевского,](#)
 - [Комментарии](#)
 - [3. Послание неизвестного епископа \(Даниила юрьевского?\) неизвестному князю \(Владимиру Всеволодовичу Мономаху?\)](#)
 - [От иного послания\[578\], о повинных](#)
 - [Легенда](#)
 - [«Послание о Мономаховых дарах» \(«Послание Спиридона-Саввы»\)](#)
 - [Комментарии](#)
 - [Из «Сказания о князьях владимирских»](#)
 - [Из «Степенной книги царского родословия»](#)
 - [Надпись на «Царском месте» Успенского собора Московского Кремля](#)
 - [Основные вехи биографии князя Владимира Всеволодовича Мономаха](#)
 - [Список источников и литературы](#)
 - [Источники](#)
 - [Литература](#)
 - [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)

- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)

- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)

- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)

- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)

- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)

- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)

- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)

- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)

- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)

- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)

- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)

- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)

- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)

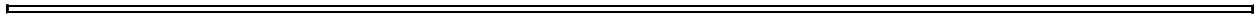
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)

- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)

- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

Великий князь Владимир Мономах

«Добрый страдалец за Русскую землю»

Так назвал великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха киевский летописец, автор посмертной статьи-некролога, читающейся в Ипатьевской летописи: «...просвети Рускую землю, акы солнце луча пуцая, егоже слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бе страшень поганымъ, братолюбець и нищелюбець и добрый страдалецъ за Рускую землю...»

Слово «страдалец» в древнерусском языке многозначно. «Страдать» — это не только подвергаться страданиям, но ещё и трудиться (ср. сохранившееся и в современном русском языке слово «страда»), с усилием добиваться чего-либо. Именно таким «добрым страдальцем» — прежде всего работником, тружеником — выступает Владимир Мономах на страницах русской истории: он «много пота утёр за землю Русскую», по выражению другого летописца. И он же — *«братолюбець и нищелюбець»*, ратующий (в исконном смысле этого слова, то есть прежде всего на поле брани) за всю Русь и не забывающий в своих княжеских трудах и о простых людях. Из семидесяти двух лет своей жизни (1053—1125) он лишь двенадцать (с 1113-го) княжил в Киеве, то есть формально занимал первенствующее положение среди русских князей. Сроком своего киевского княжения Владимир уступает и отцу Всеволоду Ярославичу, и двоюродному брату Святополку Изяславичу, и многим другим князьям XI—XII веков. Но именно он остался в памяти как идеальный князь, подлинный защитник Русской земли. Не случайно и то, что его имя до наших дней является символом великокняжеской власти, да и вообще любой власти, сопряжённой с грузом ответственности, с тяжестью принятия решения, затрагивающего судьбы тысяч или даже миллионов людей (ибо «шапка Мономаха» одинаково тяжела для любого правителя).

Князь Владимир Мономах, несомненно, принадлежит к числу наиболее значительных фигур русского Средневековья. Его княжением (или, вернее, княжением его старшего сына Мстислава, во всём продолжившего политику отца) завершается эпоха Киевской Руси и начинается новый этап русской истории, получивший название удельного периода, или, в советской историографии, периода феодальной раздробленности. Именно Мономаху — причём ещё даже до восшествия на «золотой» киевский стол — пришлось вырабатывать те принципы, которые

легли в основу нового политического устройства Руси. В условиях ломки старого порядка, основанного на едином владении Русской землёй всего княжеского рода (так называемого «родового сюзеренитета»), князю Владимиру Всеволодовичу удалось найти пути сохранения политического и духовного единства Руси. И не его вина была в том, что потомки не сумели в полной мере воспринять его политическое наследство и продолжить намеченный им курс.

С именем Владимира Мономаха связана и выдающаяся победа над половцами, прекращение губительных половецких нашествий, обескровивших Русь к концу XI века. Ему удалось — причём с колоссальным трудом, преодолевая сопротивление не только половцев, но и других русских князей, — перенести военные действия вглубь Половецкого поля и тем самым создать благоприятные условия для поступательного развития русских княжеств в XII — первой трети XIII века. И, опять-таки, не его вина в том, что при его потомках половецкие набеги на Русь возобновятся, причём уже русские князья в борьбе друг с другом будут наводить половецкие рати на соседние княжества, подвергая их — а иной раз и свои собственные земли — жестокому разграблению.

Но Владимир Мономах вошёл в русскую историю не только как государственный деятель и полководец. Он ещё и автор знаменитого «Поучения» — выдающегося памятника древнерусской литературы и общественной мысли. В том же единственном списке, что и «Поучение», сохранилось письмо, отправленное им своему врагу, князю Олегу Черниговскому, и пронизанное удивительным чувством христианского всепрощения, столь не свойственным политикам любых эпох. Сохранились также послания самому Владимиру Мономаху его образованных современников, иерархов Русской церкви. Писатель, мыслитель, человек высочайшего нравственного долга, поистине «*братолубец*» — таким предстаёт Владимир Мономах и в собственных сочинениях, и на страницах летописей и иных произведений древней Руси.

Наверное, это отчасти идеализированный образ. В той же летописи и в тех же посланиях церковных иерархов порой проглядывают и иные, не столь благостные черты характера киевского князя. Выясняется, что он мог быть и излишне жестоким, мог осудить невиновного, не до конца разобравшись в существе дела, но доверившись предвзятому мнению своих советников. Но это значит лишь одно: Мономах был живым человеком, к тому же политиком, — и жестокое ремесло, которому он отдал всю свою жизнь без остатка, равно как и жестокий век, в который ему выпало жить, накладывали на него неизбежный отпечаток. Наверное, он не всегда

соответствовал тому высокому идеалу, который сам создал в своих сочинениях и к которому так стремился. Но он создал этот идеал — создал для себя и других, он искренне стремился достичь его — а это величайшая редкость и для политика, и для человека.

Современных исследователей — историков, литературоведов, специалистов в области истории философии и общественной мысли, этики и эстетики, — как правило, привлекают отдельные стороны личности князя. По преимуществу его изучают отдельно как политика, полководца, писателя, религиозного деятеля. Между тем все эти ипостаси неразрывно соединяются в нём. Нравственная система, выработанная им и нашедшая отражение в его собственных сочинениях, основанная прежде всего на неукоснительном соблюдении общеизвестных христианских заповедей, на смирении и всепрощении, братолюбии и страхе Божиим, и стала основой его политической (в полном смысле этого слова) системы. Именно на этих принципах Владимир пытался выстроить новое политическое здание Русского государства, воспринимая русских князей как своих братьев не только по кровному, но и — прежде всего — по духовному родству. И тот высочайший авторитет, который он снискал в русском обществе за долгие годы, позволил ему — пускай и отчасти — воплотить свои идеи в жизнь.

Ну а о том, как ему удалось это, — и рассказывается в книге.

*

Книга, предлагаемая вниманию читателей, состоит из нескольких разделов^[1]. Первый и самый большой по объёму выстроен как подробная, год за годом, хроника жизни и деяний князя Владимира Всеволодовича на фоне главных событий русской истории его времени. Автор постарался собрать по возможности все свидетельства источников, касающиеся личности князя Владимира Мономаха и сути проводимой им политики. Именно подлинные документы эпохи и составили основу повествования.

Прежде всего, это свидетельства русских летописей. Князь Владимир Всеволодович занимает особое место и в русском летописании. Достаточно сказать, что обе дошедшие до нас редакции «Повести временных лет» — древнейшего русского летописного свода, по мнению историков-летописеведов, были созданы в годы его киевского княжения и, возможно, по княжескому заказу. Первая из этих редакций дошла до нас в составе Лаврентьевской (Суздальской) летописи, вторая — в составе Ипатьевской (Киевской). Фрагменты этих двух летописей чаще всего и цитируются в

книге. Уникальные известия о князе сохранились также в Новгородской Первой летописи старшего извода и некоторых других — Софийской Первой, Типографской, Тверском летописном сборнике, Воскресенской, Никоновской (в последних, правда, нам приходится иметь дело зачастую и с домыслами позднейших летописцев). Но о жизни и деяниях князя Владимира Всеволодовича — и это как раз и отличает его от прочих русских князей того времени — мы знаем не только из летописей, но и из его собственных сочинений, прежде всего из «Поучения», в котором князь подробно рассказал о прожитой жизни, о совершённых им походах, о своих княжеских трудах и заботах, о том, что он считал главным для любого правителя. Немало ценной информации о князе Владимире содержится и в других памятниках древнерусской письменности — например, в адресованных ему посланиях церковных иерархов; в Киево-Печерском патерике — сборнике рассказов о подвижнической жизни монахов Киево-Печерского монастыря, со многими из которых лично общался князь Владимир; в «Сказании о чудесах святых князей Бориса и Глеба», чьи гробницы в Вышгороде он украшал; или в так называемом «Уставе князя Владимира Всеволодовича», вошедшем в состав знаменитой «Русской Правды» — свода древнерусских законов. Сведения русских источников дополняют свидетельства иноязычных хроник — византийских, скандинавских, немецких, польских, венгерских. И хотя имя Владимира Мономаха в них не упоминается (за исключением скандинавских саг, которые знают его только как отца его старшего сына Мстислава), иноязычные источники способны прояснить для нас многие эпизоды его жизни и политической деятельности.

Второй раздел книги составили собственные сочинения Владимира Мономаха — уже упомянутые «Поучение» и письмо князю Олегу Святославичу, а также Молитва — текст неясного происхождения, читающийся в летописи сразу же вслед за ними. Тексты сочинений Мономаха приведены в книге не только в переводе на современный русский язык, но и в подлиннике. Это объясняется в том числе и тем, что выверенного, удовлетворяющего современным требованиям их издания — как это ни удивительно! — до сих пор нет. Наиболее качественным с научной точки зрения является издание текстов Мономаха в составе Лаврентьевской летописи в 1-м томе «Полного собрания русских летописей», подготовленном Е.Ф. Карским в 1926 году и впоследствии неоднократно переиздававшимся репринтно. Однако и в этом издании есть неточности; к тому же текст Лаврентьевской летописи (в отличие от большинства других томов «Полного собрания...») не транслитерован: не

раскрыты титла, не внесены в текст выносные буквы, не расставлены знаки препинания и т. д. Кроме того, в издании Карского (как и в предшествующих изданиях «Поучения» в составе Лаврентьевской летописи) иначе, чем принято ныне, определены конец «Поучения» Владимира Мономаха и начало его письма Олегу Святославичу. Многочисленные же отдельные публикации «Поучения», в том числе в таких авторитетных изданиях, как «Памятники литературы Древней Руси» и «Библиотека литературы Древней Руси», представляют собой не столько издания, сколько реконструкции текста, причём вносимые издателями конъектуры (исправления) не всегда могут быть признаны обоснованными.

В отдельный раздел книги включены сохранившиеся послания Владимиру Мономаху церковных иерархов — киевского митрополита Никифора и неизвестного епископа (предположительно, юрьевского епископа Даниила). В этих сочинениях — прежде всего в Послании митрополита Никифора о посте — дана яркая характеристика личности князя, приведены уникальные сведения о его образе жизни, о сильных и слабых, по мнению автора, сторонах его натуры. Это даёт нам редчайшую возможность увидеть киевского князя глазами его современника и сравнить этот образ с тем, каким предстаёт Мономах в собственном «Поучении» и летописных рассказах о нём.

Наконец, заключительный раздел книги посвящён средневековой легенде о Мономахе. Это уже совсем другая история, имеющая не слишком много общего с историей реального киевского князя XI—XII веков. Но возникший во времена Московской Руси новый образ Владимира Мономаха — обладателя знаменитой «Мономаховой шапки» и родоначальника династии русских царей — очень скоро зажил собственной жизнью, и именно в таком, мифическом обличье князь Владимир Всеволодович, пожалуй, лучше всего знаком сегодняшнему читателю. В книге представлены памятники, связанные с происхождением и развитием легенды о «Мономаховых дарах», будто бы поднесённых князю византийским императором (а это не только «шапка Мономаха», но и другие регалии царской власти). Этими регалиями Владимир Мономах и был венчан на царство, «и оттоле тем царским венцом венчаются все великие князья владимирские, егда ставятся на великое княжение», — как писал московский книжник, современник и сотрудник царя Ивана Грозного, один из составителей знаменитого Лицевого летописного свода, в котором вся эта история проиллюстрирована рядом замечательных миниатюр. И надо сказать, что то была не просто легенда, но действенный инструмент внешней политики Московского царства XVI—XVII веков, ибо

московские государи, начиная с Ивана Грозного, именно мифическими «Мономаховыми дарами» да столь же мифической историей происхождения своего рода от римского «кесаря Августа» обосновывали собственные права на царский титул, а заодно и собственные претензии на те или иные сопредельные территории. О том, как произошло превращение князя Владимира Всеволодовича в первого венчанного русского «царя» и почему именно он был избран для этой роли, тоже пойдёт речь в книге.

Остаётся добавить, что все приведённые в книге тексты снабжены указанием на источник, откуда они извлечены. Полный список источников и литературы помещён в конце книги. Тексты древнерусских памятников, за небольшим исключением, даны в переводе на современный русский язык. Если не указано иное, переводы выполнены автором специально для настоящего издания.

**Хроника
семидесяти двух лет жизни
великого князя
Владимира Всеволодовича Мономаха**

**Год 1053
Киев или Переяславль-Южный**

*Из «Повести временных лет»
У Всеволода родился сын от цесарицы грекини, и
нарёк ему [Всеволод] имя Владимир...*

(45. Стб. 160)

Владимир был первенцем переяславского князя Всеволода Ярославича, четвёртого сына великого киевского князя Ярослава Мудрого. При крещении он получил ещё одно имя — Василий. (В течение нескольких веков русские князья носили, как правило, по два имени: одно княжеское, употреблявшееся в обычной жизни, а другое крестильное, используемое преимущественно в церкви.) По словам самого Мономаха, оба имени были даны ему дедом, князем Ярославом Мудрым, — очевидно, в память о прадеде, князе Владимире Святom, Крестителе Руси, звавшемся в крещении Василием. Возможно, престарелый Ярослав даже приезжал в Переяславль, чтобы лично присутствовать при крещении внука и поздравить невестку, мать Владимира, хотя более вероятно, что Владимир появился на свет в Киеве, где подолгу жил его отец. Во всяком случае, впоследствии, на склоне лет, князь Владимир Всеволодович начнёт своё знаменитое «Поучение» с таких исполненных гордости слов:

*Яз, худый, дедом своим Ярославом, благословленным,
славным, нареченный в крещении Василием, русским именем
Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею —
Мономах...*

(45. Стб. 240)

Его появление на свет стало событием, выходящим за рамки одной только русской истории. Отец Владимира, переяславский князь Всеволод Ярославич, получил в жёны не просто одну из иностранных принцесс, но византийскую царевну, дочь правящего в Византии императора Константина IX Мономаха (1042—1055). Родовое имя последнего — а в переводе с греческого оно значит: «Единоборец» — перешло к русскому князю. Так Владимир оказался внуком сразу двух могущественных правителей — Руси и Византии. Позднее киевский митрополит грек Никифор напишет, обращаясь к Владимиру — тогда уже киевскому князю — и имея в виду его необычное происхождение:

Его же Бог... из утробы освятил и помазал, от царской и княжеской крови смесив...

(65. С 66—71)

Брак Всеволода Ярославича положил конец русско-византийской войне 1043 года. Когда он был заключён, в точности неизвестно (во всяком случае, не ранее 1046 года), как неизвестно и имя супруги русского князя. Чаще всего полагают, что мать Мономаха звали Марией; об этом свидетельствует известная в двух экземплярах печать с греческой надписью: «*Печать Марии Мо[но]махос (?), благороднейшей архонтиссы*» и изображением святого апостола Андрея Первозванного (небесного покровителя князя Всеволода Ярославича, звавшегося в крещении Андреем); эту печать не без оснований приписывают супруге Всеволода (189. С. 204—220)^[2]. Возможно, она родилась во втором браке Константина Мономаха — тогда ещё далеко не императора — с дочерью Василия Склира (внука знаменитого мятежника последней четверти X века Варды Склира) и племянницей императора Романа III Аргира (1028—1034). Впрочем, нельзя исключать и того, что будущая жена Всеволода Ярославича была незаконнорождённой дочерью Константина Мономаха от его любовницы Склирены (племянницы его второй жены), с которой Константин находился в длительной связи по крайней мере с начала 30-х годов XI века и которую, став императором, ввёл во дворец с почётным титулом севасты. На Руси на такие вещи смотрели не слишком строго, как, впрочем, и в Византии; главное было в кровном родстве супруги русского князя с правящим в Империи родом. Заметим, однако, что ни о каких дочерях императора Константина IX византийские источники не знают.

Константин Мономах, представитель одного из самых знатных

семейств Византии, стал императором в 1042 году, вступив в брак (третий для него) с 64-летней императрицей Зоей, дочерью императора Константина VIII. По вполне понятным причинам этот брак остался бездетным, и со смертью Константина IX (8 января 1055 года) царская династия Мономахов пресеклась, так, по существу, и не успев начаться. Русский князь Владимир Всеволодович, между прочим, оказался единственным прямым потомком Константина Мономаха (пусть и по женской линии). Впоследствии, в годы смут и постоянных перемен на византийском престоле, в Константинополе не могли не помнить об этом. Правда, сам Владимир, как можно догадываться, вовсе не спешил реализовывать свои гипотетические права на византийский престол.

Указанный выше год рождения князя Владимира Всеволодовича — 1053-й — может быть принят только условно. Летопись сообщает о его рождении под 6561 годом от Сотворения мира (даты нашей эры, от Рождества Христова, в летописи не употребляются). Однако мы не знаем точно, какой из двух календарных стилей, известных в древней Руси, — русский мартовский (когда год начинали с марта) или византийский сентябрьский — был использован летописцем в этой статье. Если дата проставлена по мартовскому стилю, то рождение Мономаха нужно относить к временному отрезку, ограниченному мартом 1053-го — февралём 1054 года; если использован сентябрьский стиль, то речь идёт о сентябре 1052-го — августе 1053-го. Второе кажется более вероятным, так как сентябрьским стилем датирована кончина Ярослава Мудрого в следующей летописной статье. Иногда полагают, что Владимир получил своё крестильное имя Василий в связи с тем, что родился около дня празднования святому Василию Кесарийскому (Василию Великому), то есть около 1 января, и на этом основании датируют его рождение концом декабря 1053-го — началом января 1054 года (124. С. 26). Принимая во внимание сказанное выше, с не меньшей вероятностью можно было бы говорить и о конце декабря 1052-го — начале января 1053-го. Однако едва ли Владимир получил своё крестильное имя только лишь потому, что день его рождения совпал или почти совпал с днём памяти святого Василия. Механизм имянаречения в древней Руси до сих пор остаётся не выясненным до конца (да и вряд ли это вообще возможно), однако давно уже обращено внимание на то, что ряду княжеских имён соответствуют определённые крестильные имена. Одной из таких пар как раз и являются имена Владимир и Василий (129. С. 419). Выше уже говорилось, что оба эти имени княжич, скорее всего, получил в память о своём прадеде — Крестителе Руси Владимире Святом. В таком случае его крестильное имя

совсем не обязательно должно было зависеть от дня его рождения.

Спустя несколько месяцев после появления Владимира на свет, 19 февраля 1054 года, скончался его дед, киевский князь Ярослав Мудрый. По завещанию, оставленному Ярославом, Русская земля была поделена между его сыновьями. Его старший сын Владимир умер ещё при его жизни, а потому Киев и «старейшинство» среди братии достались следующему по старшинству — Изяславу. *«Сего слушайте, как слушались меня, да будет он вам вместо меня»*, — наставлял отец сыновей на смертном одре. Кроме Киева, Изяслав получил также Новгород *«и иные города многие киевские во пределах»*. Третий сын, Святослав, получил Чернигов *«и всю страну восточную и до Муром»*, а четвёртый, Всеволод, отец Мономаха, — Южный Переяславль (ныне город Переяслав-Хмельницкий, в Украине), а также Ростов, Суздаль, Белоозеро и «Поволжье», то есть земли в верховьях Волги (36. С. 160). (Ещё двое сыновей, младшие Игорь и Вячеслав, получили, соответственно, Владимир на Волыни и Смоленск, но оба рано умерли, и их владения поделили между собой старшие братья). Главное же, что завещал Ярослав своим сыновьям, — это жить в братской любви и не ссориться друг с другом. В памяти Ярослава навсегда должны были остаться картины братоубийственной войны за Киев после смерти его отца, в которой он сам пролил немало крови. И потому он стремился не допустить повторения тех страшных событий:

Се аз отхожу [от] света сего, сынове мои. Имейте в себе любовь, потому что вы — братья, единого отца и матери. И если будете в любви между собою, Бог будет в вас, и покорит вам противящихся вам, и будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и раздорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли её трудом своим великим. Но пребывайте мирно, слушаясь брат брата...

(45. Стб. 161—162)

Эти слова своего деда князь Владимир Всеволодович будет помнить всю жизнь. И всю жизнь он будет пытаться следовать его наставлениям — правда, далеко не всегда успешно.

Ярослав дал своим сыновьям ещё одну заповедь: *«не преступать пределов братних»*. Следить за её выполнением должен был старший Изяслав, который получил от отца особый наказ: *«Если кто захочет*

обидеть брата своего, то ты помогай тому, кого обижают». «И так урядил сынов своих пребывать в любви...»

Можно думать, что «ряд» Ярослава предусматривал также определённый порядок замещения киевского престола в случае смерти «старейшего» Изяслава. Киевский летописец (в статье под 1093 годом) приводит слова, с которыми Ярослав незадолго до смерти обратился к своему любимцу Всеволоду, отцу Владимира:

Сыну мой... Если даст тебе Бог перенять стол мой по братии своей с правдою, а не с насильем, то, когда заберёт тебя Бог от жития сего, ляжешь там, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя паче братии твоей.

(45. Стб. 216)

Нечто подобное, наверное, мог услышать от отца и менее любимый им Святослав: власть старшего брата должна была переходить к следующему по старшинству брату — но лишь «правдою», а не «насильем», то есть естественным путём, без распрей и раздоров.

Но этот более или менее чётко оговоренный порядок распространялся лишь на ближайшее потомство Ярослава — его внуки в завещании не упоминались и их права на те или иные земли не оговаривались. Очевидно, о судьбе племянников должны были позаботиться их дядя. Но Русь последующей поры будет знать князей-«изгоев» — тех несчастливых потомков Ярослава, отцы которых закончат жизнь раньше своих братьев. И большинству таких князей-«изгоев» придётся силой доказывать собственные права на отцовские и дедовские престолы. С их притязаниями постоянно придётся сталкиваться и князю Всеволоду Ярославичу, и его сыну Владимиру Мономаху.

...Первые годы после смерти отца братья Ярославичи старались соблюдать отцовские заповеди и пребывали в мире друг с другом, совместно решая возникающие проблемы. Но с течением лет отношения между ними ухудшились настолько, что в конце концов это привело к новым междоусобным войнам. Впрочем, обо всём по порядку.

Год 1066 (?)

Земля вятичей. Ростов

Во времена, о которых идёт речь, дети выросли рано. Сам Мономах,

вспоминая в «Поучении» свою жизнь, писал, что к княжеским заботам отец приставил его, когда было ему всего лишь тринадцать лет:

...Поведаю вам, дети мои, труд свой, как трудился я, в разъездах и на охотах, [с] тринадцати лет. В первый раз к Ростову пошёл, сквозь землю вятичей: послал меня отец, а сам пошёл к Курску...

(45. Стб. 247)

Даже в конце жизни этот полный опасности путь через не подчинявшуюся тогда русским князьям Вятичскую землю представлялся Мономаху настоящим подвигом. Ростов, куда он направлялся, входил в удел его отца Всеволода Ярославича. Очень может быть, что Ростов и стал первым городом, в котором началось самостоятельное княжение юного Владимира.

Однако его ростовское княжение если и имело место, то оказалось очень непродолжительным. Уже следующий поход Мономаха исследователи связывают с событиями не просто значимыми, а в какой-то степени переломными для русской истории второй половины XI века. И так будет до последних минут жизни князя Владимира Всеволодовича: всё или почти всё, что происходило с ним, относилось к главным, магистральным событиям русской истории.

Годы 1068—1069

Смоленск. Владимир-Волынский. Берестье. Переяславль. Сутейск

Из «Поучения» Владимира Мономаха

...И затем, во второй раз, — к Смоленску [пошёл], со Ставком Гордятичем, который затем пошёл к Берестью с Изяславом^[3], а меня [Изяслав] послал к Смоленску. А из Смоленска пошёл во Владимир^[4]. Той же зимой послали меня в Берестье братья^[5], на пепелище сожжённое; и берёг я город тот утихий. Затем пошёл в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — к Сутейску: мир заключать с поляками. Оттуда на лето опять во Владимир...

Этот рассказ Мономаха требует подробного комментария. Тем более что сохранившиеся летописи ничего не сообщают о сыне Всеволода в те годы и даже вообще не упоминают его имя, так что реконструировать его участие в событиях мы можем только предположительно, на основании его собственного рассказа в «Поучении».

Летом 1068 года Русь подверглась первому по-настоящему крупному нашествию половцев. В битве на реке Альте, недалеко от Переяславля, соединённые силы трёх князей Ярославичей потерпели сокрушительное поражение, причиной которого, как можно догадываться, стали несогласованные действия братьев. Изяслав и Всеволод с остатками войска бежали в Киев; Святослав же со своей дружиной отступил к Чернигову и позднее сумел нанести половцам поражение. Вполне вероятно, что и четырнадцати-или пятнадцатилетний Владимир вместе со своим отцом участвовал в битве на Альте и так же, как и тот, вынужден был укрыться в Киеве. Однако 15 сентября в Киеве вспыхнуло восстание, направленное против князя Изяслава Ярославича. Изяслав и Всеволод спешно покинули город, а киевляне возвели на престол полоцкого князя Всеслава Брячиславича, годом ранее вероломно захваченного в плен теми же Ярославичами и содержавшегося в киевской темнице. Изяслав бежал в Польшу к своему шурину польскому князю Болеславу II Смелому (1058—1079, король с 1076); о судьбе же Всеволода и тем более о судьбе его сына летопись умалчивает. Однако едва ли не эти события имел в виду сам Владимир, вспоминая в «Поучении» о поездке к Смоленску с киевским боярином Ставком Гордятичем, который затем *«отыде к Берестию со Изяславомъ»*. Надо полагать, что в Берестье (нынешний Брест, в Белоруссии) Изяслав оказался по пути в Польшу; Владимир же по его повелению должен был поехать в Смоленск. Но и здесь он задержался ненадолго. Зимой 1068/69 года (датировка предположительная) Мономах переходит на княжение во Владимир-Волынский, а затем по поручению отца и дяди отправляется в сожжённую (поляками? или теми же отцом и дядей?) Берестейскую крепость.

В следующем, 1069 году Изяслав с польским войском во главе с самим Болеславом двинулся к Киеву. Возникла реальная угроза разграбления столицы Руси, тем более что занявший киевский престол князь Всеслав при известии о приближении поляков и Изяслава бросил киевлян и бежал в Полоцк. И вновь мы видим Владимира в гуще событий. По просьбе киевлян Святослав и Всеволод обращаются к старшему брату с

требованием не «водить» «ляхов» на Киев: *«Если хочешь гнев свой явить и погубить город, то знай, что жаль нам стола отчего»* (то есть мы готовы защитить город. — А.К.). С этими словами к Изяславу, по-видимому, и был послан Владимир, о чём мы узнаём также из «Поучения»: *«по Велице дни»*, то есть после Пасхи (которая в 1069 году пришлась на 12 апреля), он отправляется из Переяславля на Волынь, к Сутейску (на тогдашней русско-польской границе). Судя по всему, Владимиру удалось договориться и с дядей, и с поляками. *«То слышав, Изяслав оставил ляхов и пошёл с Болеславом* (к Киеву. — А.К.), *мало ляхов взяв»*, — сообщает летопись. Правда, заступничество князей не спасло киевлян: сын Изяслава Мстислав вступил в Киев раньше отца и жестоко расправился с жителями, равно казня и виновных, и невиновных.

Год 1073

Туров. Киев

Трещина в отношениях между братьями оказалась слишком глубокой. В марте 1073 года Святослав и Всеволод изгнали старшего брата из Киева, и Изяслав во второй раз вынужден был покинуть Русь и отправиться в Польшу. По словам автора «Повести временных лет», Святослав, бывший инициатором княжеской *«каторы»* (распри), обманом *«прельстил»* Всеволода, наговорив ему на брата, будто тот *«сватится»* со своим бывшим врагом Всеславом Полоцким, желая отобрать у них волости. Так это было или нет, сказать трудно. Известно лишь, что повторное изгнание Изяслава повлекло за собой перераспределение княжеских уделов. По-видимому, именно тогда Владимир (чьё имя в летописи по-прежнему не упоминается) получил в княжение Туров — важный город на западе Русского государства, ранее принадлежавший Изяславу. Этот город неоднократно упоминается в его «Поучении» как место его постоянного пребывания (45. Стб. 247).

В том же 1073 году Владимир вместе с отцом и дядей присутствовал в Киеве на торжественной церемонии закладки Успенской церкви Печерского монастыря. Это было первое крупное церковно-политическое событие в жизни Русского государства, которое проходило в отсутствие Изяслава. Из Жития преподобного Феодосия, игумена и одного из основателей Печерского монастыря, мы знаем, что поначалу Феодосий решительно осудил изгнание киевского князя и выступил с резким обличением Святослава, занявшего киевский престол. Вскоре, однако, между князем и

игуменом произошло примирение, сопровождавшееся дарением монастырю земли для строительства церкви. Больше того, Святослав собственными руками положил «начаток» копанию рвов для будущей церкви. Участие в торжествах как самого Святослава с сыновьями, так и его брата и племянника должно было свидетельствовать о признании влиятельными в Киеве церковными кругами состоявшегося переворота.

Сам Владимир, между прочим, прибыл в Киев больным. Согласно монастырскому преданию, он получил исцеление как раз во время основания Печерской церкви, когда его опоясали золотым поясом с латинского Распятия Христа, который был подарен варягом Шимоном, одним из воевод князя Всеволода Ярославича, преподобному Антонию, основателю Печерской обители. Вот что рассказывается об этом в Патерике киевского Печерского монастыря, который в этой своей части был составлен в начале XIII века печерским постриженником Симоном, епископом Владимиро-Суздальским (1214/15—1226):

...Благоверный же князь Владимир Всеволодович Мономах, тогда ещё юный, сам видел то дивное чудо, когда огонь с небес ниспал и выгорела яма, где основание церковное было размерено поясом^[6]. И слух об этом прошёл по всей земле Русской. Потому Всеволод с сыном своим Владимиром и приехали из Переяславля увидеть такое чудо. Тогда Владимир был болен, и тем поясом золотым опоясали его, и тут же выздоровел молитвами святых отцов наших Антония и Феодосия...

(2. С. 11)

Это был не единственный случай, когда Владимир искал исцеления от болезней в стенах Печерской обители. Позднее, во время своего черниговского княжения (конец 80-х — начало 90-х годов XI века), когда князь едва не умер от какого-то недуга, он вновь посылал в киевские пещеры и был исцелён снадобьем, присланным ему печерским затворником Агапитом (об этом речь впереди). Что же касается варяга Шимона, воеводы князя Всеволода Ярославича, то он вскоре принял православие (с именем Симон) и после смерти был похоронен в Печерском монастыре, а его сын Георгий стал воеводой Владимира Мономаха. Много лет спустя Мономах отправит Георгия Шимоновича в Суздальскую землю, поручив ему своего сына Юрия (будущего Долгорукого). Георгий и станет «кормильцем» (воспитателем) Юрия. Ещё позднее сам Юрий Долгорукий передаст

«тысяцкому же своему Георгию, словно отцу... Суздальскую область» (2 С. 5).

Ко времени вокняжения в Турове Владимиру, по-видимому, едва исполнилось двадцать лет. В этом городе он прокняжит неполных четыре года — до смерти Святослава в декабре 1076 года.

Примерно к этому же времени, то есть к первой половине 1070-х годов, если не раньше, относят смерть матери Владимира и второй брак его отца Всеволода. Кем была мачеха Владимира, неизвестно. Зато известно, что она родила мужу сына Ростислава — сводного брата Владимира Мономаха.

Этим же временем датируют и женитьбу самого Владимира Мономаха. Сын византийской принцессы и внук императора, он был обвенчан тоже с принцессой — англичанкой Гидой, дочерью последнего англосаксонского короля Харальда. После гибели отца в битве с нормандцами у Гастингса в 1066 году и завоевания Англии знаменитым Вильгельмом (Завоевателем) Гида с братьями бежала в Данию к королю Свену Эстридсену, своему двоюродному дяде. Это была весьма деятельная особа. Из западных источников известно о том, что Гида поддерживала тесные связи с монастырём Святого Пантелеймона в Кёльне, а в конце жизни стала «сестрой» этой обители; совершила она и паломничество в Святую землю (145. С. 587—589). Её браку с сыном русского князя Всеволода способствовал лично король Свен. Когда точно был заключён брак и какое имя приняла Гида на своей новой родине, неизвестно, но уже в начале 1076 года у неё родился первенец — сын Мстислав, наречённый в крещении Феодором и получивший, кроме того, ещё и третье имя — Харальд, в честь своего деда по матери (под этим именем Мстислав упоминается в западных источниках). Позднее Гида родила мужу ещё четырёх сыновей: Изяслава, Святослава, Ярополка и Вячеслава, а также нескольких дочерей. Впрочем, со временем Владимир, кажется, охладил к супруге и удалил её от себя. Более того, есть основания полагать, что он вступил в новый брак ещё при её жизни.

Год 1075

Польша. «Чешский лес»

Главной болевой точкой для Русского государства в годы киевского княжения Святослава Ярославича (1073—1076) оставалась проблема Изяслава, изгнанного из Руси, но не прекращавшего попыток вернуться на

киевский престол. Не получив на этот раз никакой помощи в Польше (*«еже всё взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе»*, — свидетельствует летописец), он перебрался в Германию, где обратился за помощью к злейшему врагу Болеслава Польского — германскому королю Генриху IV (1050—1106, император с 1084). Известно, что Генрих отправил посольство к Святославу с требованием возвратить престол брату, однако Святослав попросту откупился от него; к тому же Генрих был слишком занят собственными внутренними проблемами, прежде всего войной с саксами, чтобы оказать действенную помощь своему русскому союзнику. В отчаянии Изяслав решился на беспрецедентный в русской истории шаг: он отправил сына Ярополка в Рим к папе Григорию VII (в то время непримиримому противнику Генриха) с предложением передать «Русское королевство» под покровительство Святого престола. И действительно, Ярополк (о чём мы узнаём из послания папы Григория VII Изяславу) *«получил» «названное королевство... в качестве дара святого Петра... изъявив поименному блаженному Петру, князю апостолов (то есть в реальности римскому папе. — А.К.), надлежащую верность»* (77. С. 113; перевод А.В. Назаренко). Соответствующее послание было отправлено папой и польскому князю Болеславу II. В нём Григорий VII «убедительнейше» просил вернуть Изяславу всё, что было отобрано у него в Польше.

В начавшейся в Европе большой войне русские князья сделали ставки на противоположные воюющие стороны. Можно догадываться, что отказ Болеслава Польского от помощи собственному зятю объяснялся не только старыми счётами (после возвращения Изяслава в Киев в 1069 году между ними произошла ссора), но и происками Святослава Ярославича. Новый киевский князь предложил Болеславу союз и, главное, военную помощь в войне с его врагом, чешским князем Вратиславом II (1061—1092), союзником Генриха IV, — то есть как раз то, чего никак не мог дать ему лишённый реальной власти Изяслав. К 1075 году русско-польский союз был заключён. Реализовывать достигнутые договорённости предстояло двум молодым русским князьям — сыну Святослава Олегу (княжившему предположительно во Владимире на Волыни) и сыну Всеволода Владимиру Мономаху (чье имя всего лишь во второй раз упомянуто в этой связи в летописи).

Из «Повести временных лет»

...Ходили Владимир, сын Всеволодов, и Олег, сын Святославов, в помощь ляхам на чехов...

(45. Стб. 199)

Из «Поучения» Владимира Мономаха

...Потом послал меня Святослав в Польшу: ходил за Глогов^[7], до Чешского леса; ходил в земле их четыре месяца...

(45. Стб. 247)

Русские войска под водительством Владимира и Олега вступили в Польшу осенью 1075 года. Если под «Чешским лесом» понимать Судетские горы, и ныне разделяющие Чехию и Польшу (менее вероятно, что речь идёт о нынешнем Чешском лесу на западе современной Чехии), то получается, что русские князья не слишком продвинулись вглубь вражеской территории. Тем не менее современные исследователи допускают, что именно военные действия русских (или, может быть, одна их угроза) стали причиной внезапного прекращения начатого Генрихом IV и Вратиславом II совместного похода против саксов и поспешного их отступления в Чехию в сентябре 1075 года (145. С. 531).

Для полноты картины приведём уникальное свидетельство на сей счёт русского историка XVIII века Василия Никитича Татищева. Правда, здесь следует сделать важную оговорку. Принято считать, что Татищев в своей «Истории Российской» пользовался в том числе и не дошедшими до нас летописными сводами, отчего его известия признаются особенно ценными. Возможно, иногда это действительно так. Но в целом ряде случаев Татищев, по-видимому, попросту домысливал и от себя дополнял известный нам летописный текст. Это касается и многих приводимых им подробностей и имён, не известных ни летописи, ни другим средневековым источникам. Соответственно, достоверность большинства его известий отвергается современными историками или по крайней мере ставится ими под сомнение (см.: 178). Итак, вот что сообщает Татищев о походе русских князей^[8]:

Святослав по прозьбе князя польскаго послал ему в помощь против князя богемского Владимира, сына Всеволодова, да сына своего Ольга со многим воинством. Князь же чешский Вратислав, слышав, что войска русские с польскими совокупились, послал воеводу своего Лопату к полякам просить о мире и, дав им 1000 гривен серебра за убытки, помирился. Владислав^[9] же, примиряся со Вратиславом, объявил Владимиру и Ольгу, что он ныне не

хочет воевать на Братислава, а пойдет с войски на прус и поморян. Владимир и Олег, уведав, что поляки, взяв от чех серебро, помирились, а им, токмо напрасный труд учиня, возврасчают, послали с таким ответом ко Владиславу: «Вы нас призвали в союз на Братислава, и мы сюда с войски пришли по прозьбе вашей. Ныне же вы объявляете, что помирились. Мы вам оставляем на вашу волю, но мы, как уже Богемии объявились неприятели, не можем без мира возвратиться и стыд отцам нашим и государству рускому оставить. Того ради мы пойдем своея чести искать, а вы идите на прус и поморян, нам с ними никакой вражды нет». И так русские князи немедленно пошли к городу Глацу^[10] и, пришед, оной взяли, около онаго села опустошили. Вратислав богемский прислал ко Владимиру брата своего, епископа и многих вельмож просить о мире. Владимир и Олег, договорясь, взяли за убытки 1000 гривен серебра, и многие дары разделили на войско, и сами благополучно возвратились в дома.

(75. С. 91)

Так или иначе, но уже зимой 1075/76 года Владимир возвратился в Туров, а «на весну», как он сам пишет в «Поучении», уехал к отцу в Переяславль.

Год 1076

Переяславль. Новгород (?)

...В то же лето родился у Владимира сын Мстислав, внук Всеволодов...^[11]

(46. Стб. 190)

Можно думать, что первенец Владимира появился на свет в Новгороде (сам Мономах в «Поучении» называл его «дитя старейшее новгородское»). Его крестным отцом стал двоюродный дядя, князь Олег Святославич. Чешский поход, по-видимому, сблизил Олега с Владимиром. Однако впоследствии, как это порой бывает, вчерашние друзья превратились в злейших врагов. Одной из жертв этой вражды станет второй сын Мономаха (и, вероятно, тоже крестник Олега) Изяслав. Больше того, вражда между Мономахом и Олегом перейдёт по наследству к их

потомкам, которых так и будут называть: Мономашичи и Ольговичи и противостояние которых во многом определит ход истории Руси в XII и первой половине XIII века. Впрочем, сам Мономах в зрелые годы найдёт в себе мужество первым подать руку примирения двоюродному брату, забыв о пролитой крови.

(Ещё об одном событии этого года уникальное известие привёл в своей «Истории Российской» В.Н. Татищев. Однако достоверность его кажется даже более сомнительной, нежели предыдущего:

Михаил царь греческий^[12]... прислал ко Святославу послов со многими дарами и обещаниями, прося его и Всеволода о помощи на болгар и курсунян. Святослав же, согласившись со Всеволодом, хотел на болгары сам идти со сынами, а Владимира сыновца^[13] и с ним сына Глеба послал на курсунян. Но вскоре, сам разболевшись, послов отпустил с тем, что сам немедленно пойдёт или сынов своих пошлет. По смерти же Святослава пришла от греков весть, что Михаил умер, а царство принял Микифор^[14]. Всеволод же войско всё разпустил в дома и сына Владимира из Курсуня возвратил...

(75. С. 91—92)

О восстании в Болгарии, но ранее, в 1072—1073 годах, сообщают и византийские источники. А вот об отпадении в эти годы Херсонеса, или Курсуня, — византийской колонии в Крыму — никакими сведениями мы не располагаем. Кроме того, хронология походов Владимира Мономаха в 1077—1078 годах более или менее известна, и она не оставляет места для упомянутого Татищевым военного предприятия. Между тем известие о походе Владимира на Курсунь под разными годами повторяется во многих позднейших источниках. В посмертной, легендарной истории Владимира Мономаха это сыграет немаловажную роль).

...Внезапная смерть Святослава 27 декабря 1076 года от неудачной операции («резанья желве», то есть нарыва) кардинально изменила расстановку политических сил на Руси...

Год 1077

Смоленск. Новгород. Полоцк

1 января 1077 года отец Владимира Всеволод занял освободившийся киевский престол. Сам Владимир получил в княжение Смоленск. Союз с Польшей со смертью Святослава (а возможно, и ещё раньше) прекратил своё существование. Этим не преминул воспользоваться Изяслав, имевший на руках такой сильный козырь, как послание папы Григория VII польскому князю Болеславу II. Ещё в 1076 году он вернулся в Польшу, а в мае 1077 года вместе с польским войском двинулся на Русь. Всеволод выступил ему навстречу к Волини. Начались переговоры, завершившиеся заключением мира. 15 июля Изяслав по соглашению с братом занял Киев, а Всеволод получил Чернигов. Надо думать, что сговорчивости Всеволода в немалой степени способствовало то обстоятельство, что ещё 4 мая Чернигов попытался захватить его племянник Борис, сын бывшего смоленского князя Вячеслава Ярославича. *«И бысть княженья его 8 дни, — сообщает о Борисе летописец, — и бежа Тмутороканю...»* Есть основания предполагать, что именно Владимиру пришлось изгонять из Чернигова своего двоюродного брата (прямо об этом сообщает В.Н. Татищев). Тмуторокань — русский форпост на Тамани, центр небольшого княжества, которым тогда владел сын Святослава Ярославича Роман. Здесь, на дальней окраине Русского государства, отделённой от остальной Руси безбрежной Степью, собирались силы, в равной мере враждебные и Изяславу, и Всеволоду.

Пошатнулись позиции и других сыновей Святослава. Олег, как уже говорилось, княжил во Владимире-Волынском, но дни его княжения здесь были сочтены. *«Олегъ же сынъ Святославль бе у Всеволода Чернигове», —* сообщает летопись, и из этих слов трудно понять, в каком положении он там оказался — желанного гостя или фактического пленника. Старший сын Святослава Глеб княжил в Новгороде. Изяслав претендовал и на этот город, но пока что Глеб был нужен ему в качестве новгородского князя. Объяснялось это просто: притязаниями на Новгород общего врага всего Ярославова рода, полоцкого князя Всеслава Брячиславича, с которым некогда воевали Изяслав и его сыновья и с которым теперь воевал Глеб Святославич. Ещё до вокняжения Изяслава в Киеве, зимой 1077 года, *«на весну»*, Владимир был послан отцом к Новгороду — на помощь Глебу и для борьбы с Всеславом. Об этом, равно как и о других событиях этого и последующих лет, рассказывает сам Мономах в «Поучении»:

...И Святослав умер, и я опять пошёл к Смоленску, а из Смоленска той же зимой, на весну, — к Новгороду: Глебу в помощь. А летом с отцом под Полоцк. А на другую зиму со

Святополком под Полоцк: Полоцк сожгли — он пошёл к Новгороду, а я с половцами, воюя, на Одреск^[15], и затем к Чернигову...

(45. Стб. 247)

Поражение Всеслава, по-видимому, предрешило участь Глеба. Изгнанный новгородцами, он погиб в походе на чудь 30 мая 1078 года. Но ещё раньше — сразу же после совместного с Владимиром полоцкого похода — новгородский стол занял сын Изяслава Святополк.

Вот ещё один князь, с которым судьба накрепко свяжет Владимира Мономаха. Долгие годы Владимир и Святополк будут то враждовать друг с другом, то примиряться и совершать совместные походы. Но чувство острого соперничества останется у них на всю жизнь.

Год 1078

Чернигов. Смоленск. Нежатина Нива

Пасху 1078 года (8 апреля) Владимир встречал у отца в Чернигове. Здесь же пребывал и выведенный Всеволодом с Волыни (или приглашённый им для участия в праздничных торжествах?) Олег Святославич. Черниговская резиденция Мономаха располагалась на Красном дворе, где Владимир устроил обед, на который пригласил и отца, и двоюродного брата. Едва ли его целью не было примирение двух близких ему людей.

Из «Поучения» Владимира Мономаха

И снова из Смоленска пришёл к отцу в Чернигов. И Олег пришёл, выведенный из Владимира. И позвал его к себе на обед, с отцом, в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу 300 гривен золота.

(45. Стб. 247)

Это очень большая сумма. В переводе на более привычное для древней Руси серебро она равнялась трём тысячам гривен. По подсчётам историка Б.А. Романова, такую сумму составляла вся доходная часть годового бюджета Смоленского княжества в середине XI века (43. С. 523). В литературе уже давно было высказано предположение, что это мог быть

залог за Олега, некое обеспечение его лояльности по отношению к Всеволоду Ярославичу (184. С. 110—111). Но если так, то Владимир просчитался. По-видимому, именно на Красном дворе между князьями произошла ссора, имевшая роковые последствия.

Из «Повести временных лет»

Олег же, сын Святославов, был у Всеволода в Чернигове. В лето 6586 (1078). Бежал Олег, сын Святославов, в Тьмуторокань от Всеволода месяца апреля, [10-го числа]^[16]...

А далее Олег объединился со своим двоюродным братом Борисом Вячеславичем. Ставшие «изгоями», но не желавшие мириться со своей участью, князья собрали войско и двинулись к Чернигову. Войско их по большей части состояло из половцев — злейших врагов Руси. Набрать иных ратников в далёкой Тьмуторокани было попросту не из кого. Стоит сказать о том, что практика привлечения половцев и использования их в междоусобных войнах именно в эти годы становится всеобщей. Ещё прежде Олега прибегал к ней и Мономах — в частности во время недавней войны с Всеславом Полоцким. Но более других отличился в этом отношении именно Олег Святославич, не случайно получивший впоследствии прозвище «Гориславич» (77. С. 56) — по тем бедам и горестям, которые приносили его военные предприятия Русской земле.

В то время, когда... Владимир сидел в Смоленске, привели Олег и Борис поганых^[17] на Русскую землю и пошли с половцами на Всеволода. Всеволод же вышел против них на Сожицу^[18], и победили половцы русь, и многие убиты были тут... [месяца августа]^[19] в 25-й день. Олег же и Борис пришли к Чернигову, думая, что одолели, а земле Русской много зла принесли, пролив кровь христианскую...

(45. Стб. 200)

Суть конфликта между Всеволодом и Олегом предельно ясна — притязания обоих князей на Чернигов. Олег стремился завладеть им как городом своего отца, тем более что Святослав, несмотря на то, что умер киевским князем, был погребён — очевидно, по собственному завещанию — в кафедральном черниговском Спасском соборе. Всеволод же, в соответствии с понятиями своего времени, считал, что Чернигов должен

принадлежать ему по праву старшинства. Ибо он, добровольно уступив Киев старшему брату, занял то место, которое ранее, в период «триумвирата» Ярославичей, занимал Святослав. Таким образом, столкновение двух князей — старшего и младшего, дяди и племянника — отражало столкновение двух принципов наследования или даже, шире, двух принципов политического устройства Руси — старого, основанного на родовом владении Русью всеми князьями Рюриковичами («родовом сюзеренитете»), и относительно нового, основанного на «отчинном» владении землями.

Конфликт между двумя этими началами в политической жизни Руси с особой силой проявится позднее. Но именно притязания князя Олега Святославича на «отчий» Чернигов стали наиболее зримым его воплощением. И исторический парадокс — а возможно, историческая закономерность — заключается в том, что князю Владимиру Мономаху, более других отдавшему борьбе с Олегом и ставшему его главным, историческим противником, суждено будет в конечном итоге проводить в жизнь и утверждать те самые принципы, которые первоначально отстаивал Олег.

Что же касается Бориса Вячеславича, то он, очевидно, претендовал на «отчий» Смоленск — город, в котором княжил сам Мономах. Но мы уже видели, что притязания Бориса простирались и на Чернигов, который он однажды уже попытался занять. Так что одержи они с Олегом победу над Всеволодом — и с большой вероятностью можно предполагать, что рано или поздно между ними вспыхнул бы кровавый конфликт за этот город.

В конце августа 1078 года Владимир выступил во главе своей дружины из Смоленска к Переяславлю на помощь отцу. Он сам вспоминал позднее о трудностях этого похода:

...И снова из Смоленска же придя, прошёл с боем сквозь войска половецкие к Переяславлю, и отца встретил, из похода вернувшегося^[20]. И снова ходили в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову: биться с Борисом, и победили Бориса и Олега...

(45. Стб. 248)

Но сначала из Переяславля вместе с отцом Владимир направился в Киев к Изяславу, который выразил готовность помочь брату в войне с племянниками. «Если будет нам причастье в Русской земле, то обоим, —

приводит его слова летописец, — *если лишены будем, то оба*». Объединённая рать четырёх князей — Изяслава, его второго сына Ярополка (старший, Святополк, оставался в Новгороде), Всеволода и Владимира Мономаха — подступила к Чернигову. Несмотря на отсутствие в городе Олега и Бориса, черниговцы отказались сдать город, и начался штурм. Летопись, рассказывая об этом, особо выделяет действия Мономаха:

...И подошли к Чернигову, и черниговцы затворились в городе. Олега же и Бориса не было там. Так как черниговцы не отворили город, приступили к городу. Владимир же приступил к восточным воротам, от Стрижени^[21], и захватил ворота, и взял внешний город, и сжёг его; люди же вбежали во внутренний город...

(45. Стб. 201)

Развить успех князьям помешало известие о подходе Олега и Бориса со вновь набранными половецкими ратями. 3 октября 1078 года в битве на Нежатиной Ниве, недалеко от Чернигова, старшие князья одержали решительную победу. Правда, досталась она очень дорогой ценой: на поле брани пал киевский князь Изяслав Ярославич, убитый ударом копья в спину — возможно, кем-то из своих. Ещё раньше в битве погиб и один из зачинщиков усобицы князь Борис Вячеславич, который, если верить летописи, воинственностью превосходил даже Олега. Сам же Олег с остатками дружины бежал в Тмутарокань.

Для Всеволода и его сына это стало победой вдвойне. Всеволод как старший в роде занял киевский престол, сохранив за собой и Чернигов, и Переяславль: *«переима власть русскую всю»*, по выражению летописца. Чернигов достался Владимиру, сохранившему за собой и Смоленск^[22]; Переяславль — его младшему брату Ростиславу. В Чернигове Владимир будет княжить почти шестнадцать лет, до 1094 года.

Сыновья Изяслава сохранили за собой часть отцовских владений — но уже в качестве дарения от Всеволода. Ярополка Всеволод посадил на княжение во Владимире-Волынском, придав ему Туров. Святополк же княжил в Новгороде до 1088 года, когда Всеволод, после смерти Ярополка, перевёл его в тот же Туров, посадив на княжение в Новгород своего двенадцатилетнего внука Мстислава, сына Владимира Мономаха.

За Святославичами остался единственный удел: удалённая от Руси Тмутарокань. Но и её Всеволод — правда, ненадолго — сумел прибрать к

рукам. В следующем, 1079 году князь Роман Святославич привёл на Русь половцев, но у Переяславля Всеволод заключил с ними мир, и половцы отступили. На обратном пути между ними и Романом вспыхнула ссора, в результате которой Роман был убит. Трудно удержаться от предположения, что ссора эта была инспирирована киевским князем, хотя сам Олег позднее обвинял в убийстве брата тьмутороканских хазар (остатки прежнего хазарского, скорее всего иудейского, населения Тьмуторокани). В том же году хазары захватили в плен самого Олега и отправили его в Византию. О том, что их действия были согласованы со Всеволодом, свидетельствует тот факт, что хазары не оказали никакого сопротивления присланному из Киева посаднику Ратибору. В Византии Олег проведёт почти четыре года, женится на представительнице византийского аристократического рода Феофании Музалон и в 1083 году вернёт себе Тьмуторокань, захваченную к тому времени двумя другими русскими князьями-«изгоями» — Давыдом Игоревичем и Володарем Ростиславичем^[23]; *«и седе Тмуторокани, и исече козары... а Давыда и Володаря пусти»*.

Год 1080

Чернигов

Из «Повести временных лет»

Пошли торки переяславские войной на Русь. Всеволод же послал [против них] сына своего Владимира. Владимир же, пойдя, победил торков.

(45. Стб. 204)

В годы киевского княжения Всеволода Ярославича (1078—1093) Владимир становится по существу соправителем отца. Он принимает участие во всех важнейших политических акциях, осуществляет на практике политику отца, а нередко и сам решает судьбы отдельных княжеств и их правителей. По его собственным словам, за эти пятнадцать лет он до ста раз совершал стремительные переезды из Чернигова в Киев, умудряясь преодолевать 130 вёрст, разделявших два города, всего лишь за день. Победа над «заратившимися» торками — не единственное его достижение этих лет. Годом раньше или, может быть, позже, в ответ на нападение Всеслава Полоцкого на Смоленск, он совершает очередной

поход на Всеслава и опустошает его земли. Затем воюет с половцами, разорившими Стародуб, причём в его войске, наряду с черниговцами, присутствуют союзники из тех же половцев и торков (так называемые «свои поганые»). В течение двух зим подряд Владимир ходит войной в непокорную Вятичскую землю, а затем снова воюет с половцами и тем же Всеславом. Обо всех этих походах мы знаем исключительно из «Поучения» Владимира Мономаха, а потому точная их датировка, к сожалению, невозможна.

Год 1083(?)

Карпаты (?)

Ещё один — но, как представляется, мифический — поход Владимира.

Из «Истории Российской» В.Н. Татищева

Царь немецкий Генрик^[24] прислал ко Всеволоду посла своего бискупа^[25] Адельберта из Олмуца со многими дарами о дружбе и любви, прося Всеволода на угорского короля Гейса^[26] о помощи. Всеволод же, немедля собрав войска, с сыном Владимиром да сыновцы его Давид и Ярополк, совокупяся, шли к горам^[27]. А наперед к Гейсу Всеволод послал воеводу своего Чудина говорить, чтобы Гейс с царем примирился. А Гейс прислал от себя послов, бана^[28] со многими дарами, прося, чтоб Всеволод ему помог на царя, показуя, что Генрик ему многие обиды чинит. И Всеволод, не хотя войск своих тратить, велел Чудину ехать к царю с Гейсовым человеком и просить о мире, а сам от гор возвратился в Киев.

(75. С. 94)

В одном из списков «Истории Российской» весь этот текст помещён на вклейке. В более ранних рукописях Татищева, равно как и в западных или средневековых русских источниках, ни о чём подобном не сообщается.

Год 1084

Владимир-Волынский. Минск

Больше всего хлопот Всеволоду, а значит, и Владимиру доставляли в

эти годы не половцы, не торки и даже не воинственный полоцкий князь Всеслав, а собственные ближайшие родичи — младшие князья «Ярославова племени», буйная поросль Святославичей, Игоревичей и Ростиславичей, которые вынуждены были силой оружия отстаивать свои права на владение хотя бы частью отцовских и дедовских земель.

Противостояние племянников и дядьёв — едва ли не главное содержание русской истории XI— XII веков. Время Всеволода — одна из высших точек этой борьбы. Не случайно киевский летописец в посмертной эпитафии князю писал: *«Печаль бысть ему от сыновець (племянников. — А.К.) своихъ, яко начаша ему стужати (здесь: досаждать. — А.К.), хотя власти... сеи же омиряя их, раздавая власти имъ»*. И действительно, Всеволоду приходилось постоянно сталкиваться с притязаниями племянников на те или иные волости. А проводником его политики в большинстве случаев оставался Владимир.

Из «Повести временных лет»

Приходил Ярополк ко Всеволоду на Пасху^[29]. В то же время выбежали двое Ростиславичей от Ярополка. И, придя, прогнали Ярополка. И послал Всеволод Владимира, сына своего, и [тот] выгнал Ростиславичей и посадил Ярополка во Владимире.

(45. Стб. 205)

Осенью того же года вместе с союзными половцами Мономах совершил карательный поход на Минск — город Всеслава Полоцкого — и полностью перебил или угнал в полон его население: *«...и не оставили в нём ни челядина, ни скотины»*, — как сам он вспоминал в «Поучении», очевидно, ставя себе это в заслугу. Жестокость в отношении полоцких князей, а заодно и подвластного им населения Полоцкой земли, и позднее будет отличительной чертой походов как самого Владимира Мономаха, так и его сыновей.

Ну а зимой того же года — очевидно, от имени своего отца — Владимир утвердился в «великой любви» с Ярополком; правда, условия этого соглашения нам неизвестны. Тогда же Ростиславичи получили во владение Перемышль — город на реке Сан на самом западе Русской земли — между прочим, часть бывшей волости Ярополка. В том же году Всеволод наделил княжением ещё одного своего беспокойного племянника — князя Давыда Игоревича, который получил город Дорогобуж, некогда принадлежавший отцу Ярополка Изяславу. Не исключено, что именно

этими дарениями Всеволода в землях, которые Ярополк считал своими, и объясняется то, что произошло в следующем году: Ярополк Изяславич, обязанный Всеволоду своим владимирским княжением, начал против него войну.

Год 1085

Луцк. Владимир-Волынский. Киев

Ярополк же хотел выступить против Всеволода, послушав злых советчиков. Узнав об этом, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Луцке, бежал в Польшу. Владимир же пришёл к Луцку, и лучане сдались. Владимир посадил Давыда^[30] во Владимире, вместо Ярополка, а мать Ярополкову, и жену его, и дружину его привёл в Киев, и имущество его взял.

(45. Стб. 205)

Год 1087

Владимир-Волынский. Чернигов. Киев

Лишь два года спустя, в 1087 году, Ярополк примирился с Всеволодом. Мономах совершил ещё один поход на Волынь: заключил мир с Ярополком, вернул ему Владимир-Волынский (выведя Давыда, скорее всего, обратно в Дорогобуж), а сам возвратился в Чернигов. Но помимо Ярополка и Давыда, на главный город Волынской земли по-прежнему претендовали братья Ростиславичи. Через несколько дней после возвращения из Польши, 22 ноября, Ярополк был убит в пути — как все полагали, по наущению Рюрика и Володаря Ростиславичей (именно в Перемышль, к Рюрику, бежал убийца Ярополка — «треклятый» Нерадец). Тело убитого князя перевезли во Владимир-Волынский, а оттуда — в Киев.

...И вышли ему навстречу благоверный князь Всеволод со своими сыновьями Владимиром и Ростиславом, и все бояре, и блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и со священниками, и все киевляне; великий плач совершили над ним, с псалмами и с песнопениями проводили его до [монастыря] Святого Димитрия^[31]; обрядив тело его, с честью положили в

мраморной раке месяца декабря в 5-й день в церкви Святого апостола Петра, которую сам начал строить прежде...

(46. Стб. 198)

Владимир-Волынский вновь перешёл к Давыду. У Ростиславичей же остались Перемышль (после смерти Рюрика в 1092 году его унаследует Володарь), а также Теревовль — город на реке Серет, в Галицкой земле, куда будет посажен на княжение младший из Ростиславичей, энергичный и воинственный Василий (Василько).

Нетрудно увидеть, что действия Всеволода в эти годы носили спонтанный и во многом вынужденный характер. Примиряя племянников, ему постоянно приходилось идти на уступки и компромиссы. Киевское государство как единая держава, попросту говоря, трещало по швам, и Всеволоду с трудом удавалось сохранять видимость мира.

Владимиру приходилось воевать очень часто — и с русскими князьями, и с половцами. О каких-то неизвестных из летописи походах, совершённых ещё до примирения с Ярополком, Владимир вспоминал в «Поучении»:

...И когда ехали к Прилуку городу^[32], встретили нас внезапно князья половецкие, [с] восемью тысячами; и хотели мы с ними биться, но оружие отослали вперёд на повозках. И вошли в город — только семца одного живым захватили да нескольких смердов; наши же их больше перебили и захватили, и не смели те коней в повод взять и той же ночью бежали к Суле. И наутро, на Госпожин день^[33], пошли к Белой Веже^[34], и Бог нам помог и Святая Богородица: перебили 900 половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, — Асиня и Сакзя, и только два человека убежали. И потом к Святославлю гнались за половцами, а потом к Торческу, а потом к Юрьеву за половцами. И опять на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом, с Ростиславом же^[35], у Варина вежи захватили...

(45. Стб. 248—249)

Год 1089

Киев

Из «Повести временных лет»

Освящена была церковь Печерская Святой Богородицы Феодосьева монастыря... при благородном, державном князе Русской земли Всеволоде и при детях его Владимире и Ростиславе...

(45. Стб. 207—208)

Год 1092

Чернигов. Киев

...В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что «продали гробов от Филиппова дня до мясопуста 7 тысяч»^[36]. Было же это за грехи наши, ибо умножились грехи и неправды наши...

(45. Стб. 215)

Возможно (хотя это не более чем предположение), именно во время этого «мора» тяжело заболел князь Владимир Всеволодович. О его болезни и чудесном выздоровлении (правда, без каких-либо точных дат) рассказывается в Патерике киевского Печерского монастыря, в Слове об Агапите, безмездном враче^[37]. Косвенные датировки, содержащиеся в этом рассказе, позволяют датировать болезнь Владимира временем между 1088 и 1093 годами:

О святом и блаженном Агапите, безмездном враче. Слово 27-е

...В те же дни разболелся князь Владимир Всеволодович Мономах. И стал врачевать его армянин^[38], но ни в чём не преуспел, и ещё больше усилился недуг его. И уже будучи при кончине, посылает [Владимир] с мольбой к Иоанну, игумену Печерскому^[39], чтобы принудил тот Агапита прийти к нему, ибо княжил тогда он в Чернигове. Игумен же, призвав Агапита, повелевает ему идти в Чернигов. И отвечал блаженный: «Если к князю иду, то и ко всем иду; не быть тому, чтобы я ради славы человеческой вышел за монастырские ворота и нарушил обет свой, который дал пред Богом, чтобы быть мне в монастыре до

последнего издыхания. Если же изгонишь меня, пойду в иную землю [и] возвращусь потом, когда минует сия напасть». Ибо никогда не выходил он из монастыря. Посланный же от князя, видя, что он не хочет идти, стал умолять монаха, чтобы тот хотя бы дал ему снадобье. И тот, принуждённый игуменом, дал ему снадобье от своей еды, чтобы дать больному. И когда князь вкусил снадобье, то тут же выздоровел.

Владимир же пришёл в Киев и явился в Печерский монастырь, для того чтобы почтить монаха и увидеть того, кто даровал ему снадобье и, с Божьей помощью, здоровье (ибо никогда не видел его), собираясь одарить его имуществом. Агапит же, не желая славы, укрылся от него. Князь же принесённое ему золото отдал игумену. После этого Владимир послал к блаженному одного из своих бояр со многими дарами. Боярин нашёл того в келии и положил перед ним принесённые дары. И отвечал тот: «О, чадо! Никогда и ни от кого ничего я не брал — неужели теперь погублю дар свой ради золота, которое не требую ни от кого?!» И отвечал боярин: «Отче! Ведает пославший меня, что не требуешь ты этого. Но ради меня утешь сына своего, которому даровал, о Бозе, здравие. Прими это и раздай нищим!» И отвечал старец: «С радостью приму ради тебя, как будто бы требуется мне. Пославшему же тебя скажи: “Всё, что имел, — чужое; отходя из этого мира, ничего не сможешь взять с собою. Ныне же раздай всё, что имеешь, нуждающимся, ибо для этого избавил тебя Господь от смерти; сам же я ничем бы тебе не помог. И не могли послушаться меня, не то опять пострадаешь”». И взял Агапит принесённое золото, вынес его из келии, бросил, а сам скрылся. И когда вышел боярин, увидел он, что все принесённые им дары брошены, и взял их, [и] отдал игумену Иоанну. И рассказал князю всё о старце. И уразумели все, что то истинный раб Божий. Князь же не посмел послушаться старца и, по слову блаженного, раздал всё своё имущество нищим.

(2. С. 130—131)

Год 1093

Киев. Чернигов. Река Стугна

Возможно, начавшаяся в прошлом году эпидемия и стала причиной смерти князя Всеволода Ярославича, отца Мономаха.

Из «Повести временных лет»

Преставился великий князь Всеволод, сын Ярославов, внук Владимиров, месяца апреля в 13-й день, а погребён был в 14-й день. Была тогда Страстная неделя, и день был четверг, в который положен он был в гроб в великой церкви Святой Софии...

Когда же совсем разболелся (Всеволод. — А.К.), послал за сыном своим Владимиром в Чернигов. Приехал Владимир, увидел его совсем больного и расплакался. И когда сидели рядом с ним Владимир и Ростислав, сын его младший, пришёл час, и преставился тихо и кротко... Владимир же с Ростиславом, братом своим, оплакав, обрядили тело его. И собрались епископы, и игумены, и черноризцы, и священники, и бояре, и простые люди, [и], взяв тело его, с полагающимися песнопениями положили его в Святой Софии, как уже сказали прежде.

Владимир же начал размышлять, так говоря: «Если сяду на столе отца своего, то придётся воевать со Святополком, потому что был это прежде стол отца его». И, рассудив, послал за Святополком в Туров, а сам пошёл к Чернигову, а Ростислав — к Переяславлю. И после Пасхи, по прошествии Светлой седмицы, в день антипасхи, месяца апреля в 24-й день, пришёл Святополк в Киев...

(45. Стб. 215—218)

В добровольной уступке Киева двоюродному брату исследователи нередко видят один только политический расчёт Мономаха, понимавшего, что киевляне не готовы принять его на княжение. Для такого мнения имеются основания: долгое киевское княжение Всеволода Ярославича вызвало откровенную неприязнь к нему населения, страдавшего — особенно в последние годы жизни князя — от грабежей и притеснений его бояр и дружинников; *«и людем не доходити княже правды»*, как с горечью замечает по этому поводу летописец. Владимир, несомненно, должен был принимать во внимание эту ситуацию. Но, с другой стороны, почему мы должны сомневаться в искренности его поступка? Он действительно уступал Киев «старейшему» в роде и действительно надеялся избежать кровопролития, пагубность которого наглядно продемонстрировали

предшествующие события.

Этот добровольный уход в Чернигов открыл чёрную полосу в жизни Владимира Мономаха — полосу жесточайших неудач, безвозвратных утрат и горьких разочарований. Но случилось так, что именно в этот, тяжелейший для себя период Владимир сумел утвердить свой нравственный и политический авторитет в русском обществе, стать не просто одним из наиболее влиятельных, но, несомненно, самым влиятельным из русских князей — во всяком случае, именно таким изображает его летописец. Это тоже парадокс, более похожий на закономерность — но уже не столько историческую, сколько человеческую. Ибо только люди по-настоящему выдающиеся оказываются способны не просто держать удары судьбы, но даже поражения превращать в победы.

Спустя несколько дней после вступления Святополка в Киев началась новая большая война с половцами, принёсшая много несчастий и княжескому семейству, и всему населению Руси. Виновником случившегося летопись называет киевского князя Святополка Изяславича, который повелел бросить прибывших к нему половецких послов в темницу. А между тем всякий раз после смены князя в Киеве половцы требовали перезаключения с ними мирного договора, считая себя свободными от прежних обязательств. Как и следовало ожидать, после случившегося они начали широкомасштабные военные действия, и освобождение послов из темницы уже ничего не смогло изменить. Святополку пришлось обратиться за помощью к Владимиру Мономаху. Тот вместе с младшим братом Ростиславом немедленно прибыл в Киев. Переговоры между князьями проходили в Михайловском Выдубицком монастыре, основанном отцом Владимира и Ростислава князем Всеволодом Ярославичем. Уже тогда, по свидетельству летописца, между князьями начались *«распря и споры»*: Владимир предлагал заключить с половцами мир, а Святополк настаивал на войне. Впоследствии В.Н. Татищев объяснял неуступчивость Святополка исключительно его скупостью и нежеланием «по обычаю» платить половцам за мир. Насколько это справедливо, сказать трудно. Во всяком случае, Святополку удалось настоять на своём и князья приняли решение о совместных военных действиях.

Между прочим, решение это было принято не без вмешательства неких *«смысленых мужей»* — очевидно, из числа киевлян. Именно в их уста летописец вкладывает слова, которые впоследствии не раз будут звучать на страницах летописи и станут, можно сказать, программными для Владимира Мономаха. Произнесённые же в первый раз, они были обращены именно к Владимиру и его двоюродному брату Святополку:

«Почто вы ссоритесь между собою? А поганые губят землю Русскую!» И эти слова более всего подействовали на Владимира.

Как полководец он, несомненно, превосходил Святополка и опытом, и способностями. Гораздо лучше, чем двоюродный брат, Владимир понимал силу половцев и слабость русских, не готовых на тот момент к войне с ними. Когда русские полки подошли к реке Стугне, разлившейся в половодье, он ещё раз предложил вступить с половцами в переговоры:

«Пока здесь стоим, за рекой, угрожая, заключим мир с ними».

И присоединились к совету его разумные мужи... Киевляне же не захотели принять этот совет, но сказали:

«Хотим биться. Перейдём на ту сторону реки».

И понравился совет этот, и перешли реку Стугну, ибо была она тогда весьма многоводна.

Между тем ход событий подтвердил худшие опасения Мономаха. 26 мая 1093 года, в праздник Вознесения Господня, в битве на реке Стугне у Треполя русские князья потерпели сокрушительное поражение. Продолжим рассказ «Повести временных лет»:

Святополк же, Владимир и Ростислав, исполнив дружину, пошли [на половцев]: и пошёл на правой стороне Святополк, на левой Владимир, а посередине Ростислав. И миновав Треполь, прошли вал^[40]. И вот половцы пошли навстречу, и стрелки перед ними. Наши же, встав между валами, поставили стяги свои, и вышли стрелки из-за вала. И половцы, подойдя к валам, поставили стяги свои. И налегли сперва на Святополка, и прорвали полк его. Святополк же стоял крепко, и побежали люди его, не стерпев натиска вражеского, и после побежал Святополк. Потом стали наступать на Владимира, и был лютый бой, и побежали Владимир с Ростиславом и воины его, и прибежали к реке Стугне, и пошли Владимир с Ростиславом вброд, и начал Ростислав тонуть на глазах Владимира. И хотел тот подхватить брата своего, и едва не утоп сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же переправился через реку с малой дружиной — ибо многие из полка его пали, и бояре его тут пали, — и, перейдя на ту сторону Днепра, начал плакать по брату своему и по дружине своей; и пришёл в Чернигов в великой

печали...

...Ростислава же, поискав, нашли в реке [и], взяв, принесли его в Киев; и плакала по нему мать его, и все люди печалились о нём сильно из-за юности его. И собрались епископы, и священники, и черноризцы; отпев полагаящиеся песнопения, положили его в церкви Святой Софии, возле отца его.

(45. Стб. 219—221)

Так Мономах потерпел, пожалуй, самое жестокое поражение в своей жизни и к тому же лишился самого близкого себе человека — брата.

Обсуждая жестокое поражение русских войск и смерть Ростислава, в Киеве, наверное, говорили и о другом. Как раз накануне битвы, когда князья съехались в Киев, на берегу Днепра произошла ссора между дружинниками Ростислава и печерским иноком Григорием — человеком в Киеве известным и уважаемым. В результате этой ссоры Григорий был убит — и убит по личному приказанию Ростислава.

Из Киево-Печерского патерика

Случилось однажды в монастыре, что из-за падения животного осквернился сосуд, и потому преподобный Григорий спустился к Днепру за водой. В это время прибыл сюда князь Ростислав Всеволодович, направлявшийся в Печерский монастырь за молитвой и благословением, ибо он вместе с братом своим Владимиром должен был идти в поход против половцев. Увидев старца, отроки его начали насмехаться над ним, бросая обидные слова. Монах же, уразумев, что всех их ждёт скорая смерть, так стал говорить: «О, чада! Когда следовало бы вам смирение иметь и многих молитв от всех искать, вы ещё большее зло совершаете, что неугодно Богу. Лучше о своей гибели плачьте и кайтесь в своих прегрешениях, чтобы в день Страшного суда получить прощение, ибо уже постиг вас суд: все вы в воде умрёте вместе с князем вашим». Князь же, страха Божия не имея, не принял в сердце словеса преподобного, посчитав, что пустое он говорил, когда пророчествовал о нём, и воскликнул: «Мне ли, умеющему плавать, предсказываешь смерть от воды?!» И, разгневавшись, повелел князь связать ему руки и ноги, и повесить камень на шею его, и бросить в воду. И так утоплен был он...

Ростислав же не почёл за грех [содеянное им] и от ярости не пошёл в монастырь... Владимир же пришёл в монастырь ради молитвы. И когда были они у Треполя и сошлись полки, побежали князья наши от лица врагов. Владимир же переправился через реку по молитвам святых и по благословению их, а Ростислав утонул со всеми своими воинами, по слову блаженного Григория. Ибо сказано: «Каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7, 2)...

(2. С 137—138)

Поражение русских князей имело тяжелейшие последствия. Нашествия 1093 года и трёх последующих лет стали едва ли не самыми страшными в истории домонгольской Руси. 23 июля Святополк потерпел ещё одно поражение, на этот раз вблизи самого Киева. После долгой осады половцам удалось взять город Торческ (или Торкский) — важную крепость на реке Рось, населённую в основном торками, подвластными киевскому князю, а также какие-то иные, не названные летописцем города. Полностью разорены были окрестности Киева, население уведено в плен или перебито. Летописец с горечью писал о бедствиях «христианского рода», рисуя едва ли не апокалиптические картины: *«Сотвори бо ся плачь великъ в земли нашей, опустеша села наша и города наши, быхом бегаючи пред врагы нашими»*. И далее — вызывающее острую жалость описание мучений сотен русских пленников, уводимых в рабство:

Страждущие, печальные, мучимые стужей, закованные, в голоде, и в жажде, и в беде, осунувшиеся лицами, почерневшие телом, в стране незнаемой, с языком воспалённым, нагие и босые, с ногами, истерзанными тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», или другой: «А я из той веси»; так вопрошали они друг друга со слезами, называя род свой, и вздыхали, возводя очи к небу, к Всевышнему, ведающему тайное...

(45. Стб. 222, 225)

Мир с половцами был заключён лишь в следующем году, причём для того, чтобы его добиться, вдовцу Святополку пришлось жениться на дочери

половецкого хана Тугоркана.

Год 1094

Чернигов. Переяславль

В нашествие 1093 года Чернигов не пострадал. Однако зложключения для Владимира ещё далеко не закончились. Летом следующего, 1094 года войну против него начал князь Олег Святославич, вновь приведший на Русь половцев. Как и шестнадцать лет назад, объектом его притязаний стал «отчий» Чернигов.

Из «Повести временных лет»

В том же году пришёл Олег с половцами из Тмуторокани [и] подступил к Чернигову. Владимир же затворился в городе. Олег же пришёл к городу, и сжёг окрестности города, и монастыри сжёг. И заключил Владимир мир с Олегом, и пошёл из города на отцовский стол, в Переяславль, а Олег вошёл в город отца своего. Половцы же начали воевать окрестности Чернигова, а Олег не возбранял им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз привёл он поганных на землю Русскую, да простит ему Бог грех его, потому что много христиан загублено было, а другие в плен взяты и расточены по землям.

В то же лето пришла саранча на Русскую землю, месяца августа в 26-й день, и поела всякую траву и много жита. И не слыхано было того с первых дней в земле Русской, что видели очи наши, за грехи наши...

(45. Стб. 226)

Нападение Олега стало ещё одним следствием стугнинской катастрофы. И дело даже не в том, что Владимир потерял в битве с половцами большую часть своей дружины. Гибель Ростислава сделала его обладателем сразу двух главнейших княжеских центров Руси — Чернигова и Переяславля. Такая ситуация была возможна, пока Киевом владел отец Владимира Всеволод. Но теперь киевский престол занял Святополк, а его едва ли могло устраивать столь значительное усиление Владимира. У самого же Владимира сил на оборону и Чернигова, и Переяславля попросту не было. И Владимир вновь уступил.

Сам он в «Поучении» так вспоминал об этом:

И потом Олег пришёл на меня с половецкой землёю к Чернигову; и билась дружина моя с ними в течение восьми дней у малого вала и не дала им [войти] в острог. Пожалел я души христианские, и сёла горящие, и монастыри и сказал: «Да не похвалятся поганые!», и отдал брату стол отца его, а сам пошёл на стол отца своего к Переяславлю. И вышли из Чернигова на день святого Бориса^[41], и ехали сквозь полки половецкие, меньше ста человек с детьми и с жёнами, а [половцы] облизывались на нас, словно волки, стоя у перевоза и на горах, — Бог и святой Борис не дали меня им в добычу; невредимы дошли до Переяславля. И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею; и много бед приняли от войны и от голода...

(45. Стб. 249)

Казалось бы, вот ещё одно жестокое поражение Мономаха — поражение и военное, и политическое, и моральное. Но, удивительное дело, в итоге Владимир выиграет, а не проиграет. Признав отчинные права Олега на Чернигов, он укрепился в Переяславле — городе, в котором ему предстояло княжить в течение следующих девятнадцати лет, до перехода на великое княжение в Киев в 1113 году. Главное же заключалось в том, что он уступил не силе (хотя и силе тоже), но праву, и тем самым избавился от возможных упреков в несправедливом владении тем или иным княжеским столом. Именно эта его безупречность и сделала его в определённом смысле неуязвимым в моральном и политическом отношении и принесла ему вполне ощутимые дивиденды. Впрочем, выяснилось это несколько позже. Пока же, в 1094 году, Владимир, как можно догадываться, не считал борьбу за Чернигов законченной.

Год 1095

Смоленск. Новгород

Из Новгородской Первой летописи
Ходили Святополк и Владимир на Давыда (Святославича. — А.К.) к Смоленску, и дали Давыду Новгород.

(36. С. 19)

Князь Давыд Святославич, брат Олега, мало походил на других князей

Черниговского дома. Он отличался миролюбием и повышенной религиозностью. По словам позднейшего черниговского книжника, автора так называемого «Слова о князьях», *«тот Давыд ни с кем не имел вражды; если кто войну против него начинал, то он покорением своим войну умирал»* (7. С. 226). Когда именно Смоленск перешёл от Владимира к Давыду, неизвестно. Вероятнее всего, это стало результатом договорённости между Владимиром и Давыдовым братом Олегом.

Подчинившись своим двоюродным братьям, Давыд перешёл в Новгород, но смог продержаться здесь совсем немного. Уже в следующем году — вероятно, по инициативе самих новгородцев — князья заключили новый договор, и в Новгород вернулся сын Мономаха Мстислав, годом ранее выведенный князьями в Ростов.

Из «Повести временных лет»

...На исходе того же года^[42] Давыд Святославич пошёл из Новгорода в Смоленск. Новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем и, взяв его, повели в Новгород, а Давыду сказали: «Не ходи к нам». И, пойдя, возвратился Давыд в Смоленск и сел в Смоленске, а Мстислав сел в Новгороде.

(45. Стб. 229)

По сведениям В.Н. Татищева, вернувшись в Смоленск, Давыд Святославич выгнал из города Мономахова сына Изяслава, ранее посаженного в Смоленске отцом. Сохранившиеся летописи не сообщают о княжении Изяслава в Смоленске. Зато известно, что в том же 1095-м или в начале следующего, 1096 года Изяслав Владимирович самовольно перешёл в Муром — город, ранее принадлежавший Олегу Святославичу. *«И приняли его муромцы»*, — свидетельствует летописец. Как мы увидим, своеволие юного Изяслава Владимировича будет иметь трагические последствия — и не только для него самого, но и для его отца^[43].

Предположительно к тому же 1095 году относится женитьба Мономахова первенца Мстислава. Его родство по матери с правящими домами Скандинавии способствовало тому, что его женой стала дочь шведского короля Инге Стейнкельссона (около 1084 — около 1100) Кристина (Христина). Сыновья Мстислава — прежде всего Всеволод, Изяслав и Ростислав — прославятся впоследствии на Руси, а вот его дочери от этого брака, внучки Мономаха, получают известность в скандинавском мире.

Из Саги об Олаве Тихом

...Сыном Вальдамара и Гюды был конунг Харальд^[44], который женился на Кристин, дочери конунга Инги Стейнкельссона. Их дочерьми были Мальмфрид и Ингибьёрг. На Мальмфрид был женат сначала конунг Сигурд Крестоносец^[45], а затем Эйрик Эймун Эйрикссон, конунг данов^[46]. На Ингибьёрг Харальдсдоттир, сестре Мальмфрид, женился Кнут Лавард^[47], брат Эйрика Эймуна. Их детьми были конунг Вальдемар, и Кристин, и Катерин, и Маргарет...

(14. С. 167; перевод Т. Н. Джаксон)

Внук Мстислава-Харальда Вальдемар, будущий король Дании (1157—1182), родился через семь дней после гибели своего отца Кнута, павшего от руки двоюродного брата Магнуса Нильссона. Как полагают, своё имя он получил в честь прадеда — русского князя Владимира Мономаха.

Год 1096

Переяславль. Чернигов. Стародуб

Первые годы переяславского княжения Владимира Мономаха оказались особенно трудными из-за голода и постоянных половецких нападений. После стугнинской катастрофы и гибели брата Владимир, кажется, изменил своё отношение к половцам и стал сторонником более решительных действий против них. Переломным стало событие, произошедшее на второй год его пребывания в Переяславле.

Из «Повести временных лет»

В том же году пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру, для мира. Итларь пришёл в город Переяславль, а Кытан с воинами встал между валами. И отдал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с лучшей дружиной. В то же время пришёл к Владимиру из Киева от Святополка Славята по какому-то делу; и стала думать дружина Ратиборова^[48] с князем Владимиром о погублении Итларевой чади. Владимир же не хотел того, говоря: «Как могу сделать такое, клятву им дав?» И сказала дружина Владимиру в ответ: «Княже! Нету тебе в том греха: они же всегда, дав тебе

клятву, губят землю Русскую и беспрестанно проливают кровь христианскую». И послушал их Владимир, и в ту же ночь послал Святю с небольшой дружиной и с торками меж валов. И, выкрав сперва Святослава, потом убили они Кытана и дружину его перебили. Был же тогда вечер субботы, и Итларь лежал в ту ночь у Ратибора на дворе^[49] с дружиной своей и не ведал о том, что сотворили с Кытаном. На следующий день, в воскресенье, в час заутрени, Ратибор приготовил отроков с оружием [и] приказал им истопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой чадью, и сказал Бяндюк Итлярю: «Зовёт вас князь Владимир, так передав: “Обувшись в тёплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне”». И сказал Итларь: «Ладно». И когда вошли они в избу, то были заперты. Забравшись на избу, разобрали у ней крышу, и взял Ольбег Ратиборич лук свой, и, наложив стрелу, поразил Итляря в сердце, и дружину его всю перебили. И так зло окончил жизнь свою Итларь в неделю сыропустную, в 1-й час дня, месяца февраля в 24-й день^[50].

(45. Стб. 227—228)

Конечно же, это вероломное убийство не украшает Владимира. Однако летописец сумел найти весомый аргумент для того, чтобы оправдать князя. «*Нету в том греха*», — передаёт он слова дружины, обращённые к Владимиру, и Владимир соглашается с ними. Так интересы Русской земли и «христианского рода» перевешивают в глазах Мономаха все прочие аргументы, в том числе его же крестное целование. Позднее в своём «Поучении» он без тени сожаления вспомнит о расправе над Итларем и «Итларевой чадью».

Тем более что убийство послов стало прологом к успешному походу на половцев, который Владимир совершил совместно со Святополком в конце февраля — марте того же года. Князья выступили за Голтав (город и река в Переяславской земле) и подвергли опустошению половецкие становища («вежи»):

...И взяли вежи, и захватили скот, и коней, и верблюдов, и челядь, и привели их в землю свою.

(45 Стб. 228)

Это первый отмеченный летописью успех русских после стугнинской катастрофы. По крайней мере три его составляющие будут приносить победы русским князьям и позднее, во время русско-половецких войн XII века. Это, во-первых, согласованные действия князей, во-вторых, их наступательный, а не оборонительный характер, перенесение войны в Половецкую степь и, в-третьих, удачный выбор времени года для начала похода: именно в конце зимы — весной половецкие вежи были наиболее уязвимы из-за отсутствия кормов для лошадей. Так первый совместный успех Владимира и Святополка предопределил их будущие победы.

Правда, в те же месяцы 1096 года половцы нанесли ответный удар и сожгли Юрьев — важную русскую крепость на реке Роси. Но Святополку и на этот раз удалось заключить с ними мир.

В походе за Голтав не принял участия князь Олег Святославич. Владимир и Святополк посылали за ним в Чернигов, однако Олег, поначалу, кажется, намеревавшийся действовать заодно со своими двоюродными братьями, затем отказался от участия в войне. Более того, он укрыл у себя в Чернигове сына убитого Владимиром Итлара — кровного местника князя.

...И начали гневаться на Олега за то, что не пошёл с ними на поганых. И послали Святополк и Владимир к Олегу, так говоря: «Вот ты не пошёл с нами на поганых, которые разорили землю Русскую; а вот у тебя Итларевич: либо убей его, либо выдай нам. Он враг нам и Русской земле». Олег же не послушал того, и была между ними ненависть...

Впоследствии и в письме самому Олегу, и в «Поучении» Владимир будет объяснять причины войны исключительно связями черниговского князя с половцами. Однако есть основания полагать, что, начиная войну, он думал в том числе и о возвращении себе Чернигова. Во всяком случае, несколько позднее, в том же письме Олегу, Владимир признает за собой вину:

Если же в том я грех совершил, что пошёл на тебя к Чернигову из-за поганых, то в том каюсь...

Святополк на этот раз решительно поддержал его — быть может, опасаясь чрезмерного усиления теперь уже Олега Святославича. Летопись датирует начало войны между князьями весной 1096 года, когда Владимир и Святополк предложили Олегу приехать в Киев и заключить здесь

договор, а Олег высокомерно отказался. Но, как выясняется из рассказа того же летописца, враждебные действия в отношении Олега начались раньше. Не позднее февраля 1096 года сын Владимира Изяслав захватил принадлежавший Олегу Муром. Он действовал самовольно, но не вызывает сомнений тот факт, что его агрессивные действия укладывались в русло политики, проводимой его отцом. Ощущая неизбежность войны, Изяслав решил первым нанести удар и извлечь из этого выгоду для себя лично. Тогда же, в феврале—марте 1096 года, на княжение в Новгород, как мы знаем, был возвращён Мстислав Владимирович, что не могло восприниматься иначе как действие, враждебное по отношению к Святославичам. В апреле же Владимир и Святополк двинули войска к Чернигову.

В лето 6604 (1096). Святополк и Владимир послали к Олегу, так говоря: «Иди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми градскими, чтобы защитить Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзости, с высокомерием отвечал так: «Не подобает судить меня епископу, или игуменам, или смердам», и, послушав злых советников, не захотел идти к братьям своим. Святополк же и Владимир сказали ему: «Вот ты ни на поганых с нами не идёшь, ни на совет к нам — значит, ты замышляешь против нас и поганым помогать хочешь. Пусть Бог нас рассудит!» И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову. Олег же выбежал из Чернигова месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополк же и Владимир [гнались за ним. Олег вбежал в Стародуб и затворился там. Святополк и Владимир]^[51] осаждали его в городе. [И] бились из города крепко, а эти приступали к граду, и много было раненых с обеих сторон. И была между ними брань лютая, и стояли около города 33 дня. И изнемогли люди в городе, и вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, сказав так: «Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев, на стол отцов наших и дедов наших, ибо то есть старейший город во всей земле — Киев, там подобает нам собраться и договор заключить. Олег же обещал исполнить это, и на том целовали крест.

Эта война, как и другие междоусобные войны, дорого стоила Руси. В то время как князья осаждали Олега в Стародубе, их собственные города

подверглись нашествию половцев. В мае половецкий хан Боняк напал на Киев, а хан Куря разорил предместья Переяславля — города Мономаха. Спустя всего несколько дней после отступления Кури от Переяславля город подвергся нападению и осаде другого могущественного половецкого хана, тестя Святополка Тугоркана. Святополк и Владимир, только что вернувшиеся из Стародуба в Киев, сначала попытались разбить Боняка, а затем совершили стремительный переход от Киева к Переяславлю и внезапно атаковали половцев Тугоркана:

Святополк же и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра^[52], и пришли к Зарубу [и там] переправились, и не заметили их половцы. Бог сохранил их, и, исполчившись, пошли к городу; горожане же, увидев, обрадовались им и вышли к ним, а половцы, исполчившись, стояли на той стороне Трубежа. Святополк же и Владимир пошли вброд через Трубеж на половцев. И хотел Владимир выстроить полк; они же не послушали, но устремились на конях на врага. Увидели это половцы и побежали, а наши погнались им вослед, посекая врагов. И содеял Господь в тот день спасение великое, месяца июля в 19-й день. Побеждены были иноплеменники, и князя их убили Тугоркана, и сына его; и иные князья многие, враги наши, тут пали. На следующий же день отыскивали Тугоркана мёртвого, и взял его Святополк, как тестя своего и врага, [и], привезя его к Киеву, похоронил его...

(45. Стб. 231—232)

Но радоваться русским пришлось недолго. Уже на следующий день после переяславской победы Боняк во второй раз напал на Киев и едва не захватил город: половцы сожгли ближние к Киеву монастыри, в том числе Киево-Печерский, а также княжеский двор Всеволода Ярославича на Выдубицком холме; сотни киевлян были угнаны в плен.

Между тем Олег не считал себя побеждённым. О том, что произошло дальше, летопись содержит противоречивую информацию. По одной версии, он, как и было уговорено, направился из Стародуба в Смоленск, к брату, однако смоляне не впустили его в город. По другой — именно в Смоленске Олег набрал воинов, вместе с которыми двинулся к Мурому, против Изяслава.

Летопись приводит слова, с которыми Олег обратился к Владимирову

сыну:

Иди в волость отца своего в Ростов, а это волость отца моего. Хочу, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. Он ведь выгнал меня из города отца моего. А ты и здесь что ли не хочешь мне моего же хлеба дать?!

Олег оставался верен себе. Как никто из русских князей отстаивал он принцип отчинного владения землёй — не случайно в его послании Изяславу трижды упоминается об этом. Своё право владеть «отчиной» Олег поставил выше крестного целования, данного двоюродным братьям в Стародубе. И летописец — настроенный в целом не слишком доброжелательно к Олегу — на этот раз подчёркивает, что правда была на его стороне:

И не послушал Изяслав слов этих, надеясь на множество воинов. Олег же надеялся на правду свою, так как прав был в этом Олег, и пошёл к городу с воинами. Изяслав же исполнился перед городом на поле. Олег же пошёл на него полком, и сошлись полки, и был жестокий бой. И убили Изяслава, сына Владимирова, внука Всеволодова, месяца сентября в 6-й день. Прочие же воины побежали: одни через лес, другие в город. Олег же вошёл в город, и приняли его горожане. Изяслава же, взяв, положили в монастыре Святого Спаса, а оттуда перенесли в Новгород, и положили его в Святой Софии, на левой стороне...

Смерть двоюродного племянника (и скорее всего, крестника) не остановила Олега. Не ограничился он и восстановлением своей власти над Муромом. Продолжая военные действия, Олег захватил также Суздаль и Ростов — «отчину» уже Мономаха:

И когда пришёл к Суздалью, суздальцы сдались ему. Олег же, смилив город, одних схватил, а других расточил^[53] и имущество у них отнял. И пришёл к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посадил посадников по городам, и дани начал собирать.

Действия Олега отчасти объяснялись тем, что недавний ростовский князь Мстислав Владимирович после недолгого пребывания здесь ушёл

обратно в Новгород и Ростовская земля стала рассматриваться как своего рода «ничейная». Но принадлежала-то она Мономашичам! Захватив её, Олег нарушил принцип, который отстаивал ранее и который единственный мог оправдать начатую им войну. Более того, когда сын Мономаха Мстислав предложил ему мир, обещая выступить посредником в его переговорах с отцом (*«Иди из Суздаля в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиной своей пошлю молить к отцу моему и помирю тебя с отцом моим»*), Олег отказался и заявил о своих притязаниях уже на Новгород. Новгородцы, однако, поддержали Мстислава и вошли в состав его войска, выступившего навстречу Олегу.

Мстислав же пришёл на Волгу. И сказали ему, что Олег отступил к Ростову, и Мстислав пошёл за ним. Олег же пришёл к Суздалю. И услышал Олег, что идёт за ним Мстислав, и повелел поджечь город Суздаль; только остались двор монастырский Печерского монастыря и церковь тамошняя Святого Димитрия... Олег же побежал к Мурому, а Мстислав пришёл к Суздалю и, сев тут, стал посылать к Олегу, прося мира, говоря: «Я младше тебя. Посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, возврати; а я тебе во всём послушен».

(45. Стб. 238)

Но и этой возможностью закончить дело миром Олег не воспользовался. Уже в феврале следующего, 1097 года он возобновит военные действия — но потерпит поражение. Исход битвы «на Кулачице», близ Суздаля, решат два фактора: энергичные действия Мстислава и своевременный подход подкреплений, посланных ему отцом.

Год 1097

Переяславль. Любеч. Городец Днепровский

Из «Повести временных лет»

Олег остановился на Клязьме, думая, что Мстислав, испугавшись его, побежит. К Мстиславу же в тот день и на следующий собралась дружина: новгородцы, и ростовцы, и белозёрцы. И встал Мстислав перед градом, исполнив дружину, и не наступали ни Мстислав на Олега, ни Олег на Мстислава. И стояли друг против друга четыре дня, и пришла Мстиславу весть,

что «послал-де к тебе отец брата Вячеслава с половцами». И пришёл Вячеслав в четверг по Фёдоровой неделе^[54], в пост. И в пятницу^[55] пришёл Олег, исполчившись, к городу, а Мстислав выступил против него с новгородцами и ростовцами. И дал Мстислав стяг Владимиров половчину по имени Кунуй, и придал ему пешцев, и поставил на правом крыле. И Кунуй, выведя пешцев, развернул стяг Владимиров. И увидел Олег стяг Владимиров, и испугался, и напал ужас на него и на воинов его. И пошли в бой друг против друга, и пошёл Олег против Мстислава, а Ярослав^[56] пошёл против Вячеслава. Мстислав же перешёл пожарище^[57] с новгородцами, [и спешились с коней новгородцы], и сошлись на Кулачище^[58], и был крепкий бой. И начал одолевать Мстислав, и увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров, что стал заходить в тыл к нему, и, испугавшись, побежал Олег, и победил Мстислав.

(45. Стб. 239—240)

Война эта мало чем отличалась бы от других междоусобных войн XI—XII веков — сколько их было за два столетия! — если бы не отношение Владимира к поверженному Олегу. Ещё не зная, чем завершатся военные действия, он посылает своему врагу письмо, в котором прощает его и, по существу, снимает с него ответственность за смерть сына. (*«От Бога ему суд пришёл, а не от тебя... Дивно ли, если муж погиб на войне. Так умирали лучшие в роду нашем»*). Прислушавшись к призывам другого своего сына — Мстислава, Владимир предлагает Олегу заключить мир, забыв о прежних обидах, обещает вернуть отобранные волости — но лишь при условии, что и сам Олег смирится и оставит свою гордыню:

...А написал я это тебе, потому что принудил меня сын твой^[59], которого ты крестил, что сидит возле тебя; прислал ко мне мужа своего с грамотой, [так] говоря: «Уладимся и смиримся. А братцу моему суд [Божий] пришёл. Так не станем мстителями за него, но положимся на Бога... А Русской земли не погубим». И я, видя смирение сына своего, сжалился и, Бога устранившись, сказал: он, молод и неразумен, так смиряется, на Бога уповает — я же человек грешен, грешнее всех людей. Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли её с добром или с

поруганием, об этом узнаю из твоего писания...

Когда же убили дитя моё и твоё^[60] пред тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее, словно цветок, только что расцветший, словно агнец заколотый, сказать, стоя над ним, проникнув [в] помыслы души своей: «Увы мне, что сотворил! Воспользовавшись неразумием его, ради неправды мира сего призрачного, добыл грех себе, а отцу и матери — слёзы»... Богу бы тебе покаяться, а ко мне грамоту написать утешительную... Если бы ты тогда свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова не занимал, но послал ко мне, то мы бы отсюда уладились. Но сам рассуди: мне ли подобало к тебе посылать, или тебе ко мне? Да если бы ты велел дитя [моему]: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал... Да если начнёшь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою — тогда и власть добром получишь, и сердце наше обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель... Ибо не хочу зла, но добра хочу братии и Русской земле...

(45. Стб. 252—254)

В этом письме — редчайший случай в истории войн — почти нет политических требований. Только требования, так сказать, нравственного порядка: призывы к человечности, состраданию, христианскому долгу.

И — что тоже встречается нечасто — Владимир оказался верен данному им слову. Прекращение вражды, установление прочного мира с прежним непримиримым врагом он поставил выше сиюминутной выгоды и, как выяснилось позднее, оказался прав.

При посредничестве Мстислава князя заключили перемирие, главным условием которого стало согласие Олега на участие в общекняжеском съезде — то есть именно то, чего прежде безуспешно добивались от него Владимир и Святополк. На этом съезде, собравшемся осенью 1097 года в Любече на Днепре, предстояло решить две главные задачи, стоявшие перед русскими князьями: прекращение усобиц и отражение половецкой угрозы. Выбор Любеча — одного из древнейших городов Руси, — по-видимому, был не случаен. Святополк и Владимир отказались от своего первоначального намерения собрать князей в Киеве, хотя ранее настаивали на этом. Любеч находился в Черниговской земле, то есть был городом Олега. Но ныне Олег был лишён Чернигова, и вопрос о том, кому владеть

Черниговской землёй, представлялся едва ли не самым трудным. Вопрос этот напрямую затрагивал и Владимира, и Олега, а потому перенос съезда можно рассматривать, во-первых, как свидетельство того, что инициатива в его созыве перешла от Святополка к Владимиру, а во-вторых, как определённую уступку Олегу.

Из «Повести временных лет»

В лето 6605 (1097). Пришли Святополк, [и] Владимир, [и] Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались в Любече для устроения мира. И так говорили между собой: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой распри устраивая? А половцы землю нашу растаскивают и рады, что между нами войны. Да ныне отселе будем в одно сердце и будем блюсти Русскую землю. Каждый да держит отчину свою: Святополк — Киев, Изяславову; Владимир — Всеволодову; Давыд, и Олег, и Ярослав — Святославову; и те, кому раздал Всеволод города: Давыду — Владимир; Ростиславичам: Перемышль — Володарю, Теребовль — Васильку». И на том целовали крест: «Если отселе кто против кого будет, то пусть все мы против него будем и крест честной». Все сказали: «Да будет против него крест честной и вся земля Русская». И, целовавшись, пошли восвояси.

(45. Стб. 256—257)

Знаменитая формула: *«каждо да держит отчину свою»* — стала основой всего будущего устройства Русской земли. Это был тот самый принцип, который более других отстаивал Олег и против которого поначалу так упорно боролся Владимир. Причём лично для Владимира принятие этого принципа означало, что он мог претендовать лишь на наследие своего отца — Переяславскую землю и исторически «тянувшие» к ней территории Северо-Восточной Руси, прежде всего Ростов и Суздаль. Правда, Владимиру удалось вернуть себе Смоленск, в котором ранее княжил брат Олега Давыд. Но зато он терял всякие права на Чернигов и Муром — и это после победы над Олегом! Более того, теперь Владимир не мог претендовать и на Киев, который был провозглашён «отчиной» Святополка Изяславича.

Означало ли это ущемление интересов Владимира Мономаха? Внешне всё выглядит именно так. Но только в том случае, если иметь в виду его

узкокорыстные интересы, то есть если подходить к Мономаху с обычными для князей того времени мерками. Если же учесть, что съезд был создан по инициативе самого Владимира, находившегося к тому же на гребне своих политических и военных успехов, то принятые на нём решения предстают в ином свете. Принцип «отчинности» обосновывался в Любече необходимостью прекращения княжеских усобиц и защитой Русской земли от половецких набегов. Но ведь именно это Владимир и провозглашал в качестве своей главной цели; именно об этом он писал в своём послании Олегу. Казалось, что он нашёл принципиально новый способ решения княжеских конфликтов: не силой оружия, а путём княжеских переговоров, путём созыва общекняжеских съездов и принятия на них совместных решений, скреплённых крестным целованием. И это можно рассматривать как главный политический результат съезда и вместе с тем как успех политики, проводимой Владимиром.

Обратим внимание ещё на одну важную подробность летописного рассказа. И в перечне князей, принявших участие в Любечском съезде, и в перечне княжеских столов имя Мономаха стоит на втором месте; имена же Олега и его братьев следуют после него (причём имя Олега — устойчиво после имени его брата Давыда!). Между тем отец Олега и Давыда Святослав был старше Владимиров отца Всеволода. Соответственно, и Олег и Давыд Святославичи — при обычном счёте родством — должны были превосходить Владимира. Теперь же, после случившихся драматических событий, Владимир «обошёл» своих двоюродных братьев. И это отнюдь не следствие некой тенденциозности летописного рассказа, составленного сторонником Мономаха, как можно было бы подумать. То же самое мы видим и в других летописных известиях, и в свидетельствах источников, которые нельзя заподозрить в какой-либо тенденциозности. Так, имя Мономаха значится на втором месте, после имени Святополка, но ранее имени Олега, в надписи-граффити на стене киевского Софийского собора, сообщающей о мире, заключённом названными князьями на Желяни (близ Киева) 4 декабря неизвестного года — надо полагать, уже после заключения Любечского договора (10. С. 25). А игумен одного из южнорусских (скорее всего, черниговских) монастырей Даниил, совершивший в самом начале XII века паломничество в Святую землю и оставивший подробную повесть об этом («Житие и хождение Даниила, Русской земли игумена»), записал для поминания в Лавре Святого Саввы, одном из главнейших православных монастырей Палестины, имена русских князей — очевидно, в порядке их старшинства. И здесь имя Мономаха значится на втором месте, раньше имён черниговских князей

Святославичей:

...И ныне поминаются имена их в ектеньи^[61], с жёнами и с детьми их. А вот имена их: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Святославич, Михаил-Олег, Панкратий Святославич, Глеб Минский.

(7. С. 116)

Любечский съезд, несомненно, стал одним из важнейших событий русской истории XI—XII веков. Однако случилось так, что принятые на нём решения не выдержали и малейшего испытания временем, оказались совершенно нежизнеспособными. В начале ноября 1097 года, спустя всего несколько дней после того, как князья покинули Любеч, в Киеве произошло событие, взорвавшее с таким трудом достигнутый мир и приведшее к новой кровопролитной междоусобной войне.

Из «Повести временных лет»

...И пришёл Святополк с Давыдом^[62] в Киев, и рады были все люди; только дьявол печален был из-за любви этой. И вошёл сатана [в сердце] некоторым мужам, и начали они наговаривать Давыду Игоревичу, так говоря: «Соединился Владимир с Васильком против Святополка и против тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать (Святополку. — А. К.) на Василька, так говоря: «Кто убил брата твоего Ярополка? А ныне замышляет против меня и против тебя и соединился с Владимиром. Подумай о своей голове!»... И обманул Давыд Святополка, и стали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже...

(45. Стб. 257—258)

Насколько справедливы были эти обвинения? С большой степенью уверенности можно сказать, что князь Давыд Игоревич — намеренно или нет — вводил киевского князя в заблуждение. Его старые счёты с Ростиславичами из-за Волынской земли были хорошо известны. Враждебные чувства к Ростиславичам не мог не питать и Святополк, чей брат и в самом деле погиб от руки подосланного ими убийцы. Но и Василько, и Владимир Мономах только что целовали крест в Любече, и их

согласие на неприкосновенность чужих владений отнюдь не было вынужденным (по крайней мере в отношении Мономаха это можно утверждать определённо). Позднее, когда Васильку уже нечего будет терять и он, ослеплённый, окажется в заточении в чужом городе, он, каясь в других своих прегрешениях, даст самую страшную клятву в том, что не замышлял зла против своих двоюродных дядьёв: *«Ино помышление в сердце моём не было ни на Святополка, ни на Давыда, и се клянусь Богом и Его пришествием, яко не помыслил есмь зла братии своей ни в чём же»*. И этим его словам нельзя не поверить.

Однако Святополк с лёгкостью поддался на уговоры Давыда. Как позже выяснилось, он и сам был не прочь присоединить к своим владениям Теремовль и Перемышль, а заодно и принадлежавший Давыду Игоревичу Владимир-Волынский. 5 ноября 1097 года Василько, оказавшийся в Киеве по пути из Любеча в свою волость, был обманом схвачен на дворе Святополка, а на следующий день перевезён Давыдом в Белгород (под Киевом) и там ослеплён. Летопись содержит подробнейший, детальный рассказ обо всех страшных событиях этих дней:

...И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковёр, и, расстелив, схватили Василька и хотели повалить его; и боролся он с ними крепко, и не могли его повалить. И вот вошли другие и, повалив его, связали его. И, сняв доску с печи, положили на грудь ему, и сели с обоих концов Сновид Изечевич и Дмитр, но не смогли удержать его. И подступили ещё двое, и сняли другую доску с печи и сели на неё, и придавили плечи, так что грудь затрещала. И подступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить его в око, но промахнулся и порезал ему лицо, и есть рана та на Васильке и поныне. И затем ударил его в око, и вырезал зеницу, и затем в другое око, и вырезал другую зеницу. И был он тогда, словно мёртвый. И, взяв его на ковре, положили его на телегу, словно мёртвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, пройдя Звижденский мост^[63], на торговище, и стащили с него сорочку окровавленную, и отдали попадьё постирать. Попадья же, постирав, надела на него, пока те обедали. И стала попадья плакать над ним, словно над мёртвым, и почувствовал он плач её, и спросил: «Где я?» Они же сказали ему: «В городе Звиждене». И попросил он воды. Они же дали ему,

и выпил он воды, и вернулась душа в тело его, и опомнился, и ощупал сорочку, и так сказал: «Зачем сняли её с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой я смерть принял и перед Богом предстал». Они же, отобедавши, поехали с ним быстро на телегах по грудному пути, ибо был тогда месяц грудень, то есть ноябрь. И пришли с ним во Владимир в шестой день. Пришёл же и Давыд с ним, словно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакеевом, и приставили стеречь его тридцать мужей и двух отроков княжих — Улана и Колчка.

(45. Стб. 260—262)

Это было преступление, неслыханное в Русской земле. Ослепление как средство расправы с политическими противниками практиковалось в Византии. Святополк и Давыд попытались привить это чисто византийское явление на русскую почву.

Весть о совершённом злодеянии потрясла русских князей, и прежде всего Владимира Мономаха, которого вместе с Васильком обвинили в тайных умыслах против Святополка. Но обвинили ложно:

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплён, ужаснулся и, заплакав, сказал: «Такого не бывало ещё в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших — такого зла!» И тут же послал к Давыду и к Олегу Святославичам, говоря: «Идите к Городцу. Да исправим зло, которое случилось в Русской земле, и в нас, в братии, ибо всажен нож в нас. Если же не исправим этого, то ещё большее зло настанет в нас, и начнёт брат брата убивать, и погибнет земля Русская, и враги наши, половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег опечалились сильно и плакали, говоря: «Не было этого в роде нашем». И вскоре, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял в бору. И послали Владимир и Давыд с Олегом мужей своих к Святополку, говоря:

— Зачем ты зло это учинил в Русской земле и вонзил нож в нас? Зачем ослепил брата своего? Если была на нём какая вина, обличил бы его перед нами и, доказав вину, наказал его. А теперь объяви вину его, за которую ты так поступил с ним.

И отвечал Святополк:

— Поведал-де мне Давыд Игоревич, что “Василько-де брата

твоего убил Ярополка и хочет тебя убить и занять волость твою — Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину^[64]; и заключил-де договор с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире”. А мне поневоле надо голову свою беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и увёз его к себе.

И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы:

— Не отговаривайся, будто Давыд его ослепил. Не в Давыдовом городе схвачен, не в Давыдовом ослеплён, но в твоём городе схвачен и ослеплён!

И, сказавши так, разъехались, намереваясь на следующее утро идти через Днепр на Святополка. Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали к Владимиру Всеволодову вдову и митрополита Николу^[65], так говоря: «Молимся, княже, тебе и братьям твоим: не погубите Русской земли! Ведь если начнёте воевать между собой, поганые радоваться будут и захватят землю нашу, которую стяжали отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, обороняя Русскую землю и другие земли приискивая. А вы хотите погубить землю Русскую!» Вдова же Всеволодова и митрополит пришли к Владимиру, и молились ему, и поведали мольбу киевлян, чтобы заключить им мир, и блюсти землю Русскую, и воевать с погаными. Услышав это, расплакался Владимир и сказал:

— Поистине отцы наши и деды наши сохранили землю Русскую, а мы хотим погубить её!

И склонился на мольбу княгини, почитая её, как мать, ради отца своего. Ибо любим был отцом своим сильно; и при жизни, и по смерти не ослушивался его ни в чём, потому и послушал её, как мать. И митрополита святительский сан также почитал, и не ослушался мольбы его. Ибо был Владимир столь исполнен любовью: любовь имел к митрополитам, и к епископам, и к игуменам; более же всего чернецеский чин любил и черниц любил; приходящих к нему питал и напоял, словно мать детей своих; если кого видел в буйстве или в чём греховном, не осуждал, но всё в любовь обращал и утешал. Но мы к прежнему возвратимся.

Княгиня же, побывав у Владимира, пришла в Киев и поведала всё сказанное Святополку [и киевлянам, что мир будет. И начали посылать друг к другу мужей, и примирились на том,

что сказали Святополку]^[66]: «Раз это Давыда обман, то ты, Святополк, иди на Давыда: либо схвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир...

(45. Стб. 262—265)

Год 1098

Переяславль. Остёрский городок

О тех же событиях, но значительно короче, летописец сообщает ещё раз ниже, в статье под 6606 (1098) годом:

Пришли Владимир, и Давыд, и Олег на Святополка, и встали у Городца, и заключили мир, как уже сказал я под предыдущим летом.

(45. Стб. 273)

Если эта датировка верна, то мир между князьями следует отнести к весне 1098 года, не ранее марта.

В исторической литературе упомянутый поход Мономаха на Киев нередко объясняют его желанием самому занять киевский стол (в чём, собственно, его и подозревал Святополк). Однако источники не дают оснований для таких подозрений. Выступая против Святополка, Мономах и его двоюродные братья Святославичи выполняли одно из условий Любечского договора (*«Да аще кто отселе на кого будет, то на того будем вси и крестъ честныи»*). А вот для Святополка условия заключённого мира оказались выгодны, и выгодны вдвойне. Начиная войну с Давыдом Игоревичем, он не только смывал с себя обвинение в пролитии крови, но и получал реальную возможность для захвата и присоединения к своим владениям города Владимира и всей Волынской земли.

Но начавшаяся война дорого стоила киевлянам. Именно с Волыни и из Галицкой земли в Киев поступала соль. Теперь её поток иссяк, и это вызвало массовые беспорядки в Киеве. Стоит отметить, что как раз в эти месяцы Мономах сумел упрочить добрые отношения с влиятельными в Киеве церковными кругами, в частности с властями Печерского монастыря. По рассказу Киево-Печерского патерика, именно Владимир настоял на возвращении в Киев печерского игумена Иоанна, который ранее был

схвачен Святополком и заточён в Турове (2. С. 154).

Пройдёт время, и поддержка киевлян, прежде всего церковных иерархов, обеспечит Владимиру «золотой» киевский стол.

В дальнейших событиях междоусобной войны 1098—1099 годов Владимир не принимал непосредственного участия. Зато летопись сообщает об активном строительстве, которым он занялся в своей земле как раз в 1098 году:

...В то же лето заложил Владимир церковь каменную Святой Богородицы в Переяславле на княжем дворе.

В том же году заложил Владимир Мономах город на Остре.

(46. Стб. 248)

Церковь на княжем дворе была не первым каменным зданием в стольном городе Мономаха. Интенсивное церковное строительство развернулось в Переяславле в 1080-е годы, когда были построены кафедральный собор Святого Михаила, надвратная церковь Святого Феодора, церковь Святого Андрея у городских ворот и другие, в том числе и каменные, постройки (к сожалению, до нашего времени не сохранившиеся). Так к концу XI века столица Переяславского княжества превратилась в один из красивейших городов и важный духовный центр Русской земли.

Что же касается Остёрского городка, или Городца (нынешний Остёр, райцентр в Черниговской области Украины), на левом берегу реки Десны, у впадения в неё реки Остёр, то он располагался на самой границе Переяславской и Черниговской земель. В течение многих лет построенная Мономахом крепость будет служить главной опорной базой переяславских, а затем суздальских князей в их противостоянии с князьями «Ольгова племени». Тогда же в Городце была выстроена церковь во имя Архангела Михаила. Активная строительная деятельность Мономаха затронула в эти годы и другие города его земли — Смоленск, Ростов, Суздаль...

Между тем трагические события на западе Русской земли должны были привлекать самое пристальное внимание Владимира Мономаха. Война между князьями набирала обороты и становилась всё более и более кровопролитной. При этом политические союзы противоборствующих сторон постоянно менялись.

Давыду Игоревичу так и не удалось захватить Василькову волость. Встреченный у города Бужска войском Василькова брата Володаря, он

предпочёл уступить и отпустил Василька к брату. Теперь уже он оправдывался в совершённом злодеянии, возлагая всю вину на Святополка:

Разве я это сотворил? В моём разве городе схвачен? Сам я боялся, что и меня схватят и то же со мной сделают. Поневоле пришлось мне присоединиться и подчиниться.

Весной 1098 года братья Ростиславичи сами начали войну с Давыдом. Взяв приступом Давыдов город Всеволож (на Волыни), они предали его огню. *«...И побежали люди от огня. И повелел Василько перебить всех, и сотворил мщение над людьми неповинными, и пролил кровь невинную»*, — с очевидным осуждением констатирует летописец. Давыд вымолил мир и прощение, но для этого ему пришлось выдать тех, кто наговаривал ему на Василька. Один из его бояр бежал, а двух других, Василя и Лазаря, люди Василька Ростиславича повесили на городской стене Владимира-Волынского и расстреляли из луков.

На следующий год, выполняя условия договорённости с двоюродными братьями, Святополк выступил в поход на Давыда. В апреле 1099 года, после семинедельной осады, он занял Владимир-Волынский, изгнав Давыда в Польшу. Но вместо того, чтобы довольствоваться выполнением взятого на себя обязательства, Святополк начал войну против Ростиславичей. В битве на Рожне поле (у Звенигорода Галичского) его войска были разбиты дружинами Василька и Володаря. Сам Святополк бежал во Владимир. К тому времени Ростиславичи заключили союз со своим прежним врагом Давыдом Игоревичем. В войну оказались втянуты венгры, поляки и половцы. В союзе с «шелудивым» Боняком Давыд Игоревич сумел наголову разбить венгерское войско, приведённое сыном Святополка Ярославом. Сумел он вернуть себе и Владимир-Волынский, причём во время осады на стенах города погиб сын Святополка Мстислав.

И эту смерть объясняли в Киеве прежними злобами Мстислава. Незадолго до того, в отсутствие в Киеве своего отца Святополка, Мстислав подверг тяжким мучениям двух иноков Киево-Печерского монастыря — Феодора и Василя, пытая их о якобы спрятанных в монастыре сокровищах: жёг их огнём, избивал, а Василя, *«шумен от вина»*, поразил стрелой из лука. И когда, отбиваясь от войск Давыда Игоревича на *«забралех»* Владимирской крепости, Мстислав сам был поражён стрелой, то в предсмертной агонии ему показалось, будто это та самая стрела, которой он застрелил безвинного печерского монаха (2 С. 170)...

Год 1100

Смоленск. Витичев. Река Волга (?)

Владимир князь Мономах заложил церковь Святой Богородицы в Смоленске 7 марта, на Средокрестие^[67].

(63. С. 72)

Или, как сказано об этом под следующим, 1101 годом в Киевской (Ипатьевской) летописи:

...В то же лето Владимир заложил церковь в Смоленске Святой Богородицы каменную, епископию.

(46. Стб. 250)

Само название — «епискупья», или «епископия», — свидетельствует о том, что князь предполагал открыть в Смоленске новую епископскую кафедру. Однако добиться этого ему не удалось — возможно, из-за противодействия киевского митрополита Николая, в чьей компетенции находилось открытие новых кафедр. Смоленская епархия будет основана лишь в 1136 году, при внуке Владимира Мономаха смоленском князе Ростиславе Мстиславиче, который, как сказано в его уставной грамоте, исполнял давнее желание своего отца, князя Мстислава Владимировича (и, очевидно, деда, Владимира Мономаха).

Из жалованной записи Смоленской церкви, данной тем же Ростиславом Мстиславичем 30 сентября 1150 года, мы узнаём о пожалованиях, сделанных его дедом ещё при основании церкви Пресвятой Богородицы:

А се и еще и холмъ даю Святеи Богородици, и епископу, яко же дано дедом моим Володимером Семеонови преже епископу строити наряд церковный и утверженье^[68].

(15. С 146)

Строительство храмов во имя Божией Матери — свидетельство особого почитания Владимиром Мономахом Царицы Небесной. Полагают, что именно он перенёс в Смоленск знаменитую Смоленскую икону Божией

Матери Одигитрии, ставшую впоследствии одной из главных святынь православной России. Согласно местному смоленскому преданию, этой иконой (написанной будто бы самим евангелистом Лукой) император Константин Мономах благословил свою дочь, выдавая её замуж за русского князя Всеволода Ярославича; мать Владимира и привезла икону (но, конечно же, список, а не оригинал) из Константинополя на Русь. Икона Божией Матери Одигитрии — Путеводительницы — почиталась в Византии как одна из святынь Константинополя — *«стена неодолимая»*, как названа она в церковном песнопении, *«градов и весей непобедимая христианская в бедах заступница»*. Историк XIX века Н.В. Шляков посчитал неслучайным совпадением тот факт, что Владимир заложил смоленскую церковь во имя Божией Матери именно в среду, что особо подчеркнул летописец: этот день в Константинопольской церкви был посвящён Богородице, и служба Одигитрии совершалась еженедельно в среду в храме, построенном в её имя в V веке царицей Пульхерией. В Великий пост в день великого канона (среду пятой недели поста) икона переносилась в императорский дворец, где оставалась до понедельника Пасхи (184. I. С. 122—123, прим.). Кажется вполне вероятным, что русский князь — потомок византийских василевсов — сознательно прививал на Руси византийскую традицию почитания Божией Матери как заступницы и путеводительницы всего «христианского рода», и прежде всего княжеского семейства. Образ Непобедимой воеводы на храмовых, престольных иконах основанных им церквей должен был служить «неодолимой стеной» не только для Смоленска, но и для Переяславля, Суздаля, Ростова и других принадлежавших ему городов.

*

Главные же события этого года происходили на юге Руси, вблизи Киева.

В августе 1100 года князья съехались в Витичев на Днепре (ниже Киева) для завершения кровопролитной войны и заключения долгожданного мира. На первом съезде, 10 августа, Святополк, Владимир и Давыд и Олег Святославичи, по всей вероятности, вырабатывали общую позицию и договаривались о перераспределении волостей. Спустя двадцать дней, 30 августа, здесь же, в Витичеве, состоялся второй съезд, на который был приглашён князь Давыд Игоревич, главный виновник случившейся войны. Летопись подчёркивает особую роль на съезде князя Владимира

Мономаха, который и держал речь перед Давыдом:

В том же месяце в 30-й день, в том же месте, собрались братья все: Святополк, Владимир, Давыд, Олег. И пришёл к ним Давыд Игоревич, и сказал им: «Зачем меня призвали? Вот я. У кого на меня обида?» И отвечал ему Владимир: «Ты сам прислал к нам: “Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды”. И вот пришёл и сидишь с братьею своею на одном ковре. Почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?» И ничего не отвечал Давыд. И встали все братья на конях. И встал Святополк со своей дружиною, а Давыд и Олег со своею отдельно друг от друга, а Давыд Игоревич сидел отдельно, и не допустили его к себе, но отдельно совещались о Давыде. И, посовещавшись, послали к Давыду мужей своих: Святополк Путятю, Владимир Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: «Так говорят тебе братья: “Не хотим дать тебе стол владимирский, потому что вонзил ты нож в нас, чего не было в Русской земле. Мы не схватим тебя и никакого другого зла не причиним, но вот что даём тебе — иди, садись в Бужском в Остроге^[69], а Дубен и Черторыйск^[70] даёт тебе Святополк; а вот Владимир даёт тебе 200 гривен, а Давыд и Олег 200 гривен”».

(45. Стб. 273—274)

Итак, князья приговорили лишить Давыда Игоревича Владимира-Волынского, передав ему взамен в качестве компенсации Бужск и ещё несколько городков Святополка Изяславича (позднее Святополк передаст Давыду ещё один город на Волыни — Дорогобуж). В отличие от Святополка, ни Владимир, ни Святославичи ничего не получили из бывших владений Давыда. Переданное ими серебро, по-видимому, можно рассматривать как плату за принятие совместного решения, за отказ от любечских соглашений, скреплённых их крестным целованием. Обратим внимание на то, что в переговорах с Давыдом Владимир был представлен двумя послами, в то время как Святополк Изяславич — одним, а братья Святославичи — одним на двоих. Это очевидно для всех свидетельствовало о соотношении сил между князьями и о первенствующей роли Мономаха.

Братья Ростиславичи не присутствовали ни на первом, ни на втором Витичевском съезде. В их отсутствие князья попытались решить судьбу

Василька — главной жертвы междоусобной войны. При этом обращались они исключительно к его брату Володарю Ростиславичу:

...И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость — Перемышль. И если то вам любо, то сидите; если же нет, то отпусти Василька сюда — будем кормить его здесь. А холопов наших выдайте и смердов». И не послушались их Володарь и Василько.

Принятое князьями решение — лишить Василька его города, Теремовли, — кажется совершенно нелогичным, но и оно имело объяснение. Потерявший зрение и превратившийся в калеку Василько переставал рассматриваться в качестве дееспособного князя и должен был жить на иждивении своего брата; в случае отказа Володаря князья брались и сами прокормить князя-слепца. Однако братья отказались выполнить это решение и остались в своих городах, что потребовало от них немалого мужества. Угроза новой войны казалась вполне реальной. Святополк вместе со Святославичами готовы были двинуть полки в Галицкую землю, и только решительный отказ Владимира Мономаха предотвратил новое кровопролитие.

Есть основание полагать, что именно с этими событиями связано появление знаменитого «Поучения» Владимира Мономаха^[71], за которое князь, по его собственным словам, взялся «*на далечи пути*», после встречи с послами от «*братии*», которые явились к нему с предложением изгнать Ростиславичей из их волости; в противном случае князья угрожали разрывом, если не новой войной:

...Встретили меня послы от братии моей на Волге и сказали: «Присоединись к нам: выгоним Ростиславичей и волости их отнимем. Если же не пойдёшь с нами, то мы сами по себе будем, а ты сам по себе». И сказал я: «Хотя и гневаетесь вы, не могу ни с вами идти, ни креста преступить». И, отпустив их, взял Псалтирь, в печали разогнул её...

(45. Стб. 241)

«Поучение» и стало ответом Владимира Мономаха на угрозы союзных ему князей; оно-то, по всей видимости, и остановило их, заставило

отказаться от прежних планов.

«Поучение» Владимира Мономаха — памятник уникальный в своём роде. Это и откровенная (и, кажется, даже не слишком приукрашенная) автобиография князя, и его политическое завещание, и свод нравственных правил, которыми он призывал руководствоваться и своих сыновей, и прочих, *«кто слышавъ сю грамотицю»*, — то есть всех, без исключения, русских князей. Причём всё то, о чём Мономах писал в «Поучении», было в буквальном смысле выстрадано им. Он мог с полным основанием сослаться на собственный опыт.

Современные исследователи в общем-то единодушны в оценке роли Мономаха в создании новой политической системы Русского государства, основанной на «отчинном» владении землями. Но признание неприкосновенности «отчинных» владений, провозглашённой Любечским съездом, — лишь одна из двух составляющих его политической программы. Мы слишком привыкли отделять политику от морали. В средневековом же обществе эти категории, напротив, были практически неотличимы. В понимании князя Владимира Всеволодовича ещё одной, важнейшей основой политического устройства общества и должен был стать тот самый «страх Божий», о котором он писал братьям (*«Первое, Бога для и души своей, страх имейте Божий в сердце своём...»*), — то есть чувство ответственности князей не только друг перед другом (только что завершившаяся война показала, сколь мало значило для них даже крестное целование), но и перед Богом, перед которым каждому из живущих на земле предстоит держать ответ на Страшном суде...

Год 1101

Золотча. Саков

Безоговорочная поддержка, оказанная Мономахом Святополку в предшествующие годы, во многом объяснялась его желанием сохранить единство русских князей, столь необходимое для обеспечения обороноспособности Руси. И ему это удалось — после Витичевского съезда русские князья начинают действовать согласованно друг с другом. Это привело к перелому в противостоянии Руси со Степью.

Из «Повести временных лет»

...Преставился Всеслав, полоцкий князь... В то же лето собрались все братья: Святополк, Владимир, и Давыд, и Олег,

Ярослав, брат их, на Золотче^[72]. И прислали половцы послов от всех князей ко всей братии, прося мира. И сказали им русские князья: «Если хотите мира, соберёмся у Сакова^[73]». И послали за половцами, и собрались у Сакова, и заключили мир с половцами, и взяли заложников друг у друга месяца сентября в 15-й день, и разошлись в разные стороны.

(45. Стб. 274—275)

Мир, заключённый с половцами, продержится чуть более полутора лет — до весны 1103 года.

Год 1102

Киев. Вышгород

Итоги Витичевского съезда более всего должны были устраивать киевского князя Святополка Изяславича, который значительно увеличил свои владения за счёт Волынской земли. Сюда, во Владимир-Волынский, сел на княжение его сын Ярослав — в будущем ещё один непримиримый противник Владимира Мономаха. Но Святополк стремился к большему — ему нужна была Новгородская земля, на которую он, по-видимому, смотрел как ещё на одну свою «отчину» — наследие своего отца Изяслава. Ради обладания ею он готов был пожертвовать Волынью. В конце 1102 года киевский князь заключил договор с Мономахом об обмене волостями: его сын Ярослав должен был перейти на княжение в Новгород, а сын Мономаха Мстислав — сесть во Владимире-Волынском. В самом конце декабря послы обоих князей съехались в Киев. Но тут произошло непредвиденное:

...В то же лето, месяца декабря в 30-й день^[74], пришёл Мстислав, сын Владимиров, с новгородцами, ибо заключили договор Святополк с Владимиром, что быть Новгороду за Святополком и посадить там сына его, а Владимиру посадить сына своего во Владимире. И пришёл Мстислав в Киев, и сели в избе, и сказали мужи Владимировы: «Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят новгородцы; пусть возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть идёт во Владимир». И сказали новгородцы Святополку: «Вот мы, княже, присланы к тебе, а

сказали нам так: “Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если две головы имеет сын твой, то посылай его. А этого нам дал Всеволод, а мы сами вскормили князя себе, а ты ушёл от нас”». И Святополк много спорил с ними; они же не захотели — взяв Мстислава, пошли в Новгород.

(45. Стб. 275—276)

Такая позиция новгородцев объяснялась не только их привязанностью к Мономахову семейству. Мстислав действительно «возрос» в их городе, обзавёлся здесь нужными связями, впитал в себя новгородские традиции. Ещё важнее было другое. Новгородцы не могли смириться с тем, что судьба их города решается князьями без их участия, а потому и восстали против явного нарушения обычая. И сумели добиться своего. Святополк вынужден был уступить. Так — на этот раз без видимого вмешательства Владимира — Новгород остался за его сыном. Владимир хорошо запомнит этот эпизод своей новгородской политики. И позднее, сажая на княжение в Новгород внука Всеволода (это случится в 1117 году и, кажется, снова не по желанию самих новгородцев), он сперва заручится крестным целованием новгородских бояр, а часть их — для надёжности — оставит у себя в качестве заложников.

Тем же 1102 годом источники датируют ещё одно деяние князя Владимира Всеволодовича, долженствующее ещё больше укрепить его авторитет в русском обществе. Речь идёт об украшении князем гробниц первых русских святых — князей Бориса и Глеба, чьи мощи почивали в Вышгороде, близ Киева.

Владимир княжил в Переяславле. А именно возле этого города, на реке Альте, в 1015 году посланцами Святополка Окаянного был убит князь Борис. Владимир горячо почитал святых братьев, а потому украшение их обветшавших гробниц не выглядит чем-то случайным или неожиданным для него. Вот что рассказывает «Сказание о чудесах святых страстотерпцев» (названных в тексте своими крестильными именами — Романом и Давыдом):

В те времена ещё более укрепились поганые против нас и многое насилие творили нам за наши грехи. Церковь же святых мучеников^[75] пришла в забвение, и не было никого, кто мог бы позаботиться о возведении её, и о прочем, и о сказании чудес, которых совершалось много...

[Святополк] же хотел начать строить церковь на месте ветхой деревянной церкви, вокруг гробниц святых, так говоря: «Не дерзну переносить их с места на место». Однако замыслу его не суждено было сбыться по Божьему строению и по воле святых мучеников^[76]. Владимир же, называемый Мономахом, сын Всеволодов, в те времена... владел Переяславской областью. И имел он великую любовь к святым, и приносил им многочисленные дары. И замыслил сделать вот что: оковать серебром и золотом святые раки честных и святых мучеников Христовых. И, придя ночью, промерил гробницы; расклепал доски серебряные и позолотил их, и, снова придя, также ночью, обложил досками и оковал чудодейственные достохвальные святые гробницы страстотерпцев Христовых мучеников Бориса и Глеба, и также ночью ушёл. И пришедшие утром, с радостью увидев (созданное князем. — А.К.), поклонились, хвалу воздав Богу и святым мученикам, вложившим такую мысль в сердце благоверному князю, и так многими словесами восхвалили благородство его, а вместе с тем и великий ум, и любовь к святым, кротость, и смирение, и усердие к Богу и к святым церквам, проявляемые благоверным князем Владимиром, а более всего — к сим святым. Так сперва сделал, в лето 6610 (1102), а затем, после перенесения^[77], ещё больше украсил святые гробницы...

(1. С 60, 62—63)

В том же году в семье Владимира Всеволодовича произошло очередное прибавление.

Из Тверского летописного сборника

...Того же лета родился Владимиру Мономаху сын Андрей, августа 11 [дня]; дали ему имя 18 августа — Андрей Стратилат^[78].

(54. Стб. 188)

Андрей был младшим сыном Владимира Мономаха от его второй жены. Кем была эта женщина, нам, к сожалению, неизвестно (сам Мономах называл её «Гюрговой матерью», по имени первенца). Первая же супруга

князя, англичанка Гида, скончалась, по-видимому, в самом конце 90-х годов XI века (в феврале 1097 года она ещё была жива^[79]). Есть основания полагать, что свои последние годы Гида провела в Новгороде, где княжил её первенец Мстислав. В одном латинском сочинении («Слове о святом мученике Пантелеймоне») рассказывается о том, как «король Харальд» (то есть Мстислав) во время охоты подвергся нападению медведя, распоровшего ему внутренности, так что *«не было надежды, что он выживет... Удалив всех, чтобы дать ему покой, одна мать осталась сидеть у постели, помутившись разумом, потому что, понятно, не могла сохранить трезвость мысли при виде таких ран своего сына»* (77. С. 181—183; перевод Л.В. Назаренко). Мстислав выжил, и его чудесное исцеление было приписано заступничеству святого Пантелеймона; мать же его, исполняя давний обет, отправилась в паломничество в Иерусалим. Примечательно, что здесь же сообщается о том, что Гида (княгиня названа в памятнике своим латинским именем) *«ещё раньше удостоилась стать сестрою»* монастыря Святого Пантелеймона в Кёльне. Вкупе с пребыванием княгини в отдалении от супруга это, по-видимому, свидетельствует о том, что Мономах расстался с Гидой и ещё при её жизни вступил во второй брак, а та — может быть и формально — приняла монашеский постриг. («Роспуст», то есть развод, допускался церковным законодательством.) Новая супруга родила князю трёх сыновей: Юрия (будущего Долгорукого), Романа и Андрея. Любопытный и весьма знаменательный факт: если все пятеро сыновей Мономаха от Гиды известны летописи под своими княжескими именами, то его сыновья от второго брака получили лишь по одному — крестильному — имени, которое и воспринималось современниками как княжеское.

Год 1103

Долобск. Переяславль. Река Сумень (?)

Год первого большого похода русских князей против половцев. Вдохновителем и организатором похода летопись называет Владимира Мономаха.

Из «Повести временных лет»

В лето 6611 (1103). Бог вложил в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске^[80]. И сел Святополк со своею дружиною, а Владимир со своею в одном

шатре, и начали думать. И начала говорить дружина Святополкова, что «не годится ныне, весной, идти — не то погубим смердов и пашню их». И сказал Владимир: «Удивительно мне, дружина, что лошадей жалеете, на которых пашут. А о том почему не подумаете, что вот начнёт пахать смерд, и половчин, приехав, поразит его стрелой и лошадь его захватит, а в село его въехав, схватит жену его, и детей его, и всё его имущество. Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?»^[81] И не могла ответить дружина Святополкова. И сказал Святополк: «Вот, я готов уже». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской!» И послали к Олегу и Давыду, говоря: «Пойдёмте на половцев — и будем либо живы, либо мертвы». И послушал их Давыд, а Олег не захотел этого, отговорившись: «Не здоров». Владимир же, расцеловавшись с братом своим, пошёл в Переяславль, и Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович^[82]. И пошли на конях и в ладьях, и прошли ниже порогов, и встали в протоках у острова Хортица. И сели на коней, а пешцы, выйдя из ладей, шли полем четыре дня и пришли на Сутень^[83]. Половцы же, услышав, что идёт русь, собрались без числа и начали думать. И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла причинили мы Русской земле». Младшие же сказали Урусобе: «Хоть ты и боишься руси, но мы не боимся: этих перебив, пойдём в землю их и захватим города их. И кто защитит их от нас?» Русские же князья и все воины молились Богу и обеты воздавали Богу и Матери Его: кто кутьёй, кто милостыней убогим, иные же жертвованиями в монастыри. И когда молились они так, пошли половцы и послали перед собою в сторо́же Алтунопу, который славился среди них мужеством. Также и русские князья послали сторо́жи свои, и подстерегли русские сторо́жи Алтунопу, и окружили его. И убили Алтунопу и бывших с ним, и ни один не избежал смерти, но всех перебили. И пошли полки (половецкие. — А.К.), словно лес, и нельзя было окинуть их взором, и русь пошла против них. И Бог великий вложил ужас великий в половцев, и напали на них страх и трепет перед лицом русских воинов, и оцепенели они, и у коней их не стало быстроты в ногах.

Наши же с весельем пошли на них, на конях и пеши. Половцы же, видя устремление русских, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В 4-й день апреля месяца великое спасение сотворил Бог и над врагами нашими дал победу великую. И убили тут в походе 20 князей: Урусобу, Кчия, Арсланоу, Китаноу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочих князей их, а Белдюзя схватили. После же сели братья, победив врагов своих, [и] привели Белдюзя к Святополку, и начал Белдюзь сулить за себя золото, и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру. И когда пришёл он, начал спрашивать его Владимир: «Это, знай, клятва вас схватила! Много ведь раз, клятву давши, воевали вы Русскую землю. Почему же ты не научил сыновей своих и род свой не нарушать клятвы? Но проливали кровь христианскую! Да будет кровь твоя на главе твоей!» И повелел убить его, и так разрубили его на части. И затем собралась вся братия, и сказал Владимир: «“Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!” (Пс. 117: 24). Ибо Господь избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и “сокрушил головы змиев”, и “отдал их в пищу людям” русским» (ср. Пс. 73, 13—14). Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью; и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою.

(45. Стб. 277—279)

Владимир остался верен тактике, опробованной им ещё в 1096 году. Победа, одержанная на реке Сумень, — одна из самых значимых в истории русско-половецкого противостояния. Показателен эпизод, произошедший после битвы, когда по приказу Владимира был жестоко казнён (рассечён «на уды») половецкий князь Белдюз. Раньше русские князья наверняка отпустили бы его за выкуп, ибо богатая добыча и составляла главную цель их походов. Но теперь речь шла о борьбе не на жизнь, а на смерть. Это почти ритуальное убийство, символизировавшее в глазах русских их победу над извечным врагом.

К тому же году относится важное событие в истории Новгорода, где, напомним, княжил сын Мономаха Мстислав.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В то же лето заложил князь Мстислав церковь Благовещения на Городище^[84].

(36. С. 19)

Год 1104

Киев

...В то же лето пришёл митрополит Никифор на Русь месяца декабря в 6-й день... В том же месяце в 18-й день митрополит Никифор на кафедру возведён...

Впоследствии, когда Владимир Мономах сделается киевским князем, митрополит Никифор обратится к нему с двумя посланиями, первое из которых — «О посте» — даёт нам уникальную возможность увидеть князя глазами его просвещённого современника. Иерарх-грек исключительно высоко оценивал христианские качества Владимира. Многие в его обращении к князю перекликается со знаменитым «Поучением», в котором сам Владимир писал о себе и о том, что считал главным для каждого человека и прежде всего правителя. Это касается и непития князем хмельного во время поста, и его личной скромности и аскетизма, и его щедрости и благочестия:

...Что следует говорить такому князю, который больше на голой земле спит, и высоты дома избегает, и светлые одежды отвергает, и, по лесам ходя, нищенскую носит одежду и обувь, на лыжах бегая; и лишь по необходимости, в город входя, ради властительских дел, в княжеские одежды облачается?! ...Ведомо нам, что для других ты обеды светлые готовишь... и когда другие обедают и упиваются, ты сидишь и смотришь, как другие едят и упиваются, и, обходясь малой пищей и малым количеством воды, делаешь вид, что и ты с ними ешь и пьёшь. ...Знаю, что с тех пор, как ты родился и утвердился в тебе ум, с того возраста, когда можно творить добро, руки твои, по благодати Божией, ко всем простираются. И никогда ты не прятал сокровищ, не считал золота или серебра, но всё раздавал, черпая обеими руками, даже и до сих пор. Но сокровищница твоя, по Божьей благодати, неоскудима и неистощима, раздаваема, но не исчерпаема...

(65. С. 68—69)

Но из того же послания митрополита Никифора мы узнаём и о другом — о том, что скрывают от нас летописи и собственные сочинения Владимира Мономаха. Оказывается, князь отличался и чрезмерной жестокостью по отношению к тем, кого подозревал в каком-либо преступлении или, паче того, измене. А этим пользовались иные из его слуг и приближённых, которые нередко наговаривали князю на невинных ради достижения каких-то своих, неведомых князю целей. И князь прислушивался к наговорам и клевете, не всегда умея отличить правду от лжи.

...Кажется мне, что поскольку не можешь ты видеть всё сам глазами своими, то от служащих тебе по твоим делам и подающих тебе советы иногда вред твоей душе приходит...

напишет, обращаясь к князю, митрополит Никифор.

...Подумай об этом, княже мой, помысли вот о чём: об изгнанных от тебя, об осуждённых тобой на наказание, о презренных. Вспомни обо всех, кто на кого донёс и кто кого оклеветал, и сам суди и рассуди таковых...

И ещё раз, ниже:

...Помни об осуждённых тобой, и оправдай тех, кого оклеветали, и сам рассуди их...

(65. С. 69—70)

Какие именно эпизоды в биографии князя Владимира Всеволодовича имел в виду митрополит-грек, мы не знаем. Может быть, заточение в 1119 году минского князя Глеба Всеславича, скончавшегося вскоре в киевской темнице, о чём мы ещё будем говорить на страницах книги? Но у митрополита речь идёт скорее о «презренных», то есть явно не о князьях, да и множественное число «изгнанных», «осуждённых» и «оклеветанных» свидетельствует о том, что таковых было немало и далеко не один князь Глеб пострадал по воле Владимира. Слова митрополита Никифора (не верить которым у нас нет оснований) несколько поправляют тот идеальный образ князя Владимира Всеволодовича, который рисуется на страницах

летописи и других сочинений. Впрочем, идеальных людей, как известно, вообще не существует. Владимир Мономах был правителем, политиком — и это не могло не отразиться на его характере и поведении. Обиженных же сильными мира сего — особенно из числа тех, кто приближен или хочет приблизиться к власти, — хватает с избытком во все времена и при любых государях.

Год 1105

Минск

В то же лето, на исходе^[85], послал Святополк Путятю на Минск, а Владимир — сына своего Ярополка, а Олег сам пошёл на Глеба^[86], взяв Давыда Всеславича; и, ничего не добившись, возвратились обратно...

Год 1106

Киев

Воевали половцы около Заречска^[87]. И послал Святополк на них Яня и Иванка Захарьича Козарина^[88]; и нагнали половцев, и полон отняли... В то же лето постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь, месяца декабря в 6-й день.

(45. Стб. 106)

Сестра Владимира Мономаха Евпраксия (или Пракседа, как её называли на Западе) была женщиной с необычной судьбой. Ещё в 80-е годы XI века она была выдана замуж за саксонского маркграфа Генриха Штаденского (ум. 1087), а после его смерти, в 1089 году, стала женой самого германского императора Генриха IV. Но этот брак принёс ей великие несчастья. Спустя несколько лет Генрих воспылил к жене лютой ненавистью. «Он подверг её заключению, — сообщает немецкий источник, — и с его позволения многие совершали над ней насилия...» (77. С. 208—209; перевод Л.В. Назаренко). Сестре Мономаха удалось бежать от мужа; она свидетельствовала против него на церковном соборе, созванном папой Урбаном II в 1095 году, а затем, уже в начале XII века, вернулась на Русь. Скорее всего, она приняла постриг в киевском Андреевском (Янчине) монастыре, построенном некогда её отцом, князем Всеволодом

Ярославичем^[89]. Настоятельницей этого монастыря была её сестра Янка (Анна), одна из наиболее замечательных женщин древней Руси, пользовавшаяся всеобщим уважением в Киеве и выполнявшая порой весьма ответственные церковно-дипломатические поручения (так, в 1088—1089 годах именно она ездила в Константинополь за новым митрополитом-греком). Янка-Анна скончалась в 1112 году и была похоронена в Андреевском соборе своей обители, о чём летописец сделал соответствующую запись. Сестра же её Евпраксия Всеволодовна умерла раньше, в июле 1109 года, и тоже была погребена с честью — в киевском Печерском монастыре, причём над её могилой — не исключено, что стараниями Владимира Мономаха — была возведена часовня.

Год 1107

Смоленск. Переяславль. Лубен. Река Хорол

...В это же лето преставилась Володимеря месяца мая в 7-й день...

Наименование женщины по отцу или мужу обычно для древней Руси. Ранее считали, что в этом летописном известии речь идёт о кончине первой супруги князя Владимира — Гиды, дочери английского короля Харальда. Однако, как показали последующие исследования, это не так. Из синодика кёльнского монастыря Святого Пантелеймона известна календарная дата кончины «королевы Гиды» — 10 марта неизвестного года (146. С. 68—69). Следовательно, 7 мая 1107 года преставилась вторая жена князя. Сам Владимир вспоминал о её смерти в «Поучении», где упомянул и некоторые предшествующие события:

...И на зиму к Смоленску ходил. Из Смоленска после Пасхи вышел^[90], и Юрьева мать умерла...

После смерти «Гюргевой матери» Владимир женился в третий раз. И о новой его супруге нам ничего не известно, кроме того, что она пережила мужа и умерла 11 июня 1126 года.

Главным же событием этого года был новый поход князей на половцев, организованный Мономахом в августе. Сам он, продолжая оборванную выше фразу, так пишет о нём в «Поучении»:

...Придя в Переяславль на лето, собрал братию. И Боняк

пришёл со всеми половцами к Кснятину^[91]; ходили за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших...

(45. Стб. 250)

А вот рассказ летописи о той же войне:

В том же месяце^[92] воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В то же лето пришли Боняк и Шарукан старый и иных князей много и встали около Лубна^[93]. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк^[94] пошли против половцев к Лубну, и в шесть часов дня переправились через Сулу, и ударили с кличем по ним. Половцы же пришли в ужас, от страха не могли и стяга поставить, но побежали, хватая коней, а другие побежали пешими. Наши же начали сечь, догоняя их, а других в плен захватывали, и гнали едва не до Хорола^[95]. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сугра схватили и брата его, а Шарукан едва убежал. Бросили же и обоз свой, который русские воины взяли месяца августа в 12-й день, и возвратились домой с победой великою. Святополк же пришёл в Печерский монастырь на заутреню на Успение Святой Богородицы, и братия целовала его с радостью великой, [говоря], что враги наши побеждены были молитвами Святой Богородицы и святого отца нашего Феодосия.

(45. Стб. 281—282)

Спустя несколько месяцев Владимир заключит мир с половецким ханом Аепой, скрепив его браком своего юного сына Юрия с Аепиной дочерью.

В том же 1107-м или начале 1108 года северо-восточные владения Мономаха подверглись нападению со стороны Волжской Болгарии — мусульманского государства на Средней Волге и Каме, давнего соседа и торгового партнёра Руси. Уникальное известие об этом сохранилось в так называемой Типографской летописи, составленной в конце XV века с использованием более раннего ростовского летописного свода. Несмотря на то что рассказ носит легендарный характер, он, несомненно, отражает и некоторые реалии этой войны:

В это же лето чудо сотворили Бог и Святая Богородица в Суздальской земле. Пришли болгары войной на Суздаль, и обступили город, и много зла сотворили, воюя сёла и погосты и многих из христиан убивая. Люди же, бывшие в городе, не имея возможности выступить против них, ибо не было у них князя, обратились на молитву Богу и Пречистой Его Матери покаянием и слезами и затворились в городе. И всемилостивый Бог услышал молитву их и покаяние: как в древности помиловал ниневитян^[96], так и этих избавил от бед: ослепил всех ратных болгар; и так, выйдя из города, всех перебили.

(57. С. 72—73)

В следующем году Владимир лично отправится в Суздальскую землю. Одним из результатов этой поездки станет строительство там нового города, которому впоследствии суждено будет стать столицей Северо-Восточной Руси.

Год 1108

Переяславль. Смоленск. Ростов.

Владимир на Клязьме

В то же лето, в том же месяце^[97], пошли Владимир, и Давыд, и Олег к Аепе и [к] другому Аепе, и заключили мир. И взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Тургеневу внучку, месяца января в 12-й день.

...В то же лето преставилась Катерина, Всеволодова дочь, месяца июля в 11-й день^[98].

(45. Стб. 282—283)

В «Поучении» Владимир так вспоминал о событиях этого года:

...И после Рождества заключили мир с Аепой и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом ходил к Ростову...

Поход в Ростовскую землю — очевидно, вместе с сыном Юрием и невесткой — имел важное значение для судеб Северо-Восточной Руси,

только что пережившей нашествие волжских болгар. Самим фактом своего присутствия здесь Мономах должен был восстановить пошатнувшийся порядок, «устроить» землю, предотвратить возможность повторения прошлогодней трагедии. Именно в этот свой приезд князь, по свидетельству новгородских источников, основал новый город на реке Клязьме, получивший его имя^[99]:

Из статьи «А се князя русские»

...Сей (Владимир Мономах. — А.К.) поставил город Владимир Залесский в Суздальской земле, и возвёл насыпь, и создал первую церковь Святого Спаса, за 50 лет до Богородичного поставления^[100]. Потом пришёл из Киева во Владимир сын Мономахов Юрий Долгая Рука и поставил другую церковь каменную, Святого Георгия, за 30 лет до Богородичного поставления^[101]...

(36. С. 467)

В какую-то из своих многочисленных поездок в Ростовскую землю (но едва ли в эту) Владимир Мономах воздвиг здесь ещё две церкви: одну в Ростове, а другую в Суздале. О создании первой — не приводя никаких дат — рассказывает Патерик Киево-Печерского монастыря. Церковь была построена «в меру» той самой печерской церкви Успения Пресвятой Богородицы, на закладке которой некогда присутствовал юный Владимир:

...В своём княжении христолюбец Владимир, взяв меру той Божественной Печерской церкви, создал церковь в граде Ростове, во всём подобную той: в высоту, и в ширину, и в длину. Ещё и надпись на хартии сделал: где и в каком месте какой праздник изображён [в церкви] — и всё то сделал в образ и подобие той великой Богом знаменованной церкви. Сын же его, князь Георгий^[102], слышал от отца Владимира о том, что произошло с той церковью, и в своём княжении создал церковь в граде Суздале в ту же меру. И все те [церкви] со временем распались; эта же Богородицкая одна пребывает вовеки.

(2. С. 11—12)

О создании церкви в Суздале — но уже не Юрием, а самим

Мономахом — мы узнаём из позднейшего припоминания в Суздальской (Лаврентьевской) летописи под 1222 годом:

В лето 6730 (1222). Великий князь Юрий^[103] заложил каменную церковь Святой Богородицы в Суздале на прежнем месте, разрушив старое здание, так как оно начало рушиться от старости, а верх его провалился. Та же церковь создана была прадедом его Владимиром Мономахом и блаженным епископом Ефремом.

(45. Стб. 445)

Год 1109

Киев. Северский Донец

Преставилась Евпраксия, Всеволодова дочь, месяца июля в 9-й день, и положено было тело её в Печерском монастыре у дверей, что в углу, и устроили над ней божницу, где [и] лежит тело её.

В том же году был организован новый поход на половцев — к Северскому Донцу (или «Дону», как называли эту реку на Руси, принимая её за верхнее течение Дона). На этот раз Владимир не участвовал в походе. Вместо себя он послал своего воеводу Дмитра Иворовича:

В то же лето месяца декабря во 2-й день Дмитр Иворович взял вежи половецкие у Дона: тысячу веж взяли, посланные Владимиром князем.

(46. Стб. 260)

Как полагают историки, этот поход, более похожий на набег, носил характер «разведки боем» и должен был подготовить условия для последующего совместного выступления русских князей (154. С. 58). Такой совместный поход и состоялся в следующем году, хотя ожидаемого результата он не принёс.

Год 1110

Воинь. Киев

Из «Повести временных лет»

...Ходили весной на половцев Святополк, и Владимир, [и] Давыд^[104], и дошли до Воиня, и вернулись. В то же лето было знамение в Печерском монастыре в 11-й день февраля месяца: явился столп огненный от земли до небес, а молния осветила всю землю, и в небесах погремело в 1-й час ночи, и весь мир видел. Сперва же этот столп встал на трапезнице каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, перешёл на церковь и встал над гробом Феодосьевым, и потом перешёл на верх церкви, как бы к востоку лицом, и потом стал невидим. Был же это не огненный столп, но явление ангельское, ибо ангел так является: иногда столпом огненным, иногда же пламенем...

(45. Стб. 284)

Как сообщает В.Н. Татищев, неудача весеннего похода князей объяснялась «великой стужей» и конским падежом (75. С. 126). Результатом же этой неудачи стали новые нападения половцев на русские города. В первую очередь пострадали волости Мономаха.

Из Ипатьевской летописи

...В то же лето половцы, придя, воевали около Переяславля по сёлам. В то же лето взяли [полон] половцы у [Чу]чина^[105].

(46. Стб. 260)

Год 1111

Долобск. Половецкая Степь

Неудачи прошедшего года вынудили Мономаха поспешить с организацией нового большого похода на половцев. Ранней весной 1111 года он встретился в Долобске, под Киевом, со Святополком. Князья договорились о совместном выступлении, причём Владимиру опять пришлось уговаривать киевского князя и дружину^[106]. В походе приняли участие также Давыд Святославич и некоторые другие князья.

Из Ипатьевской летописи

Вложил Бог Владимиру в сердце, и начал говорить брату

своему Святополку, понуждая его идти на поганых весной. Святополк же поведал дружине своей речь Владимира. Они же сказали: «Не время ныне отрывать смердов от пашни». И послал Святополк к Владимиру, говоря: «Съехались бы и подумали бы о том с дружиной». Посланные же пришли к Владимиру и передали сказанное Святополком. И пришёл Владимир, и встретились на Долобске, и сели в одном шатре: Святополк со своей дружиной, а Владимир — со своей. И наступило молчание, и затем сказал Владимир: «Брат, ты старше. Начни говорить, как бы позаботиться нам о Русской земле!» И отвечал Святополк: «Брат, ты начни». И сказал Владимир: «Как я могу говорить? А на меня начнут говорить твоя дружина и моя, что он хочет погубить смердов и пашню смердов. Но вот что удивительно мне, брат: что смердов жалеете и коней их, а того не понимаете, что весной начнёт смерд тот пахать лошадью той, и половчин, приехав, поразит смерда стрелой, и захватит лошадь ту, и жену его, и детей его, и гумно его зажжёт. Об этом-то почему не думаете?» И сказала вся дружина: «Верно. Воистину так!» И сказал Святополк: «Вот, брат, я готов с тобою». И послали к Давыду Святославичу, веля ему быть с ними. И встали Владимир и Святополк, и расцеловались, и пошли против половцев: Святополк с сыном своим Ярослав[ом], и Владимир с сыновьями, и Давыд с сыном^[107] — и пошли, возложив надежду на Бога, и на Пречистую Матерь Его, и на святых ангелов Его. И выступили во второе воскресенье поста^[108], а в пятницу^[109] были на Суле. В субботу пошли и были на Хороле, и здесь сани бросили, а в воскресенье пошли, когда крест целуют^[110], и пришли на Псёл, а оттуда перешли на реку Голту. Тут подождали воинов и оттуда пошли к Ворскле. И тут на другой день, в среду^[111], крест целовали со многими слезами и возложили всю свою надежду на крест. И оттуда перешли многие реки в шестую неделю поста^[112], и пошли к Дону во вторник^[113]. И облачились в доспехи, и полки изготовили, и пошли ко граду Шаруканю^[114]. И князь Владимир, едучи перед полками, приставил священников своих^[115] петь тропари и кондаки честного Креста и канон Святой Богородице. Подъехали к городу вечером, и в неделю^[116] вышли из города, и поклонились князьям русским, и вынесли рыбы и вино. И

провели здесь ночь, а на следующий день, в среду^[117], пошли к Сугрову, и, придя, зажгли его. А в четверг пошли с Дона, а на следующий день, в пятницу, месяца марта в 24-й день, собрались половцы, изготовили полки свои и пошли в бой. Наши же князья возложили надежду свою на Бога и сказали: «Примем смерть здесь. Станем же крепко!» И расцеловались друг с другом, [и,] возведя глаза свои к небу, призывали Бога Всевышнего. И когда сошлись полки и была жестокая битва, Бог Всевышний взглянул на иноплеменников со гневом, начали падать они пред христианами. И так побеждены были иноплеменники, и пало много врагов, наших супостатов, пред русскими князьями и воинами на потоке Дегея. И помог Бог русским князьям, и воздали хвалу Богу в тот день. И наутро, в субботу, праздновали Лазарево воскрешение [и] день Благовещения^[118] и, воздав хвалу Богу, проводили субботу, и наступило воскресенье. В понедельник же Страстной недели вновь иноплеменники собрали полки свои — многое множество, и выступили, словно великий лес, и тьмами тьмы обступили полки русские. И послал Господь Бог ангела в помощь русским князьям. И пошли половецкие [полки] и полки русские, и сразились сразу же с полком, и словно гром грянул от столкновения их. И была жестокая битва между ними, и падали убитые с обеих сторон. И стал наступать Владимир с полками своими и Давыд [с полками своими], и, увидев это, половцы обратились в бегство.

И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо побиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы их летели на землю, невидимо отсекаемые. И побили их в понедельник страстной, месяца марта в 27-й день. Избито было многое множество иноплеменников на реке Сальнице, и спас Бог людей Своих. Святополк же, и Владимир, и Давыд прославили Бога, давшего им такую победу над погаными, и взяли большой полон: и скот, и коней, и овец, и колодников много захватили в плен. И спросили колодников: «Как же с такой силой и в таком множестве не смогли вы сопротивляться, но так скоро побежали?» Они же отвечали, говоря: «Как можем биться с вами, когда другие ездили вверху, над вами, с оружием светлым и страшным и помогали вам». Это и были ангелы, посланные от Бога помогать христианам. Это ведь ангел вложил в сердце

Владимиру Мономаху направить братию свою, русских князей, против иноплеменников. Это ведь видение, как уже говорили, видели в Печерском монастыре, будто стоял столп огненный на трапезнице, затем перешёл на церковь и оттуда к Городцу, где и был Владимир в Радосыни^[119]. Тогда и вложил ангел Владимиру в сердце намерение, как уже сказали. Потому и следует восхвалять ангелов, как Иоанн Златоуст сказал...^[120]

Так вот и теперь, с Божьей помощью, молитвами Святой Богородицы и святых ангелов возвратились русские князья восвояси, к своим людям, со славою великою; и до всех стран дальних, то есть до греков, и венгров, и ляхов, и чехов, даже и до Рима дошла она, на славу Богу, всегда, и ныне, и присно, во веки, аминь.

В то же лето преставилась княгиня Всеволодова^[121] месяца октября в 7-й день и положена была у Святого Андрея в монастыре. В то же лето преставился Иоанн, епископ Черниговский, месяца ноября в 23-й день.

(46. Стб. 264—268, 273)

Так был достигнут решающий перелом в войне с половцами. Военные действия были перенесены в Степь. Русским удалось выявить слабое место своего врага. Нападая весной на половецкие становища и городки и разоряя их, они подрывали военный и экономический потенциал противника, истребляли его живую силу, лишали возможности совершать набеги на русские земли. Больше того, страшая русской угрозы, значительная часть половцев вынуждена была покинуть свои кочевья и переселиться подальше от русских границ.

Главным творцом этой победы летопись называет Владимира Мономаха. Редчайший случай — не будучи киевским князем и уступая в иерархическом отношении своему двоюродному брату Святополку, он в ходе совместных военных действий объединённых сил русских князей безоговорочно выдвинулся на первое место. И это не преувеличение летописца, не его тенденциозное стремление приукрасить или возвеличить Мономаха, как иногда полагают.

В представлении и современников, и потомков первенствующая роль князя Владимира Всеволодовича не вызывала сомнений. Слава об этой великой победе дошла до самых отдалённых стран, и именно после неё Владимир сделался *«наипаче же... страшен поганым»*, как выразился

автор его летописной похвалы-некролога. «*Пред его именем, — пишет другой книжник, — трепетали все страны, и по всем землям прошёл слух о нём*».

Эта победа приобретала в глазах современников особое, исключительное значение. В конце XI — начале XII века на Руси всё сильнее ощущались приближение конца света, наступление «последних времён», предшествующих Страшному суду. Мир давно уже вступил во вторую половину седьмого — последнего, по представлениям того времени, — тысячелетия своей истории (год 1111-й от Рождества Христова соответствовал 6619-му от Сотворения мира). Страшное имя измаилтян — предвестников «последних времён», о нашествии которых в канун конца света на земли христиан пророчески рассказывалось во многих византийских эсхатологических сочинениях, — прилагалось на Руси к половцам и другим родственным им кочевым народам южнорусских степей. Борьба с ними русских князей воспринималась как последняя схватка сил добра с прислужниками антихриста, как сугубое исполнение христианского долга. Победа же, одержанная под водительством Владимира Мономаха и при зримом участии Небесных сил, казалось, отодвигала грядущее светопреставление, давала шанс на продолжение самой истории, на спасение всего «христианского мира».

Показательно, что в позднейших построениях просвещённого киевского книжника князь Владимир Всеволодович сравнивался с библейским праотцом Исааком, сыном праведного Авраама^[122]. Именно Исаак, как рассказывается в Книге Бытия, претерпел обиду от своего единокровного брата Измаила (Быт. 21, 9), но в конечном счёте именно Исаак был благословлён своим отцом, а Измаил изгнан (Быт. 21, 10—14). Так же и князь Владимир Всеволодович, поначалу претерпевший поражения от половцев — этих окаянных потомков Измаила, «измаилтян» и «агарян», как их называли на Руси, — одержал над ними историческую победу.

Об этой победе помнили и спустя сто лет после смерти Мономаха. По словам галицкого книжника XIII века, знаменитый князь Роман Мстиславич, праправнук Мономаха, подражал своему великому предку:

...[Сей великий князь Роман, князь галицкий],

подражал деду своему Мономаху, погубившему поганых измаилтян, называемых половцами, изгнавшему Отрока в Обезы, за Железные врата^[123]... Тогда Владимир Мономах пил золотым шеломом из Дона и занял землю их всю, а окаянных агарян

прогнал.

(46. Стб. 716—717)

И это было действительно так, ибо значительная часть половцев под ударами русских откочевала из южнорусских степей в Грузию, где и нашла временное пристанище. А упомянутый летописью могущественный половецкий хан Отрок только после смерти Мономаха смог вернуться в Половецкую степь. Именем Мономаха половцы пугали своих детей в колыбели, писал другой древнерусский книжник, автор знаменитого «Слова о погибели Русской земли»:

...А литва из болота на свет не показывалась, а венгры укрепляли каменные города свои железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что далеко они — за Синим морем. Буртасы, черемисы, водь (?) и мордва бортничали на великого князя Владимира. А кир Мануил, [император] Цареградский^[124], страшился, потому и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не отнял.

(8. С 90)

Конечно же, здесь представлен уже фольклорный, а не исторический образ Владимира Мономаха. Но появление этого фольклорного образа, несомненно, есть следствие того вклада, который вполне реальный, исторический князь Владимир Всеволодович внёс в победу над половцами и укрепление международного авторитета Руси.

При этом беспощадная борьба с половцами, борьба на истребление, представляла собой лишь одну сторону его половецкой политики. Переяславский князь хорошо понимал выгоду союзов с правителями отдельных половецких орд для сокрушения других. Отряды союзных половцев по-прежнему входили в состав его войска и участвовали в битвах — в том числе с теми же половцами. В своём «Поучении» Владимир Мономах с гордостью вспоминал не только о тех половецких «князьях» и «*лепших кметях*» («лучших воинах»), которых он «иссек» или казнил, но и о тех, которых отпустил живыми и с которыми заключил мир:

...И миров заключил с половецкими князьями без одного

двадцать — и при отце, и без отца. И скота давал много, и многие одежды свои.

(45. Стб. 250)

Такой же будет половецкая политика и его потомков, русских князей XII — первой трети XIII века, многие из которых охотно сотрудничали и с половцами, и со «своими погаными» — торками, берендеями и прочими.

...Год 1111-й запомнился ещё и пожарами, охватившими едва ли не бóльшую часть Киевского государства.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Тогда же погорело Подолье в Киеве, и Чернигов, и Смоленск, и Новгород. В том же году преставился Иоанн, епископ Черниговский. В том же году ходил Мстислав на очелу^[125].

(36. С. 20)

Год 1112

Переяславль. Киев

Из Ипатьевской летописи

Ярослав, сын Святополков, ходил на ятвягов и победил их. И, придя с войны, послал в Новгород и взял себе в жёны Мстиславову дочь, Владимирову внучку, месяца мая в 12-й день, а приведена была 29 июня. В то же лето выдали Евфимию Владимировну в Венгрию, за короля. В то же лето преставился Давыд Игоревич месяца мая в 25-й день, и положено было тело его 29-го числа в церкви Святой Богородицы Влахернской на Клове...

(46. Стб. 273)

Оба брака — и дочери, и внучки — были устроены Мономахом прежде всего с политическими целями, дабы покрепче удержать своих союзников — венгерского короля Кальмана (1095—1114) и княжившего во Владимире-Волынском Святополкова сына Ярослава (или Ярославца, как его пренебрежительно будут называть позднее). И для того, и для другого

это были не первые браки. Но если говорить о дочери и внучке Мономаха, то для обеих браки, увы, оказались крайне несчастливymi. Спустя год или самое большее два после свадьбы венгерский король расстанется с Мономаховой дочерью, «застав её, — как рассказывается в «Венгерской хронике», — *в грехе прелюбодеяния*», и отошлёт обратно к отцу (77. С. 363—364). По возвращении на Русь у Евфимии родится сын, названный Борисом. Этот Борис Коломанович (то есть Кальманович) впоследствии будет выступать как один из претендентов на венгерскую корону, хотя сам факт отцовства Коломана признавался далеко не всеми, особенно в Венгрии. Сама же Евфимия Владимировна скончается на Руси в 1138 году.

Не лучше обстояли дела у Мономаховой внучки, ставшей женой Ярослава Святополчича. И её брак также продлился недолго. По-видимому, Ярославец отличался каким-то необузданным нравом — не случайно венгерские источники знают его под весьма красноречивым прозвищем «Бесен» (Bezen) (77. С. 365): надо полагать, от русского глагола «бесоватися», то есть «безумствовать». В 1118 году Ярославец также отошлёт от себя Мстиславу. Позднейшие летописцы объясняли разрыв личными антипатиями князя: «...княгини своя не любя и хотя пустити ю» (то есть развестись с нею) (50. С. 24).

Ещё несколько династических браков были устроены Мономахом около этого времени. В сентябре 1113 года он женит своего сына Романа на дочери перемышльского князя Володаря Ростиславича, а в 1116 году выдаст дочь Агафью за городенского князя Всеволодка (отчество этого князя, правившего в Городне на реке Неман, нынешнем Гродно в Белоруссии, летописи не указывают). Как уже говорилось выше, около 1111 года внучка Мономаха, дочь его старшего сына Мстислава Мальмфрид, была выдана за норвежского конунга Сигурда Крестonosца, а другая Мстиславна, Ингибьёрг, — около 1117 года за датского принца Кнута Лаварда. Ещё раньше одна из дочерей Мономаха оказалась выдана за некоего византийского «царевича», а точнее, авантюриста, объявившего себя чудесно спасшимся сыном византийского царя Романа IV Диогена. Но это отдельная история, о которой мы поговорим ниже.

...В то же лето преставилась Янка, дочь Всеволодова, сестра Владимирова, месяца ноября в 3-й день. Положена была у церкви^[126] Святого Андрея, которую создал отец её; тут ведь и постриглась, при церкви этой, девою...

Год 1113

Переяславль. Киев

Одна из поворотных, ключевых дат в биографии князя Владимира Всеволодовича. Именно в этом году он, достигший шестидесятилетнего возраста, становится наконец киевским князем. Случилось это после того, как 16 апреля 1113 года в Киеве скончался князь Святополк Изяславич, в течение двадцати лет занимавший киевский стол.

Из Ипатьевской летописи

Было знамение в солнце в 1-й час дня. Было видно всем людям: осталось солнца немного, как месяц, рогами вниз, месяца марта в 19-й день ^[127]; а луны — в 29-й [день]. Знамения же эти бывают не к добру... Бывшее же знамение в солнце предзнаменовало Святополкову смерть. Затем ведь приспел праздник Пасхи ^[128], и праздновали его, и после праздника разболелся князь. А преставился благоверный князь Михаил, названный Святополком, месяца апреля в 16-й день, за Вышгородом, и привезли его в ладье в Киев, и обрядили тело его, и возложили на сани. И плакали по нему бояре и вся дружина его; отпев над ним подобающие песнопения, положили его в церкви Святого Михаила, которую он сам создал ^[129]. Княгиня же жена его много богатства раздала монастырям, и священникам, и убогим, так что удивлялись все люди, что такой милости никто сотворить не может...

(46. Стб.274—275)

Щедрость Святополковой княгини была неслучайной. Занимавший столько лет киевский престол Святополк к концу жизни сумел вызвать к себе крайнюю неприязнь киевлян. Его не любили за скупость, за чинимые им и его людьми насилия, и щедрая раздача милостыни его вдовой-половчанкой ситуацию не изменила.

Уже на следующий день после смерти Святополка, 17 апреля, в Киеве вспыхнуло восстание, остріе которого было направлено против тысяцкого Путяты — правой руки умершего князя — и киевских иудеев. Причём косвенным образом к начавшимся беспорядкам оказался причастен князь Владимир Мономах, отказавшийся по первому зову киевлян занять

освободившийся великокняжеский стол.

Наутро же, в 17-й день, устроили совет киевляне, послали к Владимиру, говоря: «Пойди, княже, на стол отцовский и дедов». Услышав это, Владимир много плакал и не пошёл, жалея о брате. Киевляне же разграбили двор Путяты, тысяцкого, пошли на иудеев и разграбили их. И опять послали киевляне к Владимиру, говоря: «Пойди, княже, в Киев. Если же не пойдёшь, то знай, что много зла произойдёт: не только Путятин двор, или сотских, или иудеев разграбят, но пойдут ещё и на ятровь твою^[130], и на бояр, и на монастыри, и будешь, княже, ответ держать, если и монастыри разграбят». Услышав же это, Владимир пошёл в Киев...

Разбирая события этих дней, и в частности начавшиеся в Киеве еврейские погромы, стоит сказать о следующем. Евреи издавна жили в Киеве. Их присутствие здесь зафиксировано источниками по крайней мере с X века, когда Киев входил в орбиту влияния Хазарии — государства, в котором иудаизм был господствующей религией. Известно, что во второй половине XI века преподобный Феодосий, игумен киевского Печерского монастыря, неоднократно вступал с иудеями в религиозные диспуты, о чём рассказывает его Житие (*«многашьды в ноци вьстая и отаи вьсехъ исхожааше къ жидомъ и техъ еже о Христе препирая»*: 6. С.418). Один из кварталов Киева носил название «Жиды», или «Жидове», а близлежащие городские ворота и позднее назывались «Жидовскими». (Слово «жидове» обозначало в древнерусском языке приверженцев иудаизма, иудеев, и не несло в себе какого-либо особого уничижительного оттенка.) В отличие от христианства, осуждающего «лихоимание» (по крайней мере на словах), иудаизм не ставил препятствий для занятия ростовщичеством, и этот род деятельности сделался по преимуществу еврейским во многих средневековых городах — в том числе и в Киеве. Очевидно, именно этим и объясняется направленность киевского восстания^[131]. Но в том-то и дело, что «лихоиманием» занимались в Киеве отнюдь не только иудеи. Не брезговали этим занятием ни сам князь Святополк Изяславич, ни его окружение. Именно поэтому ситуация здесь обострилась до предела. Не стоит забывать также, что совсем недавно, в связи с начавшимися Крестовыми походами, по всей Европе прокатилась волна массовых выступлений против евреев, затронувшая многие византийские провинции и Крым. Выходцев из Руси это тоже коснулось (2. С. 107—108; 117. С. 249

—250). А потому восстание в Киеве можно рассматривать и как своего рода эхо недавних событий.

Историки по-разному оценивают поведение Владимира Мономаха в эти дни. Иногда полагают, что своим отказом принять приглашение киевлян и немедленно ехать в Киев Мономах молчаливо признавал преимущественные права на киевский стол своих двоюродных братьев Святославичей. По-другому, вспоминают о признании Киева наследственным владением Изяславова потомства: ведь у Святополка остался сын, волынский князь Ярослав (Ярославец), который, если следовать духу и букве любечских постановлений, и должен был стать следующим киевским князем. Но любечские постановления умерли намного раньше Святополка, причём умерли, если так можно выразиться, насильственной смертью, к которой был причастен сам Святополк. Уж в чём в чём, а в готовности добровольно уступить Киев своему двоюродному племяннику и к тому же внучатому зятю, Владимира никак нельзя заподозрить; скорее напротив: заключённый годом ранее брак Мономаховой внучки с Ярославом должен был подкрепляться признанием будущих прав Мономаха на Киев со стороны Волынского князя. Ничего не известно нам и о каких-либо претензиях на Киев со стороны Олега и Давыда Святославичей; более того, судя по последующим событиям, оба изначально поддерживали Владимира в качестве киевского князя.

Скорее в действиях Мономаха можно увидеть обычную осторожность. Он не готов был откликнуться на первый же зов, не будучи уверен в том, что его действительно желают видеть в Киеве. И лишь повторная просьба киевлян, точнее, их мольба о помощи, позволяла ему диктовать свою волю, воссесть на «златом» киевском столе в качестве полновластного князя.

И эта повторная просьба-мольба не заставила себя ждать. Из последующего описания торжественной встречи Владимира Мономаха в Киеве явствует, что инициатива его приглашения исходила прежде всего от церковных кругов, и в частности от киевского митрополита грека Никифора. Вступление в Киев становилось уже не личным делом князя, не исполнением его давней мечты, но благом для всего «христианского рода», спасением для киевских церквей и монастырей. И уже промедление оказывалось грехом, за который князь должен был держать ответ на Страшном суде.

Владимир вступил в Киев 20 апреля 1113 года, «в неделю», то есть в воскресенье. Летопись так рассказывает об этом:

Начало княжения Владимира, сына Всеволодова. Владимир

Мономах сел в Киеве в воскресенье. Встречали же его митрополит Никифор с епископами и со всеми киевлянами с честью великой. Сел на столе отца своего и дедов своих, и все люди рады были, и мятеж утих.

Но для того, чтобы мятеж и в самом деле утих, необходимо было принять неотложные меры, способные успокоить народ. Именно с этих неотложных мер и началось киевское княжение Владимира Мономаха.

Главной причиной киевского восстания 1113 года историки единодушно признают непомерное ростовщичество, бесконтрольный и ничем не сдерживаемый рост процентной ставки, когда за неуплату долга и процентов со взятой в долг суммы люди оказывались в долговом рабстве. Насколько острым оказался этот вопрос в годы княжения Святополка Изяславича, видно из поучения, с которым киевский митрополит Никифор — по-видимому, вскоре после своего поставления на кафедру — обратился *«ко игуменом, и ко всему иерейскому и диаконскому чину, и к мирским людям»*. Поучая паству накануне Великого поста, он особо остановился на грехе «лихоимания»: по его словам, «великий рез» (то есть высокий процент), «якоже змия», «изъедает» людей. *«Отдаждь должником долги, — повторяет святитель слова главной христианской молитвы, — аще ли то немошно, поне да (хотя бы. — А.К.) великий рез остави»*. Пост бесполезен для того, кто занимается «резоииманием», то есть даёт деньги в рост: если *«емлеши рез на брате»*, то *«никоея же ти пользы бысть; постя бо ся мниши себе (то есть считаешь себя постящимся. — А.К.), а мясо ядый — не мяса овчая, ни инех скот... но плоть братию; режа бо жилы и закалая его злым ножом — лихоиманием неправедныя мзды тяжкаго реза»* (138. С. 569; 79. С. 186—187).

С этим-то злом и предстояло бороться Владимиру Мономаху. Уже вскоре после вступления в Киев он созвал «дружину свою» (в данном случае своих ближайших советников) в Берестовом — старой пригородной резиденции киевских князей — и принял здесь установления об ограничении ростовщичества — знаменитый «Устав Владимира Всеволодовича», вошедший в состав «Русской Правды» — свода законов, действовавших на территории Руси до конца XV века. По этому уставу (статья 53-я так называемой «Пространной Правды») был отменён тот самый «великий рез», о котором с гневом и осуждением говорил митрополит Никифор. Если кредитор получал в качестве процентов с долга сумму, превышающую сам долг, то он лишался права претендовать на остаток (саму сумму долга) и долг считался выплаченным полностью.

Соответственно, максимальной ставкой при крупных долгосрочных займах были признаны 100 процентов («два реза», по терминологии того времени). Таким образом, сама практика отдачи денег в рост была сохранена и законодательно не запрещалась (хотя и осуждалась Церковью); высоким оставался и процент при совершении сделок, но, главное, был ограничен произвол кредиторов, определён максимум процентной ставки. Должник получал возможность всё-таки выплатить долг и тем самым избежать закабаления. С принятием «Устава» были аннулированы и те старые долги, по которым кредиторы-ростовщики уже получили в качестве процентов «три реза» — 150 процентов от взятой в долг суммы. А значит, сотни киевлян из числа торговцев, ремесленников и прочих «простой чади» освобождались от нависшей над ними угрозы публичной продажи с торгов их имущества, членов их семей и их самих.

Объём установлений Владимира Мономаха в составе «Русской Правды» точно не определён^[132]. Большинство историков, однако, полагают, что именно Мономахом были приняты законы, следующие в тексте «Русской Правды» сразу же за статьёй об ограничении ростовщичества (176. С. 205—207). Этими законами были защищены финансовые интересы купцов («гостей») — причём как русских, так и иноземных, что, несомненно, также должно было способствовать экономическому развитию Киева и других русских городов.

Текст «Русской Правды» содержит и имена тех «княжеских мужей», которые вместе с Мономахом вырабатывали приемлемые для всех правовые нормы. Среди них были и люди князя Олега Святославича, что свидетельствует о поддержке им и его братом Давыдом тех мер, которые принимал новый киевский князь, равно как и о признании ими легитимности Владимира в качестве киевского князя. Правда, личности не всех «княжеских мужей» могут быть установлены по другим источникам. Во всяком случае, здесь были киевский тысяцкий Ратибор, бывший воеводой ещё отца Мономаха, князя Всеволода Ярославича, а затем перешедший на службу к Владимиру; переяславский тысяцкий Станислав, предположительно отождествляемый со Станиславом Тудковичем (или Туковичем) Добрым, сыном Туки, бывшего боярина киевского князя Изяслава Ярославича; а также боярин Олега Святославича Иванко Чудинович (отец последнего, Чудин, также служил князю Изяславу и участвовал в создании так называемой «Правды Ярославичей» — свода установлений, принятых совместно Изяславом, Святославом и Всеволодом; по всей вероятности, после изгнания Изяслава он остался на службе у нового киевского князя Святослава Ярославича, а затем перешёл к Олегу).

Примечательно, что в совещании с князем приняли участие «тысяцкие» (представители городского населения) не только Киева, но и ближних к Киеву Переяславля и Белгорода.

Текст «Устава Владимира Всеволодовича» и двух последующих статей приведён ниже — причём в подлиннике, а не в переводе. Это объясняется тем, что каждая статья требует подробного комментария, в котором раскрывается смысл принятых установлений.

Устав Владимира Всеволодовича
(из «Русской Правды»)

...А се уставить Володимерь Всеволодичь по Святополце, созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора, киевского тысячьского, Прокопью, белгородьского тысячьского, Станислава, переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и уставили до третьяго реза, оже емлетъ въ треть куны; аже кто возьметъ два реза, то то ему взяти исто; паки ли возьметъ три резы, то иста ему не взяти^[133].

Аже кто емлетъ по 10 кунъ от лета на гривну, то того не отметати^[134].

[54] Аже который купецъ истопиться. Аже который купецъ, кде любо шедъ съ чюжими кунами, истопиться, любо рать возьметъ, ли огнь^[135], то не насилити ему, ни продати его^[136]; но како начнетъ от лета платити, такоже платитъ, занеже пагуба от Бога есть, а не виновать есть; аже ли пропиеться, или пробиеть, а в безумьи чюжь товаръ испортить^[137], то како любо тем, чии то товаръ^[138]: ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля.

[55] О долзе. Аже кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ гость из иного города или чюжеземець, а не ведая запустить за нь товаръ^[139], а опять начнетъ не дати гости кунъ, а первии должебити начнуть ему запинати^[140], не дадуче ему кунъ, то вести и на торгъ, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашнимъ, что ся останеть кунъ, тем же ся поделять; паки ли будутъ княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прокъ в дель^[141]; аже кто много реза ималь, то тому не имати^[142].

(7. С. 504—506; подг. текста М.Б. Свердлова)

Наверное, можно говорить о том, что законодательство Мономаха носило отчасти «декларативный характер» (114. С. 231). Но нельзя не признать, что и защита «простой чади» от произвола ростовщиков, и поддержка купечества, и меры по смягчению положения «закупов» (зависимых людей) и «смердов» (этим сюжетам посвящены следующие статьи «Русской Правды») отвечали интересам подавляющего большинства населения тогдашней Руси. И притом установления эти были созвучны собственным убеждениям Мономаха, который в своём «Поучении» с видимой гордостью писал о себе, что *«худаго смерда и убогие вдовице не даль есмь сильным обидети»*, и поучал своих детей более всего почитать *«гостя»* (купца), *«откуда же к вам придеть»*, и *«всего же паче убогих»* не забывать и не давать *«сильным погубити человека»*.

Киевское княжение Владимира Мономаха продолжалось без малого двенадцать лет (1113—1125) и в целом оказалось относительно спокойным. Авторитет киевского князя в русском обществе был непоколебим, и ни русские князья, ни противники Руси половцы не смогли по-настоящему оспорить его.

Из Ипатьевской летописи

Услышали же половцы о смерти Святополковой, и собрались, и пришли к Выри^[143]. Владимир же, собрав сыновей и племянников своих, пошёл к Выри и соединился с Олегом; половцы же бежали. В то же лето посадил он сына своего Святослава в Переяславле, а Вячеслава в Смоленске. В то же лето преставилась игуменья Лазарева монастыря, святая житием, месяца сентября в 14-й день, прожив шестьдесят лет в иночестве, а от рождения девяносто два года. В то же лето взял Владимир за сына своего Романа Володаревну месяца сентября в 11-й день. В то же лето Мстислав заложил церковь каменную Святого Николая в Новгороде на княжем дворе у Торговища^[144]. В то же лето посадил (Владимир) сына своего Ярополка в Переяславле^[145]. В то же лето поставили епископа Даниила в Юрьев, а в Белгород Никиту.

(46. Стб. 276)

Год 1114

Переяславль. Киев

Преставился Святослав, сын Владимиров, месяца марта в 16-й день, и положен был в Переяславле у церкви Святого Михаила, ибо тут отец дал ему стол, выведя его из Смоленска. В то же лето Мстислав заложил Новгород больше прежнего. В то же лето заложена была Ладога из камня, на насыпи, посадником Павлом при князе Мстиславе...

(46. Стб. 277)

Год 1115

Вышгород. Киев

Год грандиозного церковного события — перенесения мощей святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, небесных покровителей Руси, в новую церковь в Вышгороде, построенную несколькими годами раньше князем Олегом Святославичем.

Из «Сказания о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давыда»

...После того как Владимир оковал святые раки^[146], Олег, сын Святославов, замыслил воздвигнуть каменную церковь, [взамен] обрушившейся в Вышгороде. И, приведя мастеров, повелел им возвести церковь, дав им в изобилии всё, что необходимо. И когда она была завершена и расписана, много раз обращался к Святополку, прося его перенести святых мучеников в построенную церковь. Тот же втуне оставлял труд его и не желал перенесения, так как не сам построил ту церковь.

Спустя немного времени, на второй год после устройства той церкви, Святополк преставился^[147], и начались среди людей сильный мятеж, и крамола, и немалое волнение; и тогда все люди, прежде всего знатные и нарочитые мужи, соединившись... стали умолять Владимира, чтобы он, придя, остановил крамолу в народе. И, придя, усмирил тот мятеж и ропот в людях, и принял княжение над всей Русской землёй в лето 6621 (1113).

Когда же Владимир стал владеть всею властью, он замыслил перенести святых страстотерпцев в построенную церковь и возвестил о том своей братии — Давыду и Олегу, так как те постоянно обращались к нему и понуждали его перенести

святых. И собрал тогда Владимир сыновей своих, также и Давыд и Олег пришли со своими сыновьями в Вышгород. И митрополит Никифор собрал всех епископов: из Чернигова Феокиста, из Переяславля Лазаря, Мину из Полоцка, Даниила из Юрьева^[148]; и игуменов всех: Прохора Печерского, Савву от Святого Преображения, Сильвестра от Святого Михаила, Петра от Святой Богородицы Влахернской, Григория от Святого Андрея, и Феофила от Святого Димитрия, и всех прочих преподобных игуменов; и весь чин святительский и иноческий, и всех клириков, и всё священство. И сошлось тут многое множество людей из всей Русской земли и из иных стран, и князья, и все бояре, и все старейшины, и воеводы всей Русской земли, и все власти всей страны — попросту говоря, тут были всякое множество, и всякая область, и все: богатые и убогие, здоровые и больные, так что переполнился весь город, и даже на городских стенах не помещались.

И в первый день месяца мая, в субботу второй недели по Пасхе, освятили церковь. На следующее утро, в святое воскресенье, когда поётся о Мироносицах^[149], во второй день того же месяца, начали петь утрению в обеих церквях^[150]. Сначала повезли Бориса, возложив его на сани, которые были для того специально устроены. И с ним шёл Владимир с великим благоговением, а с ним митрополит и священство со свечами и кадилами. И пошли, волоча за огромные верёвки, вельможи и все бояре, теснясь и давя друг друга. По обеим же сторонам пути, по которому волочили честные раки, устроены были ограждения, и из-за множества людей нельзя было ни идти, ни волочить их. Тогда Владимир повелел разбрасывать людям деньги, и меха, и паволоки. И, увидев это, люди повернули туда, а другие, напротив, оставив всё то, к святым ракам стали приближаться, чтобы быть достойными прикоснуться к ним. И из всего множества людей, сколько ни было их, ни один не мог сдержать слёз от радости и от великого веселия. И так едва смогли дотащить их. Так же и святого Глеба затем поставили на другие сани. И Давыд с ним, и епископы, и клирики, также и черноризцы, и бояре, и бесчисленное множество людей; и все восклицали: «Кирие елеисон»^[151], и со слезами Бога призывали. И было такое преславное чудо. Когда везли святого Бориса,

прошли без помехи, только от людей теснота была; а когда святого Глеба повезли, остановились сани недвижимо. И когда потянули с силою, оборвалась верёвка, хотя и была она очень толстой, такой, что едва мог человек обеими руками обхватить, и вот за один раз порвалась. Люди же восклицали: «Кирие елеисон». И было многое множество людей по всему городу, и на стенах, и на забралах городских, словно пчёлы, и изо всех уст голос исходил: «Господи, помилуй!», словно гром. И так с утрени до литургии едва смогли провезти их в церковь.

(1. С. 62—66)

При всей подробности повествования автор «Сказания о чудесах» упустил (или, может быть, нарочно исключил) весьма важный, в том числе и для характеристики князя Владимира Всеволодовича, эпизод в истории с перенесением мощей. Как явствует из летописного рассказа, во время торжества между князьями произошёл спор о том, куда ставить раки со святыми мощами. Дело едва не дошло до разрыва, и только митрополиту удалось помирить князей и уговорить их положиться на Высшую волю — жребий:

Началась же распря между Владимиром и Давыдом с Олегом, ибо Владимир хотел поставить их (гробницы князей. — А.К.) посреди церкви и возвести ковчег серебряный над ними, а Давыд и Олег хотели поставить их в комару^[152], «где отец мой наметил», на правой стороне, где была устроена комара для них. И сказали митрополит и епископы: «Бросьте жребий — и где выберут мученики, там их и поставим». И согласились с этим, и положил Владимир свой жребий, а Давыд и Олег — свой жребий на святой трапезе^[153], и вынул жребий Давыдов и Олегов. И поставили их в ту комару на правой стороне, где и ныне лежат... Князья же, и бояре, и все люди праздновали три дня, и воздали хвалу Богу и святым мученикам, и так разошлись каждый восвояси.

(46. Стб. 280—282)

Как видим, Владимиру пришлось уступить и тем сохранить мир и добрые отношения между князьями. Но его ревность к памяти первых

русских святых, а вместе с тем и стремление не отстать от Олега в их почитании нашли выражение в очередном украшении гробниц Вышгородской церкви:

...Затем, после перенесения [мощей, князь Владимир] ещё больше украсил святые гробницы^[154]. Ибо оковал их серебряными досками, изобразив на них святых и позолотив их, ограду же оковал серебром и золотом, устроив её с большими хрустальными подвесками, поверху же украсил в изобилии золотом; и светильники поставил позолоченные, и свечи на них, всегда горящие. И так хорошо всё украсил, что не могу и сказать подобающими словами обо всём этом великолепии. Так что многие приходили из Греции и из других земель и говорили: «Нигде такой красоты нет, хотя многих святых видели мы гробницы». И устроил это на память о добрых своих делах: во-первых, от Господа, сказавшего: «Не собирайте себе сокровищ на земле, но на небе» (ср. Мф. 6, 19—20); во-вторых, от святых, ибо так втайне почтил их; в-третьих, от людей, приняв благословение и похвалу от всех, видевших и слышавших об этом.

(1. С 63)

К тому же 1115 году относится ещё одно грандиозное предприятие Владимира: сооружение в Киеве первого (по всей вероятности, наплавного) моста через Днепр, о чём также сообщается в летописи.

Владимир особо почитал память святого Бориса, принявшего мученическую смерть на реке Альте, вблизи его родного Переяславля. Не случайно он лично участвовал в перенесении именно его мощей в Вышгороде, в то время как Давыд Святославич, соименный святому Глебу (в крещении Давыду), — в перенесении мощей «своего» святого. Известно, что Владимир хранил у себя меч святого Бориса. (Много лет спустя меч этот окажется у его внука князя Андрея Юрьевича Боголюбского, который никогда с ним не расставался; в роковую для Андрея ночь на 29 июня 1174 года Борисов меч будет выкраден из княжеской опочивальни, а безоружный князь убит заговорщиками из числа своих приближённых.) Спустя два года после торжественного освящения Вышгородского храма, в 1117 году, Владимир заложит на месте гибели Бориса каменную церковь во имя святых братьев, которую летописец назовёт «прекрасной» и «милой», то есть любимой князем.

Вскоре после вышгородских торжеств, 1 августа 1115 года, умер князь Олег Святославич. Его брат Давыд, старший в роде черниговских князей, продолжал поддерживать Владимира во всех его начинаниях. В частности, он оказался на стороне Владимира в его войне с минским князем Глебом Всеславичем, сыном давнего недруга князей Ярославова рода Всеслава Полоцкого.

Год 1116

Киев. Минск. Подунавье. Дон

Из Ипатьевской летописи

Приходил Владимир на Глеба. Глеб ведь повоевал Дреговичскую землю, и Случеск сжёг^[155], и не раскаялся в этом, не покорился, но ещё более прекословил Владимиру, укоряя его. Владимир же, надеясь на Бога и на правду, пошёл к Смоленску (следует читать: Минску. — А.К.)^[156] с сыновьями своими, и с Давыдом Святославичем, и с Ольговичами. И взял Вячеслав Оршу и Копысу^[157], а Давыд с Ярополком взяли Друцк на щит; а сам Владимир пошёл к Смоленску (Минску. — А.К.), и затворился Глеб в городе. Владимир же начал ставить избу возле обоза своего^[158]; Глеб же, увидев это, ужаснулся и стал молить Владимира, посылая к нему послов. Владимир же сжалился о том, что проливается кровь в дни Великого поста^[159], и заключил с ним мир. Глеб же, выйдя из города с детьми и с дружиной, поклонился Владимиру. И договорились о мире, и обещал Глеб во всём слушаться Владимира. Владимир же, умирив Глеба и дав ему наставление обо всём, отдал ему Минск, а сам возвратился в Киев. Ярополк же срубил город Желни для дручан, которых взял в плен.

В то же лето Мстислав Владимирович ходил на чудь с новгородцами и с псковичами и взял город их, называемый Медвежья Голова^[160], и погостов без числа взял, и возвратился восвояси со многим полоном.

(46. Стб. 282—283)

Война с Глебом пока что была далека от завершения. Спустя три года Владимир отнимет у Глеба за какую-то провинность Минск, а самого князя

бросит в киевскую темницу.

Ещё одно событие этого года заслуживает отдельного разговора. Речь идёт о начатой (или возобновлённой) Мономахом войне с императором Алексеем I Комнином (1081—1118) — последней русско-византийской войне в истории двух стран:

В то же лето пошёл Леон, цесаревич, зять Владимиров, на Кир Алексея цесаря^[161], и сдались ему несколько городов дунайских. И в Дерестре городе обманом убили его два сарацина, посланные цесарем, месяца августа в 15-й день. В то же лето князь великий Владимир послал Ивана Войтишича и посадил посадников по Дунаю... В то же лето ходил Вячеслав на Дунай с Фомой Ратиборичем. И, придя к Дерестру и ничего не добившись, возвратились...

(46. Стб. 283—284)

О зяте Мономаха «Лже-Диогене» мы уже вскользь упоминали в книге. На Руси его звали Леоном Девгеневицем (то есть Диогеновицем) и признавали за сына императора Романа IV Диогена (1068—1071), хотя настоящий сын Диогена погиб при осаде Антиохии ещё в конце 70-х или начале 80-х годов XI века. Самозванец, выдававший себя за чудесно спасшегося царевича, не принадлежал к знатному роду и, по словам византийской писательницы принцессы Анны Комнины, происходил «из низов», будучи в прошлом воином. Собрал вокруг себя половцев, он около 1094 года начал войну против императора Алексея, но был обманом захвачен в плен и ослеплён (4. С. 266—272). Сведения об этом дошли до русского летописца, который внёс их в летопись под 1094/95 годом:

Ходили половцы на греков с Девгеневицем, воевали в Греческой земле; и цесарь захватил Девгеневица и приказал его ослепить.

(45. Стб. 226—227)

После этого сведения о самозванце надолго исчезают из источников. Сумел ли он убежать из-под стражи и вновь укрыться у половцев? Добрался ли до Руси, где в нём готовы были увидеть царского сына? Обычно полагают, что именно его, бежавшего на Русь, Владимир Мономах

избрал своим зятем. Если так, то Владимир жестоко обошёлся с дочерью, выдав её не просто за старика^[162], но ещё и за слепца. Однако история самозванчества знает слишком много случаев, когда одно и то же имя принимают на себя разные люди, никак не связанные друг с другом. Можно думать, что и здесь имел место такой случай и «Девгениевич» статьи 1094/95 года и зять Мономаха — разные люди. Так или иначе, но «Лже-Диоген» оказался нужен русскому князю. Именно с его помощью князь Владимир Всеволодович вознамерился воплотить в жизнь весьма амбициозный проект — установление своей власти в Подунавье.

Поддержка, оказанная им византийскому самозванцу, означала открытый разрыв с правящим императором Алексеем I Комнином и более того — непризнание за последним прав на византийский престол. В числе городов, захваченных в 1116 году его зятем, назван Дерестр, или Доростол (нынешний город Силистра, в Болгарии), — крупнейшая болгарская крепость на Дунае, некогда служившая главной военной базой для киевского князя Святослава Игоревича. Надо полагать, что Владимир Мономах, как и его пращур, считал Нижнее Подунавье зоной своих стратегических интересов. Обладание этим районом давало ощутимую экономическую выгоду, а также позволяло оказывать влияние на процессы, происходившие как в Византии, так и среди кочевавших здесь половцев и печенегов.

Летописец не случайно подчёркивает, что болгарские города добровольно сдались самозванцу: кажется, население готово было признать его. Между прочим, реальный сын императора Романа Диогена по матери принадлежал к роду болгарских царей, а значит, принявший его имя «Лже-Диоген» мог претендовать и на воссоздание независимого Болгарского царства (101. С. 310). Самозванец в итоге был убит — не без участия тайных агентов византийского императора, — но и это не остановило Мономаха. Он продолжал действовать — теперь уже в интересах своего внука Василия, которого русские летописи называют то Васильком Леоновичем (по отцу), то Васильком Маричиничем, или Маричичем (по матери), и притом именуют «царевичем». Очевидно, целью Мономаха было образование на Дунае независимого от Византии государственного образования под покровительством Киева во главе с малолетним «царевичем» Василием «Леоновичем».

Алексею, однако, удалось выдать русские отряды с Дуная и отвоевать Доростол. Новая экспедиция, направленная Мономахом на Дунай в том же 1116 году, также оказалась неудачной: войска во главе с сыном Мономаха Вячеславом и воеводой Фомой Ратиборичем вынуждены были

ни с чем возвратиться обратно.

Однако неудачу дунайских походов русского князя можно признать лишь относительной. После смерти императора Алексея Комнина (15 августа 1118) Владимиру удастся восстановить выгодные отношения с Империей и даже заключить династический союз с сыном Алексея императором Иоанном II Комнином (1118—1143). Дружественные отношения двух стран сохранятся и при сыне Мономаха киевском князе Мстиславе Великом. Что же касается русского влияния в Нижнем Подунавье, то оно будет ощущаться на протяжении всего XII века. Из смутных показаний русских источников известно, что власть галицких князей простиралась до низовий Дуная, где одно время существовало даже самостоятельное русское княжество в Берлади (современный Бырлад, в Румынии). В середине XII века император Мануил Комнин передаст города на Дунае во временное владение сначала внуку Мономаха князю Василию Юрьевичу, изгнанному из Руси старшим братом Андреем Боголюбским, а затем, — очевидно, после смерти Василия — некоему русскому князю Владиславу (из русских источников неизвестному), перешедшему под покровительство императора *«с детьми, женой и всеми своими людьми»* (28. С. 186—187).

...Удивительно, но в эти годы у Владимира Мономаха хватало сил на то, чтобы действовать, и притом действовать весьма агрессивно, сразу на нескольких направлениях. Помимо войн с Глебом Минским и императором Алексеем Комнином, он организует в том же 1116 году военную экспедицию против половцев на Дон, в самое сердце Половецкого поля (здесь, очевидно, имеется в виду собственно река Дон). Для его сына Ярополка донской поход обернулся неожиданной личной удачей:

...В то же лето послал Владимир сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяли три города: Сугров, Шарукань, Балин. Тогда же Ярополк привёл себе, взяв в плен, жену, весьма красивую, дочь ясского князя^[163]... В то же лето бились половцы с торками и с печенегами у Дона, и рубились два дня и две ночи, и пришли на Русь к Владимиру торки и печенеги.

В то же лето преставился Роман Всеславич. В то же лето преставился Мстислав, внук Игорев. В то же лето Владимир отдал дочь свою Агафью за Всеволодка^[164].

На следующий год пристанище на Руси попросят ещё и некие «беловежцы» — по-видимому, жители Белой Вежи (или Саркела), старой,

ещё хазарской крепости на Дону. Жестокая степная война между половцами и торками затронула и их, заставив покинуть родные места. Владимир, наряду с торками и печенегами, примет и этих изгнанников — возможно, видя в них силу, способную в будущем угрожать не только половцам, но и Византии. Надо сказать, что русские князья вообще охотно принимали торков, берендеев и прочих кочевников, предоставляя им земли на южном пограничье своей земли. «Свои поганые» становились заслоном, щитом, прикрывавшим собственно русские земли от «диких» сородичей. Торки и берендеи с ненавистью относились к половцам и участвовали на стороне русских князей во всех войнах с ними. Киевские князья неизменно привлекали «своих поганых» и к внутренним, междоусобным войнам. Со временем «торкский» фактор станет важнейшим в борьбе русских князей за «золотой» киевский стол. Впрочем, политика самого Мономаха в этом вопросе была не слишком последовательной. Спустя несколько лет он изгонит из русских пределов тех самых берендеев, торков и печенегов, которых принял раньше. Продолжит Владимир поддерживать добрые отношения и с отдельными половецкими ордами: так, уже в следующем году он женит своего младшего сына Андрея на половчанке, внучке старого врага Руси Тугоркана.

Ещё одно событие этого года не имело никакого отношения к внешней или внутренней политике князя Владимира Всеволодовича. Но в истории русской культуры оно поистине судьбоносно, а для нас ещё и особенно важно. В 1116 году игумен близкого князю Владимиру Всеволодовичу и всему его семейству киевского Выдубицкого Михайловского монастыря Сильвестр (в будущем епископ Переяславский) составил одну из редакций знаменитой «Повести временных лет» — первого сохранившегося русского летописного свода. Его запись об этом, сделанная несколькими годами позже, сохранилась в составе Лаврентьевской летописи, в списке XIV века:

Игумен Сильвестр Святого Михаила написал книги сии
Летописец, надеясь от Бога милость получить, при князе
Владимире, когда княжил он в Киеве, а я в то время
игуменствовал у Святого Михаила, в 6624 (1116), индикта 9 лета.
А кто читает книги сии, помяни мя в молитвах.

(45. Стб. 286)

До нашего времени дошли две редакции «Повести временных лет»: одна в составе Лаврентьевской летописи, другая — Ипатьевской. Как

полагают, обе редакции (в историографии их с некоторой долей условности принято называть «Второй» и «Третьей») были созданы в годы киевского княжения Владимира Мономаха. Игумен киевского Выдубицкого монастыря Сильвестр признаётся автором более ранней («Второй»). Появление же следующей («Третьей») редакции историки связывают с сыном Мономаха князем Мстиславом Владимировичем, переведённым отцом в 1117 году из Новгорода в южную Русь. Созданная при Владимире Мономахе летопись легла в основу всего последующего русского летописания. Пройдут века — а летописцы Москвы, Новгорода, Твери или отдалённых окраин Русского государства по-прежнему будут начинать свой труд памятными словами о том, *«откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача першее княжить и откуда Руская земля стала есть»*; по-прежнему будут рассказывать о первых киевских князьях, потомками и продолжателями которых стали московские великие князья и цари.

Год 1117

Новгород. Киев. Владимир-Волынский. Переяславль

Из Ипатьевской летописи

Привёл Владимир Мстислава из Новгорода, и дал ему отец Белгород, а в Новгороде сел Мстиславич, сын его, внук Владимиров...

(46. Стб. 284)

Более подробно, с указанием точных дат и некоторых последствий совершённого обмена, о том же говорится в Новгородской Первой летописи старшего извода:

Пошёл Мстислав в Киев на стол из Новгорода, марта в 17-й день, а сына Всеволода посадил в Новгороде на столе. В то же лето было знамение в Новгороде, в Святой Софии, от грома, месяца мая 14-й день, в 10-м часу: когда пели вечерню, один из диаконов поражён был громом, а весь клирос с людьми пали ниц, но живы остались. А вечером было знамение в луне...

В лето 6626 (1118)... В то же лето привёл Владимир с Мстиславом всех бояр новгородских в Киев, и приводил их к честному кресту, и отпустил их домой, а иных у себя оставил...

Перейдя по воле отца в Белгород — ближайшую к Киеву крепость, Мстислав, по сути, становился соправителем отца — подобно тому, как это было в Византии, где старший царевич ещё при жизни отца провозглашался императором-соправителем. Во всяком случае, именно так расценили произошедшее в Новгороде. Цель Владимира, очевидно, состояла в том, чтобы впоследствии, после его смерти, Мстислав без каких-либо осложнений смог бы занять «златой» киевский стол. Примечательно, что, помимо Белгорода, Мстислав получил и Переяславль, которым стал владеть совместно с братом Ярополком. Более того, князь Владимир Всеволодович тщательно продумал и последующее развитие событий. Задуманная им политическая комбинация должна была навечно закрепить Киев за его потомками. При его непосредственном участии был скреплён крестным целованием договор между двумя его старшими сыновьями: Мстиславом и Ярополком. По этому договору (остававшемуся пока что в глубокой тайне), после смерти Мстислава Киев должен был перейти к Ярополку, но после Ярополка — достаться старшему сыну Мстислава Всеволоду — тому самому, который и был переведён в Новгород, на место отца. Об этом договоре позднее, уже после смерти князя Мстислава Владимировича, будет вспоминать сам Ярополк. По словам летописца, он призовет своего племянника, князя Всеволода Мстиславича, из Новгорода и передаст ему Переяславль — родовое владение Мономашичей, *«по крестному целованию: как урядились они с братом его Мстиславом по отчему повелению, когда дал им [отец] с Мстиславом Переяславль»* (45. Стб. 301, под 1132 годом). Осуществление этого плана облегчалось тем, что князь Ярополк Владимирович был бездетен и ему не приходилось заботиться о наделении волостями собственных детей. У Мстислава же имелось несколько сыновей, и старшие — прежде всего Всеволод, Изяслав и Ростислав — всегда и во всём действовали заодно друг с другом, представляя собой мощную и сплочённую силу.

Но у этого, казалось бы, блестящего плана имелся изъян. В своих расчётах Владимир Мономах не учёл интересы собственных младших сыновей от второго брака, и прежде всего княжившего в далёкой «Залесской» земле Юрия Долгорукого. Именно Юрий при поддержке своего единоутробного брата Андрея вмешается в ход событий и выгонит в 1132 году из Переяславля племянника Всеволода. Так блестяще продуманная Мономахом политическая комбинация потерпит крах, а конечным итогом раскола в Мономаховом семействе станет потеря ими

Киева.

Трагической в результате всех этих политических переворотов окажется и судьба внука Мономаха князя Всеволода Мстиславича, так и не ставшего переяславским и тем более киевским князем и вынужденного вернуться в Новгород. Новгородцы не простят ему кратковременный уход в Переяславль в 1132 году и спустя несколько лет, в 1136 году, схватят его, заточат вместе с женой и детьми в темницу, а затем выгонят из города. А когда Всеволода пригласят на княжение жители Пскова, новгородцы двинутся войной на свой бывший «пригород». В разгар начавшейся войны, 11 февраля 1138 года, Всеволод Мстиславич скончается, а спустя некоторое время возле его могилы начнут совершаться чудеса, что даст основание для прославления первого псковского князя Всеволода (в крещении Гавриила) в лике святых...

Вступив на «золотой» киевский стол, Владимир начал рассматривать Киев как свою новую «отчину», которую он был волен передать по наследству детям. Подобный взгляд логично вытекал из тех принципов политического устройства Руси, которые были провозглашены на Любечском съезде 1097 года и которые Владимир, будучи переяславским князем, старался безусловно соблюдать. Тем более что Киев и был в точном смысле слова его «отчиной» и «дединой». Правда, в Любече Киев был признан «отчиной» Святополка, а за Владимиром закреплялись Переяславль и «Залесские» земли. Но сменив Святополка в Киеве — причём не по своей воле, но по мольбе самих киевлян! — Владимир унаследовал и права на Киев своего двоюродного брата — во всяком случае, сам он был твёрдо уверен в этом. Однако с таким пониманием условий Любечского договора не мог согласиться прямой наследник Святополка, волынский князь Ярослав. Он смирился с переходом Киева Владимиру в 1113 году (тем более что князья заключили между собой союз, скреплённый женитьбой Ярослава на внучке Мономаха), но, очевидно, полагал, что Киев должен достаться ему после смерти Мономаха, ибо в династическом отношении сын Святополка Изяславича считался старше своих троюродных братьев Мономашичей. По всей видимости, Ярослав правильно истолковал действия Мономаха как попытку закрепить Киев за своим потомством. Не случайно открытые военные действия между князьями начались сразу после того, как сын Мономаха был переведён в Белгород. Причём в этой войне Владимир поначалу получил поддержку большинства русских князей.

Продолжим прерванный рассказ Ипатьевской летописи о событиях этого года:

...В то же лето ходил Владимир на Ярослава к Владимиру^[165], и Давыд, [и] Ольговичи, и Володарь, и Василько. И осадили его в городе Владимире, и стояли шестьдесят дней, и заключили мир с Ярославом. Ярослав же покорился и ударил челом дяде своему Владимиру; Владимир же дал ему наставление обо всём, повелев ему приходить к себе, «когда тебя позову». И так, заключив мир, разошлись каждый восвояси...
(46. Стб. 284—285)

Что стало непосредственным поводом к войне, в точности неизвестно. Сам Мономах в «Поучении» писал о каких-то «злобах», то есть враждебных действиях волынского князя: «*ходихом къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злоть его*» (это последний из походов, упомянутых им в «Поучении»). По сведениям (или догадке?) В.Н. Татищева, Ярослав намеревался захватить земли по реке Горыни, принадлежавшие Владимиру, а также вступил в союз с поляками с целью отнять у тогдашних союзников Мономаха Ростиславичей. Польский же историк XVI века Мацей Стрыйковский полагал, что Владимир Мономах подозревал Ярослава в намерении ни больше ни меньше как отнять у него Киев, в чём, однако, Ярослав был не виновен (86). Насколько основательны все эти предположения, сказать трудно.

Так или иначе, но после двухмесячной осады Владимира-Волынского Ярослав был вынужден просить Мономаха о мире. Киевский летописец говорит о полном успехе объединённой рати и о покорности волынского князя. Однако в другом летописном своде — Лаврентьевской (Суздальской) летописи — акценты расставлены иначе:

...Ходил Владимир на Ярославца Святополчича к Владимиру и помирился с ним; и пошёл Владимир от него, сердясь на него сильно.

(45. Стб. 291)

И действительно, конфликт между дядей и племянником был далеко не исчерпан. Новая война между ними начнётся очень скоро, и первым же результатом этой войны станет переход Владимира и всей Волынской земли в руки Мономаха.

О других событиях этого года мы отчасти уже говорили выше:

Из Ипатьевской летописи

...Тогда же пришли половцы к болгарам, и выслал им князь болгарский питье с отравою, и, выпив, Аепа и прочие князья все умерли. В то же лето преставился Лазарь, епископ Переяславский, 6 сентября^[166]. В то же лето пришли беловежцы на Русь. В то же лето взял Владимир за Андрея внучку Тугорканову. В то же лето потряслась земля сентября в 26-й день. В то же лето вывел Владимир Глеба из Минска^[167]. И церковь заложил на Альте мучеников...

(46. Стб. 285)

Церковь Святых Бориса и Глеба на реке Альте была возведена на том самом месте, где погиб святой князь Борис. Об этой церкви летописец вспомнит и в посмертной похвале князю Владимиру Всеволодовичу, ибо именно здесь, *«в милой церкви, которую создал старанием многим»*, князь и скончается 19 мая 1125 года.

Год 1118/19

Киев. Владимир-Волынский

Из Лаврентьевской летописи

Бежал Ярославце Святополчич из Владимира в Польшу. И послал Владимир сына своего Романа во Владимир княжить. В то же лето преставился цесарь Алексей, и принял после него цесарство сын его Иоанн Порфирогенит^[168]. В то же лето преставился князь Роман, сын Владимиров, месяца января в 15-й день^[169]. И Глеб Всеславич преставился^[170]. В то же лето послал Владимир другого своего сына, Андрея, княжить во Владимир.

(45. Стб. 292)

В Ипатьевской летописи сообщается о бегстве Ярослава Святополчича не в Польшу, а «в Угры» (Венгрию); *«и бояре его отступились от него»*, добавляет летописец. Причины и обстоятельства разрыва объясняются в более поздних летописях:

Из Воскресенской летописи

Ярослав Святополчич отослал от себя жену свою, дочь

Мстиславову, внучку Владимирову; Владимир же, услышав об этом, собрал войска и пошёл на него. И убежал Ярослав Святополчич из Владимира в Угры, и бояре его отступили от него.

А в так называемой Архивской копии Воскресенской летописи XVIII века к этому — не известно, правда, кем и на каком основании — прибавлено:

Бежал же, [оттого что] княгини своей не любил и хотел развестись с нею. Владимир же Мономах не позволил ему, потому что была ему внучка, а Мстиславова дочь, и за это ходил Владимир на него часто.

(50. С. 24)

Князь Ярослав Святополчич, разумеется, не смирился с потерей Волыни. Он имел давние и прочные связи как с Польшей, так и с Венгрией; был «своим» в обоих этих государствах. Первым браком Ярослав был женат на дочери венгерского короля Ласло (Владислава) I (1077—1095)^[171], а его родная сестра Сбыслава была замужем за польским князем Болеславом III Кривоустым (1102—1138). Волынский князь не раз ездил в Венгрию и приводил оттуда военную помощь, в том числе и своему отцу Святополку Изяславичу; принимал он участие и в войнах на Западе на стороне как венгерских, так и польских правителей. Возможно, Ярослав действительно бежал в Венгрию, но уже вскоре он оказался у зятя в Польше, где и застают его последующие события. Не случайно именно в Польшу будет организован Мономахом поход в следующем, 1120 году.

Если настоящая война с Ярославцем была ещё впереди, то с другим своим недругом, князем Глебом Минским, Мономах окончательно расправился в текущем, 1119 году.

Из Ипатьевской летописи

В лето 6627 (1119). Владимир отобрал Минск у Глеба Всеславича, [а] самого его привёл в Киев. В то же лето преставился в Киеве Глеб Всеславич сентября в 13-й день.

Нетрудно догадаться, каковы были условия содержания минского князя в Киеве. Не в оправдание князя Владимира Всеволодовича (ибо не нам дано оправдывать или осуждать его), но для более точного понимания произошедшего, напомним, что полоцкие князья, к которым принадлежал

Глеб, ещё со времён Владимира Святого и Ярослава Мудрого воспринимались как «чужие» для остальных русских князей и противопоставлялись князьям «Ярославова племени». Спустя десять лет, в 1129 году, сын Мономаха Мстислав Великий, казалось бы, окончательно решит «полоцкий» вопрос, изгнав полоцких князей в заточение в Византию. И только после смерти Мстислава те сумеют вернуться на Русь.

Год 1120

Киев

Сам Мономах по возрасту уже не участвовал в военных походах, посылая вместо себя сыновей. С их помощью он вёл весьма активную политику, действуя по-прежнему сразу на нескольких направлениях.

Из Лаврентьевской летописи

В лето 6628 (1120). Ярополк^[172] ходил на половцев за Дон и, не найдя их, возвратился обратно. И Георгий^[173], брат его, ходил на болгар, и взял полон большой, и войско их победил...

(45. Стб. 292)

Из Ипатьевской летописи

Георгий Владимирович ходил на болгар по Волге, и взял полон большой, и полки их победил, и, повоевав, пришёл в здравии с честью и славой. Тогда же послал Владимир Андрея с погаными на ляхов, и повоевали их. В то же лето преставился Ростислав, сын Давыдов.

(46. Стб. 285—286)

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Пришёл Борис посадничать в Новгород.

(36. С. 21)

Поставление в Новгород посадника не из местных боярских семейств, а «со стороны» — очевидно из Киева, — несомненно, было связано с событиями двухлетней давности. Напомним, что тогда, в 1118 году, новгородские бояре были привезены в Киев и приведены к крестному

целованию на верность Мономахову семейству, причём часть из них оставлена в Киеве на положении заложников. Владимиру хотелось, чтобы его юный и не слишком опытный внук Всеволод в делах управления городом мог опереться на действительно верного ему человека, никак не зависевшего бы от новгородских боярских кланов. А потому, когда в 1119 году умер посадник Константин Моисеевич, нового выбирать, вопреки обычаю, не стали. Ставленник Мономаха Борис, по-видимому, оставался посадником до самой смерти Мономаха в 1125 году. После же этого традиция выборов посадника будет возобновлена и место Бориса займёт новгородец Мирослав Гюрятинич, сын бывшего посадника Гюряты.

Год 1121

Киев. Смоленск (?)

Из Ипатьевской летописи

Прогнал Владимир берендеев из Руси, а торки и печенеги сами бежали^[174]. В то же лето приходил Ярослав с ляхами к Червену при посаднике Фоме Ратибориче и воротился обратно, ничего не добившись. В то же лето преставился в Киеве митрополит Никифор месяца апреля...

В «Истории Российской» В.Н. Татищева о событиях этого года рассказано намного подробнее — правда, опять-таки неизвестно, на основании каких источников. Причём известие о нападении Ярославца Святополчича на город Червен как бы «удвоено», а среди действующих лиц появляются персонажи, скорее всего вымышленные самим Татищевым:

...Ярославец с помосцию поляков пришел к Червеню, где был (посадник) наместник Фома Ратиборич, которой, вышед из града, победил поляк и прогнал их за границы. Владимир же послал воеводу Андриана Почаина с полками в Польшу, и тот, много поплня и разоря в Польше, возвратился.

6629 (1121)... Владимир, князь великий, был с детьми своими в Смоленске для разсмотрения несогласей и усмирения полоцких князей и некоторых других разпорядков. Тогда Ярославец Святополчич, усмотря себе время удобное, хотя первую неудачу у Червеня отмстить, взяв от поляк войска 6000, и со оными мнил Владимир, нечаянно нападши, взять. Но слыша, что Андрей

Владимирович имеет войско в готовности и будет ему сильно противиться, пошел к Червеню, где был воевода Владимиров тот же Фома Ратиборич, которой, как мог скоро, войска собрал до 1000 и во граде укрепился. Поляки, пришед, оступя град Червень, жестоко стали приступать, маня из града на вылоску. Но Фома не токмо за город никого не пустил, но со града биться накрепко запретил, чтоб поляки, думая, что в городе оборонять некому, тем отчаяннее приступ учинили или бы в действе и осторожности ослабели. Носчию же в предградии поставил вина и меда множество, а людей во град ввел. Поутру поляки пошли предградие зажечь, но, видя вина и меда готового множество, все оное к себе забрали и слободы зажгли. На другую ночь послал Фома к Ярославцу Василя Бора, якобы ушел из града. И той, пришед, объявил Ярославцу, что в городе народ в смятении, негодуют на Фому, что города не отдает, видя, что оборонять и за отбытием Владимира помочи учинить некому, для того все хотят отдаться ему, никто биться не хочет. При том советовал: «Если ты малое время град будешь держать взаперти, а междо тем можешь людей несколько послать по селам для забрания скота и некоторые ближние села для большего гражданом страха зажечь, что увидя, граждане вскоре без боя отдадутся, а затем и Владимира Андрей не удержит, чему и другие грады последуют». Ярославец, как сам легкомыслен был, так поляки для грабления сел лстяся, Василию легко поверили и, поутру до половины войска по селам распустя, сами, имея время свободно и пития со избытком, весь день до полуночи пили и веселились. И как большая часть упилася, так забыли и стражи поставить. Василь же, видя все то, тотчас сам во град возвратясь, Фоме объявил. И он, имея уже людей в готовности, вскоре собрався, из града выступил с пятию сты и зашел тайно сзади к обозу польскому, от поля нечаянно напал. В то же время и от града вылозка сильная учинена. Ярославец, видя сие, мнил Андрея, пришедшаго от Владимира. Поляки побежали с великим смятением прочь, кто как мог уйти, покинув обоз, ружье и коней. А Фома, догоняя поляк, рубил и пленил, сколько удобно было, где поляк более 1000 пропало, и весь их обоз достался в добычь червленцам. О сей хитрости Фоминой Владимир, пришед в Киев, уведав, вельми его похвалил и, учиня его тысяцким во Владимире, гривну и цепь златую ему послал.

Что же касается известия Ипатьевской летописи об изгнании Мономахом берендеев, торков и прочих «поганных», то оно уже давно поставлено историками в связь с византийско-печенежской войной 1121 — 1122 годов, о которой рассказывают византийские источники (91. С. 199—228). Около этого времени, по свидетельству византийских хронистов, «скифы», под которыми как раз и надо понимать печенегов, гузов (торков) и другие родственные им племена — в том числе, вероятно, и изгнанные Мономахом из пределов Руси и продолжавшие испытывать сильнейшее давление со стороны своих непримиримых врагов половцев, — «перейдя всем войском Истр^[175], вторглись в пределы ромеев». Война с ними оказалась очень тяжёлой и потребовала максимального напряжения сил, и всё же императору Иоанну II Комнину удалось нанести «скифам» полное поражение^[176]. После этого значительная часть бывших кочевников была расселена в западных приграничных провинциях Империи, а многие вошли в состав византийской армии, сформировав там отдельные соединения (16. С. 253—255, 276—278).

Год 1122

Киев

Из Лаврентьевской летописи

Было знамение в солнце месяца марта в 10-й день, и в луне было знамение в том же месяце в 24-й день^[177]. В то же лето преставилась княгиня Мстиславова месяца января в 18-й день. В то же лето преставился епископ Юрьевский Даниил, месяца сентября в 9-й день. В то же лето пришёл митрополит из Царьграда в Святую Софию, именем Никита. И Амфилохий преставился, епископ Владимирский, и земля потряслась немного. В то же лето схватили поляки Володаря, Василькова брата.

В Ипатьевской летописи последовательность событий несколько иная. Часть из них включена здесь в предшествующую летописную статью, под 6629 (1121) годом. Но главное, киевский летописец приводит уникальные известия, отсутствующие в Лаврентьевской летописи. Для понимания политики Владимира Мономаха они чрезвычайно важны:

...знамение было в солнце и в луне в одном месяце. И княгиня Мстиславова умерла месяца января в 18-й день. В то же лето заложил церковь Святого Иоанна в Копыревом конце^[178].

В лето 6630 (1122). Выдана Мстиславна в Греческую землю за царя. И митрополит Никита пришёл из Греческой земли. И Даниил, епископ Юрьевский, умер. И Амфилохий, епископ Владимирский, умер. И земля потряслась немного. И Володаря, Василькова брата, схватили ляхи обманом. В то же лето привезли Мстиславу из Новгорода другую жену, Дмитровну, Завидову внучку^[179].

Новгородская Первая летопись старшего извода сосредоточивает внимание исключительно на новгородских делах:

Преставилась Мстиславова Христина. В то же лето женился Мстислав в Киеве, взял в Новгороде Дмитровну Завидовича.

В лето 6631 (1123). Женился Всеволод, сын Мстиславов, в Новгороде^[180].

Некоторые из этих летописных известий требуют подробного комментария.

Прежде всего о русско-византийском династическом союзе, положившем конец длительному противостоянию и войне двух стран. Внучка Мономаха^[181] стала не просто женой одного из византийских царевичей (что уже случалось в русской истории), но «царицей» — по всей видимости, супругой старшего сына правящего императора Иоанна Комнина Алексея. Последний носил титул цесаря и считался соправителем отца (ЗЗ. С. 30). Следовательно, титул «царь» (а это главное в летописном известии о браке Мстиславны, и здесь летописец не мог ошибаться) относился к Алексею в полной мере. Такое в практике русско-византийских отношений произошло впервые. А значит, князь Владимир Всеволодович мог считать достигнутыми те цели, которые ставил перед собой прежде, начиная войну с Византией и поддерживая зятя-авантюриста «Леона Девгениевича». Правда, Алексей проживёт очень недолго и вскоре скончается — но тут уж Владимир ничего поделать не мог: это от него никак не зависело. Если верно, что именно «Алексей Иоаннович» стал мужем русской княжны, то надо признать, что брак Мстиславны имел некоторые последствия для византийской истории. О супруге старшего сына императора Иоанна II византийские источники ничего не сообщают (и

потому предположение, что ею была русская княжна, в принципе недоказуемо). Но вот о судьбе единственной дочери царевича Алексея сведения имеются. Впоследствии она выйдет замуж за протостратора Алексея Аксуха, который, в свою очередь, будет обвинён императором Мануилом Комнином в измене; *«любившая своего мужа и ценившая целомудрие как ни одна из женщин, красавица и светлое украшение женщин в своём царском роде, любимый предмет разговора у всех»*, как характеризует её византийский хронист, она настолько была потрясена внезапным арестом супруга (случившимся прямо на супружеском ложе), что *«порывалась было лишить себя жизни... Когда это ей не удалось, она припала к ногам дяди и царя (императора Мануила. — А.К.)... умоляя вернуть ей мужа, свидетельствуясь Богом и всем, что есть страшного и святого у людей благочестивых, что её муж — верный слуга царю и совершенно невинен»*. Переубедить императора ей, однако, не удалось; *«от этого-то, поглощённая чрезмерной скорбью, она сошла с ума и, иставая мало-помалу, наконец совсем увяла, оставив по себе двух сыновей»* (33. С. 157—158; перевод под ред. В.И. Долоцкого).

...Резкая перемена в русско-византийских отношениях, превращение русского князя из врага в союзника Империи и родственника самого императора нашли отражение и в других событиях этих лет. После полуторагодичного перерыва, связанного со смертью митрополита Никифора, киевскую кафедру занял новый митрополит — грек Никита, поставленный в Константинополе. По-видимому, это произошло 15 октября 1122 года, о чём свидетельствует надпись-граффити, оставленная на стене киевского Софийского собора неким Судилой (Судиславом):

Месяца октября в 15 день пришёл Никита. Судило писал.

(11. С. 38—39; 112. С. 271—272)

Вероятно, около этого времени из Константинополя на Русь была перенесена часть почитаемой христианской святыни — перст святого Иоанна Крестителя (Иоанна Предтечи) — тот самый, который некогда касался главы Христа. Известно, что сама реликвия — десница святого Иоанна, от которой был взят перст, — хранилась в константинопольском императорском дворце^[182]. Следовательно, святыню мог передать на Русь только сам император. Скорее всего, её появление в Киеве связано с одним из многочисленных посольств, предшествовавших заключению мира и бракосочетанию византийского царевича и русской княжны.

О перенесении святыни в Киев рассказывает особое сказание, читающееся в некоторых русских прологах под 7 января (днём празднования Собора Иоанна Предтечи). Из сказания видно, какое значение придавали этой реликвии на Руси:

В тот же день перенесение честного перста Иоанна Крестителя, правой его руки, на Русь из Царьграда.

Господь Бог наш Иисус Христос не только Греческую землю просветил Крещением и имя Своё прославил и святых угодников Своих, но и Русскую землю просветил святым Крещением и от идольской лести отвратил... Прославляемо же тело его^[183] в граде Севастии^[184], голова же его и рука прославляемы и почитаемы в Царьграде; в Руси прославляем честный его перст в граде Киеве, всегда же прославляемо имя его. Ибо Господь Бог наш, посетивший землю Русскую — новый виноград Свой, который насадила десница Его, — Своим изволением дал прейти из Царьграда в Русь персту от честной руки [Иоанна] Предтечи, который перенесён был в град великий Киев при князе Владимире Мономахе в лето шесть тысяч шестисотое и положен был в церкви Святого Иоанна на Сетомли, у Купшина монастыря...

(35. С 56—57; 32. С. 340—341)

Прежде всего отметим, что текст содержит очевидное противоречие, ибо приведённая в нём дата (6600 год от Сотворения мира, то есть 1092-й от Рождества Христова) не соответствует времени киевского княжения Владимира Мономаха. Вполне возможно, однако, что дата записана дефектно и в ней пропущены буквы, обозначающие десятки и единицы (180. С. 185—186).

Что за церковь Святого Иоанна «на Сетомли, у Купшина монастыря» имеется в виду, с уверенностью сказать нельзя: ни церковь эта, ни монастырь под такими именами более в источниках не упоминаются. Сетомлю, по-видимому, называли в древности один из притоков Почайны, правого притока Днепра^[185]. И очень похоже, что упомянутая церковь «на Сетомли» — та самая церковь Святого Иоанна (без уточнения, какому именно святому Иоанну она посвящена) «в Копыреве конце», которая была заложена князем Владимиром Всеволодовичем в 1121/22 году^[186]. Это и позволяет нам предположить, что церковь была заложена в связи с

перенесением святыни, а само перенесение имело место около времени её основания.

Надо сказать, что в древней Руси были убеждены в том, что десница святого Иоанна, от которой был взят на Русь перст, принадлежала к числу важнейших инсигний императорской власти и использовалась в обряде поставления на царство византийских императоров. Об этом писал новгородский паломник Добрыня Ядрейкович (будущий новгородский архиепископ Антоний), посетивший около 1200 года Константинополь и оставивший описание константинопольских святынь. Среди реликвий, хранившихся в церкви Святой Богородицы в Большом императорском дворце (Царских золотых палатах), он упомянул десницу Иоанна Предтечи: *«тою, — по его словам, — царя поставляют на царство»* (67. Стб. 97). И хотя это мнение, скорее всего, было ошибочным, его на Руси разделяли многие. Так, о *«руке святого Ивана»*, которой в Византии будто бы *«поставляют»* патриархов (здесь, по-видимому, смешаны разные святыни), вспоминал в 1147 году черниговский епископ Онуфрий, пытавшийся, вопреки канонам, обосновать право русских епископов самостоятельно ставить киевских митрополитов (46. Стб. 341). Согласно христианским представлениям, часть реликвии обладает всеми теми свойствами и всей той святостью, которыми обладает реликвия в целом. Тем более это относится к такой чтимой части мощей, как перст. Следовательно, и перст святого Иоанна, хранившийся после перенесения в Киеве, должен был восприниматься на Руси как часть византийской коронационной регалии. Между прочим, нельзя исключать того, что память о его перенесении на Русь при князе Владимире Всеволодовиче повлияла на складывание впоследствии знаменитой легенды о «Мономаховых дарах», известной по «Сказанию о князьях Владимирских» и другим памятникам XVI-XVII веков (180. С. 185—188; 117. С. 143—159). Впрочем, это отдельная тема, о которой мы будем говорить ниже, в соответствующей части книги.

Что же касается самого перста святого Иоанна, то он, возможно, уцелел, несмотря на катастрофическое разрушение Киева в 1240 году. Предположительно он может быть отождествлён с той частью мощей Иоанна Предтечи (кость фаланги), которая впоследствии хранилась в Успенском соборе Московского Кремля. Когда именно и при каких обстоятельствах реликвия оказалась в Москве, неизвестно, но здесь она впервые зафиксирована в описи Успенского собора 1701 года. В настоящее время перст хранится в музее Московского Кремля в серебряном позолоченном мощевике XIX века, выполненном в форме креста (см. : 174. С. 81—83).

Ещё одно событие этого года, упомянутое в летописном рассказе, может быть, и не относится напрямую к Владимиру Мономаху, зато имеет прямое отношение к расстановке политических сил, в одночасье изменившейся не в пользу киевского князя. *«И Володаря, Василькова брата, схватили ляхи обманом»*, — сообщает летописец о перемышльском князе Володаре Ростиславиче, тогдашнем союзнике Мономаха, и за этой летописной строкой скрывается трагедия, затронувшая очень многих людей и на Руси, и за её пределами. Подробности случившегося приведены в немецких и польских средневековых источниках.

Незадолго до 1122 года на службу князю Володарю Ростиславичу — в то время непримиримому противнику польского князя Болеслава III — перешёл один из знатных польских вельмож, некий «комит» Пётр Властович, женатый на русской княжне Марии — вероятнее всего, дочери князя Святополка Изяславича, а значит, родной сестре жены самого польского князя. Как единодушно свидетельствуют западные источники, он сделал это не по доброй воле и не с чистым сердцем, но для того, чтобы, втеревшись в доверие к перемышльскому князю, захватить его в плен и передать в руки полякам. И этот коварный план ему удался. Володарь возымел полное доверие к мнимому перебежчику и его людям и даже сделал «комита» Петра приемником от купели своего младшего сына. Вскоре, однако, он был жестоко наказан за такую доверчивость.

Из Жизнеописания Оттона Бамбергского^[187]

...Когда однажды мнимый перебежчик и его товарищи отправились с королём^[188] в лес на охоту, ничего дурного не подозревавший король, гонясь за зверем, отъехал от стен далее обычного. Другие отстали, а Пётр со своими [людьми] остался с ним. Пользуясь этой удачной возможностью, он схватил короля, доставив своему князю^[189] как и обещал, бескровную победу над Русью...

(17. С. 256—257; перевод А.В. Назаренко)

Дабы освободить отца из плена, его сыну Владимиру (будущему основателю Галицкого княжества, знаменитому князю Владимирку Володаревичу) пришлось выплачивать полякам небывалый по размеру выкуп, состоявший из золота, серебра, драгоценных сосудов и одежд и различного имущества, которое, по словам современника, вывозили в Польшу на возах и верблюдах, *«так что вся Русь зачахла от непривычной скудости»*. Серебро и драгоценности для освобождения брата дал и князь-

слепец Василько Ростиславич. Позднейшие польские источники называют какие-то немислимые суммы, якобы выплаченные за освобождение Володаря. Поляки будто бы настаивали первоначально на цифре в 80 тысяч марок серебра^[190], но затем согласились на уплату двадцати тысяч, причём немедленно были уплачены 12 тысяч, а в залог остальных выплат полякам был передан один из младших сыновей Володаря (84. С. 302).

Известный закон жизни: подлость и обман — рано или поздно — влекут за собой неизбежную расплату. Вот и главного участника этой интриги «комита» Петра судьба наказала, и очень жестоко.

Уважения в обществе (даже польском!) вся эта история ему не принесла. Измена сюзерену, нарушение данной клятвы всегда считались делом постыдным и даже преступным — независимо от того, ради каких высоких целей эта измена совершалась. В Польше на «комита» Петра была наложена церковная епитимия (он обязался, в частности, построить не менее семидесяти церквей и несколько монастырей: 17. С. 199). Ну а спустя пару десятилетий Пётр сам стал жертвой чудовищной провокации. Зимой 1145/46 года он был схвачен новым польским князем Владиславом II, сыном Болеслава III. Причина ссоры будто бы была та, что в шутливой беседе на охоте Владислав нелестно отозвался о русской жене Петра, обвинив её в неверности, на что Пётр *«сказал то же самое Владиславу о его жене, а именно, что она оказала внимание какому-то рыцарю»* (9. С. 108; перевод Л.М. Поповой). Последствия этой пикировки оказались совсем не шуточными: Владислав приказал выколоть своему обидчику глаза и отрезать язык (а по сведениям некоторых поздних хроник, ещё и оскопить). Изувеченный и ограбленный вельможа не нашёл ничего лучшего, как бежать из Польши на Русь, к родичам своей супруги. Киевский летописец под соответствующим годом сообщает об этом, вспоминая заодно историю двадцатилетней давности и сопровождая свой рассказ соответствующим наизданием:

...Той же зимой Владислав, князь Польский, схватил мужа своего Петрока и ослепил, а язык ему урезал и дом его разграбил, [и] только с женой и сыном выгнал из земли своей, и пошёл [тот] на Русь. Как гласит евангельское слово: «Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7: 2) — тот ведь обманом схватил русского князя Володаря, и умучил его, и имение его похитил всё...

Вскоре сам князь Владислав был изгнан братьями из страны (в польскую историю он вошёл с прозвищем Изгнанник), и Пётр смог возвратиться обратно в Польшу. Говорили даже, будто к нему вернулись зрение и речь. Во всяком случае, он продолжал участвовать в общественной жизни своей страны и по-прежнему выступал «экспертом» в русских делах. Так, именно его, наряду с краковским епископом Матвеем, считают автором послания знаменитому французскому аббату Бернарду Клервоскому о необходимости искоренения *«нечестивых обычаев и обрядов»* русских (написано между 1146 и 1153 годами) (185. С. 113—121; 17. С. 204—207). Умер «комит» Пётр в 1153 году.

История с похищением русского князя Володаря Ростиславича имела далеко идущие последствия. Вozy с серебром, золотом и драгоценностями оказались не единственной платой за его освобождение. Помимо согласия на выплату громадного выкупа и передачу в заложники сына, Володарь и его брат-слепец Василько вынуждены были заключить с Болеславом III союзный договор, одним из условий которого стал их отказ от поддержки Владимира Мономаха и переход на сторону Ярослава Святополчича. Война между Мономахом и Ярославом возобновилась уже в следующем, 1123 году, и на этот раз в условиях, крайне невыгодных для князя Владимира Всеволодовича.

Год 1123

Киев. Владимир-Волынский

Из Ипатьевской летописи

В лето 6631 (1123). Преставился Давыд Святославич в Чернигове, и сел на его место Ярослав, брат его. В то же лето Сильвестр, епископ Переяславский [преставился], и Феокист, епископ Черниговский, преставился^[191]. В то же лето поставили Симеона епископом во Владимир^[192]. В то же лето пришёл Ярослав Святополчич с венграми, и с ляхами, и с чехами, и с Володарем и Васильком к Владимиру^[193], и множество воинов было с ним, и осадили город Владимир. Был же тогда в нём Андрей, а Владимир не поспевал из Киева с Мстиславом, сыном своим. И когда настал воскресный день, рано утром подъехал Ярослав к самому городу сам-третей и стал разъезжать под городом, угрожая людям князя Андрея, возгордившись, надеясь на множество воинов, и так говорил Андрею и горожанам: «Это

— мой город. Если не отворите, не выйдете с поклоном, то увидите: завтра пойду на приступ и возьму город!» Андрей же со всеми людьми возложил надежду великую на Бога и надеялся на молитву отца своего. И когда ещё разъезжал он под городом, вышли два ляха к перевозу и залегли тут скрытно. И поехал Ярослав прочь от города, и когда был он на перевозе, где ляхи те поджидали его, и вступил на перевоз, проткнули его копьём. И едва умчали его, и был едва жив, а ночью умер. И так умер Ярослав, один, с такой силой воинской, за великую гордость свою. Ибо не возлагал надежды на Бога, но надеялся на множество воинов. Венгры же, и ляхи, и Володарь и Василько разошлись, каждый восвояси, а к Владимиру послали послов с мольбою и с дарами. Владимир же прославил Бога о таком чуде Божии и о помощи Его... Владимир ведь, пребывая в Киеве и собирая воинов многих, плакался Богу о насилии и о гордости Ярославовой — уже ведь и Мстислава отправил вперёд себя с немногими воинами, а сам хотел вслед за ним выступить со всеми воинами; и была великая помощь Божья благоверному князю Владимиру с сыновьями его за честное его житие и за смирение его. А тот, молод будучи^[194], возгордился против дяди своего, а более против тестя своего Мстислава. Видите, братия, сколь благ и милостив Бог, смиренных и праведных призирая и отмщая за них; и «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать» (Иак. 4, 6).

(46. Стб. 287—288)

Несмотря на пафос летописного рассказа, принадлежащего перу явного приверженца Мономаха, трудно не задаться вопросом: кем были те два «ляха», что «залегли» возле перевоза, поджидая князя Ярослава Святополчича? Ответ кажется очевидным. И Владимир Мономах, и его воеводы, на попечение которых он оставил во Владимире-Волынском своего сына Андрея, умели ладить с поляками не хуже самого Ярослава. «Ляхи» входили в состав их войска; имелись у них и разветвлённая агентурная сеть, и свои наймиты, способные ударом копья разрешить острый военный конфликт между князьями. Во всяком случае, смерть Ярослава положила конец войне. Войска старшего Владимировича сына Мстислава находились ещё на пути к Волыни, а сам Мономах даже не выступил из Киева, когда всё было кончено. Ни венграм, ни полякам

сражаться было уже не за что, а Володарь и Василько Ростиславичи, свободные теперь от прежних обязательств, поспешили восстановить мир с Мономахом.

А между тем под Владимиром были действительно собраны очень значительные силы. Так, венгерское войско возглавлял лично король Стефан (Иштван) II (1114—1131), сын покойного Коломана. Об этом мы узнаём из «Венгерской хроники» XIV века, рассказ которой в целом схож с летописным, хотя расставляет акценты несколько по-другому. В частности, здесь ничего не говорится об участии в войне поляков и чехов, равно как и о том, что Ярослав был убит именно из засады:

К королю прибыл русский князь по имени Весен^[195], жалуясь, что его брат изгнал его из княжества, и ища милости короля, чтобы тот собственной персоной выступил ему на помощь. Король же Иштван, желая отомстить за обиду своего отца, короля Кальмана^[196], пообещал князю помощь и, собрав войско, двинулся на Русь. Когда прибыл, то первым делом осадил крепость^[197]. Вышло так, что ранним утром названный князь Весен ездил вокруг крепости в поисках места для штурма укреплений, а осаждённые вышли из крепости, чтобы сразиться с венграми. Когда князь заметил их, то напал на них, они же бились храбро и нанесли князю смертельную рану. Когда король узнал о смерти князя, он сильно разгневался и приказал всем венграм идти на приступ крепости и выбирать, либо в тот же день захватить крепость, либо погибнуть. Но венгерские предводители собрали совет и сказали: «Зачем и ради чего гибнем? Если мы отстоим княжество, кого из нас король поставит князем? Так давайте же твёрдо договоримся, что никто из нас не штурмует крепости, а королю скажем, что он делает всё это, не посоветовавшись со своими предводителями». Когда же предводители явились на королевский совет, то все разделились на две части... Затем, по приказу предводителей, глашатаи в лагере возвестили, чтобы венгры как можно скорее возвращались в Венгрию. Тогда король, увидев, что лишён поддержки своих, вернулся в Венгрию...

(17. С. 365—366; перевод Л.В. Назаренко)

...Ещё об одном событии этого года сведения сохранились только в

поздних и не слишком надёжных источниках.

Из Никоновской летописи

...В том же году пресвященный Никита, митрополит Киевский и всея Руси, в своём граде в Синелице затворил в темнице злого еретика Дмитра.

(52. С. 152)

О том же, но с дополнительными подробностями и указанием на непосредственное участие в суде над еретиком князя Владимира Мономаха рассказывается в «Истории Российской» В.Н. Татищева:

...Того ж году встал еретик тяжкий на церковь святую, имянуемый Дмитро, опровергая уставы церковные. Но князь великий повелел его митрополиту испытать и обличить. Митрополит же, взяв его, послал в заточение во град Синелец.

(75. С 136)

Насколько эта история может быть достоверна? Надо сказать, что летописцы XVI века любили упоминать о еретиках прежних времён, иногда даже вымышляя их: само их наличие и факт расправы с ними древних князей создавали прецедент для более жёстких действий в отношении современных им еретиков — а в этом были заинтересованы князья — заказчики летописи. Наверное, нельзя исключать того, что и здесь мы имеем дело со случаем такого рода.

Год 1124

Киев

Из Лаврентьевской летописи

...В то же лето пала церковь каменная в Переяславле Святого Михаила, которую создал и украсил блаженный епископ Переяславский Ефрем, в 10-й день мая месяца, в субботу, перед вечерней^[198].

В лето 6632 (1124). Пожар был великий в городе Киеве, так что едва не весь выгорел в два дня по Подолу и по Горе^[199]; одних церквей сгорело около шестисот. Было же это в месяце

июне в 23-й и 24-й дни, на Рождество Иоанна Предтечи. В то же лето месяца августа в 11-й день было знамение в солнце в 9-й час дня: стало оно маленьким, как месяц, и по полудни едва не померкло^[200]. В то же лето преставился Василько Ростиславич, и Святополкова преставилась^[201] месяца февраля в 28-й день. В то же лето преставился князь Володарь Ростиславич.

(45. Стб. 293)

Из Ипатьевской летописи

В лето 6632 (1124). Земля потряслась немного, и пала церковь великая Святого Михаила в Переяславле, мая в 10-й день... В то же лето привели полку в Муром за Всеволода Давыдовича. В то же лето преставилась жена Ярослава Святославича. В то же лето бездождие было; тогда же погорел Подол весь в канун Рождества святого Иоанна Крестителя и Предтечи. На следующий же день погорела Гора, и все монастыри, какие есть на Горе, в городе, и Жидове^[202]. В то же лето знамение было в солнце с вечера, словно месяц малый, и едва не померкло, августа в 11-й день. В то же лето умер Василько Ростиславич, а за ним преставился Володарь, старший брат его.

(46. Стб. 288—289)

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...А на весну ходил Всеволод с новгородцами на емь, в великое говение^[203], и победил их, но тяжек путь был, так что покупали хлеб по ногате^[204].

...Месяца августа в 11-й день, перед вечерней, начало солнце убывать и сгинуло всё. О, велик страх, и тьма была, и звёзды были, и месяц; и снова начало прибывать, и вскоре наполнилось, и рады были все в городе.

(36. С. 21)

Страшный киевский пожар 23—24 июня 1124 года произвёл сильное впечатление на князя Владимира Всеволодовича. Приведём рассказ об этом, читающийся в Киево-Печерском патерике, во входящем в его состав

Слове о преподобном Спиридоне просвирнике и Алипии иконнике. Последний прославился как чудный иконописец, чьи иконы создавались не человеческим, но Божьим вдохновением. А потому с ними происходили великие чудеса.

...Этого преподобного Алипия добродетельное житие не утаилось, и весть о чуде, бывшем с иконами, дошла и до князя Владимира. Случилось же некогда следующее. По воле Божьей из-за пожара выгорело всё Подолье, и та церковь сгорела, в которой были те иконы. И после пожара нашлись те семь икон целыми, а вся церковь сгорела. И, услышав о том, князь пришёл видеть чудо, бывшее там с иконами, кои Божиим мановением написаны за одну ночь, и прославил Творца всех, совершающего преславные чудеса молитвами угодников Своих Антония и Феодосия. И взял Владимир одну икону — Святой Богородицы, и послал в град Ростов, в бывшую там церковь, которую сам создал [\[205\]](#); она и донныне стоит там, чему сам я очевидец [\[206\]](#). И вот что при мне случилось в Ростове: церковь та упала, а икона осталась невредима; и внесена она была в деревянную церковь, которая сгорела от пожара, икона же осталась невредима, и даже следов огня на ней не осталось...

(2. С. 177—178)

В литературе высказывалось предположение, согласно которому в рассказе Патерика идёт речь об известной иконе Пресвятой Богоматери Великой Панагеи (Оранте), хранившейся в ярославском Спасском монастыре. Впрочем, по-другому эта икона датируется первой третью XIII века. Согласно церковному преданию, Алипию приписывались также икона Божией Матери, хранившаяся в ростовском Успенском соборе, и икона «Предста царица», или «Царь царем», хранившаяся в Успенском соборе Московского Кремля.

...В эти последние годы своей жизни князь Владимир Всеволодович проявлял особую заботу о делах духовных, раздавал щедрую милостыню церквям и монастырям. Поистине *«не щадил имуществ своего, раздавая нуждающимся и церкви созидая и украшая»*, по словам летописца, автора его посмертной похвалы. При этом щедрость его распространялась не только на киевские, переяславские или ростовские церкви, но даже на обители, находившиеся далеко за пределами Руси. В XI—XIII веках

древняя Русь поддерживала отношения со многими странами Западной Европы, тем более что правителей этих стран связывали с русскими князьями узы династических браков. Несмотря на произошедшее в середине XI века разделение церквей, общение между «латинянами» (католиками) и «схизматиками» (православными) продолжалось: и те и другие ощущали себя частью пока что единого христианского мира. Из Жития святого Мариана Ирландца — основателя ирландского бенедиктинского монастыря в Регенсбурге, известно, что главный собор этой обители был достроен на деньги, предоставленные Владимиром Мономахом (впрочем, имя князя в тексте Жития не названо)^[207]. Рассказывается же здесь следующее:

...Один из братий этой обители, муж деятельный и весьма смышлёный в практических делах, по имени Маврикий, в сопровождении только мальчика, по бездорожью мира ведомый милосердием Святого Духа, прибыл к королю Руси, получил от этого короля и от вельмож богатейшего города Киева на сто марок^[208] драгоценных мехов и, погрузив их на повозки, благополучно добрался с купцами до Регенсбурга. На деньги от [продажи] этих [мехов] были закончены постройки монастыря и сделана крыша собора...

(17. С. 286—287; перевод Л.В. Назаренко)

Щедрость Владимира Всеволодовича в отношении ирландских монахов может объясняться, в частности, тем, что родные братья его первой супруги Гиды после изгнания из Англии (60—70-е годы XI века) нашли убежище в Ирландии. Сам же монастырь в Регенсбурге был посвящён святому апостолу Иакову и святой Гертруде — небесной покровительнице первой жены князя.

Вероятно, не всем в Киеве пришлась по душе такая щедрость князя в отношении «латинян», равно как и его готовность к заключению дружественных союзов с западными правителями. Известно, что ещё в 1113—1121 годах, при жизни митрополита Никифора, Владимир Мономах обращался к нему за разъяснениями по поводу расхождений между Восточной и Западной церквями. И митрополит направил ему пространное послание, исполненное самыми различными и весьма резкими обвинениями в адрес «немцев», чьё учение («прелесть немецкая») было поименовано им как «ересь великая», противная «правой вере» (65. С. 71—

73).

...Рассуждая о душевном состоянии князя в последние годы его жизни, скажем ещё о том, что в киевском Софийском соборе — главном храме Киевской Руси — среди множества граффити — надписей, прочерченных на стене здания и обращённых непосредственно к Богу, — обнаружены и те, что приписываются — разумеется, предположительно — князю Владимиру Мономаху.

Первая из них обнаружена в проходе из апсиды Михайловского придела собора в придел Святых Иоакима и Анны, на западной стене:

Г(оспод)и, помози ра
бу своему Василеви
грешь[ни]ку. Помозие
ему, Г(оспод)и.

(То есть:

Господи, помоги рабу своему Василию грешнику. Помоги
ему, Господи.)

(11. С. 48—49, № 131)

Надпись выполнена красивым уставным письмом, очертания букв архаичны и близки памятникам XI века. Над надписью имеется ещё одно граффити на греческом языке, с именем Νικηφορος, то есть «Никифор», повторенным одиннадцать (!) раз:

Аминь, Иисусе, да получит помощь раб Никифор, Никифор,
Никифор...

(107. С. 56)

Предположение о связи надписи № 131 и греческого граффити с именами князя Владимира (в крещении Василия) Всеволодовича Мономаха и киевского митрополита Никифора I было выдвинуто академиком Б.А. Рыбаковым и поддержано исследователем и издателем софийских граффити С.А. Высоцким.

Вторая надпись обнаружена на хорах собора с южной стороны, на крещатом столбе с изображением святого Езекии, под слоем поздней масляной живописи:

Г(оспод)и, помъзи рабу свое
му Володимиру на мъ
нога лета и про[щ]ение греха на судинь.

(То есть:

Господи, помоги рабу своему Владимиру на многие лета и
[дай] прощение греха на [день] судный.)

(11. С. 49—50, № 132)

Надпись прочерчена на той половине хоров, которая предназначалась для мужской половины княжеской семьи; она сделана крупными буквами, на видном месте. Предположение о возможной принадлежности надписи князю Владимиру Всеволодовичу высказано С.А. Высоцким.

Год 1125

Река Альта, близ Переяславля. Киев

«Всё ся минеть» — слова, приписываемые мудрейшему из смертных, библейскому царю Соломону.... В мире нет ничего вечного, и умирать — рано или поздно — приходится любому человеку, даже самому могущественному и достигшему высшей власти...

Князь Владимир Всеволодович прожил долгую — особенно по меркам своего века — жизнь. Жизнь, в которой было всё — победы и поражения, падения и взлёты. Можно сказать, что он достиг всех тех целей, которые некогда ставил перед собой. Своим сыновьям он оставлял сильную, сплочённую державу, всецело подчинявшуюся воле киевского князя. Все его противники были побеждены им, все должны были признать его власть; те же, кто отказался сделать это, либо умерли своей смертью, либо ушли из жизни не без помощи тайных или явных приспешников киевского князя. И теперь во всём княжеском роде не осталось никого, кто мог бы оспорить у его сыновей право владения Киевом, а значит, и всей Русской землёй. Теперь князь мог со спокойной душой встретить неизбежный конец. Он и принял смерть так, как подобает христианину, как, наверное, хотелось бы встретить свою кончину любому из живущих на свете: в полном сознании и душевном покое, причастившись из рук священника в построенной им «милой» церкви Святых Бориса и Глеба на реке Альте, близ «отчего» Переяславля:

Из Лаврентьевской летописи

В лето 6633 (1125), индикта третьего лета. Преставился благоверный и великий князь русский Владимир, сын благоверного отца Всеволода, украшенный добродетелями, прославленный победами. При имени его трепетали все страны, и по всем землям прошёл слух о нём, ибо всею душою он возлюбил Бога. Вот и мы думаем, что любим Бога; но если потщимся заповеди Его соблюдать, тогда только явим любовь Богу, ибо сказано: «Любящий Меня соблюдает заповеди Мои» (ср. Ин. 14, 15. 21). Сей же чудный князь Владимир потщился заповеди Божьи соблюдать, и страх Божий всегда имел в сердце, помня слово Господне, Который сказал: «По тому узнают все люди, что вы Мои ученики, если будете любить друг друга» (ср. Ин. 13, 34—35); и «любите врагов ваших; благотворите ненавидящим вас» (Лк. 6, 27). Ведь все злоумышления против него дал Бог в руки его, ибо не возносился, не возвеличивался, но на Бога во всё надеялся, и Бог покорил к ногам его всех врагов. Он же, заповедь Божью соблюдая, добро творил врагам своим, отпуская их одаренными. Милостив же был выше меры, помня слово Господне: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7); и «блажен, кто помышляет о бедном и нищем! В день бедствия избавит его Господь» (Пс. 40, 2). Потому и не щадил имущества своего, раздавая нуждающимся и церкви созидая и украшая; особенно же почитал иноческий чин и священнический, подавая им необходимое и принимая от них молитвы. Великую же веру имел к Богу и к родичам своим, святым мученикам Борису и Глебу, потому и церковь создал прекрасную в их имя на Альте — там, где пролилась кровь святого Бориса. Жалостлив же был весьма, и дар этот от Бога принял, так что когда входил в церковь и слышал пение, тотчас проливал слёзы и так со слезами мольбы воссылал ко Владыке Христу. Потому и Бог все прошения его исполнял и исполнил лета его благоденствием. И сидел в Киеве на отчем столе тринадцать лет, и в лето 6633 от начала мира преставился месяца мая в 19-й день, пожив от рождения своего 73 года. Преставился на Альте, в милой церкви, которую создал старанием многим. Сыновья же его и бояре перенесли [его] в Киев, и положен был в Святой Софии, возле отца своего.

И сел в Киеве Мстислав, сын его старший, княжа с

кротостью, а Ярополк, брат его, пошёл в Переяславль...

(45. Стб. 293—295)

А вот более краткие рассказы о смерти князя в других летописях:

Из Ипатьевской летописи

В лето 6634 (1125). Преставился благоверный и благородный^[209] князь христолубивый великий князь всея Руси Владимир Мономах, просветивший Русскую землю, подобно солнцу, лучи испускающему. Слух же о нём прошёл по всем странам; более же всего был страшен поганым, братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю. Преставился мая в 19-й день, и, обрядив тело его, положили его у Святой Софии, рядом с отцом Всеволодом, пропев над ним полагающиеся песнопения. Святители же, печалясь, плакали по святому и доброму князю, и весь народ, все люди по нему плакали, словно дети по отцу или по матери. Плакали по нему все люди и сыновья его: Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Георгий, Андрей, и внуки его; и так разошлись все люди с жалостью великой. Также и сыновья его разошлись с плачем великим, каждый в свою волость, где кому из них раздал волости.

Начало княжения Мстиславова в Киеве. Мстислав, старший сын его, сел на столе в Киеве, на место отца своего, мая в 20-й день...

...^[210] Сей Мстислав Великий унаследовал пот^[211] отца своего, Владимира Мономаха Великого. Владимир самолично постоял на Дону и многий пот утёр за землю Русскую, а Мстислав, послав мужей своих, загнал половцев за Дон, и за Волгу, за Яик^[212], и так избавил Бог Русскую землю от поганых...

(46. Стб. 289, 303—304)

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Преставился Владимир Великий в Киеве, сын Всеволож; а сына его Мстислава посадили на столе отчем. В то же лето была буря великая с громом и градом, и хоромы разрушило, и с церквей черепицу посрывало, скотьи стада потопило в Волхове, а других едва поймали живыми...

(36. С 21)

...В центральной части киевского кафедрального Софийского собора на втором от главного алтаря южном крещатом столбе обнаружена ещё одна надпись в две строки, от которой уцелела только левая часть:

М(е)с(я)ца ма[иа]
Володими[рь]

(11. С. 62. № 151)

Надпись расположена рядом с другими княжескими надписями-граффити, в том числе о погребении князя Всеволода Ярославича. Это соседство, а также присутствие в надписи указания на месяц май позволили предположить, что и в данной надписи речь идёт о погребении — на этот раз князя Владимира Мономаха, сына Всеволода Ярославича. С.А. Высоцкий гипотетически реконструировал надпись следующим образом:

Месяца мая [в 19-й день] [скончался князь] Владимир
[Всеволодович] [Мономах].

...Как всегда, дополнительными подробностями расцвечен некролог князя в «Истории Российской» В.Н. Татищева. Здесь, в частности, мы встречаем и легендарную историю, связанную с появлением так называемых «Мономаховых даров», якобы завоёванных князем Владимиром в поединке с неким херсонесским воеводой (сам Татищев опять, как и под 1095 годом, ссылался при этом на польского историка XVI века Мацея Стрыйковского). Здесь же, в некрологе, имеется и уникальное описание внешности князя Владимира Всеволодовича. Правда, едва ли можно думать, что оно было извлечено Татищевым из какой-то не дошедшей до нас древней летописи, как иногда считают; скорее перед нами результат собственных представлений автора о том, как должен был или как мог выглядеть русский князь XII столетия. Тем не менее пройти мимо этого — единственного имеющегося в нашем распоряжении — словесного портрета Владимира Мономаха было бы непростительным упущением:

6633 (1125). Маиа 19 дня преставися благоверный великий князь Владимир, нареченный Мономах, украшенный добродетельным нравом, прославленный в победах, которого

слава всюду разпространилась. Был страшен и любим у всех окрестных и подвластных его. Он не был горд, ниже возносился во своих благополучиях, но паче славу и честь за вся победы воздавал Богу, на него единого надеялся, и за то ему Бог престол мимо старейших даровал и многих противных покорил. Он весьма ко всем был милостив и щедр даянием, в правосудии законы хранил, и хотя винных наказывал, но более со уменьшением и прощением. Лицом был красен^[213], очи велики, власы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростом не вельми велик, но крепкий телом и силен. В воинстве вельми храбр и хитр ко устроению войск. Многих врагов своих победил и покорил, сам же единою у Триполя побежден был, о чем никогда упоминать не мог, частию от жалости по утопшем тогда брате Ростиславе, котораго вельми любил, частию от стыда, что непорядком Святополковым к тому приведен. Владел Русию 13, а всего жил 73 года. Преставился на Альте у любезной ему церкви, которую великим изждивлением и трудом построил и богато украсил. По смерти собрались сыны его и бояре, перенесли тело в Киев и положили подле отца его в церкви св. Софии. По нем остались сыны его: Мстислав, наследник великаго княжения, Ярополк переяславский, Вечеслав в Турове, Роман в Смоленске, Юрий в Ростове и Суздали, Андрей во Владимире.

Сей князь великий всех русских князей себе покорил, так что во время его владения ни единой не смел на другаго воевать или ему возпротивиться, но все яко отца почитали, а половцы не смели ни одново нападения в пределы русские учинить, ни от Донца приблизиться. Сказуют же, что он Мономахом назван от того, когда он был с войском в Херсонской земли у града Кафы^[214] и, устроя полки, к бою против войска греческого приготовился, тогда воевода херсонский, выступя против Владимира с великим войском и прислал к Володимеру говорить, чтоб обсчим боем напрасно людей не терять: «Лучше биться мне со Владимиром, яко главным в войсках, на поединке, и кто кого победит, тот как победитель во всем требуемом право и власть получит». Владимир, слыша то, послал обратно к воеводе, чтоб выехал в поле на средину междо обоими войски, каждой имея при себе копие и саблю. И вскоре Владимир, вооружась, выехал на место назначенное. И как скоро воевода в тяжких его бронях и

богатом убранстве приблизился, Владимир, тотчас наехав, так его крепко в бок ударил копьем, что воевода с лошади упал. Владимир же, не хотя его падшего умертвить, взяв жива со всею бронию, привел его к своим полкам и, сняв с него цепь златую драгоценную и пояс, на себя взложил.

(75. С. 137)

*

Дальнейший ход истории Киевского государства более или менее известен. Занявший «златой» киевский стол князь Мстислав Владимирович, получивший от современников и потомков прозвище «Великий» (1125—1132), продолжил политику отца. Его власть признавалась всеми тогдашними князьями, его слово оказывалось решающим при возникновении конфликтов и споров между ними. И почти всегда при этом за спиной Мстислава или его братьев (прежде всего следующего по старшинству Ярополка) незримо витала тень их отца Мономаха, чьё имя по-прежнему присутствовало на страницах летописи, освящая деяния его сыновей и внушая трепет врагам. Так было, например, при отражении очередного половецкого нашествия сразу после вокняжения Мстислава: как это всегда случалось после смены князей в Киеве, половцы попытались вторгнуться в русские пределы и привлечь на свою сторону союзных Мстиславу торков. Тогда князь Ярополк Владимирович, *«благоверного князя корень и благоверная отрасль»*, как именует его летописец, сумел не допустить соединения торков с половцами, а затем, действуя с одним только переяславским полком и *«призва имя Божие и отца своего»*, нанёс половцам чувствительное поражение. *«...И поможе ему Богъ и отца его молитва, и прославиша Бога вси людие о таковомъ даре и помощи»*, — особо подчёркивает летописец (46. Стб. 290). Так было и при разрешении черниговского кризиса в 1127 году, когда сын Олега Святославича Всеволод изгнал из Чернигова своего дядю Ярослава и перебил и разграбил его дружину. Обе стороны обратились к Мстиславу как к третьей стороне и старшему среди князей: Ярослав Святославич — вспоминая о крестном целовании, которое Мстислав давал ему, а Всеволод Ольгович — *«моляшеся»* Мстиславу не начинать войны и посылая Мстиславовым боярам богатые подарки. Тогда Мстислав вынужден был прислушаться к слову игумена киевского Андреевского монастыря

Григория, ибо тот Григорий (напомню: участник торжеств в Вышгород в 1115 году) *«любимъ... бе прежде Володимером»*, а затем уж *«чтенъ... ото Мстислава и ото всихъ людей»*. Григорий и убедил князя, что нарушение крестного целования есть меньший грех, нежели пролитие христианской крови. Был созван иерейский собор, который объявил князю, что принимает на себя его грех — нарушение клятвы, данной на кресте. Мстислав подчинился, *«и створи волю ихъ, и съступи хреста»*, хотя и *«плакася того вся дни живота своего»*. Так будет и много позже — например, в 1147 году, когда киевляне откажутся воевать против Юрия Долгорукого, сына Мономаха. *«Княже, ты ся на нас не гневаи, не можемъ на Володимире племя руки въздаяти»* — с такими словами обратятся они к тогдашнему киевскому князю Изяславу Мстиславичу, племяннику Долгорукого и его непримиримому противнику (тоже Мономашичу!), призывавшему их выступить на войну с дядей (46. Стб. 344). И это при том, что самого Долгорукого киевляне не любили, а к Изяславу относились с приязнью.

Удивительно, но, «плача» и каясь в своём прегрешении — отказе от поддержки черниговского князя Ярослава Святославича, — князь Мстислав никогда не сожалел о другом своём деянии — жестоком разорении Полоцкой земли в том же 1127 году и высылке двумя годами позже полоцких князей вместе с жёнами и детьми в заточение в Византию за некую их «измену» и нарушение крестного целования. Впрочем, и здесь Мстислав лишь продолжил политику отца в отношении враждебных им полоцких князей; пролитие же христианской крови на сей раз ничуть не остановило его.

Главной целью, которую ставил перед собой Мстислав в эти годы, было превращение Киева в наследственное владение Мономахова рода. И цель эта казалась вполне достижимой. К концу княжения Мстислава на Руси не осталось ни одного князя, кроме его самого и его братьев, для кого Киев мог быть назван в полном смысле этого слова «отчиной». Ярослав Святославич — последний из сыновей великого князя Киевского Святослава Ярославича — умер в Муроме в 1129 году. Ещё раньше, в 1127 году, один за другим скончались младшие сыновья Святополка Изяславича: сначала Брячислав, а затем Изяслав. Наибольшую потенциальную угрозу для Мономашичей представляли, как всегда, черниговские князья — потомки Олега и Давыда Святославичей. Но даже самый деятельный и энергичный из них, князь Всеволод Ольгович (в будущем всё же великий князь Киевский), находился тогда в известной зависимости от Мстислава, которому был обязан княжением в Чернигове. К тому же ни Олег, ни Давыд

никогда не княжили в Киеве, и для их сыновей Киев был всего лишь «дединой» — владением (да и то недолгим) их деда, великого князя Святослава Ярославича. Между тем формула: *«...и сел на столе отца своего и дед своих»* оставалась главной гарантией признания легитимности любого правителя средневековой Руси.

Мы уже говорили о том, что механизм передачи власти над Киевом был выработан Владимиром Мономахом. Мстиславу оставалось привести его в действие, исполнить предначертанное отцом. Главным его союзником — и более того, едва ли не соправителем — становится его брат Ярополк, княживший в «отчем» Переяславле. Мстислав мог опереться на него и при отражении половецкой угрозы, и в черниговских или галицких делах, и, главное, в самом деликатном и важном для себя вопросе — относительно дальнейших судеб киевского престола.

Между братьями был заключён новый договор, подтверждавший условия старого, скреплённого крестным целованием ещё при их отце. В соответствии с этим договором киевский стол после Мстислава должен был перейти к Ярополку. Однако последний целовал крест старшему брату в том, что после его смерти, вступив в Киев, передаст Переяславль старшему сыну Мстислава Всеволоду, княжившему в Новгороде. Это должно было обеспечить переход Киева в руки Всеволода Мстиславича после смерти самого Ярополка. Дважды, в 1126/27 и 1130 годах, Всеволод приезжал из Новгорода в Киев. Во время второго его визита, вероятно, и были окончательно оговорены условия соглашения с Ярополком. Однако в действительности всё получилось совсем не так, как задумали братья.

Великий князь Киевский Мстислав Владимирович умер (по разным летописям) 14 или 15 апреля 1132 года, а два или три дня спустя, 17 апреля, Ярополк вступил в Киев и воссел на «златом» киевском престоле. Но его попытка исполнить заключённый с братом договор и перевести в «отчий» Переяславль старшего племянника Всеволода Мстиславича закончилась неудачей. Решение это вызвало раскол в самом Мономаховом семействе, ибо против него выступили младшие сыновья Мономаха от его второго брака — Юрий Суздальский, прозванный Долгоруким, и поддерживавший его Андрей Владимиро-Волынский, прозванный Добрым. И это понятно: перспектива превращения Киева в наследственное владение старшей линии Мономашичей — потомков Мстислава Великого — никак не могла их устроить, ибо Мстиславичи приходились им племянниками, то есть явно уступали в династическом отношении. Княжение Всеволода Мстиславича в Переяславле продлилось лишь несколько часов. *«С заутрѣя»* Всеволод вступил в город, *«а до обеда выгнал его Юрий, приехав с полком на него»*,

— рассказывает летописец. Начались интенсивные переговоры; между Киевом и Переяславлем зачастили скорые гонцы, и в результате Юрию также пришлось покинуть «отчее» владение.

«И сидел Юрий 8 дней, и вывел его Ярополк крестного ради целования, и послал за другим Мстиславичем, за Изяславом, в Полоцк, и привёл его клятвою»

(60. С. 107—108).

Но вокняжение в Переяславле ещё одного Мстиславича, Изяслава, было не более чем компромиссом. В конечном же итоге от такого решения проиграли все. Изяслав покинул Полоцк, в котором княжил прежде, и этот город перешёл в руки представителя местной династии, князя Василька Святославича — одного из немногих полоцких князей, кто сумел избежать высылки в Византию в 1129 году. Так спустя пять лет после победы Мстислава Великого над полоцкими князьями и спустя три года после окончательного, как казалось, присоединения Полоцкой земли к Киевскому государству Мономашичи потеряли её — и теперь уже навсегда. Сохранить Переяславль за потомками Мстислава Великого Ярополку также не удалось, и город последовательно переходил в руки его младших братьев — сначала слабовольного Вячеслава, затем вновь Юрия Долгорукого (который ради княжения в Переяславле готов был пожертвовать даже Ростовской и Суздальской землёй) и, в конце концов, Андрея Доброго. Но обделёнными при этом почувствовали себя уже Мстиславичи — и прежде всего наиболее энергичный из них Изяслав. Так началась вражда внутри Мономахова рода; так превратилась в ничто главная и, казалось бы, почти реализованная мечта Мономаха — безраздельное господство его потомков в Русской земле. А в выигрыше, как это всегда бывает, оказались исторические противники Мономашичей — черниговские князья, потомки Олега и Давыда Святославичей. Они с готовностью откликнулись на просьбу о помощи, прозвучавшую из уст сыновей Мстислава Великого. Тем более что глава черниговского клана, князь Всеволод Ольгович, находился в свойстве с братьями Мстиславичами, будучи женат на их родной сестре, дочери Мстислава Великого. Согласившись поддержать шурьев, Ольговичи рассчитывали поправить свои дела и укрепить собственное влияние в Киевской земле, а заодно, воспользовавшись ослаблением конкурентов, решить в свою пользу конкретные территориальные споры с Мономашичами. И это у них получилось. Так рухнуло ещё одно завоевание

Мономаха — мир в Русской земле, тот самый мир, ради установления которого князь положил столько сил, и нравственных, и физических. *«И раздърася вся земля Русьская»*, — как образно выразился новгородский книжник (36. С. 23).

Война между князьями шла с переменным успехом, но результаты её оказались плачевными не только для Мономахова семейства, но для всей Русской земли. После смерти князя Ярополка Владимировича 18 февраля 1139 года киевский стол занял его следующий по старшинству брат, слабый и безвольный Вячеслав. Но он сумел продержаться на киевском престоле лишь десять дней: 22 февраля 1139 года Вячеслав вступил в Киев, а уже 5 марта был изгнан из города Всеволодом Ольговичем Черниговским, который и стал великим князем Киевским на целых семь лет...

Впоследствии Киев будет переходить из рук в руки и очень быстро потеряет значение стольного города Руси. В жестокой схватке за него сойдутся сначала сын и внук Владимира Мономаха — князь Юрий Долгорукий и князь Изяслав Мстиславич, а затем и другие князья. Ради своих целей — завоевания «златого» киевского престола — они будут наводить на Киев «поганных» — наёмные половецкие отряды — и вместе с ними грабить и разорять бывшую столицу Руси. Да и сама Русская земля окончательно распадётся на множество враждующих между собой княжеств...

Но это уже совсем другая страница русской истории. И, наверное, в том, что произошло, нет вины Владимира Мономаха. Он указал русским князьям путь к единению и защите своих границ, к сохранению Руси как единого целого, скреплённого не только политическими, но и духовными, нравственными узами. Но для того, чтобы вступить на этот путь, требовались не только политическая воля, но и способность пожертвовать сиюминутной (и даже долговременной) выгодой ради некой более возвышенной, но физически не осязаемой цели, способность сохранять в своей душе тот самый страх Божий, о котором писал Мономах в своём «Поучении». А это во все времена и для любого политика — самая сложная и трудновыполнимая задача.

Слово Мономаха

1. «Поучение»

Поученье

Древнерусский текст

Азъ, худый, дедомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, нареченемъ^[1] въ крещении Василии, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы...^{[2][215]}

...и хрестьяных людий деля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитве от всех бед. Седя на санех^[216], помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сихъ днєвъ грешнаго допроводи^[217]. Да дети мои или инъ кто слышавъ сю грамотицю^[218], не посмеитесь, но ому же любо дѣтии моихъ, а приметь е в сердце свое и не ленитися начнеть, такоже и тружатися. Первое, Бога деля и душа своя, страх имейте Божии в сердци своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохрищаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санех сидя, безлепицю^[219] си молвить.

Усретоша бо мя слы от братья моя на Волзе, реша: «Потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича^[220] и волость ихъ отъимем. Иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе»^[221]. И рехъ: «Аще вы ся и гнева[е]те, не могу вы я ити, ни креста переступити». И, отрядивъ я, возьмъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня^[222]: «Вскую печалуеши, душе, вскую смущавши мя?» (ср. Пс. 41, 6), и прочая. И потомъ собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах; аще вы последняя не любя, а передняя приимайте^[223].

«Вскую печална еси, душе моя, вскую смущаеши мя? Упова^[3] на Бога, яко исповемся ему» (ср. Пс. 41, 6. 12; 42, 5). «Не ревнуи лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же Господа, ти обладаютъ землею. И еще мало, и не будетъ грешника; взищеть места своего и не обрящеть. Кротции же наследятъ землю, наслаждаться на множестве мира. Назираеть грешный праведнаго и поскрегчетъ на нь зубы своими: Господь же посмеется ему и прозритъ, яко придетъ день его. Оружья извлекоша грешници, напряже лукъ свои истреляти нища и убога,

заклати правыя сердцемь: оружье ихъ внидеть в сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грешных многа. Яко мышца грешных скрушится, утверждает же праведныя Господь. Яко се грешници погыбнут, праведныя же милуя и даеть^[224], яко благословящии его наследят землю, кленущии же его потребятся. От Господа стопы человеку исправятся: егда ся падеть и не разбьется, яко Господь подьмлеть руку его. Унь бех и состарехся, и не видехъ праведника оставлена, ни семени его просяща хлеба: весь день милует и в заимъ даеть праведныи, и племя его благословлено будет. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в веки века» (ср. Пс. 36, 1. 9—17. 20. 21—27; 33, 15). «Внегда стати человекомъ, убо живы пожерли ны быша, внегда прогневатися ярости его на ны^[225]; убо вода бы ны потопила» (Пс. 123, 2—4). «Помилуй мя, Боже, яко попра мя человекъ; весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющися^[4] со мною свыше» (Пс. 55, 2—3). «Возвеселится праведник, и егдавидить мечь, руце свои умыть в крови грешника. И рече убо человекъ: “Аще есть плодь праведника, и есть убо Богъ судьи земли!^[5]”» (Пс. 57, 11—12). «Измии мя от врагъ моихъ, Боже, и от встающих на мя отъими мя; избави мя от творящих безаконье; и от мужа крови^[6] спаси мя, яко се уловиша душу мою» (Пс. 58, 2—4). «И яко гневъ въ ярости Его, и животъ в воли Его: вечеръ водворится плачь, а заутра радость» (Пс. 29, 6). «Яко лучши милость Твоя, паче живота моего. И устне мои похвалита Тя. Яко^[7] благословлю Тя в животе моемъ; и о имени Твоемъ въздею руце мои» (Пс. 62, 4—5). «Покры мя от сонма лукаваго^[8] и от множества делающих неправду» (Пс. 63, 3). «Възвеселитесь, вси праведнии седцемъ» (Пс. 31, 11). «Благословлю Господа на всяко время; воину хвала Его» (Пс. 33, 2), и прочая.

Якоже бо Василии^[226] учаше, собравъ ту уноша: душа чисты, нескверньни, телеси худу, кротку беседу и в меру слово Господне: «Яди^[9], питью бесъ плища велика быти; при старых молчати, премудрыхъ слушати; старейшимъ покарятися, с точными и меншиими любовь имети, без лукаи беседующе, а много разумети; не свереповати словомъ, не хулити беседою, не обило смеятися; срамлятися старейших, к женам нелепымъ не беседовати; долу очи имети, а душою горе; пребегати...^[227], не стрекати учить легких власти; ни в кую же имети еже от всех чести^[228]. Аще ли кто васъ можетъ инемъ услети, от Бога мзды да чаеть и вечных благъ насладится». «О Владычице Богородице! Отъими от убогаго сердца моего

гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего в пустошнемъ семь жити»^[229]. «Научися, верный человеце, быти благочестно^[10] делатель; научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, телу поработанье, гневу погубленье, помысль чисть имети, понужаяся на добрая дела Господа ради: лишаемъ — не мсти, ненавидимъ любо гонимъ — терпи^[11], хулимъ — моли, умертви грехъ»^[230]. «Избавите обидима, судите сироте, оправдайте вдовицу. Придете, да сожжемъся, глаголетъ Господь. Аше будут греси ваши, яко оброщени, яко снегъ обелю я» (Ис. 1, 17—18), и прочее^[231]. «Восияетъ весна постная и цветъ покаянья; очистимъ себе, братья, от всякоя крови плотскыя и душевныя. Светодавцю вопыюще, рчемъ: “Слава Тобе, Человеколюбче!”»^[232].

Поистине, дети моя, разумеите, како ти есть Человеколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы, человеци, грешни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ и пожрети и кровь его прольяти вскоре (ср. *Притч.* 1, 16). А Господь нашъ, владея и животомъ, и смертию^[233], согрешенья наша выше главы нашея терпить, и паки и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя, бя^[12]м, и паки привлечь е к собе, такоже и Господь нашъ показал ны есть на врагы победу, 3-ми делы добрыми избыти его и побрита его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дети мои, не тяжка заповедь Божья (ср. *Втор.* 30, 77), оже теми делы 3-ми избыти греховъ своихъ и Царствия не лишитися. А Бога доля не ленитесь, молю вы ся, не забывайте 3-хъ дель техъ, не бо суть тяжка: ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ^[234], но малым деломъ улучшить милость Божью.

«Что есть человекъ, яко помниши и?» (*Пс.* 8, 5). «Велии еси, Господи, и чюдна дела Твоя; никак же разумъ человеческъ не можетъ исповедати чюдес Твоихъ» (ср. *Пс.* 47, 2)^[235]. И паки рчемъ: «Велии еси, Господи, и чюдна дела Твоя, и благословено и хвално имя Твое в веки по всей земли» (ср. *Пс.* 144, 1—3). Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы Твоея и Твоихъ великихъ чюдес и добротъ, устроеныхъ на семь свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водахъ положена, Господи, Твоимъ промыслом! Зверье разноличнии, и птица, и рыбы украшено Твоимъ промыслом, Господи! И сему чюду дивуемъся: како от персти создавъ человека, како образи разноличнии въ человекьскыхъ лицахъ, аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кьи же своимъ лицъ образомъ по Божии мудрости^[236]. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья^[237] идут, и первее [в]^[13]

наши руце; и не ставятся на единой земли, но и сильные, и худыя идут по всемъ землямъ Божиимъ повеленьемъ, да наполнятся леси и поля. Все же то далъ Богъ на угодые человекомъ: на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость Твоя на нас (ср. Пс. 32, 22), яже^{14} та угодыя створилъ еси человека деля грѣшна. И ты же птице небесныя умудрены Тобою, Господи: егда повелиши, то вспоютъ и человеки веселять Тебе, и егда же не повелиши имъ, языкъ же имеюще, онемеютъ. «А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зело» (ср. Пс. 118, 12; 144, 3), всяка чюдеса и ты доброты створивъ и зделавъ! Да иже не хвалить Тебе, Господи, и не веруетъ всемъ сердцемъ и всею душою во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ (ср. 1 Кор. 16, 22).

Си словца прочитающе, дети моя, божественая, похвалите Бога, даваго нам милость Свою; и се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: аще не всего примете, то половину.

Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о гресех своих, рекуще: «Яко блудницу, и разбойника, и мытаря помиловалъ еси, тако и нас грѣшных помилуй». И в церкви то деите, и ложася, не грѣшите ни одну же ночь. Аще можете, поклонитися до земли, а ли вы ся начнете не мочи, а трижды. А того не забываете, не ленитесь: темъ бо ночным поклоном и пенемъ человекъ побеждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшить, а темъ человекъ избываетъ^[238]. Аще и на кони ездяче не будетъ ни с кым орудья, аще инехъ молитвъ не умеете молвити, а «Господи помилуй» зовете беспрестани втайне, та бо есть молитва всехъ лепши, нежели мыслити безлепицю, ездя.

Всего же паче убогихъ не забываете, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицю оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человека. Ни права, ни крива не убиваете, ни повелеваете убитаго; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубяете^{15} никакаяже хрестьяны. Речь молвяче — и лихо, и добро — не кленитесь Богомъ, ни хреститесь, нету бо ти нужна никоеяже. Аще ли вы будете крестъ целовати к братьи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на немъ же можете устояти, то же целуйте, и целовавше блюдете, да не приступни погубите душе свое. Епископы, и попы, и игумены...^[239]; с любовью взимаите от нихъ благословенье, и не устраняетесь от нихъ, и по силе любите и набдите, да примете от нихъ молитву от Бога. Паче всего гордости не имейте в сердци и въ уме, но рцемъ: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробъ; се все, чт[о] ны^{16} еси вдаль, не наше, но Твое, поручилъ ны еси на мало днии. И в земли не хороните, то ны есть великъ трехъ.

Старыя чти, яко отца, а молодыя, яко братью. В дому своемъ не ленитесь, но все видите. Не зрите на тивуна^[240], ни на отрока, да не посмеются приходящии к вам и дому вашему, ни обеду вашему. На воину вышедъ, не ленитесь. Не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте. И ночь, отвсюду нарядивше, около вои тоже ляжите, а рано встанете. А оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавшѣ ленощами, внезапно бо человекъ погыбаеть. Лже блюдиша, и пьянства, и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тело. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости деяти отроковъ ни своимъ, ни чюжимъ ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнутъ. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина^[241]. И боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ: или простъ, или добръ, или соль. Аще не можете даромъ, брашном и питьемъ: ти бо, мимоходячи, прославятъ человека по всемъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присетите, надъ мертвеца идете, яко вси мертвени есмы. И человека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ Божии имейте выше всего.

Аще забываете всего, а часто прочитайте: и мне будетъ бе-соромѣ, и вамъ будетъ добро.

Егоже умеючи, того не забывайте доброго, а егоже не умеючи, а тому ся учите. Якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изуменяше 5 языкъ^[242], в томъ бо честь есть от инехъ земель. Лениость бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а егоже не умееть, а тому ся не учить^[243]. Добре же творяще, не можете ся лениити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели. Тако бо отецъ мой деашетъ блаженнии и вси добрии мужи свершении. Заутреннюю отдавшѣ Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узревше солнце, и прославити Бога с радостью и рече: «Просвети очи мо[и]^[17]с, Христе Боже (ср. Пс. 12, 4), и[же]^[18] далъ ми еси светъ Твои краснии». И еще: «Господи, приложи ми лето къ лету, да прокъ греховъ своихъ покаявша, оправдивъ животъ». Тако похвалю Бога и седше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ехати, или поездити, или лечи спати; спанье есть от Бога присужено полудне, о ть чина^[19] бо почиваетъ и зверь, и птици, и человеци.

А се вы поведаю, дети моя, трудъ свои, оже ся есмь тружалъ, пути дея и ловы 13 лет^[244].

Первое к Ростову идохъ сквозь вятиче, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску^[245]. И паки 2-е к Смолинску со Ставкомъ с Кордятичемъ^{[20][246]};

той паки и отъиде к Берестію со Изяславомъ^[247], а мене посла Смолинську^[248]. То и-Смолинська идохъ Володимерю^[249]. Тое же зимы тои посласта Берестію брата^[250] на головне, иде бяху пожгли^[251], то и ту блюдъ городъ тихъ^[252]. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велице дни^[253] ис Переяславля та Володимерю на Сутеиску мира творить с ляхы^[254]. Оттуда паки на лето Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы^[255], ходивъ за Глоговы до Чешьскаго леса^[256], ходивъ в земли ихъ 4 месяци. И в то же лето и дѣтя ся роди старейшее новгородское^[257]. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову^[258].

И Святославъ умре^[259], и язъ паки Смолинську^[260], а и-Смолинська той же зиме та к Новугороду, на весну, Глебови в помочъ^[261]. А на лето со отцемъ подъ Полтескъ^[262]. А на другую зиму с Святополкомъ^[263] подъ Полтескъ: ожгоша Полтескъ; онъ иде Новугороду^[264], а я с половци на Одрьскъ^[265], воюя, та Чернигову^[266].

И паки и-Смолинська къ отцю придох Чернигову. И Олегъ приде из Володимеря выведенъ^[267], и возвах и к собе на обедъ со отцемъ в Чернигове, на Краснемъ дворе, и вдахъ отцю 300 гривен золота^[268]. И паки и-Смолинська же пришедъ, и проидох сквозе половечьскыи вои, бѣся, до Переяславля, и отца налестохъ, с полку пришедше^[269]. То и паки ходихомъ том же лете со отцемъ и со Изяславомъ бѣтсѣ Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга^[270], и паки идохом Переяславлю, и стахом во Оброве^[271].

И Всеславъ Смолнескъ ожже^[272], и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню... и не застахом въ Смолинскѣ^[273]. Тем же путем по Всеславе пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожска^[274]; та на Дрютьскъ, воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ^[275] весь, и азъ шѣдъ с черниговци и с половци, на Десне изымахом князи Асадука и Саука и дружину ихъ избиша. И на заутрее за Новымъ городомъ^[276] разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семечи^[277] и полонъ весь отяхом.

А въ Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его^[278]. И ко Корьдну^[279] ходихъ 1-ю зиму, и паки по Изяславичихъ^[280] за Микулинъ, и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку^[281] совкуплятьсѣ на Броды.

Том же лете гонихом по половьцихъ за Хороль, иже Горошинъ

взяша^[282]. И на ту осень идохом с черниговци и с половци с читеевичи^[283] к Меньску; изъехахом городъ и не оставихом у него ни челядина, ни скотины. На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды и любовь велику створихом^[284].

И на весну посади мя отецъ в Переяславли передъ братьею^[285], и ходихом за Супои^[286]. И едучи к Прилуку городу^[287], и сretoша ны внезапно половечьские князи, 8 тысячъ, и хотехом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозехъ. И внидохом в городъ, толко семцю^[288] яша одного живого ти смердъ неколико, а наши онехъ боле избита и изымаша, и не смеша ни коня пояти в руце, и бежаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день^[289], идохом к Беле Вежи^[290], и Богъ ны поможе, и Святая Богородица: избита 900^[23] половець и два князя яша, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста^[291].

И потомъ на Святославль гонихом по половцях, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ^[292] по половцях. И паки на той же стороне у Красна половци победихом, и потомъ с Ростиславом^[293] же у Варина^[294] веже взяхом. И потом ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадах, и Ярополкъ умре^[295].

И паки по отни смерти^[296] и по Святополце^[297] на Суле бившеся съ половци до вечера, быхом у Халепа^[298]; и потом миръ створихом с Тугорканомъ и со инеми князи половечьскими^[299], и у Глебови чади^[300] пояхом дружину свою всю.

И потом Олегъ на мя приде с половчьскою землею к Чернигову^[301], и бишася дружина моя с нимъ 8 днии о малуг[реб]лю^[24], и не вдадуче имъ въ острогъ. [Съ]жаливъси^[25] хрестьяных душъ, и сель горящих, и монастырь^[302] и рехъ: «Не хвалитися поганимъ», и вдахъ брату отца своего^[303] место, а самъ идох на отца своего место Переяславлю. И внидохом^[26] на святаго Бориса день^[304] ис Чернигова, и ехahом сквозь полкы половчские не въ 100 дружине и с детми и с женами; и облизахутся на нас, акы волци стояще, и от перевоза, и з гор. Богъ и святыи Борисъ не да имъ мене в користь, неврежени доидохом Переяславлю.

И седех в Переяславли 3 лета и 3 зимы^[305] и с дружиною своею, и многы беды прияхом от рати и от голода^[306]. И идохом на вой ихъ за Римовъ^[307], и Богъ ны поможе: избиша и^[27], а другия поимаша. И паки Итлареву чадъ избиша^[308], и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомъ^[309]. И

Стародубу идохом на Олга^[310], зане ся бѣше приложилъ к половцем. И на Богъ^[311] идохом с Святополком на Боняка, за Рось. И Смолинську идохом с Давыдомъ, смилившеся паки^[312]. Идохом другое с Воронице.^[313] Тогда же и торци придоша ко мне ис Половецъ^[314] и читеевичи; идохом противу имъ на Сулу.

И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску^[315], и се ныне иду Ростову^[316].

И паки с Святополком гонихом по Боняце^[317], но ли оли убиша^[28] и не постигохом ихъ. И потом по Боняце же гонихом за Рось, и не постигохом его. И на зиму Смолинску идохъ. И-Смоленска по Велице дни выидох, и Гюргева мати умре^[318]. Переяславлю пришедъ на лето, собрах братью. И Бонякъ приде со всеми половци къ Кснятину^[319]; идохом за не ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ победихом, и князи изымахом лепшии. И по Рожестве створихом миръ с А[е]пою^[29], и поимъ у него дщерь, идохом Смоленську^[320]. И потом идох Ростову. Пришед из Ростова, паки идох на половци, на Уру[со]бу^[30] с Святополком^[321], и Богъ ны поможе. И потом паки на Боняка к Лубьну^[322], и Богъ ны поможе. И потом ходихом в воину^[31] с Святополком^[323]. И потом паки на Донъ^[324] идохом с Святополком и с Давыдомъ, и Богъ ны поможе^[325]. И к Выреви^[326] бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотеша взяти и, ко Ромну идох со Олгомъ и з детми на нь, и они очутивше^[32] бежаша^[327]. И потом к Меньску ходихом на Глеба^[328], оже ны бѣше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихом свое мышленное. И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця^[329], не терпяче злѡбъ его.

А и-Щерънигова до Кыева нестишь^[330] ездихъ ко отцю, днемъ есмъ переездилъ до вечерни. А всех путии 80 и 3 великих, а прока не испомню менших. И мировъ есмъ створилъ с половечьскими князи безъ одного 20, и при отци, и кроме отца. А дая скота много и многы порты свое. И пустилъ есмъ половечских князь лепших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братье 4^[331], а всех лепших князии инехъ 100. А самы князи Богъ живы в руке дава: Коксусъ с сыномъ, Акланъ Бурчевичъ^[332], таревьскыи князь^[333] Азгулуи и инехъ кметии молодых 15, то техъ живы ведъ, исекъ, вметах в ту речку въ Славли^[334]. По чередам избъено не съ 200 в то время лепших.

А се тружахъся ловы дея, понеже седох в Чернигове, а и-Щернигова вышедъ и д[о сег]о^[33] лета по сту уганива[л]^[34] и имъ даром всею

силою^[335], кроме иного лова, кроме турова^[336], иже со отцемъ ловиль есмь всякъ зверь. А се в Чернигове деяль есмь: конь диких своиа рукама связаль есмь в пущах 10 и 20 живых конь, а кроме того иже по рови^[337] ездя ималь есмь своиа рукама те же кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конемъ. Олень мя одинъ боль, а 2 лоси: одинъ ногами топталъ, а другыи рогома боль. Вепрь ми на бедре мечь оттяль, медведь ми у колена подъклада укусилъ, лютый зверь^[338] скочиль ко мне на бедра и конь со мною поверже — и Богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руце и нозе свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своя.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створиль дела на воине и на ловехъ, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокоя. На посадники не зря, ни на биричи^[339], сам твориль, что было надобе, весь нарядъ, и в дому своемъ то я твориль е[с]мь^[35]. И в ловчих ловчии нарядъ сам есмь держаль, и в конюсех, и о соколов, и о ястрябех тоже. И худаго смерда и убогие вдовице не даль есмь сильным обидети; и церковнаго наряда и службы сам есмь призираль. Да не зазрите ми, дети мои, но^[36] инъ кто прочеть: не хвалю бо ся, ни дерзости своя, но хвалю Бога и прославляю милость Его, иже мя грешнаго и худаго селико лет сблюд от техъ часъ смертныхъ и не ленива мя былъ створиль худаго, на вся дела человеческая потребна.

Да сю грамотицю прочитаючи, потъснетеса на вся дела добрая, славяще Бога с святыми Его. Смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от звери, но мужское дело творите, како вы Богъ подасть. Оже бо язъ от рати и от звери и от воды, от коня спадаяся, то никто же вас не можетъ вредитися и убити, понеже не будет от Бога повелено. А иже от Бога будет смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти. Но оче^[37] добро есть блюсти, Божие блюденъе леплее есть человеческого.

Поучение Перевод

Я, худый, дедом своим Ярославом, благословленным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею — Мономахи...^[340]

...и христианских ради людей, ибо сколько соблюл их по милости своей и по отчей молитве от всех бед. Сидя на санях^[341], помыслил в душе

своей и похвалил Бога, который меня, грешного, до этих дней сохранил^[342]. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку^[343], не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет её в сердце своё и не лениться будет, но трудиться. Прежде всего, Бога ради и души своей, страх Божий имейте в сердце своём и милостыню творите неоскудевающую, ибо это — начало всякому добру. Если же кому не любя грамотка сия, то пусть не посмеются, но так скажут: на дальнем пути, да на саях сидя, безлепицу^[344] молвил.

Ибо встретили меня послы от братии моей на Волге и сказали: «Присоединись к нам: выгоним Ростиславичей^[345] и волости их отнимем. Если же не пойдёшь с нами, то мы сами по себе будем, а ты сам по себе»^[346]. И сказал я: «Хотя и гневаетесь вы, не могу ни с вами идти, ни креста преступить». И, отпустив их, взял Псалтирь, в печали разогнул её, и вот что открылось мне^[347]: «Что печалишься, душа, что смущаешь меня?» (ср. Пс. 41, 6), и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся мне словеса, и расположил их по порядку, и написал: если вам последние не любя, то первые примите^[348].

«Что печальна ты, душа моя, что смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в Него» (ср. Пс. 41, 6. 12; 42, 5). «Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю. Ещё немного, и не станет нечестивого; будет искать он место своё и не найдёт. А кроткие наследуют землю и наслаются множеством мира. Нечестивый злоумышляет против праведника и скрежещет на него зубами своими: Господь же посмевается над ним и видит, что придёт день его. Нечестивые извлекают оружие, натягивают лук свой, чтобы истребить нищего и убогого, чтобы пронзить правых сердцем: оружие их войдёт в сердца их, и луки их сокрушатся. Малое у праведника — лучше богатства многих нечестивых, ибо мышца нечестивых сокрушится, а праведников подкрепляет Господь. И так нечестивые погибнут, праведных же милует и одаривает [Господь]^[349], ибо благословенные Им наследуют землю, а проклятые Им истребятся. Господом утверждаются стопы человека: когда он будет падать, не упадёт, ибо Господь поддерживает его за руку. Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба: он всякий день милует и займы даёт, и потомство его в благословение будет. Уклоняйся от зла, делай добро, ищи мира и следуй за ним, и будешь жить вовек» (ср. Пс. 36, 1. 9—17. 20. 21—27; 33, 15). «[Если бы не Господь был с нами], когда восстали на нас люди, то живых они поглотили бы нас, когда

возгорелась ярость его на нас^[350]; воды потопили бы нас» (Пс. 123, 2—4). «Помилуй меня, Боже! ибо человек хочет поглотить меня; нападая всякий день, теснит меня. Враги мои ищут поглотить меня, ибо много восстающих на меня, о Всевышний!» (Пс. 55, 2—3). «Возрадуется праведник, и, когда увидит отмщение, омоет руки свои в крови нечестивого. И скажет человек: “подлинно есть плод праведнику, ибо есть Бог, судящий на земле!”» (Пс. 57, 11—12). «Избавь меня от врагов моих, Боже! защити меня от восстающих на меня; избавь меня от делающих беззаконие; спаси от кровожадного, ибо вот, они подстерегают душу мою» (Пс. 58, 2—4). «Ибо [на мгновение] гнев Его, на всю жизнь благоволение Его: вечером водворится плач, а на утро радость» (Пс. 29, 6). «Ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь моя. И уста мои восхвалят Тебя. Так благословлю Тебя в жизни моей; во имя Твое вознесу руки мои» (Пс. 62, 4—5). «Укрой меня от сборища коварного и от множества делающих неправду» (Пс. 63, 3). «Возвеселитесь, все правые сердцем» (Пс. 31, 11). «Благословлю Господа на всякое время; хвала Ему непрестанно» (Пс. 33, 2), и прочее.

Ибо как Василий^[351] учил, собрав юношей, [иметь] души чистые, непорочные, тела худые, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Еде [и] питью быть без шума великого; при старых молчать, премудрых слушать; старшим повиноваться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, но побольше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не смеяться излишне; стыдиться старших, с непотребными женщинами не беседовать; глаза держать книзу, а душу горé; избегать...^[352], не отказываться учить падких на власть; ни во что ставить всеобщие почести»^[353]. «Если кто из вас может другим услужить, от Бога пусть воздаяния ожидает и вечных благ насладится». «О Владычица Богородица! Отними от убогого сердца моего гордость и дерзость, да не вознесусь суетой мира сего в ничтожном сем житии»^[354]. «Научись, верный человек, быть благочестию делателем; научись, по евангельскому слову, очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела порабощению, гнева подавлению; иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела Господа ради: лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — моли, умертви грех»^[355]. «Избавляйте обидимого, защищайте сироту, оправдайте вдовицу. Тогда придите — и соединимся, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю их» (Ис. 1, 17—18), и прочее^[356]. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к Светодавцу, скажем: “Слава Тебе, Человеколюбче!”»^[357].

Поистине, дети мои, разумейте, сколь милостив и премилостив Человеколюбец Бог! Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам причинит зло, то готовы пожрать его и спешим на пролитие крови (ср. *Притч. 1, 16*). А Господь наш, владея и жизнью, и смертью^[358], согрешения наши превыше голов наших терпит даже и до конца жизни нашей. Как отец, любя дитя своё, бьёт его и снова привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя добрыми делами избавиться от него [от врага] и победить его: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия (ср. *Втор. 30, 77*), как теми тремя делами избавиться от грехов своих и Царствия [небесного] не лишиться. Бога ради, молю вас, не ленитесь, не забывайте трёх дел тех, ибо не тяжки они: не затворничество это, не чернечество, не голод, что иные добродетельные претерпевают^[359], — но малым делом можно улучшить милость Божию.

«Что есть человек, что Ты помнишь его?» (*Пс. 8, 5*). «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои; никакой разум человеческий не может постигнуть чудес Твоих» (ср. *Пс. 47, 2*)^[360]. И ещё скажем: «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твоё в века по всей земле» (ср. *Пс. 144, 1—3; 8, 10*). И кто не восхвалит или не восславит силу Твою и Твои великие чудеса и блага, устроенные на сем свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звёзды, и тьма и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные, и птицы, и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи! И такому чуду подивимся: как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица, так что если и весь мир собрать, то не все на одно лицо будут, но у каждого свой облик по Божьей мудрости^[361]. И тому подивимся, как птицы небесные из ирья^[362] идут, и прежде всего [в] наши руки; и не поселяются на одном месте, но и сильные, и слабые расходятся по всем землям Божиим повелением, чтобы наполнились леса и поля. Всё же то дал Бог в угоду людям: на пищу [и] для веселья. Велика, Господи, милость Твоя к нам (ср. *Пс. 32, 22*), так как блага те сотворил Ты ради человека грешного. И те же птицы небесные научены Тобою, Господи: когда повелишь, запоют и люди Твоих возвеселят; а когда не повелишь им, то, хоть и имеют голос, станут немые. «И благословен Ты, Господи, и достохвален» (ср. *Пс. 118, 12; 144, 3*), всякие чудеса и блага эти створивший и сделавший! И кто не славит Тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душою во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят (ср. *1 Кор. 16, 22*).

Прочитав эти словеса божественные, дети мои, восхвалите Бога,

давшего нам милость Свою. А это — от худого моего ума наставление. Послушайте меня: если не всё примите, то половину.

Если смягчит вам Бог сердце, слёзы пролейте о грехах своих, говоря: «Как помиловал Ты блудницу, и разбойника, и мытаря, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте, и [спать] ложась; ни одной ночи не пропускайте. Если можете, поклонитесь до земли; если же занеможется вам — тогда трижды. А того не забывайте, не ленитесь: ведь этим ночным поклоном и [молитвенным] пением человек побеждает дьявола, и что человек нагрешит за день, этим избавляется^[363]. И когда на коне едете и нет у вас ни с кем дела, если других молитв не умеете сказать, «Господи помилуй» повторяйте беспрестанно втайне (ибо эта молитва всех лучше) — нежели о пустом думать, ездя.

Более же всего убогих не забывайте, но сколько можете по силам вашим, кормите, и сироте [милостыню] подавайте, и вдовицу сами оправдывайте, а не давайте сильным погубить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет достоин смерти, не губите никакой души христианской. Говоря что-либо — дурное ли, доброе, — не клянитесь Богом, не креститесь — нет в том тебе никакой нужды. Если же будете крест целовать братии или ещё кому, то, проверив сердце своё, на чём можете устоять, на том целуйте, а дав целование, соблюдайте его, чтобы, нарушив, не погубить души своей. Епископов, и священников, и игуменов [почитайте^[364]]; с любовью принимайте от них благословение, и не отстраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы принять по их молитве от Бога. Более всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; всё, что Ты дал нам, — не наше, но Твоё, поручил нам на малое время. И в земле [ничего] не прячьте — то нам великий грех.

Старых почитай, как отца, а молодых — как братьев. В дому своём не ленитесь, но за всем смотрите. Не полагайтесь на тиуна^[365] или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь. На воевод не полагайтесь; ни питью, ни еде не потворствуйте, ни спанью; и сторожей сами снаряжайте. И ночью, повсюду наряд расставив, около воинов ложитесь, а вставайте рано. И оружие не снимайте с себя сразу, не оглядевшись, по беспечности — ибо внезапно человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда: оттого ведь душа погибает и тело. Куда бы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам ни своим, ни чужим вред причинять ни сёлам, ни посевам, чтобы не начали проклинать вас. Куда же пойдёте и где

остановитесь, напоите, накормите жаждущего^[366]. А более всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришёл: простолюдин ли, или знатный, или посол. Если не можете одарить — то пищей и питьём: они ведь, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. И мимо человека не пройдите, не поприветствовав, доброе слово ему скажите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. А вот вам конец всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если начнёте забывать это, то часто перечитывайте: и мне будет не стыдно, и вам будет добро.

Чего умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь. Как и отец мой, дома сидя, выучил пять языков^[367] — оттого и честь от иных земель. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится^[368]. Добро же творя, не ленитесь ни на что доброе, прежде всего к церкви: да не застанет вас солнце в постели. Так ведь поступал отец мой блаженный и все добрые мужи свершенные. На заутрене воздав Богу хвалу, и потом при восходе солнца, и увидев солнце, [надлежит] прославить Бога с радостью и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет Твой прекрасный» (*ср. Пс. 12, 4*). И ещё: «Господи, приложи мне лето к лету, чтобы, в прочих грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою». Так я прославляю Бога и когда сажусь думать с дружиною, или [собираюсь] творить суд людям, или на охоту ехать, или на сбор дани, или ложиться спать; спанье от Бога установлено в полдень — в это ведь время почивают и зверь, и птицы, и люди.

А теперь поведаю вам, дети мои, труд свой, как трудился я, в разъездах и на охотах, [с] тринадцати лет^[369].

В первый раз к Ростову пошёл, сквозь землю вятичей: послал меня отец, а сам пошёл к Курску^[370]. И затем, во второй раз, — к Смоленску, со Ставком Гордятичем^[371], который затем пошёл к Берестью с Изяславом^[372], а меня [Изяслав] послал к Смоленску^[373]. А из Смоленска пошёл во Владимир^[374]. Той же зимой послали меня в Берестье братья^[375], на пепелище сожжённое^[376]; и берёг я город тот утихший^[377]. Затем пошёл в Переяславль к отцу, а после Пасхи^[378] из Переяславля во Владимир — к Сутейску: мир заключать с поляками^[379]. Оттуда на лето опять во Владимир.

Потом послал меня Святослав в Польшу^[380]: ходил за Глогов, до Чешского леса^[381]; ходил в земле их четыре месяца. И в том же году дитя

родилось старшее, новгородское^[382]. Потом оттуда к Турову, а на весну — к Переяславлю, и снова к Турову^[383].

И Святослав умер^[384], и я опять пошёл к Смоленску^[385], а из Смоленска той же зимой, на весну, — к Новгороду: Глебу в помощь^[386]. А летом с отцом под Полоцк^[387]. А на другую зиму со Святополком^[388] под Полоцк: Полоцк сожгли — он пошёл к Новгороду^[389], а я с половцами, воюя, на Одреск^[390], и затем к Чернигову^[391].

И снова из Смоленска пришёл к отцу в Чернигов. И Олег пришёл, выведенный из Владимира^[392]. И позвал его к себе на обед, с отцом, в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу 300 гривен золота^[393]. И снова из Смоленска же придя, прошёл с боем сквозь войска половецкие к Переяславлю и отца встретил, из похода вернувшегося^[394]. И снова ходили в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову: биться с Борисом, и победили Бориса и Олега^[395], и снова пошли в Переяславль, и встали в Оброве^[396].

И Всеслав Смоленск сжёг^[397], и я с черниговцами верхом, о дву конь... и не застали в Смоленске^[398]. В том же походе за Всеславом пожёг землю и повоевал до Лукомля и до Логожска^[399]; затем на Друцк, воюя, затем к Чернигову.

А в ту зиму повоевали половцы весь Стародуб^[400]. И шёл я с черниговцами и с половцами: на Десне захватили князей Асадука и Саука и дружину их перебили. А назавтра за Новым городом^[401] разогнали сильное войско Белкатгина, а семичей^[402] и весь полон отняли.

А в Вятичскую землю ходили две зимы: на Ходоту и на сына его^[403]. И к Кордну^[404] ходили первую зиму, и снова за Ростиславичами^[405] — за Микулин; и не настигли их. И в ту весну — на соединение с Ярополком^[406] в Броды.

Тем же летом гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин^[407]. И на ту осень ходили с черниговцами и с половцами, читеевичами^[408], к Минску — захватили город и не оставили в нём ни челядина, ни скотины. На ту зиму ходили на соединение с Ярополком в Броды, и в любви великой утвердились^[409].

И на весну посадил меня отец в Переяславле, перед братией^[410], и ходили за Супой^[411]. И когда ехали к Прилуку городу^[412], встретили нас внезапно князя половецкие, [с] восемью тысячами; и хотели мы с ними

биться, но оружие отослали вперёд на повозках. И вошли в город — только семца^[413] одного живым захватили да нескольких смердов; наши же их больше перебили и захватили, и не смели те коней в повод взять и той же ночью бежали к Суле. И наутро, на Госпожин день^[414], пошли к Белой Веже^[415], и Бог нам помог и Святая Богородица: перебили 900 половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, — Асиня и Сакзя, и только два человека убежали^[416].

И потом к Святославлю гнались за половцами, а потом к Торческу, а потом к Юрьеву^[417] за половцами. И опять на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом, с Ростиславом же^[418], у Варина^[419] вежи захватили. А потом во Владимир ходил, снова Ярополка посадил [на княжение]; и умер Ярополк^[420].

И снова, после смерти отца^[421] и после [вокняжения] Святополка^[422], на Суле бились с половцами до вечера у Халепа^[423]; и потом мир заключили с Тугорканом и с другими князьями половецкими^[424], а у Глебовой чади^[425] забрали дружину свою всю.

И потом Олег пришёл на меня с половецкой землёю к Чернигову^[426]; и билась дружина моя с ними в течение восьми дней у малого вала и не дала им [войти] в острог. Пожалел я души христианские, и сёла горящие, и монастыри^[427] и сказал: «Да не похвалятся поганые!», и отдал брату стол отца его^[428], а сам пошёл на стол отца своего к Переяславлю. И вышли из Чернигова на день святого Бориса^[429], и ехали сквозь полки половецкие, меньше ста человек с детьми и с жёнами, а [половцы] облизывались на нас, словно волки, стоя у перевоза и на горах, — Бог и святой Борис не дали меня им в добычу; невредимы дошли до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы^[430] с дружиною своею; и много бед приняли от войны и от голода^[431]. И ходили на войско их за Римов^[432], и Бог нам помог: перебили их, а других захватили. И опять Итлареву чадь перебили^[433], и вежи их захватили, пойдя за Голтав^[434]. И к Стародубу пошли на Олега^[435], потому что он соединился с половцами. И на Бог^[436] ходили со Святополком на Боняка, за Рось. И к Смоленску ходили, с Давыдом помирившись снова^[437]. Ходили во второй раз с Вороницы^[438] Тогда же и торки пришли ко мне из Половецкой земли^[439] и читеевичи; ходили навстречу им на Сулу.

И потом опять ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску^[440], и вот ныне иду к Ростову^[441].

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили^[442]; и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось и не настигли его. И на зиму к Смоленску ходил. Из Смоленска после Пасхи вышел, и Юрьева мать умерла^[443]. Придя в Переяславль на лето, собрал братию. И Боняк пришёл со всеми половцами к Кснятину^[444]; ходили за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших. И после Рождества заключили мир с Аепой и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску^[445]. И потом ходил к Ростову. Придя из Ростова, опять ходил на половцев, на Уру[со]бу, со Святополком^[446], и Бог нам помог. И потом опять на Боняка к Лубну^[447], и Бог нам помог. И потом ходили к Воиню со Святополком^[448]. И потом опять на Дон^[449] ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог^[450]. И к Вырю^[451] пришли было Аепа и Боняк: хотели захватить его; мы с Олегом и с детьми ходили к Ромну^[452], и они, услышав, бежали. И потом к Минску ходили на Глеба^[453], который людей наших захватил, и Бог нам помог, и исполнили задуманное. И потом ко Владимиру ходили на Ярославца^[454], не терпя злобы его.

А из Чернигова к Киеву непрестанно^[455] к отцу ездил, за день проезжая, до вечерни. А всех походов великих восемьдесят и три, а остальных, меньших, и не упомяну. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать — и при отце, и без отца. И скота давал много и многие одежды свои. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трёх, Овчининых^[456] четырёх братьев, а иных всех лучших князей сто. А самих князей живыми Бог в руки давал: Коксуся с сыном, Аклана Бурчевича^[457], таревского князя^[458] Азгулуя и пятнадцать иных воинов молодых — этих я, живыми приведя, изрубил, побросал в ту речку в Славий^[459]. А врозь перебито в то время до двухсот лучших [воинов].

А так трудился я на охотах, пока в Чернигове сидел. А из Чернигова выйдя и до сего лета по сотни загонял и брал даром, всюю силою^[460] [...] кроме иного лова — кроме туров^[461], ибо ловил с отцом всякого зверя. А вот что в Чернигове делал: коней диких своими руками связал в пущах десять и двадцать, живых коней, а кроме того, по степи^[462] ездя, тех же коней диких своими руками ловил. Два тура рогами меня бросали с конём. Олень меня один бодал, и два лося: один ногами топтал, а другой рогами бодал. Вепрь на бедре у меня меч оторвал; медведь мне у колена потник укусил; лютый зверь^[463] на бёдра ко мне вскочил и вместе с конём меня

повалил — и Бог меня невредимым сохранил. И с коня падал много: голову разбивал себе дважды, и руки и ноги повреждал — в юности своей повреждал, не заботясь о жизни своей, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам я делал — на войне и на охотах, ночью и днём, в зной и в стужу, не давая себе покоя. Не полагаясь ни на посадников, ни на биричей^[464], сам делал, что было надо; весь распорядок в доме своём сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов; и о соколах и о ястребах — тоже. И худого смерда, и убогую вдовицу не давал сильным обидеть; и за церковным порядком и за службой сам наблюдал. Да не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтёт: не хвалю ведь ни себя, ни дерзости своей, но хвалю Бога и прославляю милость Его, Койй меня, грешного и худого, столько лет от того часа смертного охранял и не ленивым меня сотворил, худого, [но] на всякие дела человеческие пригодным.

Прочитав же грамотку эту, поспешите на всякие дела добрые, славя Бога со святыми Его. Смерти ведь, дети, не боясь — ни [на] войне, ни от зверя, исполняйте дело мужественно, как вам Бог пошлёт. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня [не пострадал], то и из вас никто не может пострадать или убиться, пока не будет от Бога повелено. А если от Бога придёт смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут отнять вас от неё. И хотя добро есть оберегаться [самому], Божие обережение лучше человеческого.

Комментарии

«Поучение» Владимира Мономаха, вместе с его же письмом князю Олегу Святославичу и Молитвой, традиционно приписываемой ему же, но, возможно, ему не принадлежащей, дошло до нас в единственном списке, в составе Лаврентьевской летописи, переписанной в 1377 году монахом Лаврентием, где оно читается под 6604 (1096) годом. Причём очевидно, что «Поучение» попало в летопись не на своё место, поскольку оно разрывает связный текст летописной статьи, рассказывающей о происхождении половцев и других соседних с Русью народов^[465]. К тому же дошедший до нас текст «Поучения» дефектен: в самом его начале оказались пропущены четыре с половиной строки, которые, по всей вероятности, не были разобраны Лаврентием из-за ветхости оригинала; неясности и, возможно, пропуски встречаются в тексте и в других местах. Сам Лаврентий в послесловии к переписанной им летописи сетовал на это: «...оже ся где

буду описаль, или переписаль, или не дописаль, чтите исправливая, Бога деля, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ, не дошелъ» (45. Стб. 488).

Жанр поучений детям получил широкое распространение в средневековой христианской литературе, как западной, так и восточной. Общим образцом для авторов служили наставления сыновьям в библейских книгах — «Книге притчей Соломоновых», «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова», а также послания апостола Павла к Тимофею. Как отмечал в обобщающем труде по истории древнерусской литературы В.Л. Комарович (119. С. 290—291), Мономах мог знать и византийские, и западноевропейские сочинения в этом жанре — приписываемое патриарху Фотию поучение сыну византийского императора Василия I, труд византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанный тоже в форме отцовского поучения, а возможно даже, апокрифическое поучение сыну англосаксонского короля Альфреда и англосаксонские «Faeder Larcwidas» («Отцовские поучения»), сохранившиеся в библиотеке последнего англосаксонского короля Харальда, на дочери которого Гиде был женат Мономах^[466]. Непосредственным же образцом для «Почения» Владимира Мономаха послужили памятники византийской литературы, уже переведённые к тому времени на славянский язык и вошедшие в своеобразную хрестоматию назидательной литературы древней Руси — так называемый «Изборник» 1076 года, — Слово святого Василия Великого «како подобает человеку быти», Почение «некоего отца к сыну», Почение Ксенофонта «к сынома своим», «Наставление Исихии, пресвитера Иерусалимского», «Стословец» патриарха Геннадия. Впрочем, Мономах создаёт сочинение очень своеобразное, глубоко личное, обращённое не только к его собственным сыновьям, но и к другим русским князьям: «...дети мои или инъ кто слышавъ сю грамотицю...» В его «Почение» вошёл и подробный рассказ о прожитой жизни — своего рода автобиография князя, и это отличает «Почение» от других произведений, созданных в этом жанре.

Вопрос о том, когда было написано «Почение» и каков был его первоначальный вид, решается историками по-разному. Ещё первый издатель памятника А.И. Мусин-Пушкин отмечал, что «Почение» составлено князем в конце жизни. Поскольку последний упомянутый Мономахом поход — против владими́ро-волы́нского князя Яросла́вца Святополчи́ча — Мусин-Пушкин датировал 1118 годом, а уже в следующем году Ярославец был изгнан из Владимира, Мусин-Пушкин относил «Почение» ко времени между 1119 и 1125 годами (20. С. 43, прим. 73, С.

50, прим. 83). Позднее датировка Мусина-Пушкина была уточнена, так как поход против Ярославца Святополчича, по летописи, имел место в 1117 году. Соответственно, «Поучение» стали датировать 1117—1125 годами. Эта датировка была, в частности, обоснована И.М. Ивакиным, посвятившим «Поучению» Владимира Мономаха наиболее обстоятельное исследование (115), и получила широкое распространение в литературе.

Д.С. Лихачёв, вслед за В.Л. Комаровичем и И.У. Будовницем, нашёл основания точно датировать «Поучение» 1117 годом — после походов на Ярославца Святополчича и Глеба Всеславича Минского (последний поход Лихачёв датирует также 1117 годом), но до перевода Мономахова сына Мстислава из Новгорода в Белгород в том же году, так как Мстислав назван в «Поучении» «детя... старейшее новгородское» (43. С. 515—516). Однако последний аргумент не может быть принят, поскольку Мстислав был выведен отцом из Новгорода во всяком случае ещё до похода на Ярославца (46. Стб. 284; 45. Стб. 291); да и «Новгородским» своего старшего сына Мономах, по-видимому, мог назвать и после оставления им Новгорода — слишком уж долго (с 1088 года, с перерывом) Мстислав княжил в этом городе, где после его ухода в Белгород остался на княжении его сын Всеволод.

Другая предложенная датировка также находит основания в тексте «Поучения». Этот вопрос был обстоятельно разобран ещё в 1863 году М.П. Погодиным (155. С. 235—237), который обратил внимание на собственные слова Мономаха, разъяснившего причины появления «Поучения»: «...усретоша бо мя слы от браться моя на Волзе...» (с предложением изгнать князей Ростиславичей из их уделов), и на следующее далее замечание: «и се ныне иду Ростову». Следовательно, делал вывод Погодин, «Поучение» составлено Мономахом в пути к Ростову, во время подготовки не названных им по именам князей к походу против братьев Володаря и Василька Ростиславичей, а именно в 1099 году (под этим годом летопись сообщает о походе на Володаря и Василька киевского князя Святополка Изяславича). Что же касается упоминания в сочинении Мономаха более поздних событий, то они, по мнению историка, представляют собой позднейшие вставки, принадлежащие, по всей вероятности, перу самого Мономаха. Позднее эта датировка была существенно скорректирована С.М. Соловьёвым (173. С. 380, 679—680, прим. 134), который связал упомянутый Мономахом поход против Ростиславичей с несколько более поздними событиями, последовавшими за Витичевским съездом князей 1100 года.

Особое мнение относительно времени создания «Поучения» было высказано Н.В. Шляковым (184), который датировал памятник (как

представляется, на основании целого ряда бóльших или меньших натяжек) февралём 1106 года и даже ещё точнее: пятницей первой недели Великого поста (которая в 1106 году пришлась на 9 февраля); впоследствии, около 1117 года, «Поучение», по мнению исследователя, было ещё раз отредактировано Мономахом.

Две основные датировки «Поучения» (1099 или 1100 и 1117 или 1117 — 1125 годы) противоречат одна другой и как будто взаимно исключают друг друга. Попытки согласовать их или опровергнуть одну из них предпринимались исследователями неоднократно. Так, И.М. Ивакин относил все трудные для объяснения и противоречащие его датировке памятника места в «Поучении» к ошибкам и опискам позднейшего переписчика, а именно Лаврентия. Характерен пример с выражением «и се ныне иду Ростову», на которое обратил особое внимание М.П. Погодин. И.М. Ивакин рассматривал сохранившееся чтение как ошибку вместо якобы читавшегося в оригинале: «и-Смолиньска (из Смоленска. — А.К.) идохъ (с заменой настоящего времени на прошедшее! — А.К.) Ростову». Однако палеографически такое исправление (а точнее, целый ряд исправлений) выглядит совершенно необоснованным. В своём классическом пособии по древнерусской текстологии Д.С. Лихачёв привёл критерии, по которым могут быть приняты те или иные конъектуры (исправления в тексте), предложенные исследователями: «Текст без этих конъектур непонятен, с конъектурами он вполне ясен. Конъектуры не потребовали больших изменений в тексте. Палеографически они... обоснованы, при этом может быть объяснено, почему именно произошли искажения текста...» (133. С. 167). Ни одному из этих требований конъектура, предложенная Ивакиным, не отвечает; сама необходимость её появления вызвана исключительно желанием обосновать определённую датировку памятника, которой читающаяся в тексте фраза противоречит. Об этом приходится говорить столь подробно потому, что конъектура И.М. Ивакина (как и целый ряд других предложенных им исправлений, также недостаточно обоснованных текстологически) была принята последующими исследователями и издателями «Поучения», в том числе А.С. Орловым, тем же Д.С. Лихачёвым и О.В. Твороговым (150. С. 146; 43. С. 104; 6. С. 468; в последнем издании даже не обозначено курсивом исправление «идох» вместо читающегося в оригинале «иду»)^[467].

Что же касается рассказа о встрече Мономаха с послами от «братьи», то и здесь Ивакин видит порчу текста, предполагая пропуск в оригинале целого листа.

Но если не вносить в текст насильственной и не вынужденной правки,

то становится очевидным, что какая-то одна, непротиворечивая датировка «Поучения» Владимира Мономаха попросту невозможна. Д.С. Лихачёв, принявший, как мы только что отметили, поправки И.М. Ивакина, решил этот вопрос следующим образом. Сохранившееся в Лаврентьевской летописи «Поучение» Владимира Мономаха, по его мнению, первоначально состояло из трёх отдельных самостоятельных произведений: собственно «Поучения», «Летописи» жизни Мономаха (или «Автобиографии») и письма Мономаха князю Олегу Святославичу; впоследствии все три сочинения были соединены самим князем. Первое из этих сочинений — собственно «Поучение» — было написано в 1099 году (в связи со встречей с «послами», предложившими князю поход против Ростиславичей) и впоследствии, в более пожилом возрасте, было переработано самим Мономахом; второе — «Автобиография» — создано в 1117 году; третье — письмо Олегу — в 1096-м (131. С. 98—102). Но если относительно самостоятельного характера письма Владимира Мономаха князю Олегу Святославичу никаких сомнений быть не может, то разделение собственно «Поучения» и «Автобиографии» кажется искусственным и совершенно излишним.

В самом деле, главная идея и первой, основной, части «Поучения», и рассказа Мономаха о своей жизни совпадает: на собственном примере князь показывает торжество главных христианских добродетелей — смирения, страха Божия, трудолюбия и т.д. Вывод, который он делает из сказанного о совершённых им военных походах и подвигах на охоте, полностью подтверждает то, о чём князь так убедительно писал в основной части своего «Поучения». Более того, совпадают и многие обороты: и в начале, и в конце памятника князь обращается не только к детям своим, но и к «инь кто прочеть»; и там, и там именуется свой труд «грамотицей».

Итак, «Поучение» Владимира Мономаха (разумеется, без его письма Олегу) представляет собой единое произведение. Единое по жанру, но единое ли по времени работы над ним? Мысль о том, что князь возвращался к «Поучению» и дорабатывал его, высказанная ещё М.П. Погодиным и Н.В. Шляковым и поддержанная Д.С. Лихачёвым, выглядит весьма плодотворной. Более того, неоднократное обращение князя к этому программному для него произведению кажется даже обязательным. «Поучение» Мономаха обращено к его сыновьям. Но у князя было несколько сыновей, причём от разных жён, и, как показали последние исследования, разница в возрасте между сыновьями была внушительной^[468]. По мере взросления младших сыновей и наделения их уделами князь Владимир Всеволодович должен был наделить их и текстом

своего «Поучения», а потому наличие по меньшей мере двух этапов в работе над этим памятником более чем вероятно.

Можно согласиться с основным выводом М.П. Погодина: Мономах, действительно, сам указал причину, заставившую его взяться за перо («усретоша бо мя слы от браться моя на Волзе...»); по всей вероятности, именно на этом пути («и се ныне иду Ростову»)^[469] он и начал работу над «Поучением». Очень показательным, что, подробно рассказав о своём черниговском и переяславском княжении, Мономах ни словом не обмолвился о княжении в Киеве. Это однозначно свидетельствует о том, что «Поучение», в основной своей части, написано до вступления Мономаха на киевский престол, то есть до мая 1113 года.

Относительно же самой встречи Мономаха с послами от «братьи» я склоняюсь к датировке С.М. Соловьёва, который, как отмечалось выше, указывал не на 1099 год (поход Святополка на Ростиславичей), но на 1100 год (ситуацию после Витичевского съезда князей). Едва ли князь Святополк Изяславич, виновный в недавнем злодейском ослеплении Василька Ростиславича (поступок, вызвавший осуждение всех князей и особенно Владимира Мономаха), мог предложить Мономаху участие в походе на Ростиславичей. Этот поход не рассматривался как общий для русских князей; он преследовал исключительно корыстные цели одного Святополка. На Витичевском же съезде 1100 года произошёл открытый разрыв между большинством князей (Святополком, Владимиром Мономахом, Олегом и Давыдом Святославичами) и братьями Ростиславичами; последние решительно отказались выполнить волю князей и довольствоваться на двоих одним Перемышлем (45. Стб. 274). В летописи, правда, ничего не говорится о какой-либо подготовке к военным действиям против Володаря и Василька. Но, может быть, именно твёрдая позиция Мономаха и предотвратила войну? Во всяком случае, свои волости (Володарь — Перемышль, а Василько — Теробовль) братья сохранили.

Есть ещё одно соображение, которое косвенно может свидетельствовать в пользу датировки «Поучения» временем после Витичевского съезда. Как показал Н.В. Шляков, Мономах, работая над «Поучением», находился под влиянием богослужения первой недели Великого поста, что, очевидно, также имеет датирующий характер. Но в таком случае Мономах не мог взяться за «Поучение» в связи со встречей послов от Святополка в 1099 году: из «Повести временных лет» известно, что Святополк занял Владимир-Волынский (после чего и замыслил поход на Ростиславичей) в Великую субботу 1099 года (45. Стб. 269); следовательно, он мог направить послов к Мономаху уже после Пасхи.

Витичевский съезд 1100 года состоялся в августе, что также не согласуется с датировкой «Поучения» временем Великого поста. Но приготовления к возможной войне с Ростиславичами могли начаться уже после съезда. Не исключено, что Мономах встречался с послами от «братьи» в Великий пост уже следующего, 1101 года. В таком случае начало работы над «Поучением» можно было бы датировать мартом этого года (первая неделя Великого поста в 1101 году пришлась на 10—16 марта). Этому в принципе совершенно умозрительному предположению как будто находятся некоторые подтверждения в тексте самого «Поучения». Вызавшая столько споров фраза «и се ныне иду Ростову» (которой, по всей вероятности, завершалась автобиографическая часть «Поучения» в его первоначальном виде и которая может быть связана с работой Мономаха над «Поучением») следует сразу же за сообщением о поездках князя «по 3 зимы» к Смоленску. Мы определённо знаем лишь об одной его поездке в Смоленск после поездки 1095 года (упомянутой в «Поучении» ранее) — в Великий пост 1100 года, когда 7 марта, «на средохрестие», он заложил в Смоленске кафедральную церковь Пресвятой Богородицы (63. С. 72). Таким образом, если принимать во внимание внутреннюю хронологию «Поучения», то «нынешний» поход князя к Ростову можно было бы датировать временем во всяком случае после марта 1100 года.

О двукратном (по меньшей мере) обращении Мономаха к тексту «Поучения» говорят наблюдения над автобиографической частью его сочинения, о чём также писал ещё М.П. Погодин. В самом деле, трудно объяснить, почему Мономах так подробно описывает свои «пути» до 1096—1097 годов (или, может быть, до 1100—1101 годов, см. выше), которым отведено в рукописи почти три полных листа, а о событиях, относящихся к более позднему времени (до 1117 года), упоминает лишь вскользь, в нескольких фразах. Рассказ об этих последних событиях занимает в рукописи Лаврентьевской летописи лишь несколько строк и скомпонован в одном месте: между фразой «и се ныне иду Ростову» и воспоминаниями о частых поездках Владимира из Чернигова в Киев ещё при жизни отца (то есть ранее 1093 года). Вполне естественно предположить, что эти несколько строк представляют собой позднейшую вставку, сделанную самим Мономахом в первоначальный текст своего «Поучения».

Когда же была сделана эта вставка? Очевидно, после 1117 года, так как последнее упомянутое в «Поучении» событие — поход на владимироволынского князя Ярославца Святополчича — летописи датируют 1117 годом (поход против князя Глеба Всеславича Минского, упомянутый Мономахом перед этим, имел место в феврале—марте 1116-го).

Упоминание Мономахом о «злобах» Ярославца — его главного политического противника в это время, — на мой взгляд, свидетельствует о том, что Ярославец был ещё жив и борьба с ним оставалась актуальной. Следовательно, «Поучение» дорабатывалось не позднее лета 1123 года, когда князь Ярослав Святополчич погиб под стенами Владимира-Волынского. О причине, по которой Мономах был вынужден вернуться к «Поучению», мы уже говорили выше: очевидно, новый экземпляр «Поучения» потребовался для кого-то из его подросших сыновей.

Обращение к событиям 1117-го и последующих годов позволяет высказать некоторые предположения относительно того, для кого именно понадобился этот новый экземпляр — тот самый, который и лёг в основу дошедшего до нас единственного списка «Поучения». Летописи сообщают всего о нескольких событиях в семье Владимира Мономаха в эти годы: ещё до его похода на Ярославца Святополчича он перевёл из Новгорода в Белгород своего старшего сына Мстислава; в том же 1117 году, вскоре после похода на Ярославца, женил пятнадцатилетнего сына Андрея; в следующем, 1118 году Ярослав бежал из Владимира-Волынского, и Мономах посадил на княжение во Владимир другого своего сына, Романа, который, вероятно, был старше Андрея, но ненамного; наконец, 6 января 1119 года Роман умер, и Мономах послал во Владимир Андрея, который и занял владими́ро-во́лыньский стол. О судьбе Юрия (будущего Долгорукого) летописи не сообщают до 1120 года, когда он совершил поход на волжских болгар, но, естественно, нельзя исключать и того, что «Поучение» предназначалось для него. Сделать выбор в пользу кого-то одного из младших сыновей Мономаха (Юрия, Романа или Андрея) можно лишь условно, с оговорками, принимая во внимание то литературное окружение, в котором «Поучение» сохранилось в составе Лаврентьевской летописи. Как уже говорилось выше, помимо самого «Поучения» и письма Мономаха князю Олегу Святославичу, в летопись оказался включён текст молитвенного содержания, представляющий собой выписки из ряда богослужебных книг, главным образом из Триоди постной. Помимо прочего, текст этот содержит молитвенное обращение к святому Андрею Критскому, автору «Покаянного канона», выдержки из которого также вошли в состав подборки. Возникает вопрос: не связано ли обращение к небесному покровительству святого Андрея («Андрею] честный, отче преблаженый, пастуше Критьский, не престаи моляся за ны, чтущая тя...») с соименностью его тому князю, для которого (или которым) была составлена вся Молитва? В таком случае бытование Молитвы (а значит, и всего комплекса сочинений Владимира Мономаха) уместнее всего связать с

одним из двух князей из его рода: либо с сыном Андреем, либо с внуком Андреем Боголюбским, сыном Юрия Долгорукого. Если принять во внимание отмеченную выше актуальность обвинений Мономаха в адрес князя Ярославца Святополчича, то первый вариант будет выглядеть предпочтительнее. Таким образом, можно согласиться в основном с мнением Н.В. Шлякова (поддержанным в последнее время А. Гиппиусом), который рассматривал «Поучение» в редакции 1117 года как родительское благословение Мономаха только что женившемуся сыну Андрею, отправившемуся в начале 1119 года на своё первое княжение во Владимир-Волынский (см.: 184. I. С. 124—126; 97. С. 13—14). Впоследствии Андрей Владимирович княжил в Переяславле-Южном, где и скончался в 1142 году. Так получает объяснение факт сохранения «Поучения» Владимира Мономаха в летописании Северо-Восточной Руси: как известно, на своём раннем этапе оно было тесно связано именно с Переяславлем-Южным, остававшимся долгое время уделом потомков Юрия Долгорукого.

Остаётся рассмотреть вопрос о времени включения в летопись комплекса сочинений Владимира Мономаха, отчасти уже затронутый выше. Едва ли есть основания соглашаться с гипотезой А.А. Шахматова, согласно которой «Поучение» было включено в так называемую «Третью» редакцию «Повести временных лет» около 1118 года в связи с переводом старшего сына Мономаха Мстислава из Новгорода в Южную Русь (182. С. 23—24). Этому прежде всего противоречит отсутствие «Поучения» в летописях, сохранивших «Третью» редакцию «Повести временных лет» или те вставки, которые А.А. Шахматов связывал с этой редакцией. М.Д. Присёлков удачно объяснил дефект в начале «Поучения» (пропуск четырёх с половиной строк) тем, что этот памятник первоначально читался на первом листе рукописи и из-за отсутствия переплёта сильно загрязнился или стёрся (158. С. 186—188). Однако, как справедливо отметил Д.С. Лихачёв, вовсе не обязательно считать, что текст «Поучения» читался в начале именно того «ветхого» летописца, который переписывал Лаврентий: якобы случайно оторвавшиеся листы заключают в себе только текст, посторонний по отношению к летописи, и не захватывают начала «Повести временных лет» (133. С. 204—210; 43. С. 512—514). Более вероятно, по мнению исследователя, что листы с «Поучением» и другими текстами составляли отдельную тетрадь. Они оказались вложены в текст летописи не случайно, а приблизительно на то место, которое им можно отвести, оказавшись по соседству с рассказом о войне Мономаха с Олегом Святославичем. «Пытаясь установить время, под которым должно быть помещено “Поучение”, — пишет Д.С. Лихачёв, — Лаврентий или его

предшественник мог определить дату одного из сочинений Мономаха — его письма к Олегу... Летописец и вставил поэтому сочинения Мономаха под 1096 г.». Следует добавить только, что замысел летописца (едва ли им был сам Лаврентий) так и остался неосуществлённым. Очевидно, первоначально предполагалось поместить комплекс сочинений Мономаха (или, может быть, только его письмо Олегу) в связи с рассказом о войне между сыновьями Мономаха и Олегом. Рассказ этот, надо полагать, и читался на том развороте, куда были вложены листы с текстом сочинений Мономаха. Соответствующая отметка о месте вставки либо не была сделана, либо осталась не замеченной позднейшим переписчиком, который и переписал вложенные в рукопись листы сплошь. Был ли этим переписчиком Лаврентий или его предшественник (автор летописного свода 1305 года), остаётся неизвестным.

2. Письмо князю Олегу Святославичу

Древнерусский текст

О, многострастныи^[470] и печалны азъ! Много борещися сердцемъ, и одолевши, душе, сердцю моему^[471], зане тленьне сущи. Помышляю, како стати пред Страшным судьею, каянья и смиренья не приимшим межю собою^[472]. Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю» — ложь есть (ср. 1 Ин. 4, 20). И пакы: «Аще не отпустите прегрешении брату, ни вам отпустить Отець вашъ Небесный» (ср. Мф. 6, 15). Пророкъ глаголетъ: «Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящим безаконье» (Пс. 36, 1); «что есть добро и красно, [еже жити]^[38] братья вкупе!» (Пс. 132, 1).

Но все дьяволе наученье. То бо были рати при умныхъ дедахъ^[39] наших, при добрых и при блаженных отцехъ наших. Дьяволъ бо не хоче^[40] добра роду человеческому, сваживаетъ^[41] ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ твой^[473], егоже еси хр[е]стиль^[42], иже то ездитъ близь тебе; прислалъ ко мне мужъ сво[и]^[43] и грамоту, река: «Ладимъся и смеримся. А братцю моему судъ пришель^[474]. А ве ему не будеве местника, но възложиве на Бога, а стануть си пред Богомъ. А Русьскы земли не погубимъ»^[475]. И азъ видех смиренье сына своего, сжалихси и Бога устрахихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смеряется, на Бога укладаетъ; азъ человекъ грешень есмь паче всех человекъ. Послушахъ сына своего, написах ти

грамоту: аще ю приимеши с добромъ ли с поруганьемъ, свое^[44] же узрю на твоём писаньи.

Сими бо словесы варих тя переди, его же почаяхъ от тебе смиреньем и покаяньем хотя от Бога ветхыхъ своихъ греховъ [оставления]^[45]. Господь бо нашъ не человекъ есть, но Богъ всей вселене^[46] иже хоцеть, в мегновеньи ока вся створити хоцеть^[47], то сам претерпе хуленье и оплеванье и ударенье и на смерть вдася, животом владея и смертию. А мы что есмы, человеци грешни и лиси: день живи, а утро мертви, днесъ в славе и въ чти, а завтра в гробе и бес памяти, ини собранье наше разделять. Зри, брате, отца наю: что взяста или чим има пороте но токмо оже еста створила души свои^[48].

Но да сими словесы пославше, бяше переди, брате, ко мне варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое^[476] пред тобою, и бяше тебе, узревше кровь его и тело увянувшю, яко цвету нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи [в]^[49] помыслы души своей: «Увы мне, что створихъ? И пождавъ его безумья, света сего мечетнаго кривости ради налезох грех собе, отцю и матери слезы»^[477]. И рещи бяше Давыдскы: «Азъ знаю, грех мои предо мною есть воину» (Пс. 50, 5). Не крове дѣля пролитья помазаникъ Божии Давыдъ прелюбодеянье створи^[50], посыпа главу свою и плакася горко — во тѣ час отда ему согрешенья его Богъ. А к Богу бяше покаяться, а ко мне бяше грамоту утешеную, а сноху мою^[478] послати ко мне, зане несть в ней ни зла, ни добра; да бых обуимъ оплакать мужа ея и оны сватбы ею, в песнии место: не видехъ бо ею первее радости, ни венчанья ею за грехы своя. А Бога дѣля пусти ю ко мне вборзе с первым словомъ^[51], да ^[52]с нею кончавъ слезы, посажу на месте; и сядет, акы горлица на сусе древе, желеючи, а язъ утешюся о Бозе.

Тем бо путем шли деди и отци наши^[53]. Судъ от Бога ему пришелъ, а [не]^[54] от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ и Муромъ налезлъ, а Ростова бы не занималъ^[479], а послалъ ко мне, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумеи: мне ли бы послати к тебе достойно, ци ли тебе ко мне? Да же еси велель дитяти: «Слися къ отцю», десятя^[55] есмь послалъ.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку? Ти лепше суть измерли и роди наши^[480]. Да не выискивати было чюжего, ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци, да быта собе налезли, но оному налезлоша зло. Да [е]же^[56] начнеши каятися Богу, и мне добро сердце створиши,

пославъ соль свои или пискупа^[481] и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собе, и лепше будемъ, яко и преже: несмь ти ворожбить, ни мѣстникъ. Не хотехъ бо крови твоя видети у Стародуба^[482]. Но не дай ми Богъ крови от руку твоею видети, ни от повеленья своего^[483], ни котораго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя ведаеть и крестъ честный. Оли то буду грех створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову поганых деля, ли того ся каю, да то языком братьи пожаловахъ, и паки е поведяхъ, зане человекъ есмь.

Аще ти добро, да с темъ...^[57] али ти лихое, да то ти сидить сынъ твои хръстныи с малым братомъ своимъ^[484], хлебъ едучи дедень^[485]. А ты седиши в своемъ^[486] — а о се ся ряди. Али хочеши тою убить, а то ти еста. Понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскеи земли. А егоже то и^[58] хощеши насильем, тако ве даяла и у Стародуба и милкусяюча^[59] по тебе отчину твою. Али Богъ послух тому, с братом твоимъ^[487] рядилися есве, а не поможеть рядитися бес тебе. И не створила есве лиха ничтоже, ни рекла есве: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от Бога мира узрети на оном свете души его. Не по нужи ти молвлю, ни беда ми которая по Бозе, сам услышишь. Но душа ми своя лутши всего света сего.

«На Страшней при бе-суперник обличаюся»^[488], и прочее.

Перевод

О я, исполненный многими страстями^[489] и печальный! Много борешься, душа, с сердцем, и одолело сердце моё^[490], потому что тленны мы. Помышляю, как предстать пред Страшным судией, не покаявшимся и не примирившимся между собою^[491]. Ибо кто говорит: «Бога люблю, а брата своего не люблю» — ложь это (ср. 1 Ин. 4, 20). И ещё: «Если не простите брату прегрешения его, то и вам не простит Отец ваш Небесный» (ср. Мф. 6, 15). Говорит пророк: «Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие» (Пс. 36, 1); «как хорошо и как приятно [жить] братьям вместе!» (Пс. 132, 1).

Но всё наущение дьявольское. Вот ведь были рати при умных дедах наших, при добрых и блаженных отцах наших. Дьявол ведь не хочет добра роду человеческому, ссорит нас. А написал я это тебе, потому что принудил меня сын твой^[492], которого ты крестил, что сидит возле тебя; прислал ко мне мужа своего с грамотой, [так] говоря: «Уладимся и смиримся. А братцу

моему суд [Божий] пришёл^[493]. Так не станем мстителями за него, но положимся на Бога, когда предстанут они пред Богом. А Русской земли не погубим»^[494]. И я, видя смирение сына своего, сжалился и, Бога устранившись, сказал: он, молод и неразумен, так смиряется, на Бога уповает — я же человек грешен, грешнее всех людей. Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли её с добром или с поруганием, об этом узнаю из твоего писания.

Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога [отпущения] прежних своих грехов. Ибо [и] Господь наш, не человек, но Бог всей вселенной — что захочет, во мгновение ока всё сотворит, — Сам претерпел насмешки, и плевание, и побои; и на смерть предал себя, владея жизнью и смертью. А мы что суть, люди грешные и злые: сегодня живы, а наутро мертвы; сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и в забвении, [и] другие собранное нами разделят. Посмотри, брат, на отцов наших: что взяли они и на что им одежды их? Но только и есть у них, что сделали душе своей.

Таковыми словами, брат, следовало тебе, пославши ко мне, опередить меня. Когда же убили дитя моё и твоё^[495] пред тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее, словно цветок, только что расцветший, словно агнец заколотый, сказать, стоя над ним, проникнув [в] помыслы души своей: «Увы мне, что сотворил! Воспользовавшись неразумием его, ради неправды мира сего призрачного, добыл грех себе, [а] отцу и матери — слёзы»^[496]. Подобало тебе сказать вслед за Давидом: «Знаю, грех мой всегда предо мною» (Пс. 50, 5). Не из-за пролития крови, [но] свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал голову свою и плакал горько — тотчас отпустил ему согрешения его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне грамоту написать утешительную, а сноху мою^[497] послать ко мне — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — обняв её, оплакал бы мужа её и ту свадьбу их, вместо пения — ибо не видел я первые радости их, ни венчания их за грехи мои. Бога ради пусти её ко мне скорее, с первым посланцем, чтобы, испустив слёзы с нею, поселил её рядом. И сядет она, словно горлица на сухом дереве, жалеючи, а я утешусь о Боге.

Тем ведь путём шли деды и отцы наши. От Бога ему суд пришёл, а [не] от тебя. Если бы ты тогда свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова не занимал^[498], но послал ко мне, то мы бы отсюда уладились. Но сам рассуди: мне ли подобало к тебе посылать, или тебе ко мне? Да если бы ты велел дитя [моему]: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж погиб на войне? Так умирали лучшие в роду

нашем^[499]. Не надо было ему выискивать чужого и меня в стыд и печаль вводить. Научили ведь его отроки, чтобы себе добыть, — а ему добыли зло. Да если начнёшь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа^[500], то напиши грамоту с правдою — тогда и волость добром получишь, и сердце наше обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел я ведь крови твоей видеть у Стародуба^[501]. Но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления своего^[502], ни от кого-нибудь из братьев. Если же я лгу, то Бог меня ведаёт и крест честной! Если же в том я грех совершил, что пошёл на тебя к Чернигову из-за поганных, то в том я каюсь и о том братии печалился и ещё им поведал, потому что человек есмь.

Если тебе добро, то... Если же худо, то вот сидит сын твой крёстный с малым братом своим^[503], хлеб едят дедовский^[504]. А ты в своём сидишь^[505] — об этом и рядись. А если хочешь убить их — то вот они у тебя. Ибо не хочу зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь силой взять, то мы давали тебе и у Стародуба... отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим^[506] рядились, да не может он без тебя рядиться. И не сделали мы ничего дурного, не сказали: ссылайся с братом, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, то не дано будет от Бога душе его узреть мира на том свете. Не от нужды говорю тебе, не из-за беды какой по Боге, сам услышишь. Но душа моя дороже мне всего света сего.

«На Страшном суде без обвинителей себя обличаю»^[507], и прочее.

Комментарии

Письмо Владимира Мономаха его двоюродному брату князю Олегу Святославичу сохранилось в единственном списке в составе комплекса сочинений («Поучение», письмо, Молитва) в Лаврентьевской летописи, где оно помещено под 1096 годом — годом войны между Владимиром и Олегом (45. Стб. 252—255). Летописец никак не разделил эти сочинения, поэтому остаётся неясным, на каких словах заканчивается собственно «Поучение» и с каких слов начинается письмо Мономаха Олегу; неясно также, дошёл ли до нас текст письма целиком, или какие-то части его утрачены. Принятое в современной литературе деление двух памятников (начало письма: «О многострастныи и печалны...»), предложенное ещё первым издателем «Поучения» А.И. Мусиным-

Пушкиным и обоснованное И.М. Ивакиным, является в известной степени условным. (А.Ф. Бычков и Е.Ф. Карский в изданиях Лаврентьевской летописи за начало письма принимали: «Но все дьяволе наученье...»; И.И. Срезневский: «Да се ти написах...»; Н.В. Шляков: «Что есть добро и красно...».)

Обстоятельства, при которых было написано письмо, определяются, благодаря летописи, достаточно точно. В конце лета 1096 года Олег, изгнанный в мае Владимиром Мономахом и киевским князем Святополком Изяславичем из Чернигова и потерпевший в начале июня поражение под Стародубом, начинает новую войну против Мономаха и выступает к Мурому, который незадолго до этого захватил сын Мономаха Изяслав. 6 сентября в битве у города Изяслав был убит. Олег не ограничился возвращением принадлежавшего ему Муром, но занял Суздаль и Ростов, принадлежавшие Мономаху. Старший сын Мономаха Мстислав, княживший в Новгороде, обратился к Олегу с предложением о посредничестве в мирных переговорах, обещая не мстить за брата. Олег, однако, отказался, угрожая захватить ещё и Новгород. Мстислав двинул против Олега свои войска и вынудил его оставить Ростов и Суздаль (который Олег предварительно сжёг) и укрыться в Муроме. Мстислав вновь предложил переговоры, и на этот раз Олег ответил согласием — но, как оказалось, лживым. 21 февраля (в Фёдорову субботу Великого поста) 1097 года Мстислав получил известие о том, что Олег внезапно начал военные действия и угрожает нападением. Ему удалось наскоро собрать войска, к тому же 26 февраля к Мстиславу подошёл его младший брат Вячеслав, присланный отцом. 27 февраля в битве «на Кулачьце» Олег был разбит и бежал в Муром, затем в Рязань, откуда также вынужден был бежать. Мстислав заключил мир с муромцами и рязанцами и вновь предложил Олегу мир, который теперь был принят. На этом война с Олегом завершилась (45. Стб. 236—240).

Письмо Мономаха напрямую связано с этими событиями. Исследователи единодушны в высокой оценке этого памятника прежде всего с нравственной точки зрения. И в самом деле, Мономах прощает убийцу своего сына (при том, что погибший, вероятно, приходился крёстным сыном Олегу, то есть было совершено двойное преступление, своего рода сыноубийство!), сам кается (!) перед ним и утешает (!) его и предлагает заключить мир, забыв о прежних обидах. Как отмечает Д.С. Лихачёв, мировая история не знает «ничего похожего» на это «письмо победителя Мономаха к своему побеждённому врагу» (130. С. 142—144). В отношении этой справедливой оценки можно, пожалуй, сделать лишь одно

уточнение: у нас нет уверенности в том, что письмо Мономаха было написано после окончательного поражения Олега; скорее, как мы увидим, наоборот.

Война Олега с сыновьями Мономаха продолжалась ровно полгода: с начала сентября 1096 года по самый конец февраля 1097-го. По-видимому, можно поискать основания и для более точной датировки письма.

Ещё И.М. Ивакин отметил, что, судя по содержанию самого письма, оно было написано до битвы на Кулачке: во-первых, Мономах не считал войну с Олегом оконченной («али хочеси тою убити, а то ти еста», — писал он Олегу о своих сыновьях); во-вторых, ко времени написания письма два сына Мономаха «ели» «хлебъ дедень», то есть находились в своём уделе, а сам Олег сидел «в своемъ» — именно такая ситуация сложилась после того, как Олег в первый раз отступил к Мурому, а Мстислав занял Суздаль. Следовательно, делает вывод И.М. Ивакин, письмо написано в декабре 1096-го — январе 1097 года (115. С. 3, 4).

Этот вывод можно уточнить. В самом начале письма (если мы верно определяем слова, которыми оно начинается в летописи) Мономах как будто обнаруживает знакомство с молитвословиями недели мясопустной (канун Масленицы). Завершается же письмо прямой цитатой из тропаря, который читается в Псалтири после 3-й кафизмы и который звучит в церкви на утрени в понедельник, соответствующий так называемому «3-му гласу». В 1097 году это песнопение звучало в церкви, в частности, в понедельник сырной седмицы (9 февраля)^[508].

Ещё более существенно другое обстоятельство. В своём письме Мономах упоминает о младшем брате Мстислава, готовом принять участие в переговорах («то ти седить сынъ твои хръстныи с малым братомъ своимъ»). Ранее считалось, что речь идёт о малолетнем Юрии (будущем Долгоруком), дату рождения которого — 1090 год — называет В.Н. Татищев (75. С. 96). Однако, как показали последующие исследования (146. С. 69; и др.), эта дата ошибочна. Юрий появился на свет во втором браке своего отца, около 1096 года, и никак не мог находиться рядом со старшим братом Мстиславом в военном походе. В таком случае возникает вопрос: кто же был тем «малым братом» Мстислава, который упоминается в послании? Ясно, что речь идёт об одном из трёх младших сыновей Мономаха от его первого брака — Святославе, Ярополке или Вячеславе. О первых двух источники в связи с событиями междоусобной войны ничего не сообщают. Зато о Вячеславе известно, что он был послан отцом с половцами на помощь Мстиславу. Исходя из того, что Вячеслав во главе конного половецкого отряда появился у Суздаля в четверг второй недели

Великого поста, можно предположить, что он выступил из Переяславля незадолго до начала поста, то есть на сырной седмице (Масленице) (9—14 февраля) 1097 года. В таком случае кажется очень вероятным, что именно через Вячеслава и должно было быть передано послание Мономаха Олегу и именно Вячеслав имелся в виду как «малый брат» Мстислава, сидящий вместе с братом, «хлебъ едучи дедень». Именно так полагал ещё Н.М. Карамзин, мнение которого было поддержано В.А. Кучкиным (126. С. 69).

Предложенная датировка письма позволяет несколько уточнить позицию Мономаха в отношении Олега. Владимир Всеволодович, несомненно, искренне предлагал Олегу мир. Однако одновременно с исполненным христианского смирения и братолюбия письмом он посылал войско своему старшему сыну для возможного противодействия тому же Олегу. В этом нет и тени двоедушия, зато есть прозорливость умудрённого опытом князя. В отличие от Мстислава, поверившего в искренность Олега и распустившего свои войска, Мономах допускал два варианта развития событий. Можно быть уверенным, что если бы Олег пошёл на мир, Мономах сдержал бы те обещания, которые давал в письме. (Как он сдержал их после поражения Олега.) Случилось по-другому, и не он был в том повинен. Заметим, кстати, что именно посланное вместе с Вячеславом войско из союзных Мономаху половцев решило исход битвы на Кулачке, а в итоге — исход войны между Мономахом и Олегом.

3. Молитва

Древнерусский текст

Премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленым казателю и нищим заступниче! Утверди в разуме мое сердце, Владыко; Ты даждь ми слово, Отче, се бо устнама моима не възбрани впити Ти: милостиве, помилуй падшаго^[509]. Упованье мое Богъ, прибежище мое Христось, покровъ мои Святыи Духъ^[510]. Надеже и покрове мои, не презри мене, благая^[511]; Тебе бо имуще помощницу в печали и в болезни и от злых всех, и тебе славлю, Препетая! И разумеите и видите, яко «Азь есмь Богъ, испытая[и]^[60] сердца, и сведьи мысли, обличаяи дела, опаляяи грехы, судяи сироте и убогу и нищю»^[512]. Всклонися, душе моя, и дела своя помысли, яже здеа, пред очи свои принеси, и капля испусти слезъ своих, и повеждь яве деянья и вся мысли Христу, и очистися^[513]. Андреа^{[61][514]}

честный, отче преблаженный, пастуше Критский, не престаи моляся за ны, чтущая тя, да избудем вси гнева, и печали, и тля, и греха, и бедъ же, чтуща память твою верно. Град Свой схрани, Девице Мати чистая, иже о Тебе верно царствует, да Тобою крепимся и Тобе ся надеем, побежаем вся брани, испрометает противныя и творить послушенье^[515]. О Препетая Мати, рожьшия всех святыхъ пресвятаго Слова, приимши нынешнее послушанье, от всякия напасти заступи и грядущия муки к Тебе вопьющих^[516]. Молим Ти ся, раби Твои, и прекланяем си колени сердца нашего: приклони ухо Твое, чистая, и спаси ны, в скорбех погружающаяся присно, и сблуди от всяко[го]^[62] плененья вражья Твои град, Богородице^[517]. Пощади, Боже, наследья Твоего, прегрешенья наша вся презри, ныне нас имея молящих Тя, на земли рожьшая^[63] Тя бе-семене, земную милость, изволивъ обрати[ти]ся^[64], Христе, в человечество^[518]. Пощади мя, Спасе, рожьшася^[65] и схрань рожьшою Тя нетленну по рожестве, и егда сядеши судити дела моя, яко безгрешень и милостивъ, яко Богъ и Человеколюбецъ. Дево Пречистая, неискусна браку, Богообрадованая, верным направленье, спаси мя погыбшаго, к Сыну си вопьющи: «Помилуй мя, Господи, помилуй; егда хочеши судити, не осуди ме[не]^[66] въ огонь, ни обличи мене яростью си; молит Тя Дева чистая, рожьшая Тя, Христе, и множество ангель и мученикъ зборъ»^[519]. О Христе Исусе, Господе нашем, Ему же подобает честь и слава, Отцю и Сыну и Святому Духу всегда и ныне, присно, век.

Перевод

Премудрости наставник и податель разума, учитель неразумных и нищих заступник! Утверди в разуме моё сердце, Владыко; дай мне слово, Отче, и не возбрани устам моим взывать к Тебе: милостивый, помилуй падшего^[520]. Упование моё — Бог, прибежище моё — Христос, покров мой — Святый Дух^[521]. Надежда и покров мой, не презри меня, благая^[522], ибо Ты мне помощница в печалях, и в болезнях, и против всякого зла, и Тебя славлю, Всепетая! Разумейте и видите, что «Я есмь Бог, испытующий сердца и ведающий мысли, обличающий дела, очищающий грехи, дающий суд сироте и убогому и нищему»^[523]. Вострепещи, душа моя, и помысли о делах, содеянных тобою, вознеси их пред очи свои, и восплачь, и поведай все дела свои и мысли Христу, и очистись^[524]. Андрей честный, отче преблаженный, пастырь Критский, не оставь молиться за нас, почитающих

тебя, да избавимся все от гнева, и печали, и тления, и греха, и бед, почитая с верою память твою^[525]. Град Свой сохрани, Дева, Матерь чистая, который благодаря Тебе с верою царствует, — Тобою укрепляемся и на Тебя надеемся, [Твоей помощью] побеждаем во всех бранях, ниспровергаем врагов и покоряем их^[526]. О Всепетая Мати, родившая святейшее из святых Слово! Приняв нынешнее послушание, от всякой напасти и от грядущих мучений защити нас, к Тебе взывающих^[527]. Молимся Тебе, рабы Твои, и преклоняем колена сердец наших: приклони слух Твой, Пречистая, и спаси нас, в скорби всегда погружённых, и соблюди от всякого пленения вражеского град Твой, Богородица^[528]. Пощади, Боже, наследие Твоё, прегрешения все наши презри, имея ныне [заступницей за нас], молящихся Тебе, Родившую Тебя, Христе, на земле без семени, земную милость, изволением Своим вочеловечившегося^[529]. Пощади меня, Спасе, родившийся и сохранивший Родившую Тебя непорочной по [Твоём] рождении, и тогда, когда воссядешь судить дела мои, ибо безгрешен и милостив [Ты] как Бог и Человеколюбец. Дева Пречистая, неискушённая браком, Богообрадованная, православным направление, спаси меня, погибшего, вопиющего к Сыну Твоему: «Помилуй меня, Господи, помилуй; когда станешь судить, не осуди меня в огонь, не обличи меня яростью Твоею; молит Тебя Дева Пречистая, родившая Тебя, Христе, и множество ангелов и мучеников собор»^[530]. О Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же подобает честь и слава, Отцу и Сыну и Святому Духу всегда и ныне, присно, вовек.

Комментарии

Текст молитвенного содержания сохранился в комплексе сочинений Владимира Мономаха в составе Лаврентьевской летописи, где он следует сразу же за письмом Олегу Святославичу (45. Стб. 255—256). По своему содержанию этот текст представляет собой подборку цитат, бóльшая часть которых восходит к последованиям богослужения сыропустной недели (последнего воскресенья перед Великим постом), первой и особенно пятой недель Великого поста (184).

Относительно принадлежности этого текста Владимиру Мономаху ясности нет. После исследований Н.Н. Воронина (96. С. 265—271) и особенно Р. Матьесена (139. С. 192—201) в литературе утвердилось мнение, согласно которому Молитва была составлена не ранее второй

половины XII века, то есть заведомо после смерти Владимира Мономаха. Основанием для этого послужил установленный Р. Матьесеном факт присутствия в тексте заимствования из «Канона молитвенного» епископа Кирилла Туровского, писателя второй половины XII века. Однако этот вывод не может быть признан бесспорным, поскольку нельзя исключать того, что и текст Молитвы, и текст «Канона» Кирилла Туровского восходят к общему источнику (см. прим. 529).

Другое решение вопроса о происхождении данного текста было предложено А.А. Гиппиусом (97. С. 13—14; 98. III. С. 186—201). По его наблюдениям, включённые в Молитву цитаты «составляют мозаичную композицию очень своеобразной структуры», образуя своего рода литургический канон. При этом фрагмент, предположительно восходящий к «Канону» Кирилла Туровского, равно как и ряд других неатрибутированных фрагментов, исследователь уверенно определяет как позднейшие вставки (возможно, принадлежащие Андрею Боголюбскому) в первоначальную «молитвенную композицию на темы великопостного и подготовительного к Великому посту богослужения». «Идейная созвучность “Молитвы” другим текстам Мономаха, её соотнесённость с открывающей “Поучение” подборкой псалтырных цитат (текста также мозаичной композиции)» делают принадлежность Молитвы Владимиру Мономаху «более чем вероятной».

Некоторые соображения относительно происхождения Молитвы (или по крайней мере относительно принадлежности того сборника, в котором она читалась вместе с сочинениями Владимира Мономаха и откуда попала в летопись) могут быть высказаны на основании присутствия в ней молитвенного обращения к святому Андрею Критскому. Гипотетически можно предположить, что оно связано с соименностью святого Андрея тому князю, которым (или для которого) была составлена Молитва. По мнению Н.В. Шлякова, поддержанному А.А. Гиппиусом, Молитва представляет собой заключительную часть «Поучения» Владимира Мономаха в редакции 1117 года, которым киевский князь благословил своего сына Андрея, отправляя его во Владимир-Волынский. Другую версию происхождения Молитвы предложил Н.Н. Воронин, по мнению которого она была составлена внуком Мономаха князем Андреем Юрьевичем Боголюбским и не имеет отношения к «Поучению» и другим сочинениям Владимира Мономаха (96. С. 265—271).

Послания церковных иерархов князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху

1. Послание митрополита Никифора о посте

Автора двух публикуемых ниже посланий, киевского митрополита-грека Никифора I, без боязни ошибиться можно назвать соратником и единомышленником князя Владимира Мономаха. Об этом прежде всего свидетельствует содержание первого его послания, сходного по мыслям и общему настрою с сочинениями самого князя, а также обстоятельства восшествия Мономаха на киевский престол, что, как можно догадываться из летописного рассказа, происходило не без участия митрополита.

Биографические сведения о Никифоре, как и о других церковных иерархах того времени, скудны. Рукоположенный в киевские митрополиты в Константинополе, он прибыл на Русь 6 декабря 1104 года и 18 декабря был возведён на кафедру. В течение первого же года своего святительства Никифор поставил епископов на три давно пустовавшие кафедры: во Владимир-Волынский, Переяславль (где тогда княжил Мономах) и Полоцк, преодолев тем самым очевидный кризис в церковной иерархии Русского государства. Тесные связи установились у митрополита Никифора с киевскими князьями. В 1108 году по прямому указанию киевского князя Святополка Изяславича Никифор внёс в синодик для общецерковного поминания имя преподобного Феодосия, игумена Печерского (ум. 1074); в 1113 году, также исполняя просьбу Святополка, поставил игуменом Печерского монастыря Прохора «попина». После смерти Святополка (16 апреля 1113) митрополит Никифор, по мнению исследователей, стал одним из инициаторов приглашения на киевский престол переяславского князя Владимира Всеволодовича Мономаха в обход черниговских князей Давыда и Олега Святославичей, что должно было положить конец начавшимся в Киеве беспорядкам. Во всяком случае, когда 20 апреля того же года Владимир вступил в Киев, «усретоша... и (его. — А.К.) митрополить Никифоръ съ епископы и со всеми кияне с честью великою...» (46. Стб. 276). 1—2 мая 1115 года митрополит Никифор во главе всего духовенства и в присутствии князей Владимира Мономаха и Олега и Давыда Святославичей, а также множества простого народа освятил новую

каменную церковь в Вышгороде и принял участие в торжественном перенесении в неё мощей святых князей-мучеников Бориса и Глеба. Преставился митрополит Никифор в апреле 1121 года.

Киевский митрополит, несомненно, был высокообразованным человеком, ярким представителем византийской интеллектуальной элиты. В историю русской книжности он вошёл как талантливый писатель, проповедник и полемист и незаурядный мыслитель. Сохранилось по меньшей мере три его послания и одно поучение; по-видимому, все они были написаны первоначально по-гречески и лишь затем переведены на русский язык. («Не дан ми бысть даръ язычный... — писал сам Никифор в одном из своих поучений, — и того ради безгласенъ посреди васъ стоя, и молчю много»: 79. С. 186.) Два послания митрополита адресованы князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху — о посте и о человеческой душе, а также о латинской вере. Первое из них представляет собой настоящий философский трактат, в котором автор исследует человеческую душу и составляющие её «силы» — разум, чувство и волю, а также её «слуг» и «воевод» — органы чувств. Для нас представляют интерес не столько собственно философские воззрения Никифора (в основном они восходят к идеям Платона, получившим дальнейшее развитие в трудах Отцов Церкви, и прежде всего святого Иоанна Дамаскина), сколько их приложение к личности конкретного адресата послания — киевского князя Владимира Всеволодовича. Никифор «исследовал и изучал князя, как кропотливый врач изучает болезнь, выискивая её первопричину», отмечает современный историк древнерусской богословской литературы (156. С. 246). Киевский митрополит исключительно высоко оценил личные качества Мономаха, его христианские добродетели; однако он же обозначил и тот недостаток, который, по его мнению, князю следует преодолеть, — излишнюю доверчивость к наветам и наговорам, использование клеветы во время судебных разбирательств, жестокость по отношению к виновным. Мы не знаем, какие именно судебные дела и каких именно негодных советников князя имел в виду Никифор, но очень похоже, что эта тема — умело спрятанная среди прочих, казалось бы чисто умозрительных, рассуждений — и стала главной в его обращении к князю. В результате мы получили уникальную возможность увидеть несколько иной, отличный от летописного, портрет Владимира Мономаха.

Кроме двух названных посланий, митрополиту Никифору принадлежит ещё одно, адресованное владимиристо-волынскому князю Ярославу Святополчичу, главному политическому противнику Мономаха в годы его киевского княжения (в сохранившихся списках послание

ошибочно переадресовано муромскому князю Ярославу Святославичу)^[531]. Как и одно из двух посланий Мономаху, оно содержит обвинения против «латинян», то есть католиков, с которыми постоянно приходилось общаться волынскому князю. Известно также принадлежащее перу митрополита Никифора «Поучение в неделю сыропустную» с резким осуждением «лихоимания», то есть ростовщичества.

Перевод обоих посланий митрополита Никифора князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху выполнен по изданию Н.В. Поньрко: 65. С. 66—71, 71—73 (здесь же, на с. 83—88, перевод их на современный русский язык).

Послание Никифора, митрополита Киевского, великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава

Благословен Бог и благословенно святое имя славы Его, благословенный и прославленный княже мой. По многой Своей благодати и человеколюбию сподобил Он нас достигнуть этих пречестных дней святого поста^[532], кои, как устроитель нашего спасения, узаконил для духовного очищения душ наших; и Сам постился сорок дней (см. *Мф.* 4, 1—2) для извещения Своего вочеловечивания, не в посте нуждаясь, но нам пример показывая. Если бы первый праотец Адам постился бы от древа познания и заповедь Владыки сохранил бы, то второй Адам, Христос Бог наш, не требовал бы поста. Но из-за преступления первого, не постившегося, постился Он, чтобы преслушание разрушить.

Возблагодарим же и поклонимся постившемуся Владыке, узаконившему для нас пост и снадобье для душевного здоровья даровавшему! Оттого ведь двойственно житие наше: разумное и неразумное^[533], и бесплотное и телесное. Ведь разумное и бесплотное — это нечто божественное и чудное, подобное бесплотному естеству; а неразумное — подобно страстному и сластолюбивому. И поэтому борьбы в нас много, и противится плоть духу, а дух плоти (*ср. Гал.* 5, 77).

Поистине нуждаемся мы в снадобье постном: оно ведь укрощает телесные страсти, обуздывает противные стремления и духу даёт власть над телом. И так покоряется лучшему худшее, то есть душе тело. Так и то, что касается утробы и чресел наших: обуздай их, [и] змий умертвится. И в тишине пребывает душа, и в мире глубоком мир обретает, тот, который в нас, который желаем, говоря: «Мир всем!» А от этого первого блага и другие блага в нас происходят.

Видишь ли, о княже мой благоверный и кроткий, что пост — основание добродетели, потому во всём мире, словно солнце, он воссиял. И из-за преступления праотца все народы пост совершают: одни в одно время, а другие в иное; эти больше постятся, те меньше: силу же поста, как неразумные, не понимают, и потому впустую пост их и бесполезен. Люди же Христовы, святой народ, царственное священство, жребий достояния Его (ср. 1 Петр. 2, 9—10), понимают силу поста этого и, в правоверии живя, благословляют Бога, вразумившего их, и созерцают Господа и приводят себя одесную Его, чтобы не сдвинулись они, то есть не смутились, и не были поглощены древним врагом, не желающим нашего спасения.

И многое ещё мог бы сказать я в восхваление поста, если бы кому-нибудь другому было писание это. Но поскольку к тебе слово это обращено, доблестная глава наша и всей христолюбивой земли — к тебе, которого Бог издали проразумел и предопределил, которого из утробы освятил и помазал, смесив от царской и княжеской крови^[534], которого благочестие воспитало и пост вскормил и святая купель Христова с молодых ногтей очистила, — то незачем такому много о посте говорить, а тем более о непитии вина или пива во время поста. Ведь кто не знает о твоём совершенстве в этом? Всякий, если он не совсем невежда или бесчувственный, знает о нём. И знают все, и удивляются!

В виде же наставления, по церковному уставу, нечто иное изложим твоему благоверию и о добрых тех источниках скажем, от которых наполняется всё благое и проистекает в людей, по правде творящих благое, и проистекает таким же благом; а если противятся им и неправильно их используют, то в путь злобы, и в ров, и в пропасти уклонятся.

Потому сказано в книгах: «Внимай себе» (Деян. 20, 28); внимай слову своему и делу своему. Ибо не отделено зло от добра, но перемешано зло с добродетелью, так же как плевелы с пшеницей. И поэтому следует нам быть внимательными, чтобы не принять зло за добродетель. Прекрасным ведь казался и на вид приятным плод, который праотца умертвил^[535], но в себе имел он тайную ловушку преслушания.

И так, усладив слово, исполним обещанное и да покажем, откуда происходит доброе и недоброе. Знай же, благородный княже, что Божественным дуновением сотворена была душа, которая, сказано, создана была «по образу Божию» (Быт. 1, 27). Та душа — от трёх частей, то есть три силы имеет: разум («словесное»), и чувство («яростное»), и волю («желанное»)^[536].

Разум — старше и выше всех, им-то и отличаемся мы от всех животных; с его помощью познаём небо и прочие творения, и все те из нас, кто правильно разум используют, к разумению Бога восходят. Посмотри на Авраама: был невеждой муж этот и звездословия придерживался, и через движение и расположение звёзд познал Творца и уверовал в Бога (*ср. Быт. 15, 5—6*). И перед тем Енох угодил Богу и перенёсся^[537]. И Моисей увидел Бога сзади (*Исх. 33, 23*), и от этого уразумел Создателя, и «отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим» (*Евр. 11, 24—25*). Такова сила разума для тех, кто правильно использует её.

Денница же — прежний ангел, а ныне тёмный дьявол^[538] — разумен был, но не правильно разум принял, а равным быть Богу возмечтал, и за гордость свою низвержен с небес с чином своим. И эллины^[539], бывши разумными, но не сохранив разум, не по-доброму мысля, к идолослужению склонились и стали веровать в животных: в крокодилов, и в козлов, и в змиев, в огонь, и в воду, и в прочее.

Второе же — чувство, чтобы иметь ревность к Богу и месть к Божиим врагам. Но и с ним рядом — злоба и зависть, как и в разуме — благоверие и зловерие. Гляди, что случилось от злого: оставил Каин добродетель чувства, то есть ревность к Богу, но избрал злобу и зависть и убил брата своего Авеля (*Быт. 4, 8*), и осужден был на семикратное отмщение от Бога (*Быт. 4, 15*). А Моисей не так гнев проявил, но, увидев мужа-египтянина, избивающего иудея, убил его из ревности к Богу (*Исх. 2, 11—12*). И снова, когда сам взошёл на гору к Богу, оставив внизу людей с Аароном, и помедлил, и склонились люди к идолослужению и стали голове тельца поклоняться, отлитой в печи огненной из золота и серебра, тогда сошёл он с горы, и сокрушил, разгневавшись, скрижали закона, которые нёс, и копье сам взял из ревности к Богу, и других с собой взял, и многое множество с ними избил — и так остановил гнев Божий (*Исх. 32*). А что сделал Финеес из ревности к Богу? Тот, найдя жену-иноплеменницу, блудившую с мужем-израильтянином, обоих копьем пронзил и умертвил, прекратив поражение народа, избиваемого мадианитянами из-за беззакония; и вменилось ему это в заслугу (*Чис. 25, 6—12*). Сказано ведь: «Восстал Финеес и очистил — и остановилась язва» (*Пс. 105, 30*). Так же и Илья, жрецов бесстыдных Вааловых зарезав из ревности к Богу, похвалы удостоился (*3 Цар. 18, 40*). Убивают же и разбойники и язычники, но по злобе и ради имущества.

Третье же — воля, которая добродетельна, если всегда к Богу устремляться желанием, и забывать об ином, и о том помышлять

просвещении, от которого сияние бывает Божие и разрывается вретиче^[540], согласно пророку Давиду, сказавшему: «Ты обратил сетование моё в ликование, снял с меня вретиче и препоясал меня веселием» (Пс. 29, 12). Веселие же это рождается от злостраданий за Бога; от веселия же того прорастает семя жизни. От того чудотворения, от того прорицания будущего бывают; от того человек к Богу по силе приближается и становится и на земле образом и подобием создавшего его Бога.

Из слов этих, княже человеколюбивый и кроткий, узнал ты, что трёхчастна душа. Узнай же и о слугах её, и о её воеводах, и советниках, которые служат ей, бесплотной, и от которой она принимает советы. Ибо та душа находится в голове, имея ум, как светлое око, в себе и наполняя всё тело силою своею. Так же как и ты, княже, сидя здесь, в этой своей земле, действуешь по всей земле через воевод и слуг своих, и сам ты господин и князь, так же и душа по всему телу действует через пять своих слуг, то есть через пять чувств: через глаза, слух, обоняние, то есть через ноздри, через вкус и через осязание, то есть руки.

Зрение — верное чувство; и что мы видим, то, если не без ума, видим верно. Слух же — иной раз истина, а иной раз — ложь. Почему же, княже мой, слух не таков, как зрение? И сам недоумеваю об этом. Но вот толкуют, что зрением видим мы то, что впереди, сзади же тела не видим; посредством же слуха и то, что впереди говорят, слышим, и то, что сзади вопиют, разумеем. И следует верить только видимому глазами; слуху же не надо ни верить, ни не верить, но надо подвергнуть испытанию и терпеливому рассуждению услышанное, и только тогда давать ответ.

В отношении же обоняния, которое стремится к благоуханию, что следует говорить такому князю, который больше на голой земле спит, и высоты дома избегает, и светлые одежды отвергает, и по лесам ходя, нищенскую носит одежду и обувь, на лыжах бегая; и лишь по необходимости, в город входя, ради властительских дел, в княжеские одежды облачается?!

И в отношении вкуса, который в пище и питии проявляется, так же. Ведомо нам, что для других ты обеды светлые готовишь и для всех всё делаешь, чтобы всех привлечь, «и подзаконных», и «чуждых закона» (ср. 1 Кор. 9, 20—21), ради княжеского величества, и сам служишь и работаешь руками своими, и доходит подавание твоё даже и до полатей^[541] — делаешь же это ради княжения и власти. И когда другие объедаются и упиваются, ты сидишь и смотришь, как другие едят и упиваются, и, обходясь малой пищей и малым количеством воды, делаешь вид, что и ты с ними ешь и

пьёшь. И так угождаешь подданным твоим и терпеливо сидишь и смотришь, как упиваются рабы твои, и этим поистине угождаешь им и покоряешь их. Так ты относишься к вкусу, как я знаю.

В отношении же осязания, то есть рук, — того, что касается имущества, знаю, что с тех пор, как ты родился и утвердился в тебе ум, с того возраста, когда можно творить добро, руки твои, по благодати Божией, ко всем простираются. И никогда ты не прятал сокровищ, не считал золота или серебра, но всё раздавал, черпая обеими руками, даже и до сих пор. Но сокровищница твоя, по Божьей благодати, неоскудима и неистощима, раздаваема, но не исчерпаема. И не исцелил Христос руку твою по возмужании твоём, но, как родился, так здоровую имеешь и будешь иметь, надеясь на Христа.

Почему же речь эту веду и говорю долго? Чтобы уразумел ты, княже мой, что болею за тебя. И как врачеватели тела, если любят больного, то бодрствуют и первопричину недуга ищут и так распознают сам недуг, так же и я поступил, и первопричину рассмотрел, и, по душевным жилам тебя испытал, отыскал её.

По жиле разума нашёл, что благоверен ты, по Божьей благодати, и не уклоняешься от правой веры. В отношении чувства не пострадал ты, храня к Богу ревность и до настоящего дня, и, молю Бога, до самого конца сохранишь её в целости. Сохранишь же ты её, если не дашь волку в стадо Христово войти и если в виноградник, насаждённый Богом, не дашь тернии насадить ^[542], но сохранишь предание старое отцов своих, о котором так пишется. Знаю, что не останется это не понятым тобой, ибо, по Божьей благодати, ум твой быстро летает и не ускользнёт от него написанное. А когда разберёшь и установишь это, тогда и сам вместе с Давидом воспоёшь к Богу и, соцарствуя с ним, возгласишь: «Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне. Испытай меня, Господи, и узнай сердце моё; и узнай помышления мои; и направь меня на путь вечный» (*Пс. 138, 21—24*), то есть «помоги мне и введи меня в вечное Твоё Царство». В отношении же воли не сочтётся за малое всё, что совершил ты в совершенном возрасте.

Испытав же пять чувств, в отношении зрения нашёл тебя безупречным; так же и в отношении второго ^[543], и в отношении третьего, то есть обоняния; так же и в отношении четвёртого, то есть вкуса, и так же в отношении осязания ^[544].

О втором же чувстве, о слухе, не знаю, княже мой, что и сказать.

Кажется мне, что поскольку не можешь ты видеть всё сам глазами своими, то от служащих тебе по твоим делам и подающих тебе советы иногда вред твоей душе приходит, и только через отверстый слух входит в тебя стрела. Потому Соломон говорит нам, повелевая: «Берегитесь, да не войдёт смерть в ваши окна» (ср. *Иер.* 9, 21).

Подумай об этом, княже мой, помысли вот о чём: об изгнанных от тебя, об осуждённых тобой на наказание, о презренных. Вспомни обо всех, кто на кого донёс и кто кого оклеветал, и сам суди и рассуди таковых, и, наставляемый от Бога, всех помяни и так сделай; и отпусти их, да и тебе отпустится, и воздай, да и тебе воздастся. Ибо, как говорит Христос, если мы не простим согрешений людям, то и Отец наш Небесный не простит нам согрешений наших (ср. *Мф.* 6, 14—15); но всеу призываем мы Бога Отца и лжём, обращаясь к Нему: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (*Мф.* 6, 12).

Не печалься же, княже мой, из-за слов этих. Или думаешь, что приходил кто-нибудь ко мне опечаленный, и потому написал я тебе это? Нет, это для благоверия твоего, попросту так написал я в напоминание тебе, поскольку великие владыки во многих великих напоминаниях нуждаются, ибо великую пользу могут они принести и великий вред. Потому и дерзнули мы, поскольку установление есть церковное и правило: в такое время и князьям говорить нечто полезное. Понимаем ведь и то, что сами грешники мы, все в струпьях и гноем истекаем, а иных исцелять берёмся; но не один же вред во всём этом для тех, кого мы поучаем! Пусть даже и таковы мы, но слово Божие, которое в нас, здраво и цело, оно-то и учит. И подобает тем, кто учится, словом себя проверять и от него исцеление принимать, а не требовать иного от тех, кто учит. Иной есть для них страшный Судия и обличитель, иной испытующий невидимым, ибо человек [смотрит] в лицо, Бог же — в сердце.

Ты же, княже мой, от здешней молвы бежав, там, словно на святой горе Хоривской^[545], пой вместе с Давидом: «[Падут нечестивые в сети свои], а я перейду» (*Пс.* 140, 10). И взирай на него, и, так же как и он, пой вместе с ним: «В день скорби моей ищу Господа; рука моя простёрта ночью и не опускается; душа моя отказывается от утешения. Вспоминаю о Боге и трепещу» (*Пс.* 76, 3—4). И ещё в другом псалме: «Вспоминал суды Твои, Господи, от века и утешался» (*Пс.* 118, 52); и в другом: «Сделаю имя Твоё памятным в род и род» (*Пс.* 44, 18). Так, Бога поминая, блажен будешь, храня правосудие и творя правду во всякое время. Если так будешь поступать, то возведёшь здание душевного спасения, и не напрасно возведёшь. И так сохранишь град, то есть душу твою, и не впустишь

окажется радение твоё, и так истребишь из неё злых советников, то есть лукавые помыслы.

А это тебе, совершенному, как совершеннейшему из всех: помни об осуждённых тобой, и оправдай тех, кого оклеветали, и сам рассуди их. И простим, да прощены будем, ибо имеем светилом миру животворящее Слово, и дела твои, благоверие, правду, суд нелицемерный, и милость, и прощение. И если непрестанно будешь взирать на Царя царствующих и Князя князей (*ср. Деян. 17, 14*) и пред очами иметь Его, как ты имеешь, то «не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — и на руках понесут тебя, да не преткнётся о камень нога твоя» (*ср. Пс. 90, 10—12*).

И ещё одно небольшое скажу тебе в конце, христоробивый княже мой. Вспоминай третий псалом первого часа, то есть сотый^[546], и со вниманием пой его: «Милость и суд буду петь Тебе, Господи...» (*Пс. 100, 1*), и прочее из него; в нём верное изображение^[547] царского и княжеского образа^[548]. И если сказанное в нём ты будешь исследовать и соблюдать, то приблизишься к Тому, кто просветит ещё больше разумные очи твои, и отвратит от них всякую суету, и освятит слух твой, и очистит сердце, и направит стопы твои, и убережёт ноги твои от неверного шага, и сподобит тебя достигнуть дня Воскресения Господнего^[549] в радости телесной, и в здравии, и в веселии душевном и духовном. И воссияет тебе свет, который сияет праведникам, и радость, супруга его, [будет с тобой]. И на многие годы останешься неосужден и неповинен, затем и к вышнему царству от земного вознесёшься, кое есть истинная Пасха и истинный праздник.

Комментарии

Послание Никифора сохранилось в восьми списках, старший из которых датируется концом XV—XVI веком (83. С. 57—62). Оно вошло в состав Великих Миней Четых московского митрополита Макария (XVI век), где помещается под 20 июня — днём памяти святого Мефодия Патарского. По собственным словам Никифора, он обратился к князю «в образ же наказания (наставления. — А.К.)» в начальные дни Великого поста, как того требуют церковные установления: «яко устав есть церковный и правило — въ время се и къ княземъ глаголати что полезное». Точное время составления послания определить невозможно; ясно лишь, что оно было написано после вокняжения Владимира в Киеве 20 апреля 1113 года (ибо Никифор обращается к нему как к правителю «всей

христолюбивей земли»), но ранее апреля 1121 года (кончина Никифора).

2. Послание о вере латинской

Послание Никифора, митрополита Киевского, Владимиру, князю всея Руси, сыну Всеволода, сына Ярослава

Вопрошал ты нас, благородный княже, каким образом отвержены были латиняне от святой соборной и православной Церкви. И вот, как обещал я благородству твоему, поведаю тебе вины их.

Когда великий Константин принял от Христа царство и крестил его, [и вера христианская] начала расти, и перешло Римское царство из ветхого Рима в Константин-град, то были семь святых и вселенских соборов^[550]. И на семи соборах папы старого Рима, кто был тогда в этом чине, либо сами приходили, либо своих епископов присылали. И единство и соединение имели святые церкви — одно и то же проповедовали, одно и то же мыслили. А потом заняли старый Рим немцы и завладели землёй той. И вскоре старые мужи правоверные, которые хранили закон Христов и святых апостолов и святых отцов и держались его, скончались.

После же их смерти молодые и нестойкие поддались прелести немецкой и впали в различные многочисленные заблуждения, запрещённые Божественным законом. И из-за этих заблуждений явно в иудейство впали. [И когда], вопреки многочисленным увещаниям и советам других церквей, не захотели оставить творимое ими зло, отвержены были от нас. Евангелие же их, как доброе и достойное поклонения, почитается в великой церкви, но почитается для обличения и к стыду их, ибо не живут они так, как оно велит.

Заблуждения же их таковы.

Первое: так как на опресноках служат и едят их, что по-иудейски^[551]. Христос ведь не заповедал нам того, не совершил Тайны^[552], которую подал святым апостолам, опресноками, но хлебом настоящим и кислым.

Второе: так как едят удушенину, чего даже иудеи не делают. Это ведь запрещено Моисеевым законом (*Лев. 17, 14; Втор. 12, 16*) и евангельским, и святыми апостолами, в правилах их (*Деян. 15, 20. 23. 29*), явно возбраняется^[553].

Третье: так как бреют бороды свои и головы бритвой, что запрещено и Моисеевым законом (*Числ. 6, 5*), и евангельским^[554].

Четвёртое: так как постятся в субботы и соблюдают их. И это также по-иудейски, ибо Христос это как зло уничтожил (*ср. Мк. 2, 23—28*) и святые апостолы и святые отцы воспретили, так написав: «Если какой-либо христианин постится в субботу, кроме одной Великой субботы, да будет проклят»^[555].

Пятое: так как едят нечистых и запрещённых животных^[556].

Шестое: так как [нечисто] для чернецов их есть свиное сало, которое с кожей. Повелевают же епископы их и другое мясо чернецам есть, если повелят, — а это запрещено^[557].

Седьмое: так как в первое воскресенье поста совершают и мясопуст и маслопуст вместе^[558]. А потом, снова постясь, в субботу и в воскресенье едят яйца, и сыр, и молоко.

Восьмое: так как в святом правиле, то есть в «Верую во единого Бога»^[559], такое злое прибавление делают, зло и неразумно мысля. Ибо святые отцы написали так: «И в Духа Святого Животворящего, иже от Отца исходящего»; те же так изменили: «иже от Отца и от Сына», что есть зловерие великое и приводит к иудейству и к савелианской ереси^[560]. Ибо так прибавляя, отступают от веры святых отцов первого и второго соборов и от того слова Христова, которое Он сказал ученикам о приходе Святого Духа; как свидетельствует евангелист, так сказал: «Когда приидет Утешитель, Дух истины, Который от Отца исходит, Он научит вас» (*Ин. 15, 26; 14, 26*). Не сказал ведь Христос: «Который и от Сына» — как же они прибавили? Зловерие это и ересь великая.

Девятое: так как на Святой литургии, когда говорят: «Един свят, един Господь, во славу Богу Отцу», прибавляют: «со Святым Духом», чего ни от святых отцов, ни от святых апостолов не восприняли. А мы так говорим: «Един свят, един Господь Иисус Христос, во славу Богу Отцу, аминь». Те же по-новому переделали: «со Святым Духом»^[561].

Десятое: так как запрещают жениться священникам и не хотят ставить женатых священников и причащаться от них^[562]. А Первый святой собор так повелел: ставить в иподиаконы^[563], и диаконы, и священники тех, кто женат первым законным браком, и на девице, а не на вдове или разведённой^[564]. И апостол Павел провозглашает: «Брак честен и ложе непорочно» (*Евр. 13, 4*). Если Христос благословил [брак], и апостол так же его почтил, и святые отцы приняли его, а они его не принимают, то ясно, что противятся правой вере.

Одиннадцатое: так как двух сестёр берут замуж; берут первую, а после

её смерти женятся на сестре её^[565].

Двенадцатое: так как на Святой литургии во время причащения один из служащих, вкусив опресноки, целует остальных. Но этого Христос не заповедал, не сказал: «Прими, и ешь, и целуй прочих», но сказал: «Приимите и ядите» (Мф. 26, 26)^[566].

Тринадцатое: так как епископы носят перстень на руке, будто церковь в жёны взяв и обручение показывая. Но этого ни Христос, ни апостолы не повелели, любящие простоту и смирение во всём^[567].

Четырнадцатое: так как на войну ходят епископы и священники и руки свои кровью оскверняют, чего Христос не повелел^[568].

Пятнадцатое: так как при святом крещении крестят в одно погружение и говорят: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», что неправильно — словно иудейское крещение или даже арианское^[569]. Не крестя в три погружения, но три имени называя, не почитают единосчетно, и единославно, и единосущно Отцу Сына и Святого Духа, но, как еретик Савелий, единоипостасно, но триименно. Тот ведь говорил: «Один Отец есть, именуется же Отец, и Сын, и Святой Дух». Православная же вера проповедует и исповедует три ипостаси, совершенную присносущную, и единославную, и сопрестольную [Троицу] в едином Божестве нераздельно почитаемую.

Шестнадцатое: так как сыплют крещаемым в рот соль^[570].

Семнадцатое: так как изменяют слова апостола Павла, сказавшего так: «Малая закваска квасит всё тесто» (1 Кор. 5,6). А они так говорят, что «малая закваска всё тесто тлит». Да послушай, княже мой, как лгут в этом. Ведь закваска, [добавленная] в тесто, то есть в муку и в воду, ещё больше его увеличивает и заквашивает и бóльшим делает, а не растлевает, то есть не губит. Стыдятся они того, что причащаются опресноками, потому изменили слово апостольское и вместо «квасит» написали «тлит»^[571].

Восемнадцатое: так как не хотят святым мощам поклоняться, а некоторые из них — и святым иконам, [что есть] ересь Гноеименитого и тех проклятых, которые иконы пожгли^[572].

Деятнадцатое: так как не почитают святыми святых и великих отцов наших и учителей и архиереев; говорю о Василии Великом, и Григории Богослове, и Златоусте^[573]; и учения их не принимают из-за высоты их и из-за жестокого, и многотрудного, и добродетельного жития их.

Двадцатое: так как не отделяют святого от скверного, не почитают особо святого алтаря, что восприняли мы и чему научились от святых

отцов. Мы паперть и притвор^[574] иным образом используем и в них простецам и жёнам велим стоять; во внутренней же церкви уже некоторых из книжных людей ставим, а в верхней части^[575] — лучших и самых книжных. [У них же] в святой алтарь во время Святой литургии, после чтения Евангелия, входят жёны и целуют Евангелие и священников — и не только почтенные и добрые жёны, но и скверные рабыни^[576].

Из-за этих и многих других заблуждений отвергли мы их от святой церкви.

Так прочитай это, княже мой, не единожды и не дважды, но много раз; и ты, княже, и сыновья твои. Ибо подобает князьям, как избранным от Бога и призванным к православной вере Его, хорошо знать словеса Христовы. И сами они будут твёрдым церковным основанием — которое есть святая церковь — для совета и для наставления порученным им от Бога людям. Ибо един Бог царствует над небесными; вам же с Его помощью [определено] царствовать над земными, над дольным сим, в роды и роды. И так как вы избраны Богом, и возлюблены Им, и возлюбили Его, то разумеите и испытывайте слова Его, чтобы по отшествии из сего тленного мира соцарствовать с Ним на небесах^[577], как веруем мы и надеемся, молитвами Святой Богородицы и всех святых. Аминь.

Комментарии

Послание Владимиру Мономаху о латинской вере сохранилось в тех же рукописях XV—XVI веков, что и предыдущее. Оно было составлено по просьбе самого князя («Въпрашал еси нас, благородный княже...») и, как и предыдущее послание, может быть датировано лишь приблизительно 1113—1121 годами. Послание Никифора входит в число многочисленных полемических антилатинских сочинений, вызванных к жизни расколом между Западной и Восточной церквями в середине XI века и последующей полемикой с католиками. Образцами для них послужили авторитетные сочинения византийских церковных иерархов — Послание к восточным патриархам константинопольского патриарха Фотия 867 года, Послание константинопольского патриарха Михаила I Кирулария антиохийскому патриарху Петру III 1054 года (в той или иной степени именно к нему восходят практически все 20 обвинений, содержащихся в Послании Никифора), а также «Написание» киевского митрополита - грека Ефрема (ранее 1055 — ранее 1062), литературная обработка которого (без имени автора) получила широкое распространение как в византийской, так и в

древнерусской рукописной традиции.

Большая часть Послания князю Владимиру Мономаху митрополита Никифора (кроме самого начала и заключения) дословно совпадает с другим полемическим сочинением русского происхождения — «Стязанием с латиной», сохранившимся в единственном списке XV века и надписанным в нём именем киевского митрополита-грека Георгия (1062 — после 1073) (издание текста: 38. С. 191—198; перевод на современный русский язык: 25. С. 140—145). Отличия между двумя памятниками сводятся к тому, что в послании Никифора приведено меньше обвинений, чем у Георгия (20 из 27); расположены они совсем по-другому; кроме того, если автор «Стязания» обращается к некоему абстрактному «латинянину», то Никифор — к своему непосредственному адресату, киевскому князю, а также к его сыновьям. В исторической литературе было высказано два противоположных мнения относительно взаимоотношения между этими сочинениями. Согласно первому, митрополит Никифор воспользовался для ответа на запрос князя Владимира Мономаха трудом своего предшественника, выбрав из него те обвинения в адрес латинян, которые казались ему наиболее важными. (Так представляли дело ещё митрополит Макарий (Булгаков): 138. С. 216, а также многие последующие исследователи.) Другое мнение высказал крупнейший исследователь русской и греческой догматической и полемической литературы А. С. Павлов, согласно которому «Стязание с латиной» ошибочно приписано митрополиту Георгию, но на самом деле ему не принадлежит, а представляет собой позднейшую компиляцию из Послания митрополита Никифора и Послания о вере латинской преподобного Феодосия Печерского (ум. 1074) киевскому князю Изяславу Ярославичу (или, по-другому, печерского игумена Феодосия II Грека (середина XII века) киевскому князю Изяславу Мстиславичу). Основанием для такого вывода послужило то обстоятельство, что целый ряд «вин» (обвинений), читающихся в «Стязании с латиной», но отсутствующих в Послании Никифора, читаются также в указанном антилатинском сочинении Феодосия Печерского (издания текста: 22. С. 170—173; 6. С. 448—453). Трудно предположить, замечает Павлов, что Никифор, используя труд своего предшественника, сознательно исключал из него именно то, чем ранее воспользовался печерский игумен; более вероятным выглядит другое предположение: анонимный составитель «Стязания с латиной» дополнил перечень «вин» своего источника (Послания Никифора) по Посланию Феодосия.

Вопрос о взаимоотношении двух памятников следует признать до

конца не решённым. Заметим, однако, следующее. Буквальное воспроизведение авторитетного источника (тем более принадлежавшего прямому предшественнику на кафедре) отнюдь не казалось чем-то зазорным для средневекового книжника, но, напротив, было почти обязательным. Исключение же ряда «вин», вошедших в Послание игумена Феодосия, может быть объяснено тем, что Никифор одновременно пользовался общим источником для большинства антилатинских сочинений — Посланием Михаила Кирулария Петру Антиохийскому, в котором именно эти обвинения отсутствуют (*ср.* 156. С. 291). Более того, в целом ряде случаев текст «Стязания с латиной» представляется более исправным, чем в сохранившихся списках Поучения Никифора (*см.*: 95. С. 200). Наконец, необходимо учесть, что «Стязание с латиной» дошло до нас в явно искажённом виде, в позднейшей литературной обработке (ряд обвинений дополнен бытовыми, чисто простонародными аргументами, едва ли уместными для греческого иерарха), и насколько велико было вмешательство позднейшего книжника в оригинальный текст, сказать трудно. Вероятно, нельзя исключать того, что дошедший до нас список действительно представляет собой позднейшую обработку «Стязания», возможно, под влиянием широко известного Послания Феодосия Печерского (оно читается как в многочисленных рукописях Киево-Печерского патерика, так и в Кормчих книгах), в то время как митрополит Никифор использовал оригинальный текст митрополита Георгия.

3. Послание неизвестноу епископа (Даниила юрьевского?) неизвестному князю (Владимиру Всеволодовичу Мономаху?)

Послание сохранилось в двух списках XV—XVI веков в составе Кормчей книги. В обеих рукописях имя автора обозначено инициалом (заглавной буквой Д); адресат же послания назван «имярек». Предположение о том, что послание адресовано великому князю Киевскому Владимиру Всеволодовичу Мономаху, было выдвинуто М.Н. Тихомировым (81. С. 454—456) и обосновано Н.В. Поньрко (65. С. 49—58). Послание адресовано правнуку киевского князя Владимира Святославича, Крестителя Руси; автор обращается к нему как к «нареченному изъ чрева матере своя» (едва ли не намёк на происхождение князя от византийской царевны), «почтенному господьскимъ и царьскимъ саномъ» и далее ещё несколько раз говорит о его правлении как о «царскомъ». М.Н. Тихомиров видел в этих словах указание на «царственное» происхождение Владимира

Мономаха. Как полагает Н.В. Понырко, слова о «господском и царском сане» представляют собой риторическую фигуру речи, иносказательное обыгрывание имени князя, которое в таком случае расшифровывается как «Владимир» («Господское», или «владыческое» имя) и «Василий» («царское» имя в переводе с греческого языка).

Если адресат послания — действительно Владимир Мономах, то его автором, по всей вероятности, был юрьевский епископ Даниил — единственный известный нам иерарх того времени, чьё имя начиналось на букву Д. О епископе Данииле известно немного. Он был поставлен на кафедру в Юрьев (город на реке Рось) 6 января 1114 года митрополитом Никифором, 1—2 мая 1115 года участвовал в освящении церкви Святых Бориса и Глеба в Вышгороде и торжественном перенесении в неё мощей князей-мучеников и умер 9 сентября 1122 года (45. Стб. 290, 292; 46. Стб. 277, 280, 286).

Перевод послания «о повинных» выполнен по изданию Н.В. Понырко: 65. С. 56—57 (здесь же, на с. 57—58, перевод текста Н.В. Понырко на современный русский язык).

От иного послания^[578], о повинных

Богом Вседержителем нареченному из чрева матери своей, единокровным Сыном Его Господом нашим Иисусом Христом почтенному господским и царским саном^[579] и Пресвятым и благим и животворящим Духом Его сохраняемому и укрепляемому на преуспевание господских же и царских [свершений] разума и державы, благочестивому, христолюбивому великому князю — благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога Отца, причастие Святого Духа да будет с тобою по благочестию! — я же Д[аниил?]^[580], епископ, чего по судьбам Божиим хотя и не достоин, но по твоему великому усердию к Богу, и горячей вере к Нему, и по любви, простирающейся и до нас, худых, по исполнению молитвы^[581].

Сказал Спаситель наш Христос: «Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника» (Мф. 10, 41); ибо «так как вы сделали [одному] из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40). Присуще же это твоей благочестивой душе и божественной душе и божественному разуму — везде и во всём искать пользу своему спасению, также и здравью. И это есть дар Божий — иметь таковой разум в сердце своём. Ибо поистине подобает заботиться об этом, по слову Спасителя: «От

всякого, кому дано много, много и потребуется» (Лк. 12, 48). Потому и требуется многое попечение от твоего благочестия, да управишь многих к Богу в царстве своём, ибо сыном Божиим нарекся по благодати и образ Божий на себе носишь. Да подаст тебе Бог то, что принял на себя, и да сохранишь ты, ибо по твоему это разуму, поминая честного прадеда твоего Владимира^[582], равного апостолам, усердие к Богу, устремление его от зла к благу, и как привёл тысячи тысяч^[583] к Богу святым просвещением, из самых уст адовых их вырвав; также и благочестивого и приснопамятного святого деда твоего^[584], как прославляется его многое попечение о христоименитых людях; также и христоролюбивого великого князя, отца твоего^[585], кротость его, и милость, и беззлобие многое, и богобоязненность, и правду; как сказал пророк о Давиде: «Я обрёл Давида», мужа кроткого, «по сердцу Моему» (ср. Пс. 88, 21; Деян. 13, 22), ибо поистине был тот рабом Божиим во всём. Так, поминая того [Владимира] обращение от злого к добру и усердие в апостольском управлении, этого [деда] о людях многое попечение, святого же отца твоего^[586] добродетельное устремление, да во всех тех добродетелях потрудившись, примешь от Бога вскоре по своему прошению и безмятежно и в долголетию поживёшь в нынешнем царствии и будущего неизреченного и бесконечного Царствия сопричастником с Богом будешь, что есть выше ума и понимания человеческого. О том молимся Богу, хоть и недостойны мы.

Молю же вот о чём твоё державное царство: да милостив будь к согрешающим пред тобою^[587], исполняя слово Спасителя, сказавшего: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Мф. 6, 14); да и ты бы явил милость к согрешившим пред Богом и пред тобою, имярек^[588]. Сказал Господь: «До седмижды семидесяти раз прощайте их, оставляйте брату согрешения его» (ср. Мф. 18, 21—22). Да явится и в этом, как и во многом другом, человеколюбие твоё, и будешь совершен, по слову Спасителя, «как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

Бог милостию Своею и молитвами Святой Богородицы сохранит тебя в царствии твоём от всякого зла и дарует победы над врагами, [а] в будущем веке — жизнь вечную благодатью и человеколюбием единокровного Сына Своего во веки, аминь.

Легенда о Мономаховых дарах

Имя Владимира Мономаха очень рано стало обрывать легендами. Причём не только на Руси. В Галицко-Волынской летописи под 1205 годом приведён рассказ, отражающий какое-то половецкое предание, — об изгнании Мономахом «в Обезы» (то есть в Грузию) половецкого хана Отрока, будущего тестя грузинского царя Давида Строителя. Другой половецкий князь, Сырчан, остался тогда в своей земле, на Дону, «рыбою оживышу», по выражению летописца, — то есть то ли сказочным образом обернувшись рыбой, то ли питаясь ею и тем спасаясь от голодной смерти. Именно в этом летописном рассказе читаются строки о том, как князь Владимир Всеволодович, «загнав окаянных агарян» (половцев), «пил золотом шеломом Дон, и приемыш землю их всю». А далее приведено собственно половецкое предание — о «емшане», степной траве полыни, запах которой заставил беглого половецкого хана вернуться на родину. Впрочем, возвращению Отрока в ещё большей степени способствовало, наверное, иное полученное им известие — о смерти грозного врага половцев, русского князя Владимира Всеволодовича:

...По смерти же Владимира остался у Сырчана один гудец^[589], по имени Орь, и послал он его в Обезы с такими словами: «Владимир умер; воротись, брате, иди в землю свою!» [И велел Орю]: «Передай ему мои слова, пой ему песни половецкие. Если же не захочет [вернуться], дай ему понюхать травы, называемой емшан». И тот не захотел ни возвращаться, ни слушать, и дал он ему травы. И понюхал тот, и расплакался, сказав: «Лучше в своей земле костью лечь, нежели на чужой во славе быть». И вернулся в свою землю...

(46. Стб. 716)

Обратим внимание на то, что в этом легендарном рассказе упомянут «золотой шелом» князя Владимира Всеволодовича. Пройдёт время — и именно расшитая золотом «шапка Мономаха» станет главным символом власти русских великих князей и царей.

В середине того же XIII столетия сложилось другое предание,

центральной фигурой которого стал князь Владимир Всеволодович. Как оказалось, не только подвиги на поле брани и многогранная государственная деятельность, но само его имя, необычное для русского слуха, и греческое происхождение дали повод к развитию легенды. Эта легенда нашла отражение в знаменитом «Слове о погибели Русской земли» — отрывке из какого-то не дошедшего до нас сочинения о монгольском нашествии на Русь (5). «Слово...» сохранилось в двух списках XV—XVI веков, причём в обоих случаях в качестве предисловия к Житию Александра Невского. Судя по содержанию, оно было составлено при жизни правнука Мономаха князя Ярослава Всеволодовича («нынешняго Ярослава», как он назван в тексте), то есть между 1238 и 1246 годами, хотя записано, вероятно, значительно позже. Именно здесь впервые появляется известие о присылке князю Владимиру Мономаху «великих» даров от византийского императора. Правда, в памятнике названо имя императора Мануила Комнина, который в действительности жил гораздо позже князя Владимира Всеволодовича. Зато картина могущества русских князей — самого Мономаха и его потомков, — вышедшая из-под пера русского книжника, выглядит поистине грандиозной:

...Отселе до венгров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литвы, до немцев, от немцев до карелы, от карелы до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то всё — языческие страны — покорено было Богом народу христианскому, великому князю Всеволоду^[590], отцу его Юрию^[591], князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не показывалась, а венгры укрепляли каменные города свои железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что далеко они — за Синим морем. Буртасы, черемисы, водь и мордва бортничали на великого князя Владимира. А кир Мануил, [император] Цареградский, страшился, потому и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не отнял...

(8. С. 90; подг. текста Л.А. Дмитриева)

Выше мы уже говорили о том, что источник хронологической ошибки

автора «Слова о погибели...» усматривают в известном в древней Руси переводном хронографическом сочинении — так называемом «Летописце вскоре» константинопольского патриарха Никифора, в котором время царствования одного из предшественников Мануила — императора Алексея Комнина — было определено в семь лет, вместо действительных тридцати семи; в результате в позднейших русских летописях и хронографах Мануил оказался современником Владимира Мономаха. Но ещё важнее другое: в древней Руси были хорошо известны действительные дары Мануила Комнина разным русским правителям — например, внуку Мономаха киевскому князю Ростиславу Мстиславичу, с которым византийского императора связывали союзнические отношения, или другому Мономахову внуку, владими́ро-суздальскому князю Андрею Боголюбскому. В числе даров Мануила значилась и знаменитая Эфесская — впоследствии Полоцкая, затем Торопецкая — икона Божией Матери, присланная им вместе с частицами других христианских реликвий преподобной Евфросинии, княжне и игуменье Полоцкой, а затем оказавшаяся свадебным даром князю Александру Невскому по случаю его бракосочетания с княжной Александрой, дочерью полоцкого князя Брячислава. В Новгороде в XV веке была известна икона «Спас Мануила», написанная, по преданию, самим императором.

Говорили мы и о том, что князь Владимир Всеволодович и сам получал дары от современных ему правителей Византии, и об этом тоже должны были помнить его потомки. С именем Владимира Мономаха связывают знаменитую Смоленскую икону Божией Матери, по преданию, присланную византийским императором Константином IX Мономахом, дедом Владимира, на Русь: считается, что то был его свадебный дар зятю, русскому князю Всеволоду Ярославичу, отцу Владимира. От Всеволода икона перешла его старшему сыну. На Руси полагали, что икона была написана самим евангелистом Лукой; её название — Одигитрия, или, в переводе с греческого, Путеводительница, — объясняли чудесами, явившимися от неё ещё в Византии, когда Богородица даровала прозрение неким слепцам, приведённым ею в храм, или же самим фактом её перемещения на Русь. Конечно же, император прислал на Русь лишь образ с иконы, а не саму царьградскую святыню (169. С. 290). Но в представлении людей того времени, образ, копия с иконы вбирала в себя всю ту святость и всю ту сакральную силу, которыми обладал оригинал. А потому список с царьградской иконы почитался на Руси как одна из наиболее древних и авторитетных православных святынь. По всей вероятности, в Смоленск образ Одигитрии был перенесён лично князем

Владимиром Всеволодовичем для освящения построенного им храма Пресвятой Богородицы (выше мы датировали это событие мартом 1101 года). Несколько веков спустя икона оказалась в Москве, где почиталась как чудотворная, а в 1456 году была возвращена в Смоленск^[592], причём в Москве оставили её список, также почитавшийся впоследствии как чудотворный.

Знаем мы и о том, что Владимир Мономах и в самом деле воевал с греками — причём последним из русских князей! — и в конце концов заключил почётный мир с императором ромеев, выдав за его сына свою внучку. Из древнерусского Пролога известно, что в Киев при князе Владимире Всеволодовиче была принесена ещё одна реликвия — перст святого Иоанна Крестителя. На Руси перст этот считали частью императорской инсигнии, используемой в византийском коронационном обряде (десницей святого Иоанна, от которой был взят перст, «царя поставляют на царство», как писал русский книжник). Впоследствии, в послемонгольские времена русской истории, сведения о персте святого Иоанна Крестителя исчезают из источников. Но память о византийском походе Мономаха и о присылке ему одной из реликвий Византийского царства должна была сохраниться, и она также могла повлиять на складывание легенды о «Мономаховых дарах». Но вот с кем из царей воевал Мономах и кто из них присылал свои дары на Русь, здесь уже давно позабыли.

В послемонгольские века русской истории образ Владимира Мономаха как бы раздваивается: реальный киевский князь Владимир Всеволодович — «Владимир Великий», как именуют его новгородские книжники (Зб. С. 160, 205, 469), — словно бы отделяется от своего alter ego, — другого князя, просто «Мономаха», имя которого начинает жить своей собственной жизнью. В новгородских сочинениях XV века князь «Мономах» становится сыном «Владимира Великого» и в то же время — родоначальником династии владимири-суздальских, а затем и московских великих князей.

...Ярославъ роди Всеволода. Всеволод роди Володимера.
Володимеръ роди Мономаха,

читаем в «Родословии великих князей русских», составленном в Новгороде во второй четверти XV века. И далее:

Мономахъ роди Юрья, Юрьи роди Всеволода Великого
Гъезда... и т. д.

И это не случайная ошибка новгородского книжника, ибо имя «Володимерича Мономаха» присутствует и в других статьях, находящихся в той же рукописи XV века, что и список Новгородской Первой летописи младшего извода (36. С. 466, 467).

В Москве, надо полагать, таких ошибок не допускали. Но и здесь имя Владимира Мономаха зажило своей особой жизнью, не слишком завися от того, что сообщалось о настоящем князе Владимире Всеволодовиче в «ветхих» летописцах. Тем более что как раз в XV веке и на рубеже XV—XVI столетий «византийская» составляющая древнего киевского наследия стала неожиданно актуальной для правителей Московской Руси. Два события мировой истории способствовали этому. В 1439 году во Флоренции иерархи Греческой церкви, стремясь обрести хоть какую-нибудь помощь и поддержку в борьбе с турками-османами, подписали унию с Католической церковью, признав над собой главенство римского папы. В Москве это было расценено как явное отступление от православия. Русская церковь унию не приняла, а подписавший акт Флорентийского собора митрополит-грек Исидор по возвращении в Москву был заключён под стражу. Спустя ещё четырнадцать лет, 29 мая 1453 года, Константинополь был захвачен турками во главе с султаном Мехмедом II. В глазах русских людей крушение тысячелетнего Византийского царства означало, что Московская Русь остаётся единственным православным государством, новым Иерусалимом и последним, «третьим Римом», а московские великие князья становятся прямыми наследниками богоосвящённой власти византийских василевсов. Для обоснования своего нового статуса они нуждались в исторических прецедентах, и биография Владимира Мономаха — русского князя с греческим именем и греческим же происхождением — оказывалась для этого наиболее подходящей.

Легенда о Мономахе и «Мономаховых дарах» сложилась не сразу. В 1498 году в московском Успенском соборе — главном храме Московского государства — был венчан «на великое княжение Владимирское и Московское и всея Руси» внук «государя всея Руси» великого князя Ивана III Дмитрий Иванович^[593]. Церемония венчания тринадцатилетнего отрока была проведена с небывалой торжественностью, а в основу её — впервые в русской истории! — был положен чин поставления на царство византийских императоров. Особая роль в обряде венчания отводилась «шапке» (венцу) и «бармам» (широкому оплечью, украшенному драгоценными камнями), которые с того времени стали главными

атрибутами великокняжеской, а затем и царской власти. Вот как описано это в Чине венчания великого князя Дмитрия Ивановича:

...А на аналое, посередине церкви, положили шапку и бармы и покрыли их ширинкой^[594]. И когда великий князь с внуком вошли в церковь, в передние врата, тут же, в церковных вратах, встретил их митрополит с крестом и благословил их крестом... И когда внук взошёл на своё место, митрополит, встав, благословил его крестом... И велел митрополит двум архимандритам... принести себе с аналая бармы. И взяв у архимандритов бармы, дал их митрополит великому князю и ознаменовал крестом внука. И положил великий князь бармы на внука, и внук поклонился великому князю до пояса... [После молитвы] митрополит велел тем же двум архимандритам принести себе шапку. И взяв у архимандритов шапку, дал её митрополит великому князю... И великий князь возложил шапку на внука, и внук поклонился великому князю до пояса... И сели митрополит и великий князь на свои места, а внуку великий князь повелел сесть возле себя. И поклонился внук великому князю до пояса, и сел на своём месте...

(68. С. 608—614)

И «шапка», и «бармы», которыми был венчан внук Ивана III, в первоначальной редакции Чина его венчания ещё не были названы «Мономаховыми». Но уже очень скоро это произойдёт, и легенда об их принадлежности киевскому князю Владимиру Всеволодовичу прочно войдёт в московский политический обиход, став одним из краеугольных камней будущей теории «Москвы — Третьего Рима». Как отмечают исследователи, название «шапка Мономаха» впервые зафиксировано в летописном своде 1518 года: во входящей в этот свод летописной редакции Чина венчания Дмитрия «внука» и кратком летописном рассказе об этом событии (58. С. 330—331: здесь определение «Мономахова» вписано на поле; 48. С. 241; 51. С. 234; 53. С. 246; 55. С. 366—368; и др.). Примечательно, что состав «Мономахова наследства» поначалу определялся по-разному: если в летописной редакции Чина «Мономаховой» именовалась только «шапка», то в кратком рассказе о том же событии в отдельных летописях речь, напротив, идёт о «Мономаховых бармах»^[595].

Это, конечно, вымысел, не имеющий оснований в реальной истории князя Владимира Всеволодовича. Обе регалии — и венец, и «бармы» — известны по завещаниям московских великих князей с XIV века. Но в течение длительного времени они отнюдь не составляли единого («коронационного») комплекса. Так, по завещанию великого князя Ивана Даниловича Калиты (около 1339 года) «шапка золотая» (то есть расшитая золотом) отошла его старшему сыну Семёну Гордому, «коць великий (плащ. — А.К.) с бармами» — второму сыну Ивану, а «скорлатное портище... з бармами» — младшему Андрею (21. С. 7—11). В руках старшего в роде московских князей эти предметы были объединены лишь при великом князе Василии Васильевиче Тёмном, который и завещал их своему сыну Ивану III. По мнению современных искусствоведов, царский венец, ныне хранящийся в Оружейной палате (та самая «шапка Мономаха»), был изготовлен в начале XIV века — возможно, в Крыму, золотоордынскими ювелирами, знакомыми с техникой византийских филиграней (120. С. 66—70). Полагают, что «шапка» была подарена князю Ивану Даниловичу Калите татарским ханом Узбеком во время одной из поездок князя в Орду; опушка же из собольего меха, золотое навершие с крестом и драгоценные камни появились на ней уже на Руси. Едва ли более раннее происхождение могут иметь и «бармы». Тем не менее на Руси история их появления в казне московских государей представлялась совершенно иначе.

Одна из ранних версий «Мономаховой легенды» была записана в первой половине XVI века австрийским дипломатом Сигизмундом (Зигмунтом) Герберштейном, дважды посещавшим Россию — в 1517 и 1526 годах. В его «Записках о Московии», впервые изданных в Вене в 1549 году, сообщается, что русский князь Владимир «по прозвищу Мономах» оставил после себя «некоторые инсигнии, которые и поныне ещё употребляются при коронациях государей» (13. С. 64). Эти инсигнии — всё те же «бармы» и «шапку» — Владимир якобы получил в качестве трофея после победы над генуэзцами (!) у Каффы — современной Феодосии. (И это при том, что генуэзцы овладели Каффой лишь в 1260 году, то есть почти через полтора века после смерти русского князя!) Не исключено, что эта легенда имеет даже не русское, но польское происхождение. Во всяком случае, те же легендарные сведения о поединке Мономаха с генуэзским «воеводой» присутствуют и в сочинении польского историка XVI века Мацея Стрыйковского, у которого их заимствовал

В.Н. Татищев (чьи сведения мы приводили выше, в первом разделе книги). В своих «Записках» Герберштейн воспроизвёл текст Чина венчания

на великое княжение Дмитрия-«внука», сопроводив его собственным комментарием:

...Бармы представляют собой своего рода широкое ошейное украшение из грубого шёлка; сверху оно нарядно отделано золотом и всякого рода драгоценными камнями. Владимир отнял их у некоего побеждённого им генуэзца, начальника Каффы.

Шляпа на их языке называется *scharka*; её носил Владимир Мономах и оставил её, украшенную драгоценными камнями и нарядно убранную золотыми бляшками, которые колыхались, извиваясь змейками...

(13. С. 82—83; перевод Л.И. Молеина и Л.В. Назаренко)

Однако в русской общественной мысли утвердилась другая версия происхождения «царских» (или, что то же, «Мономаховых») регалий. Эта версия нашла отражение в целом ряде сочинений, объединяемых (не вполне точно) общим названием — «Сказание о князьях владимирских». Наиболее ранним памятником этого цикла является так называемое «Послание о Мономаховых дарах», известное также как «Послание Спиридона-Саввы» и принадлежащее перу опального киевского митрополита Спиридона^[596], человека весьма начитанного и образованного, плодовитого книжника, оставившего после себя несколько сочинений на разные темы. Именно в его «Послании», адресованном некоему не названному по имени, но весьма влиятельному лицу («сыну смирения нашего имярек»), по всей вероятности, впервые были объединены две ключевые идеи, определившие главное направление официальной идеологии Русского государства XVI—XVII веков: о происхождении рода русских государей от римского императора Августа (что ставило их выше правителей прочих европейских стран) и о поднесении названных выше регалий (включая в их число «шапку Мономаха») князю Владимиру Всеволодовичу византийским императором Константином Мономахом. Впоследствии сочинение Спиридона неоднократно перерабатывалось, результатом чего и стало появление собственно «Сказания о князьях владимирских».

Обе идеи, сформулированные опальным митрополитом, получили официальное признание. В 1547 году «Сказание о князьях владимирских» было использовано в качестве вступления к Чину венчания на царство Ивана Грозного — первого из русских государей, получившего царский

титул; затем, в несколько видоизменённом виде, оно вошло в Чин венчания на царство его сына Фёдора. Легенда о «Мономаховых дарах» использовалась и в официальной дипломатической переписке правительства Ивана Грозного — прежде всего для обоснования законности совершённого венчания и признания за Грозным царского титула. И хотя на Западе, и частности в Польско-Литовском государстве, приводимые в «Сказании» легендарные сведения не признавались за достоверные и даже подвергались осмеянию, русские дипломаты продолжали утверждать, что род их государей ведёт начало от самого «кесаря» Августа, а венец и «бармы» достались предку Ивана Грозного непосредственно от византийского «василевса». Правда, с именем этого василевса возникала путаница. Упомянутый в «Сказании» император Константин Мономах на самом деле приходился дедом князю Владимиру; он скончался, когда его внуку едва исполнилось два года. А потому в некоторых поздних вариантах легендарного рассказа о «Мономаховых дарах» имя Константина было заменено на имя императора Алексея Комнина — действительного современника русского князя Владимира Всеволодовича (61. С. 74—75; 70. С. 197—204).

Ниже приведены несколько текстов. Прежде всего, это наиболее ранний памятник цикла — «Послание о Мономаховых дарах» Спиридона-Саввы. Следует оговориться, что в состав этого памятника (как и других памятников цикла) входит также легендарное родословие литовских князей, направленность которого совпадает с направленностью всего произведения: в нём доказывается превосходство русской великокняжеской династии Рюриковичей над династией Гедиминовичей — великих князей литовских (чей род, по версии автора «Послания», восходит к некоему Гегеминику, рабу одного из вассалов смоленского князя Ростислава Мстиславича, внука Мономаха). В настоящем издании родословие литовских князей не воспроизводится как не имеющее отношения к Владимиру Мономаху. Кроме того, публикуются фрагменты некоторых других памятников общественной мысли России времён царствования Ивана Грозного. Это одна из редакций «Сказания о князьях владимирских», отрывок из так называемой «Степенной книги царского родословия» и тот вариант «Сказания о князьях владимирских», который был вырезан на парадном троне первого русского царя Ивана Грозного — так называемом «Царском месте», или «Мономаховом троне», в Успенском соборе Московского Кремля.

«Послание о Мономаховых дарах» («Послание Спиридона-Саввы»)

О Святом Духе, нареченный Спиридон, называемый Саввой, сыну смирения нашего имярек радоваться, если на пользу тебе молитва смирения нашего с благословением^[597]. Слышал я, что потребовал ты от нас своим писанием и через наших чернецов нечто от прежних лет из истории Ханаанова предела^[598], то есть от Арфаксада^[599], первого сына Ноя, родившегося после потопа.

По благословию отца своего Ноя разделилась вселенная на три части между тремя сыновьями его: Симом, Хамом и Иафетом. И лишён был Хам благословения отца своего Ноя за небрежение своё, ибо не прикрыл наготу отца своего, упившегося вином (*ср. Быт. 9, 21—22*). И [когда] протрезвел Ной от вкушения вина, благословил двух своих сыновей Сима и Иафета, которые собственноручно прикрыли наготу срама его, [обратясь] назад, не видя стыда отца своего Ноя (*ср. Быт. 9, 23—27*); благословил же и четвёртого сына своего Арфаксада^[600] вселиться в Ханаановых пределах. И родились у того двое близнецов: первому имя Месрем, второму Хус^[601] — они родоначальники Египта. И умножились от них потомки по коленам. И ушёл Хус в самые дальние страны Индии, и распространились оттуда потомки его на восток; потомки же Месрема распространились по коленам вплоть до Сеостра^[602]. И потомки Иафета населили северные страны вплоть до самого севера. И возвысился некий первоначальник из того рода по имени Фарсис в Калаврийских странах^[603], и создал город в своё имя. Имел же и Сим, сын Ноев, сына по имени Арфаксад^[604]. От его рода правнук его, по имени Гандуварий^[605], он первым написал астрономию в Ассирии, в пределах Сима, прародителя своего. Сеостр первым из всех воцарился на всей земле в Египте, и после поколений его многие лета миновали. И от его рода начал царствовать некто по имени Филикс^[606]; этот Филикс и завладел вселенною. После Филикса через много лет возвысился некий царь в Египте из его рода по имени Ахтанав^[607] волхв; он родил Александра Македонского от Олимпиады, жены Филипповой. Александр вторым завладел вселенной. Жил же Александр 30 лет^[608], и скончался, и передал Египет подручнику своему Птолемею. И от Птолемея Заячича до Птолемея Прокажённого всего был в Египте 21 Птолемей^[609]. Мать же Александра после смерти своего сына Александра возвратилась к своему отцу, эфиопскому царю

Фолу^[610]. Фол же отдал её вторым браком за Виза, родича Ахтанава^[611]. Виз же родил от неё дочь, и нарёк имя ей Антия, и создал город в Сосвенах^[612], и назвал город тот во имя дочери своей и своё — Византия^[613], что ныне зовётся Константиноград. Об этом довольно; возвратимся к предыдущему.

Птолемей Прокажённый имел дочь, весьма премудрую, по имени Клеопатра, и та правила Египетским царством после отца своего Птолемея^[614]. И в то время Юлий, кесарь римский^[615], послал своего зятя Антония^[616], римского стратега, на Египет с войском. Когда же пришёл Антоний со многими воинами по суше и морем воевать Египет, Клеопатра послала к Антонию, стратегу римскому, послов своих со многими дарами, [говоря]: «Ведаешь ли, о стратег римский, о египетском богатстве? Лучше в покое царствовать, нежели без ума проливать кровь человеческую». Умилосердился же Антоний и принял Египет без пролития крови, и вышла за него замуж Клеопатра, премудрая царица; и воцарился Антоний в Египте. И услышал Юлий, кесарь римский, о преслушании Антония, и поставил брата своего Августа^[617] стратегом над воеводами, и послал его с четырьмя братьями своими и со всей областью римской на Антония. И пришёл Август в Египет, и убил своего бывшего зятя Антония, а сам остался в Египте. Захватил же и Клеопатру царицу, дочь Птолемея Прокажённого, и отправил её в Рим на кораблях со всем богатством египетским. Клеопатра же отравилась в море ядом аспидовым^[618], сказав: «Лучше мне царицей египетской смерть принять, чем пленницей быть приведённой в Рим».

На Юлия же кесаря восстали воеводы: Брут, и Помпей, и Клас^[619]; и собственноручно убили мечами премудрого Юлия, кесаря римского. И вскоре пришла весть к Августу стратегу в Египет о Юлиевой смерти. Он же опечалился сильно о смерти брата. И вскоре созывает всех воевод и чиновников, командиров и начальников, и возвещает им о смерти Юлия, кесаря римского. Римляне же и египтяне сказали в один голос: «О преславный стратег, Юлия кесаря от смерти воскресить не можем, а твоё великочестие увенчаем венцом римского царства на похвалу делающим добро, а злодеям в наказание». И облачили его в одеяние царя Сеостра, первоначального царя Египта, в порфиру и виссон^[620], препоясали его поясом фелрмидом (?)^[621], и возложили ему на голову митру Пора, царя индийского^[622], которую принёс Александр Македонский из Индии, и прикрыли его по плечам мантией царя Филикса, владевшего вселенной,

которая была сделана из самбуки (?)^[623]. И радостно воскликнули все громким голосом: «Радуйся, Август, царь римский [и] всей вселенной!»

Август же начал облагать договором вселенную. Брата своего Патрикия^[624] поставил царём Египта, а Августалия^[625], брата своего, поставил властителем Александрии, и Кириная^[626] назначил властителем Сирии, и Ирода Антипатрова^[627], от аммонитян (?)^[628], за многие дары и почести поставил царем еврейским^[629] в Иерусалиме, а всю Азию поручил Евлагерду^[630], родичу своему. И Илирика^[631], брата своего, поставил в верховьях Истра^[632]; а Пеона поставил в Затоках Золотых, которые ныне называются Угры^[633]; а Пруса^[634] — на берегах реки Вислы, в град, называемый Марборок^[635], и в Торунь, и в Хвойницу, и в преславный Гданьск^[636], и во многие иные грады до реки, называемой Неман, впадающей в море. И поселился здесь Прус на долгие годы, пожил же до четвёртого колена рода своего; и до сего времени по его имени зовётся Прусская земля. И об этом довольно.

И в то время некий новгородский воевода по имени Гостомысл^[637] заканчивает житие своё; и созвал он всех правителей, бывших с ним в Новгороде, и сказал: «Совет даю вам: пошлите в Прусскую землю мудрых мужей и призовите князя из тамошних родов, от рода римского царя Августа». Они же пошли в Прусскую землю^[638] и нашли там некоего князя по имени Рюрик, бывшего от рода римского царя Августа^[639], и стали умолять его с посланцами от всех новгородцев. Князь же Рюрик пришёл к ним в Новгород вместе с двумя братьями: одному имя Трувор, другому Синеус; а третий — родственник по имени Олег. И с того времени стал называться Новгород Великий, и княжил в нём князь великий Рюрик.

И от великого князя Рюрика четвёртое колено князь великий Владимир, просветивший землю Русскую святым крещением, нареченный во святом крещении Василий. И от него четвёртое колено князь великий Владимир Всеволодович. [Сей же князь великий Владимир]^[640] советовался с князьями своими, и с вельможами, и с боярами, говоря: «Разве я хуже прежде меня владычествовавших и правивших хоругвями скипетра великой России? Так вот князь великий Олег ходил и взял с Константинополя — нового Рима^[641] — дань по головам^[642] и во здравии возвратился восвояси^[643]; и потом князь великий Святослав^[644] Игоревич, по прозвищу Легкий^[645], пошёл в галях^[646], числом две тысячи семьсот^[647], и взял с Константинова града ещё более тяжёлую дань, и

возвратился в своё отечество, Киевскую землю, и окончил здесь свою жизнь^[648]. А мы наследники престола прародителей своих и отца моего Всеволода Ярославича и наследники той же чести от Бога. И совета ищу от вас, моей палаты князей, и бояр, и воевод, и от всего подвластного вам христолюбивого воинства. Да вознесётся имя Живоначальной Троицы силою вашей храбрости Божией волей и нашим повелением; какой же совет дадите мне?» Отвечали же великому князю Владимиру Всеволодовичу князья, и бояре, и воеводы его, так говоря: «Сердце царёво в руке Божьей, как написано; а мы в твоей, государя нашего, воле от Бога». Великий же князь Владимир собирает воевод искусных и разумных и ставит начальников над различными воинскими отрядами — тысячников, и сотников, и пятидесятников; и собрал многие тысячи воинов, и послал их на Фракию, область Царьграда; и те успешно повоевали её и возвратились восвояси со многим богатством в полном здравии. И об этом довольно.

В те же времена, в лето 6553 (1045?)^[649], отвергся Рим и отпал папа Формоз^[650] от [истинной] веры.

Царь же Константин Мономах^[651] был из-за этого в великой печали. И вот по совету царя и по благословению святейшего патриарха Кир Лария^[652] собирается собор и посылаются спешные послания к другим патриархам: иерусалимскому, александрийскому и антиохийскому. И вскоре те посланники возвращаются с послами от тех патриархов и с их посланиями и духовным советом. И совещались святейший вселенский патриарх Кир Ларий и боголюбивый царь Константин, называемый Мономахом, со вселенским собором четырёх патриархов и подвластных им митрополитов и епископов, вплоть до низших чинов, то есть до иереев, и диаконов, и иподиаконов, и исключили имя папы из [поминаний]^[653] на церковных престолах четырёх вселенских патриархов. И с того времени и до сего дня литургисают^[654], от православной веры отпав, и наречены были латиной, и потому не поминается имя папы в церковных преданиях на четырёх патриарших престолах вселенских. Ведь этот мерзкий^[655] Формоз не называется с того времени папой, но отступником православной нашей веры, которую восприняли мы по благой вести Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, и через проповеди святых учеников Его, и через предания семи вселенских соборов. Этот же окаянный Формоз изменил состав Живоначальной Троицы и ввёл в латинский язык, блудословя, четвёртое лицо в Божество: что исходит Дух Святой от Сына^[656]. Мы же, последователи православия, исповедуем безначального Отца, и

собезначального Сына Его Слово, и сопрестольного Духа Святого, исходящего из пречистых недр Отчих, ибо единосущна Троица: Отец и Сын и Святой Дух. И об этом довольно, мы же снова к предыдущему возвратимся.

Боголюбивый же царь Константин Мономах собирает совет^[657] и снаряжает послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу — Неофита, митрополита эфесского, от Азии^[658], и с ним двух епископов: милитинского и митилинского^[659], и стратига антиохийского^[660], и Августаля александрийского^[661], и игемона^[662] иерусалимского Евстафия. И с шеи своей берёт животворящий крест от самого Животворящего древа, на котором распят был владыка Христос. Снимает же с головы своей и венец царский и ставит его на блюдо золотое. Повелевает же принести и чашу^[663] сердоликовую, из которой Август, кесарь римский, пил с веселием, и ожерелье^[664], которое на плечах своих носил, и кадильницу^[665], искованную из аравийского золота, и смирну^[666] со многими благовониями, собранными в Индийской земле, и ливан^[667] от злата аравийского, трижды смешанный, и многие иные дары. И передаёт их митрополиту Неофиту с епископами и своим благородным военачальникам, и посылает их к великому князю Владимиру Всеволодовичу^[668], [говоря]: «Прими от нас, о боголюбивый благоверный княже, сии честные дары от начала веков твоего рода во славу и честь и для венчания твоего вольного и самодержавного царства. Прими и то, о чём начнут молить тебя наши послы, и мы от твоего благолюбия просим мира [и] любви; да пребудут церкви Божии без мятежа, и всё православие пребудет в покое под властью нашего царства и твоего вольного самодержавства Великой России. Да будешь с этого времени называться боговенчанным царём, увенчанный сим царским венцом рукою святейшего митрополита Неофита с епископами». И с того времени великий князь Владимир Всеволодович стал именоваться Мономахом^[669] и царём Великой России^[670]. И с того часа тем царским венцом, который прислал великий царь греческий Константин Мономах, венчаются все великие князья владимирские, когда поставляются на великое княжение русское^[671], как и этот вольный самодержец и царь Великой России Василий Иванович^[672], двенадцатое колено от великого князя Владимира Мономаха, а от великого князя Рюрика 20-е колено^[673], и братья его Ивановичи и Андреевичи^[674].

Всё это хотя и грубо изложил я из-за скудости ума, а ещё больше из-за глубокой старости, ибо исполнился мне девяносто один год от рождения

моего, но уведал об этом из истории некоего Гандувария, от рода Арфаксадова, который первым написал астрономию в Ассирии, о чём выше сказали, и от риторства еврейского, и от капитулов римских. Не просто ведь говорим о происхождении государей наших, удержавших благочестие православной веры, — дому их начало от Месрема, внука Ноя. Ныне же до великого князя Василия Ивановича, вольного самодержца и царя, прошло четыре тысячи восемьсот лет^[675]. А царству их начало от Сеостра, первоначального царя Египта, и от Августа, кесаря римского и царя, ибо этот Август завладел вселенной. И об этом довольно^[676]. <...>

(19. С. 159—166)

Комментарии

«Послание о Мономаховых дарах» сохранилось в трёх рукописных сборниках второй половины XVI века^[677]. Автором «Послания» считается бывший киевский митрополит Спиридон (получивший «за свою резвость» характерное прозвище «Сатана»), родом тверитянин, поставленный на митрополию в 1476 году в Константинополе «по мзде... повелением турского царя», однако не признанный ни в Литве, куда он прибыл из Константинополя и где сразу же оказался в тюрьме, ни в Московском государстве, куда бежал из Литвы и где также оказался в заточении в Ферапонтовом монастыре. В заголовке «Послания» автор прямо называет себя: «Спиридон рекомый, Сава глаголемый», а ниже сообщает о себе биографические сведения, в частности указывает свой преклонный возраст: 91 год.

Тем не менее в исследовательской литературе было высказано обоснованное сомнение в том, что «Послание» — по крайней мере в дошедшем до нас виде — действительно принадлежит Спиридону^[678]. Дело в том, что Спиридон-Савва, по всей вероятности, умер в Ферапонтовом монастыре около 1503—1504 годов^[679]. Дошедший же до нас текст «Послания о Мономаховых дарах» написан значительно позднее — а именно в 1533/34 году, скорее всего, до смерти великого князя Василия Ивановича 3 декабря 1533 года. Эта дата приведена в самом тексте «Послания»: «Претече же ныне до великого князя Василиа Ивановича, волнаго самодржца и царя, — пишет автор, подводя некий итог сказанному, — лет 4 (тысячи) осмьсот». Непосредственно перед этим сообщается о начале «дома» православных русских государей «от Месрема, внука Ноева». Отсюда следует, что точкой отсчёта «протекших» лет выбран

потоп — главное событие из жизни Ноя, дата которого была хорошо известна русским книжникам и присутствует во всех хронографах: 2242 год от Сотворения мира (45. Стб. 18; 42. С. 122 и др.; 30. 1. С. 6; и др.). Следовательно, в тексте «Послания» речь идёт о 7042 (2242 + 4800) годе от Сотворения мира, соответствующем сентябрю 1533-го — августу 1534 года от Рождества Христова по сентябрьскому стилю. Это год смерти Василия III. Если учесть, что в тексте «Послания» о великом князе Василии Ивановиче (1505—1533) говорится как об «этом», то есть правящем государе, то «Послание» в его сохранившемся виде можно датировать сентябрём — началом декабря 1533 года. Впрочем, не исключено и другое предположение: вычисления могли быть сделаны уже после кончины Василия III; в таком случае их автор, вероятно, обратил внимание на своего рода «круглую дату» — 4800 лет, отделяющих кончину Василия от начала его царского «дома».

Названные цифры присутствуют во всех трёх списках «Послания» и, следовательно, восходят к его протографу.

Приведённая датировка расходится с общепринятой, согласно которой «Послание о Мономаховых дарах» было написано в 1505—1523 годах. Эта датировка также может быть признана обоснованной, поскольку в тексте упомянуты двоюродные братья великого князя Василия Ивановича «Андреевичи» — сыновья князя Андрея Васильевича Большого; между тем из двух братьев Андреевичей, Ивана и Дмитрия, первый, Иван, умер в Вологде в «железах» 19 мая 1523 года (110. С. 57) ^[680].

Противоречия в датировке «Послания», наличие в нём по крайней мере трёх датирующих «слоёв» (включая имя Спиридона-Саввы в заголовке как датирующий признак), по-видимому, можно объяснить только неоднократными его переработками.

Для того чтобы понять, что же представляет из себя дошедший до нас текст «Послания» и в каком отношении он находится с предшествующим ему текстом, необходимо сравнить «Послание» с другими памятниками, рассказывающими о происхождении рода великих князей Владимирских и Московских и об истории царских регалий, используемых в обряде венчания русских государей.

Помимо «Послания», в цикл сочинений, посвящённых «Мономаховым дарам», входят различные редакции так называемого «Сказания о князьях владимирских». Прежде всего, это Медоварцевская редакция памятника, сохранившаяся в рукописном сборнике известного книгописца первой трети XVI века Михаила Медоварцева и датированная 7035 (1526/27)

годом^[681]; Чудовская повесть («Повесть об Августе кесаре»), известная в трёх списках, самый ранний из которых (Чудовский) датируется началом 40-х годов XVI века^[682]; и так называемые «Первая» и «Вторая» редакции «Сказания о князьях владимирских» (по классификации Р.П. Дмитриевой)^[683].

На мой взгляд, Р.П. Дмитриева, издавшая и исследовавшая большинство названных выше текстов, убедительно показала первичность «Послания» по сравнению со «Сказанием о князьях владимирских» (19. С. 14—72; 103. С. 217—230). Правда, для сравнения с «Посланием» исследовательница привлекала главным образом «Первую» редакцию «Сказания», так как ко времени выхода в свет её книги Медоварцевская редакция ещё не была известна, а Чудовская повесть была расценена ею как поздняя компиляция. Между тем внимания в первую очередь заслуживают именно два последних памятника как наиболее ранние и ближе всего стоящие к «Посланию».

Наиболее отчётливо первичность «Послания» видна на примере рассказа о потомках Ноя и истории первых мировых владык. Эта начальная часть сочинения представляется чрезвычайно важной, так как именно здесь объясняются происхождение царских регалий, доставшихся римскому кесарю Августу, а впоследствии и русским князьям, и, соответственно, происхождение «дома» русских православных государей.

В изложении генеалогии потомков Ноя автор «Послания» последователен, в то время как в Медоварцевской редакции обнаруживаются явные противоречия, причём ясна и причина этих противоречий — путаница между двумя упоминаемыми в тексте одноимёнными персонажами: Арфаксадом, сыном Ноя, и Арфаксадом, сыном Сима. В заголовке обоих памятников обещано рассказать об истории «Ханаонова предела», понимаемого как «предел» Арфаксада, сына Ноя: «рекомо ото Арфаксадова, перваго сына Ноева, рождшегося по потопе». Арфаксад как сын Ноя не известен ни Библии, ни другим источникам. По Библии, Арфаксад — сын Сима, то есть внук Ноя, и этот Арфаксад также известен авторам «Послания» и «Сказания». При этом в «Послании», в соответствии с заголовком, рассказывается о том, что Ной благословил «четвертаго сына своего Арфаксада вселиться в Ханаоновых пределах», и приводятся данные о его потомках Месреме и Сеостре, с которых, как выясняется из дальнейшего текста, и начинается отсчёт «царства» русских православных государей. В Медоварцевской же редакции Ной благословляет «вселиться в Ханаоновых пределах» «Симова сына

Арфаксада», что противоречит идее, заявленной в заголовке. Соответственно, Месрем и Сеостр оказываются потомками Сима, и их история — вопреки тому, что было обещано в заголовке, — выходит за рамки «Ханаонова предела».

Далее автор «Послания» сообщает о другом Арфаксаде — сыне Сима; его правнуком оказывается некий Гандуварий, вселившийся в «пределах Симовех, прародителя своего» (до этого также кратко было сообщено о потомстве Иафета). В Медоварцевской же редакции Гандуварий назван правнуком Арфаксада сына Ноева, но при этом, так же как и в «Послании», говорится о его вселении «в пределах Симовых, прародителя своего». Перед нами ещё одно противоречие, не замеченное при переработке текста.

В рассказ о неблагословении Ноем своего сына Хама автор Медоварцевской редакции внёс добавление: «...и разуме (Ной. — А.К.), елико сътвори ему сын его меньший...» Однако это добавление также противоречит предшествующему тексту, где Хам назван вторым (средним) сыном Ноя, а младшим является Арфаксад.

Наконец, только в «Послании» в заключительной части рассказа о «Мономаховых дарах» содержится вывод, согласующийся как с заголовком всего сочинения, так и с содержанием его начальной части: «...дом бо их (государей русских. — А.К.) от Месрема внука Ноева... А царству их начяток от Сеостра, начялнаго царя Египту, и от Августа, кесаря римска и царя...» В Медоварцевской редакции «Сказания» «египетская» тема, по существу, сведена на нет, и вывод звучит уже так: «...царству их начяток от Августа кесаря римскаго...» Между тем «египетская» тема относится к основной и тесно связана с той задачей, которая обозначена в заголовке: рассказать историю «Ханаонова», или, что то же, «Арфаксадова», предела.

Таким образом, выясняется, что Медоварцевская редакция «Сказания» представляет собой переработку той версии рассказа о «Мономаховых дарах», которая отразилась в «Послании». Этому выводу не противоречит и то, что Медоварцевская редакция, как мы уже отметили, датируется более ранним временем, чем сохранившийся текст Послания.

(Мы не касаемся различия двух памятников в их заключительной части — родословии литовских князей. Но, как показали Р.П. Дмитриева и А.Л. Гольдберг (103 С. 224; 99. С. 204—216), и здесь можно предполагать первичность «Послания». Автор Медоварцевского сборника существенно переработал текст родословия и отредактировал его, используя, в частности, краткий литовский летописец, переписанный в том же сборнике.)

В то же время бросается в глаза особая близость Медоварцевской

редакции «Сказания о князьях владимирских» к тексту «Послания». Так, только в этих двух памятниках среди послов Константина Мономаха назван Августалий Александрийский и, что представляется особенно важным, полностью перечислены дары, посланные императором Константином русскому князю Владимиру Всеволодовичу, в том числе «кация» — кадельница (заменённая в других редакциях «чепью»), «смирна» и «ливан» («ладан»). Наконец, только в этих двух памятниках имеется заключение о «поколенстве» государей русских, «благочестия удеръжавших православный веры», и о «начатке» их «дома», а также указано (но в обоих случаях неточно) число «колен» до Василия III.

В целом ряде чтений Медоварцевская редакция сближается с ещё одной ранней версией рассказа о «Мономаховых дарах» — Чудовской повестью. Главное отличие последней заключается в том, что в ней отсутствует первая часть, посвящённая происхождению царских регалий, и рассказ начинается непосредственно с Августа кесаря и разделения вселенной между его родственниками. В своё время А.А. Зимин высказал предположение, что Чудовская повесть представляет собой наиболее ранний вариант рассказа о «Мономаховых дарах»; она была создана в конце XV века в связи с венчанием на великое княжение внука Ивана III Дмитрия в 1498 году, а отсутствующий в ней сюжет о потомках Ноя появился позднее — возможно, под пером Спиридона-Саввы (113. С. 128—138). Однако для такого вывода нет оснований. Начало повести («В лето 5456 (так в Румянцевском списке; в Чудовском: 5457. — А.К.) Августу, кесарю римскому, грядущу во Египет... предаде же Бог Египет и Клеопатру в руце Августу») представляет собой не что иное, как краткое изложение нескольких эпизодов первой, пропущенной части «Послания»: похода Августа на Египет «со многими вои», происхождения Клеопатры от Птолемея, завоевания Августом Египта и пленения Клеопатры (плюс введён эпизод, отсутствующий в «Послании» и заимствованный из хронографов: о встрече Августа с иудейским царём Иродом). О том, что автор повести пользовался тем рассказом, который сохранился в «Послании о Мономаховых дарах», бесспорно свидетельствует ещё одна ссылка на него, читающаяся в рассказе о призвании первого русского князя Рюрика, «суца от рода римска царя Августа»: «сей бо Август кесарь, — сообщает автор, — пооблада всею вселенною». Этого добавления нет в других памятниках цикла; здесь же оно появилось именно потому, что ранее об этом ничего не было сказано. Но слова о «пообладании вселенной» — ключевые в первой части «Послания», где перечислены правители, обладавшие вселенной, — Филикс и Александр, а также наследники их

власти — Юлий Цезарь и Август.

Можно указать и другие признаки вторичности Чудовской повести по сравнению с «Посланием». Так, в первый раз упоминая князя Владимира Всеволодовича, «4-е колено» от Крестителя Руси князя Владимира Святославича, автор повести приводит его прозвище: «князь великий Владимир Всеволодичь Мономах». Между тем, как выясняется из дальнейшего текста, прозвище Мономах Владимир Всеволодович получил позднее — уже после передачи ему царских регалий: «И от таго времени князь велики Владимир Всеволадичь наречеса Мономах...» Очень показателен пропуск в перечне царских даров, посланных Константином Мономахом: «кация» (кадильница) заменена на «чепь» (цепь)^[684], из числа даров исключены «измирна» («смирна») и «ливан». Скорее всего, это объясняется неясностью текста «Послания», а также тем, что ни «смирна», ни «ливан» («ладан») не находят соответствий среди известных регалий царской власти Московской Руси^[685].

Так называемые «Первая» и «Вторая» редакции «Сказания о князьях владимирских», несомненно, имеют более позднее происхождение. О зависимости «Первой» редакции от Медоварцевской можно говорить лишь предположительно^[686]. Зато её зависимость от Чудовской повести не вызывает сомнений. Так, именно из Чудовской повести в «Первую» редакцию был включён эпизод со вторым походом Августа на Египет («В лето 5457 Августу, кесарю римьскому, грядущу вь Египет... Предаде же Бог Египет и Клеопатру в руце Августу»). Если в Чудовской повести появление этого эпизода оправдано (ср. выше), то здесь вставка оказывается неуместной, так как ранее уже сообщалось и о походе Августа на Египет, и о пленении Клеопатры. И в дальнейшем в большинстве случаев «Первая» редакция повторяет особенности Чудовской повести.

Итак, «Послание» действительно отражает более раннюю версию рассказа о «Мономаховых дарах», чем известные нам редакции «Сказания о князьях владимирских». Вместе с тем «Послание» имеет целый ряд таких индивидуальных чтений, которые не находят соответствий ни в одной редакции «Сказания» и не могут быть объяснены первичностью текста «Послания» и последующей редакторской правкой. Так, только в «Послании» сообщается о том, что убийцы Юлия Цезаря «убиста и мечи своима рукама»; что Август был венчан «в похвалу добродеем, а в месть злодеем»; что «окровница» царя Филикса была сделана «от самбукия» (?); что Ирод происходил «от Аманит» (в «Сказании» он назван «Асколонитянином»); только в «Послании» Константинополь назван

«новым Римом»; приведено прозвище князя Святослава Игоревича («Легкы») и даны уникальные подробности его похода на греков; приведена дата отвержения латинян. Едва ли все эти уникальные известия могли быть исключены при последующих переработках «Послания». Больше похоже на то, что перед нами добавления позднейшего редактора, внесённые им в первоначальный текст^[687]. То же, по-видимому, можно сказать и о некоторых чтениях, общих для всех редакций «Сказания», но отсутствующих в «Послании». Так, в сохранившемся тексте «Послания» при первом упоминании Пруса отсутствует указание на то, что он был «сродником» Августа; пропущены слова «дабы шел к нам княжити», обращённые к Рюрику, и слова «Божиею милостив» или «Божиего благодатью» во фразе Владимира Мономаха о том, что он является «настоликом прародителей своих», и т. п.

При этом важно отметить, что возводить Чудовскую редакцию к Медоварцевской нельзя, так как по крайней мере в двух случаях Чудовская редакция сближается с «Посланием», расходясь с Медоварцевской. В Чудовской повести сообщается, что Владимир Святославич был «четвёртое колено» от Рюрика, а Владимир Мономах — «четвёртое колено» от Владимира Святославича (в Медоварцевской редакции этот текст заменён летописными и родословными выкладками), а также читается рассказ об отпадении от православной веры римского папы Формоза, отсутствующий в Медоварцевской редакции. Наличие общего источника Медоварцевской и Чудовской редакций подтверждается и сравнением их с кратким изложением «Мономаховой легенды» в статье 6621 (1113) года Воскресенской летописи (50. С. 23), составленной в начале 1540-х годов. В последней, например, среди послов императора Константина Мономаха назван Августалий Александрийский, а это особенность, присущая, помимо «Послания», только Медоварцевской редакции, и в то же время упоминается о брани императора «с персы и с латынею»: ни в Медоварцевской редакции, ни в «Послании» этого нет.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что общий источник Медоварцевской и Чудовской редакций восходил не к тому тексту «Послания» (датированному 1533/34 годом), который дошёл до нас, а к предшествующему ему и, по всей вероятности, датированному временем не позднее 1522 года.

Но и этот текст едва ли был первоначальным. Указание на авторство Спиридона-Саввы в заголовке сохранившегося «Послания», по-видимому, можно объяснить только тем, что какое-то первоначальное послание, адресованное некоему влиятельному лицу («сынови смирения нашего»),

было написано не позднее мая—июня 1503 года. В какой степени в нём рассматривались те сюжеты, которые вошли в цикл произведений о «Мономаховых дарах», сказать затруднительно. Но можно предположить, что по крайней мере оригинальная история потомков Ноя и возведение «дома» русских государей к первоначальным владыкам Месрему и Сеостру, а затем к Августу (то есть тема, заявленная в заголовке «Послания» и обозначенная в его итоговом выводе) принадлежат именно этому незаурядному писателю. Отсутствие же в заголовке рассматриваемого нами памятника упоминаний собственно о «Мономаховых дарах» не позволяет с уверенностью говорить о том, что в первоначальном варианте «Послания» Спиридона-Саввы затрагивалась и эта тема. О переработке первоначального сочинения Спиридона-Саввы свидетельствует и замена имени его адресата на безличное «имярек», что характерно для «формулярных» изводов подлинных посланий, приспособленных служить образцом для последующих сочинений церковных писателей.

Остаётся неясным, принадлежало ли к первоначальному «пласту» «Послания» Спиридона-Саввы родословие литовских князей. С одной стороны, в пользу авторства Спиридона свидетельствует очевидное тверское происхождение родословия. С другой — есть основания полагать, что свой первоначальный вид родословие литовских князей получило после 1506 года, то есть уже после предполагаемой кончины Спиридона, ибо во всех сохранившихся его редакциях упоминается «король нынешний» Жигмонт — польский король Сигизмунд, занимавший престол в 1506—1548 годах.

Подведём некоторые итоги сказанному. Можно предполагать, что первоначальное «Послание» Спиридона-Саввы появилось не позднее 1503 года, однако содержание его неизвестно. Затем, между 1505—1523 годами, «Послание» было существенно переработано, причём не исключено, что именно тогда в него и было внесено предание о передаче князю Владимиру Всеволодовичу царских регалий. В 1533/34 году «Послание» было переработано ещё раз, и именно этот вариант дошёл до нас в списках второй половины XVI века.

Около 1527 года Михаил Медоварцев также переработал текст «Послания», результатом чего стало появление Медоварцевской редакции «Сказания о князьях владимирских» — вероятно, самой ранней редакции памятника (само название «Сказание о князьях владимирских» появляется лишь в списках «Первой» редакции). Время возникновения Чудовской повести в точности неизвестно; во всяком случае, это произошло не позднее начала 40-х годов XVI века (время появления Чудовского списка).

Последующая переработка «Сказания» носит уже официальный характер и связывается с подготовкой венчания на царство и венчанием царя Ивана Грозного в 1547 году («Первая редакция»). Но и после этого тема происхождения царской власти и обоснования царского венчания не потеряла своей актуальности, ибо правительству Ивана Грозного приходилось добиваться признания царского титула на международной арене. С этой напряжённой работой, по всей вероятности, связано появление «Второй» редакции «Сказания», а также ряда других памятников, посвящённых данной теме. Добавим ещё, что с этого времени легенда о «Мономаховых дарах» включалась и в летописи, авторы которых пытались «вписать» её в контекст собственно русской истории. Так, в Лицевом летописном своде и Воскресенской летописи (обе XVI век) о походе Мономаховых воевод «во Фракию» и присылке даров от императора Константина (явный анахронизм, особенно удивительный в летописном повествовании!) сообщается под 1113 годом (или 1114-м в версии Лицевого летописного свода), то есть под первым годом киевского княжения Владимира (50. С. 23; 52. С. 144). В Лицевом летописном своде этот рассказ сопровождается красочная миниатюра.

Из «Сказания о князьях владимирских» («Второй» редакции)

Так называемая «Вторая» редакция «Сказания о князьях владимирских» (по классификации Р.П. Дмитриевой) возникла не ранее 1547 года, то есть уже после венчания на царство первого русского царя Ивана Грозного. Её отличают, во-первых, особый заголовок («Поставление великих князей русских...»), заимствованный из вступления к Чину венчания Ивана Грозного, а во-вторых, что представляет для нас особый интерес, некоторые дополнительные сведения о биографии Владимира Мономаха. Кроме того, из «Второй» редакции «Сказания» исключено родословие литовских князей.

...Поставление великих князей русских, откуда и как начали поставляться на великое княжение святыми бармами и царским венцом.

В лето 6622 (1114)^[688] был сей князь великий Владимир Всеволодович

Мономах, князь великий Киевский, правнук великого князя Владимира, крестившего Русскую землю, от него четвёртое колено. Прозван же был Мономахом вот отчего. Когда сидел в Киеве на великом княжении, начал совет держать с князьями своими, и с боярами, и с вельможами, так говоря: «Разве я хуже прежде меня царствовавших и правивших хоругвями скипетра великой России? Так вот князь великий Олег ходил и взял с Царьграда большую дань на всех воинов своих и во здравии восвояси возвратился; и потом князь великий Всеслав^[689] Игоревич ходил и взял с Константина-града ещё более тяжёлую дань. А мы Божьею милостью наследники престола прародителей своих и отца моего Всеволода Ярославича и наследники той же чести, от Бога сподоблены. И ныне совета ишу от вас, моей палаты князей, и бояр, и воевод, и от всего подвластного вам христолюбивого воинства; и да вознесётся имя Живоначальной Троицы силою вашей храбрости Божией волей и нашим повелением; какой же совет дадите мне?» Отвечали же великому князю Владимиру Всеволодовичу князья, и бояре, и воеводы его и так сказали ему: «Сердце царёво в руке Божьей, как написано; а мы все рабы твои и под твоей властью». Великий же князь Владимир собирает воевод искусных и разумных и ставит начальников над различными воинскими отрядами — тысячников, и сотников, и пятидесятников; и собрал многие тысячи воинов, и послал их на Фракию, область Царьграда; и те успешно повоевали её и возвратились восвояси со многим богатством в полном здравии.

Тогда был в Царьграде благочестивый царь Константин Мономах. И в то время воевал он с персами и латинянами. И собирает совет премудрый и царский, [и] снаряжает послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу — митрополита эфесского Неофита, от Азии, и с ним двух епископов: митилинского и милитинского, и стратига антиохийского, игемона иерусалимского Евстафия, и иных своих благородных. Со своей же царской шеи снимает животворящий крест от самого Животворящего древа, на котором распят был владыка Христос. Снимает же с головы своей и царский венец и ставит его на блюдо золотое. Повелевает же принести и коробочку сердоликовую, из которой Август, царь римский, пил с веселием. Посылает же и ожерелье, то есть святые бармы, которые на плечах его, и цепь, скованную из аравийского золота, и иные многие дары царские. И даёт их митрополиту Неофиту, и епископам, и своим благородным посланникам, и посылает их к великому князю Владимиру Всеволодовичу, говоря с мольбою ему: «Прими от нас, о боголюбивый благоверный княже, сии честные дары, что от начала веков твоего благого рода и поколений царских есть жребий во славу и честь и для венчания твоего вольного и

самодержавного царства. Прими и то, о чём начнут молить тебя наши посланники, и мы от твоего благородия просим мира и любви; да пребудут церкви Божии и всё православие в покое под властью нашего царства и твоего вольного самодержавства Великой России. Да назовёшься с этого времени боговенчанным царём, увенчанный сим царским венцом рукою святейшего митрополита Кир Неофита с епископами». И с того времени князь великий Владимир Всеволодович стал именоваться Мономахом, царём Великой России. И потом во всё время пребывали князь великий Владимир с царём Константином в мире и любви. С того времени и доньне тем царским венцом, который прислал греческий царь Константин Мономах, венчаются великие князья владимирские, когда поставляются на великое княжение русское^[690]. А преставился князь великий Владимир Киевский Мономах в лето 6633 (1125), княжив в Киеве 13 лет, а всего жил 73 года и похоронен был в Святой Софии в Киеве 19 мая.

(19. С. 189—191)

Из «Степенной книги царского родословия»

«Степенная книга царского родословия» была составлена в начале 60-х годов XVI века, как полагают, духовником царя Ивана Грозного и протопопом кремлёвского Благовещенского собора Андреем (в иночестве Афанасием), ставшим в 1564 году московским митрополитом. Этот грандиозный памятник представляет собой одну из первых попыток систематического изложения истории Русского государства и русского правящего дома по «степеням» (ступеням). Княжению Владимира Мономаха («четвёртой степени») в нём уделено особое внимание, ибо авторы «Степенной книги» именно с Владимира Мономаха начинали историю «боговенчанного царствия» русских государей.

...Глава 8. Умиленные к Богу Владимировы слёзы, и как боговенчанным царём наречется от Греческого царствия.

Боголюбивый же Владимир и такую сподобился от Бога воспринять богатодаровитую благодать душевного умиления, что когда входил в церковь или когда на службе стоял, тогда из глаз его непрестанные источники слёз изливались. И всегда со слезами приносил мольбы свои

Господу Богу нашему. Человеколюбивый же Бог все прошения его всегда и везде на пользу ему исполнял. Как он Бога возлюбил всею душою своею, и всем сердцем своим, и всеми помыслами своими и прочими благими деяниями и обычаями, преспевая, за Русскую землю благомыслием без лености многие труды прилагая, так и Бог ради вознаграждения за эти добрые его подвиги венчал его свыше славою и честью и царским именованием, превыше, чем иных царствующих, прославил его. И повсюду прославился храбростью и победами, так что все страны трепетали от имени его, и по всем землям прошёл слух о нём. И своего ради мужества принял диадему греческого царя Константина Мономаха, и венец, и крест от Животворящего Древа принял, и порамницу царскую^[691], и коробку сердоличную, из которой некогда пил с веселием Август, кесарь римский, и цепь златую из аравийского золота, и иные многие царские почести в дар принял мужества ради своего и благочестия. И дар тот не может быть назван человеческим, но Божиими неизреченными судьбами осуществился, и перешла слава Греческого царства на российского царя. Венчан же был тогда в Киеве тем царским венцом во святой великой соборной и апостольской церкви от святейшего митрополита Неофита Ефесского и от прочих святителей, Митулинского и Милитинского, пришедших вместе с митрополитом из Царьграда. И с того времени боговенчанным царём был наречён в Российском царствии...

(73. С. 408—409)

Надпись на «Царском месте» Успенского собора Московского Кремля

«Царское место», шатровый деревянный престол перед иконостасом Успенского собора Московского Кремля, был установлен в 1551 году для первого русского царя Ивана Грозного. Его украшают великолепные рельефы, иллюстрирующие историю передачи царских регалий византийским императором Константином Мономахом русскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, из-за чего «Царское место» называют ещё «Мономаховым тронem». На фризе и дверцах трона вырезан текст, основная часть которого представляет собой особый вариант так называемого «Поставления великих князей русских» — памятника, входящего в цикл сочинений о «Мономаховых дарах». Начальная же часть надписи не находит соответствия в памятниках «Мономахова цикла», но представляет собой мозаику из библейских цитат.

Надпись на фризe:

Рече Господь: «Азь избрах тя царя, взял тя за десницу твою и устрои тебе обладати людьми моими во вся дни живота твоего. Аще ходиши по заповедем Моим и твориши волю Мою, дам тебе сердце смыслено и мудрость и будеши, яко не бы(сть) тако ни един в царех прежде тебе и по тебе не будет, и аще твориши суд и правду посреди земля, и слышиши воздыхание и слезы сущих в скорбех, и милость и управление твориши имъ, вскоре умножу лет живота твоего, и дамъ тебе одоление на враги, и дам тебе на земли на умножение плодовъ земных, и возставлю семя твое, и устрою царство ваше и престол вашъ до века, и буду вам во отца, и вы будете Ми в сыны. К сим же, еже и не просиши у Мене, дам ти славу и богатство, и покорят ти языци. Аще приидет неправда ваша, накажу вас, милости Моея не отиму от васъ».

Надпись на левой дверце:

В лето 6496^[692], а от великаго и блаженнаго князя Володимира четвертое колено правнука его, князь великий Владимиръ Всеволодичъ Манамахъ, той убо царь и Манамах прозвася от таковыя вины. Егда на великомъ княжении седе в Киеве, съвет творяше съ князьми своими, и боляры, и велможамы, глаголя: «Егда азь есмъ юнеишии прежде мене державствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра великия Росия, яко же великий князь Олегъ ходилъ и взялъ съ Цариграда велию дань на вся воя своя, и здравъ възвратися восвоаси, и потомъ князь великий Всеславъ Игоревичъ^[693] ходилъ и взялъ на Константинополе граде тяжчаишую дань, а мы есмы Божию милостию на столници прародителии своих и отца моего великаго князя Всеволода Ярославича и наследницы тоя же чести от Бога сподоблени. Ныне убо съвета ищу о(т) васъ, моеа полаты князей, и боляръ, и воеводъ, и всего над вами христолюбиваго воинства. Да превознесется имя Святыя и Живоначальная Троицы ваша храбрости могутствомъ Божию волею с нашимъ повелениемъ». Отвеща же великому князю Владимиру Всеволодичю князи, и боляре, и воеводы его, реша: «Сердце цареве в руце Божии, яко же писано есть, а мы есмы в твоеи воли, господаря нашего по Бозе». Великий князь Владимиръ собирает воеводы благоискусныя и многоразумныя и поставляет чиноначальники над различными воинствы — тысящники, и сотники, и пятидесятники над различными борения, и съвокупы многиа тысяща воинства, и отпусти их

Фракию Царяграда области, и плениши ихъ довольно, и возвратишася съ многымъ богатствомъ во мнозе здравии во свояси.

Надпись на правой дверце:

Тогда во Цариграде благочестивый царь Константинъ Манамахъ, и в то время брань имеа с персы и с латиною, и съставляет съвет мудрый царьский, и отряжает послы своя к великому князю Владимиру Всеволодичю в Киевъ: Неофита митрополита от Асия ефесскаго и с нимъ два епископа, мелетиньска и митулиньска, и стратига антиохиискаго, игумена^[694] иерусалимьскаго Иеустафия, и инехъ своихъ благородныхъ. И от своеа выа приемлет животворящий крестъ от самого Животворящаго Древа, на немъ же распятъ Владыка Христос, снемлет же от главы своеа венецъ царьский и поставляет его на блюде злате, и повелеваетъ же принести крабицу сердоликову, из нея же Августиа, кесарь римьский, веселяшеся, и ожереліе, сиречь святыхъ бармы, иже на плещу своею ношаше, и чепъ от злата аравиииска исковану, и ины многы дары царьския. Предаде ихъ Неофиту митрополиту со епископы и своимъ благороднымъ рядникомъ и посла ихъ къ великому князю Владимиру Всеволодичю въ Киевъ, моля его и глаголя: «Приими от нас, о боголюбивый благоверный княже, сия честныя дарове, от начатка вечныхъ летъ твоего благородна и поколения царьский жребий на славу и честь и на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царства, имъже начнутъ ты молити наши послове, и мы от твоего благородия просимъ мира и любви, да церкви Божия безъ мятежа будетъ, а все православие въ покои пребудетъ подъ сущою властію нашего царства и твоего волнаго самодержавства великаго Росія, да нарицаешия отселе боговенчанный царь, венчанъ симъ царьскимъ венцемъ рукою святейшаго митрополита Киръ Неофита и со епископы». И отъ того времени князь Владимиръ Всеволодичъ наречеся Манамахъ и царь великаго Росія и пребысть съ царемъ Константиномъ прочее время въ миру и любви. И оттоле и донныне темъ венцемъ царьскимъ венчаются величїи князи Владимерстїи.

(172. С. 65—67; публикация Т.С. Борисовой)

Основные вехи биографии князя Владимира Всеволодовича Мономаха

1053 (или между сентябрём 1052-го и февралём 1054-го) — рождение.

1066 — начало княжеских трудов. Впоследствии по поручению отца и дядьёв занимает княжеские столы в Ростове, Владимире-Волынском, Турове, Смоленске.

Около 1075 — брак с Гидой, дочерью английского короля Харальда.

1076, начало года — рождение старшего сына Мстислава.

1077, 1 января — отец Владимира Всеволод Ярославич на короткое время занимает киевский стол.

15 июля — киевский стол возвращает себе Изяслав Ярославич.

1078, 3 октября — битва на Нежатиной Ниве, гибель Изяслава Ярославича. Всеволод Ярославич занимает киевский стол, Владимир получает Чернигов.

1093, 13 апреля — кончина отца Мономаха великого князя Киевского Всеволода Ярославича. Владимир добровольно уступает Киев двоюродному брату Святополку Изяславичу.

26 мая — поражение русских князей у Треполя, гибель Владимирова брата Ростислава.

1094, 16 июля — Олег Святославич осаждает Чернигов. После восьмидневной осады Владимир уступает Чернигов Олегу и уходит на княжение в Переяславль.

1096, 24 февраля — вероломное убийство в Переяславле с согласия Мономаха половецких «князей» Итларя и Кытана.

Май—июнь — совместный со Святополком поход к Чернигову против Олега, 33-дневная осада Стародуба. Июль — победа над половецким ханом Тугорканом.

1096, сентябрь — 1097, конец февраля — война Олега Святославича с сыновьями Владимира Мономаха.

1097, октябрь — съезд князей в Любече.

5—6 ноября — захват и ослепление в Киеве князя Василька Ростиславича. Начало новой междоусобной войны.

1098, весна — переговоры в Городце, близ Киева, со Святополком и заключение с ним мира.

1100, август — съезд князей в Уветичах (Витичеве).

1101, конец лета — начало осени — съезд князей на Золотче и мир с

половцами у Сакова.

1103, весна — съезд князей в Долобске и победа над половцами у реки Сутень.

1107, август — поход русских князей против половцев и победа у Лубна.

1111, февраль—март — совместный поход князей против половцев и победа на реке Сальнице.

1113, 16 апреля — смерть киевского князя Святополка Изяславича.

20 мая — начало киевского княжения Владимира Мономаха. Принятие «Устава Владимира Всеволодовича».

1115, 1—2 мая — торжественное перенесение в Вышгороде мощей святых князей Бориса и Глеба. Строительство моста через Днепр.

1116 — война с Византией. Поход против минского князя Глеба Всеславича.

1117, лето — поход к Владимиру-Волынскому против князя Ярослава Святополчича.

1118 — бегство Ярослава Святополчича из Владимира-Волынского. Переход Волынской земли в руки Мономаха.

1119 — заточение и смерть князя Глеба Минского.

1122 — союзный договор с греками, скреплённый браком внушки Мономаха с сыном императора Иоанна Комнина.

1123 — поход князя Ярослава Святополчича в союзе с венграми и поляками на Владимир-Волынский. Гибель Ярослава ещё до выступления Владимира из Киева.

1125, 19 мая — кончина Владимира Мономаха.

Список источников и литературы

Источники

1. *Абрамович Д.И.* Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.
2. *Абрамович Д.И.* Киево-Печерський патерик. Киев, 1930.
3. *Александрия.* Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подг. М.Н. Ботвинник, Я.С. Лурье, О.В. Творогов. М.; Л., 1965.
4. *Анна Комнина.* Алексиада / Вступит, ст., перев., коммент. Я.Н. Любарского. М., 1965.
5. *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.
6. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.
7. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997.
8. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 2005.
9. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. / Пер. Л.М. Поповой. М., 1987.
10. *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966.
11. *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской XI—XVII вв. Киев, 1976.
12. *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей, или правителей, польских / Перев. Л.М. Поповой. М., 1961.
13. *Герберштейн С.* Записки о Московии / Перев. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; вступит, ст. А.Л. Хорошкевич; под ред. В.Л. Янина. М., 1988.
14. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). М., 2000
15. Древнерусские княжеские уставы / Подг.текста Я.Н. Щапова. М., 1976.
16. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т.2: Византийские источники / Сост. М.В. Бибииков. М., 2010.
17. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т.4: Западноевропейские источники / Сост., перев. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010.
18. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т.5:

Древнескандинавские источники / Сост. Г.В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. М., 2010.

19. *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

20. Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в Летописи Суздальской Поученье. СПб., 1793.

21. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., Л., 1950.

22. *Ерёмин И.Я.* Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.5. М.; Л., 1947.

23. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского. Май. [Б. м.], 1997.

24. *Зарубин Н.Н.* Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.

25. Златоструй. Древняя Русь. X—XIII вв. / Сост. А.Г. Кузьмин, А.Ю. Карпов. М., 1990.

26. Идея Рима в Москве XV—XVI вв. Источники по истории русской общественной мысли. Предварительное издание. Рим; М., 1989.

27. Изборник 1076 г. / Изд. подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М., 1965.

28. *Иоанн Киннам.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. *Георгий Акрополит.* Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003 (Византийская историческая библиотека).

29. *Кучкин В.А.* Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997. С. 220—233.

30. Летописец еллинский и римский / Подг. О.В. Творогов. Т.1. СПб., 1999; Т.2. СПб., 2001.

31. Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. подг. А.Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897.

32. *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009.

33. *Никита Хониат.* История со времени царствования Иоанна Комнина. Т.1: 1118—1185. Рязань, 2003 (Византийская историческая библиотека).

34. *Никифор Вриенний.* Исторические записки (976—1087). М., 1997.

35. *Никольский Н.К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907 (Сборник Отделения русского языка и

словесности Имп. Академии наук. Т.82. № 4).

36. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

37. Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII в. *Перев., предисл. и коммент. Л.К. Масиеля Санчеса / Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Под ред. А.М. Лидова.* М., 1996.

38. Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.

39. Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. М., 1978.

40. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.

41. Патерик Киевского Печерского монастыря / Изд. Д.И. Абрамович. СПб., 1911.

42. Пиотровская Е.К. Византийские хроники IX века и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора). Приложение 3: Тексты // Православный палестинский сборник. Вып. 97 (34). СПб., 1998.

43. Повесть временных лет / Подг. текста, перев., коммент. Д.С. Лихачёва. 2-е изд. СПб., 1996.

44. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1872.

45. Полное собрание русских летописей. Т.1: Лаврентьевская летопись. М., 1997 (репр. изд. 1926—1928 гг.).

46. Полное собрание русских летописей. Т.2: Ипатьевская летопись. М., 1998 (репр. изд. 1908 г.).

47. Полное собрание русских летописей. Т.4. Ч.1: Новгородская Четвёртая летопись. М., 2000.

48. Полное собрание русских летописей. Т.6: Софийские летописи. СПб., 1853.

49. Полное собрание русских летописей. Т.6. Вып.1: Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000.

50. Полное собрание русских летописей. Т.7: Воскресенская летопись. М., 2001 (репр. изд. 1856 г.).

51. Полное собрание русских летописей. Т.8: Воскресенская летопись (продолжение). М., 2001 (репр. изд. 1859 г.).

52. Полное собрание русских летописей. Т.9: Никоновская летопись. М., 2000 (репр. изд. 1882 г.).

53. Полное собрание русских летописей. Т.12: Никоновская летопись (продолжение). М., 2000 (репр. изд. 1901 г.).

54. Полное собрание русских летописей. Т.15. [Вып.2.]: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. М., 2000 (репр. изд. 1863 г.).
55. Полное собрание русских летописей. Т.20: Львовская летопись (репр. изд. 1910 г.).
56. Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 1: Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908.
57. Полное собрание русских летописей. Т.24: Типографская летопись. Пг., 1921.
58. Полное собрание русских летописей. Т.28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963.
59. Полное собрание русских летописей. Т.30: Летописец Владимирский. М., 1965.
60. Полное собрание русских летописей. Т.38: Радзивилловская летопись. Л., 1989.
61. Полное собрание русских летописей. Т.40: Густынская летопись. СПб., 2003.
62. Полное собрание русских летописей. Т.41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.
63. Полное собрание русских летописей. Т.42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
64. Полное собрание русских летописей. Т.43: Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004.
65. *Понырко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв. Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992.
66. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
67. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / С предисл. и примеч. П. Савваитова. СПб., 1872.
68. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Подг. А.И. Плигузов, Г.В. Семенченко, Л.Ф. Кузьмина; под ред. В.И. Буганова. Ч.3. М., 1988.
69. Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Перев. А.Г. Кузьмина. Арзамас, 1993.
70. Синопис, или Сокращенная история, собранная от разных авторов. СПб., 1718.
71. Слово о полку Игореве / Подг. текста Л.А. Дмитриева. Л., 1952 (Библиотека поэта. Большая серия).
72. *Соболевский А.И.* Памятники древнерусской литературы, посвящённые Владимиру святому // Чтения в Историческом обществе

Нестора Летописца. Кн. 2. Киев, 1888.

73. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т.1: Житие св. княгини Ольги. Степени I—X / Подг. под рук. Н.Н. Покровского. М., 2007.

74. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч.1 // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т.1. М., 1994.

75. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч.2 // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т.2—3. М., 1995 (Т.2).

76. *Татищев В.Н.* История Российская (первая редакция) // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т.4. М., 1995.

77. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Т.4. Сергиев Посад, 1892.

78. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Т. 5. Сергиев Посад, 1892.

79. Творения митрополита Никифора / Изд. подг. С.М. Полянским; отв. ред. М.Н. Громов, С.М. Полянский. М., 2006 (Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси).

80. *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники. 1. Краткий Владимирский летописец// Исторический архив. Кн.7. М., 1951. С. 207—211.

81. *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные памятники. 2. Киевские князья XI столетия в Послании о повинных // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. 1960. Т.16.

82. Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон; под ред. С.И. Коткова. М., 1971.

83. Чиста молитва твоя: Поучения и послания древнерусским князьям киевского митрополита Никифора / Изд. подг. Г.С. Баранкова. М., 2005.

84. *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004.

85. *Majeska G.* Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington, 1984.

86. *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, zmodska, wszystkiej Rusi. Warszawa, 1980. Т.1.

Литература

87. *Абрамович Д.И.* Исследования о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902.

88. *Алексеев М.П.* Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 2. М.; Л., 1935. С. 39—80.

89. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

90. *Бестужев-Рюмин К.П.* Князь Владимир Всеволодович Мономах и потомки его Мономаховичи, или О временах княжеских смут и усобиц. СПб., 1892.

91. *Бибииков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.

92. *Брюсова В.Г.* К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // Византийский временник. Т. 28. М., 1968. С. 127—135.

93. *Будовниц И.У.* «Изборник» Святослава 1076 г. и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 10. 1954. С. 44—75.

94. *Бычкова М.Е.* «Дары императора Константина»: из истории русских регалий власти // У источника. Сборник статей в честь С. М. Каштанова. М., 1997. Ч. 1. С. 282—308.

95. Великий князь Владимир Мономах / Изд. подг. А. Ю. Карпов. М., 2006 (серия «Русский мир в лицах»).

96. *Воронин Н.Н.* О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 265—271.

97. *Гиппиус А.А.* К атрибуции молитвенного текста в «Поучении» Владимира Мономаха // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 13—14.

98. *Гиппиус А.А.* Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. I—III // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 60—99; 2004. № 2 (8). С. 146—171; 2006. № 2 (12). С. 186—203.

99. *Гольдберг А.Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 30. Л., 1976. С. 204—216.

100. *Горский А.А.* К вопросу о судьбе произведений Владимира Мономаха // Неисчерпаемость источника: Сборник к 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005. С. 117—123.

101. *Горский А.А.* Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 308—328.

102. Данилов В. В. «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.5. М.; Л., 1947. С. 97—107.

103. Дмитриева Р.П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.30. Л., 1976. С. 217—230.

104. Добрушкин Е.М. О двух известиях «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1113 г.// Вспомогательные исторические дисциплины. Вып.3. Л., 1970. С. 280—290.

105. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999.

106. Дьяченко Г., прот. Полный церковнославянский словарь. М., 1993 (репр. изд. 1900 г.).

107. Евдокимова А.А. Греческие граффити Софии Киевской (Предварительная публикация) // Восточная Европа в древности и средневековье. XVIII чтения памяти... В.Т. Пашуто. М., 2006. С. 56—62.

108. [Екатерина II.] Записки касательно российской истории. Ч.5. СПб., 1793.

109. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Вид ред. О.С. Стрижак. Київ, 1985.

110. Жданов И.Н. Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских». СПб., 1891.

111. Закревский Н.В. Описание Киева. Т.2. М., 1868.

112. Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1997—2000 гг.) Т.11. М., 2004. С. 233—287.

113. Зимин А.А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

114. Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.

115. Ивакин И.М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч.1: Поучение детям; Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901.

116. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.2—3. М., 1991.

117. Карпов А.Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014.

118. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

119. Комарович В.Л. Поучение Владимира Мономаха // История

русской литературы. Т.1. М.; Л., 1941. С. 289—297.

120. Крамаровский М.Г. «Шапка Мономаха»: Византия или Восток? // Сообщения Государственного Эрмитажа. №47. Л., 1982. С. 66—70.

121. Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.

122. Кузьмин А.Г. Владимир Мономах // Великие государственные деятели России. М., 1996. С. 40—53.

123. Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1972. №5. С. 79—89.

124. Кучкин В.А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х гг. XI в. // Советское славяноведение. 1971. №2. С. 21—34.

125. Кучкин В.А. «Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ...» // *Russia Mediaevalis* / Т.8. 1. Munchen, 1995.

126. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

127. Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. Сборник статей к 70-летию В.В. Милова. М., 1999. С. 50—82.

128. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка. М., 1975.

129. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006.

130. Лихачёв Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1979.

131. Лихачёв Д.С. Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 98—102.

132. Лихачёв Д.С. К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 34—37.

133. Лихачёв Д.С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. Л., 1983.

134. Лихачёв Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 137—139).

135. Лихачёва О.П. Лев — лютый зверь // Труды Отдела древнерусской литературы. Т.48. СПб., 1993. С. 129—137.

136. Лопарев Хр. Брак Мстиславны (1122) // Византийский временник. Т.9. СПб., 1902. С. 418—445.

137. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

138. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн.2. М., 1995.
139. Матъесен Р. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.26. Л., 1971. С. 192—201.
140. Мещерский Н.А. К толкованию лексики одного из «тёмных» мест в «Поучении» Владимира Мономаха // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып.2. Л., 1977. С. 39—42.
141. Мещерский Н.А. «Поучение» Владимира Мономаха и «Изборник» 1076 г. // он же. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 85—88.
142. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII в. СПб., 1996.
143. Назаренко А.В. Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиции и попытка реформы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. М., 2006. С. 279—290.
144. Назаренко А.В. Городенское княжество и городенские князья в XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 169—188.
145. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.
146. Назаренко А.В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 65—78.
147. Назаренко А.В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. Т.2. Кн.1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 261—308.
148. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
149. Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 461—485.
150. Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.
151. Павлов С.Н. Иван Иванович Бриллиантов — историк Ферапонтова // Ферапонтовский сборник. Вып.1. М., 1985. С. 11—37.
152. Пападимитриу С. Брак русской княжны Мстиславны Добродеи с греческим царевичем Алексеем Комнином // Византийский временник. Т.11. СПб., 1904. С. 73—98.
153. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

154. Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.
155. Погодин М.И. О Поучении Мономаховом // Известия по Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т.10. Вып.3. СПб., 1862.
156. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237). СПб., 1996 (с коммент. А.В. Назаренко и К.К. Акентьева).
157. Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
158. Приселков М.Д. История рукописи Лаврентьевской летописи // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Т.19. Л., 1939.
159. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.
160. Прозоровский Д.И. Об утварях, приписываемых Владимиру Мономаху. СПб., 1880.
161. Протопопов С.В. Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч.171. Февраль. С. 231—292.
162. Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978.
163. Пуцко В.Г. Вислая печать Владимира Мономаха // Нумизматика и сфрагистика. Вып.5. Киев, 1974. С. 96—99.
164. Розанов С.П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна // Известия Академии наук СССР. 7 серия: Отделение общественных наук. 1929. №8.
165. Розанов С.П. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович (Из европейской политики XII в.) // Известия Академии наук СССР. 7 серия: Отделение общественных наук. 1930. №8—9.
166. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества X—XII вв. М., 1982.
167. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
168. Святский Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1915. Т.20. Кн.1. С. 87—208; Кн. 2. С. 197—288.
169. Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т.3. М., 1997.
170. Синицына Н.В. О происхождении понятия «шапка Мономаха» // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 г. М., 1989.

171. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т.5. М., 2002.
172. Соколова И.М. Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001.
173. Соловьев С.М. Сочинения. Кн.1. М., 1988.
174. Стерлигова И.А. Новозаветные реликвии в Древней Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000.
175. Сумникова Т.А. О словосочетании лютый зверь в некоторых памятниках восточнославянской письменности // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. С. 59—77.
176. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
177. Тихонюк И.А. Чин поставления Дмитрия-внука // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Ч.3. М., 1987. С. 604—625.
178. Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005.
179. Ульяновский В. Митрополит Киевский Спиридон: явные и скрытые источники повествования о себе в сочинениях 1475—1503 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т.57. СПб., 2006. С. 209—233.
180. Флоря Б.Н. К генезису легенды о «дарах Мономаха» // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 г. М., 1989. С. 185—188.
181. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
182. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов. Л., 1938.
183. Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904.
184. Шляков Н.В. О Поучении Владимира Мономаха // I. Журнал Министерства народного просвещения: 1900. Ч.329. Май. С. 96—138; II. Июнь. С. 209—258; III. Июль. С. 1—21 (отд. оттиск: СПб., 1900).
185. Щавелева Н.И. Послание епископа краковского Матвея Бернardu Клервоскому об «обращении русских» // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 г. М., 1976. С. 113—121.
186. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т.1. М., 1970.
187. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т.3. М., 1998.
188. Янин В.Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.16. М.;Л., 1960. С. 112—131.
189. Янин В.Л., Литаврин Г.Г. Новые материалы о происхождении

Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения. М., 1962. С. 204—220.

Иллюстрации

Общая схема русских княжеств XII века (по И. А. Голубцову)

Великий князь Владимир Всеволодович Мономах.
Портрет из «Титулярника» 1672 г.

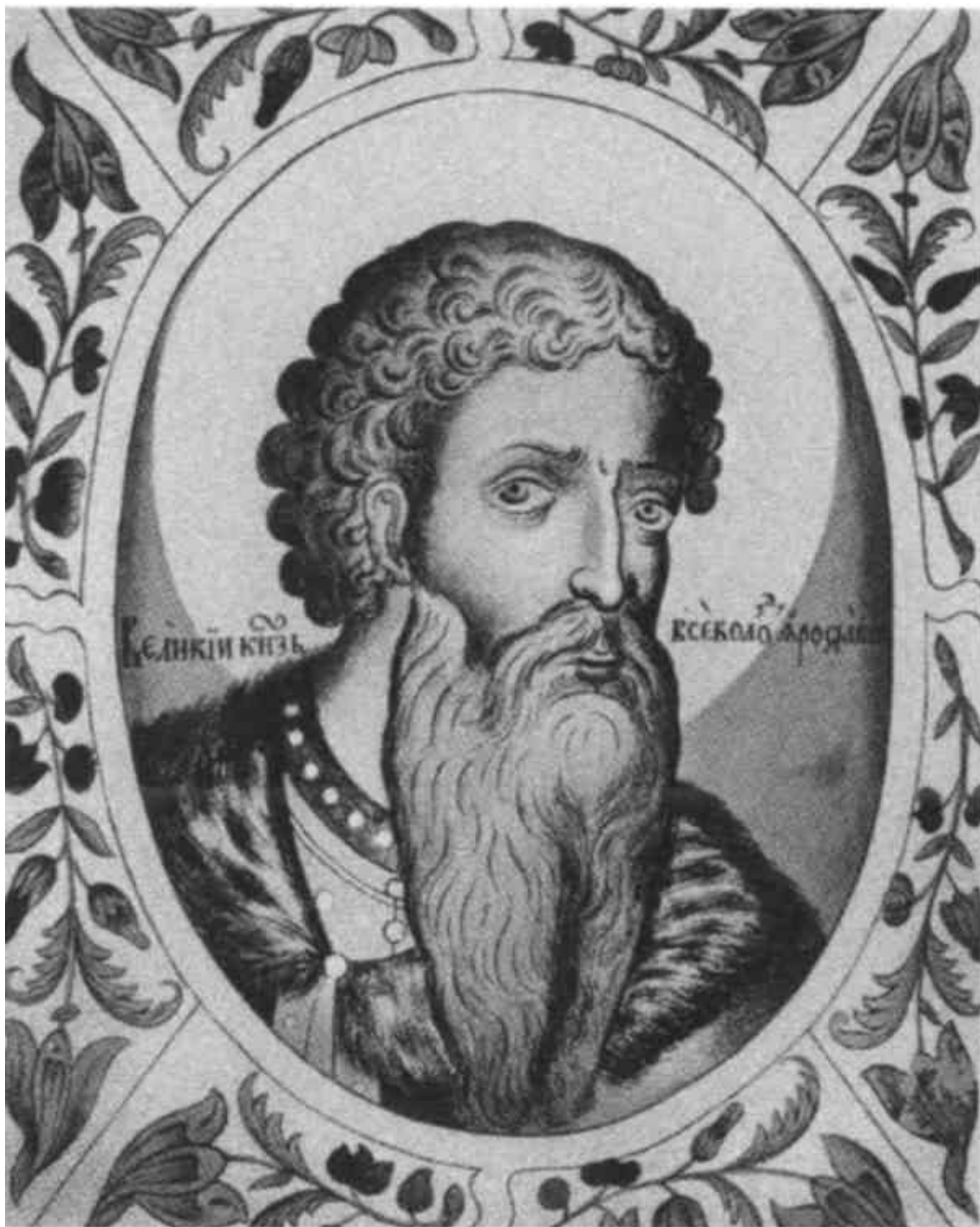
Ярослав Мудрый.
Реконструкция
М. М. Герасимова

Император Константин IX
Мономах. *Рисунок на полях
византийской рукописи*

Застройка киевского детинца X—XII веков.
Реконструкция Ю. С. Асеева

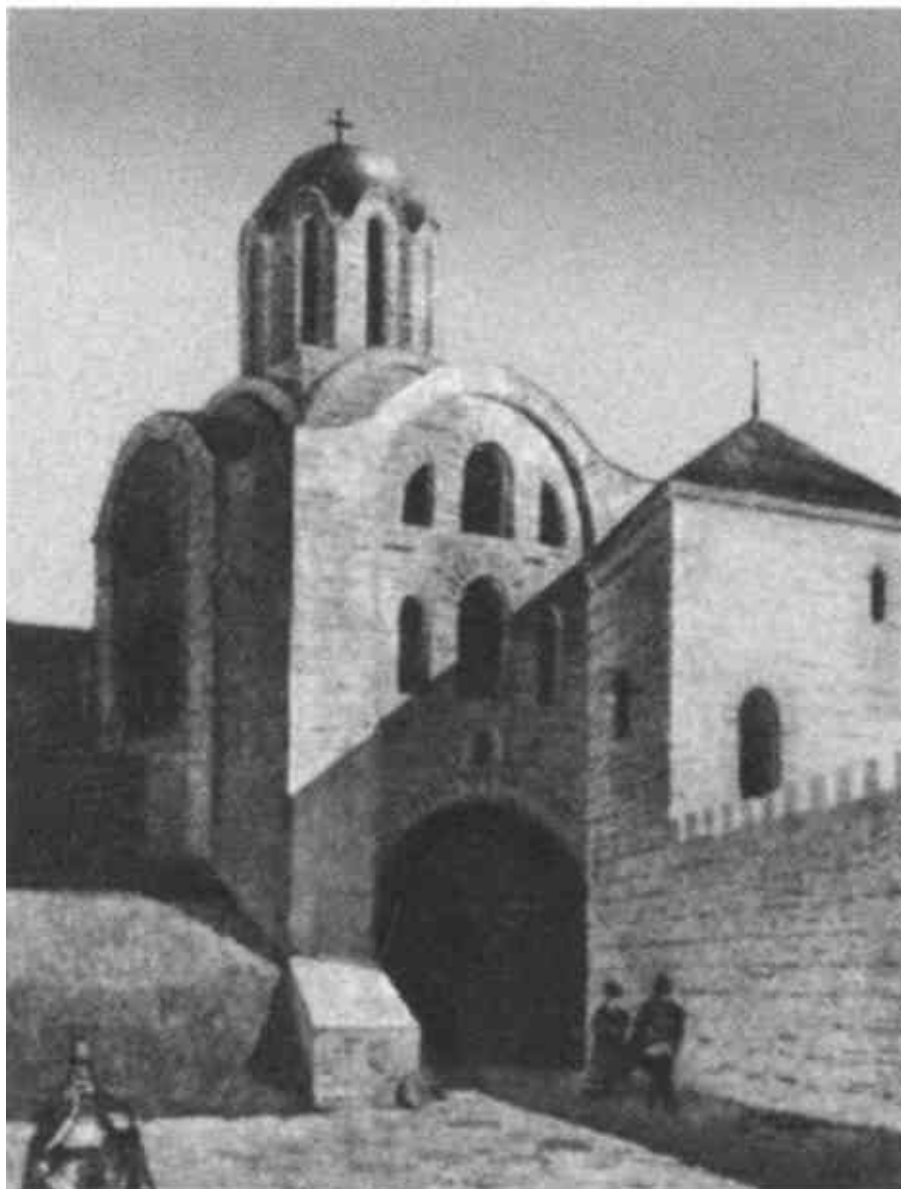

Великий князь Всеволод Ярославич. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Собор
Архангела Михаила
в Переяславле-Южном.
*Реконструкция Ю. С. Асеева
и В. А. Харламова*

Надвратная церковь
Святого Феодора
в Переяславле-Южном.
Реконструкция Ю. С. Асеева

Печать князя
Всеволода Ярославича,
отца Владимира

Печать княгини
Марии Мономахос (?),
матери Владимира (?)

Киевский Софийский собор

Святитель Василий Великий.
Мозаика киевского Софийского собора. Середина XI в.

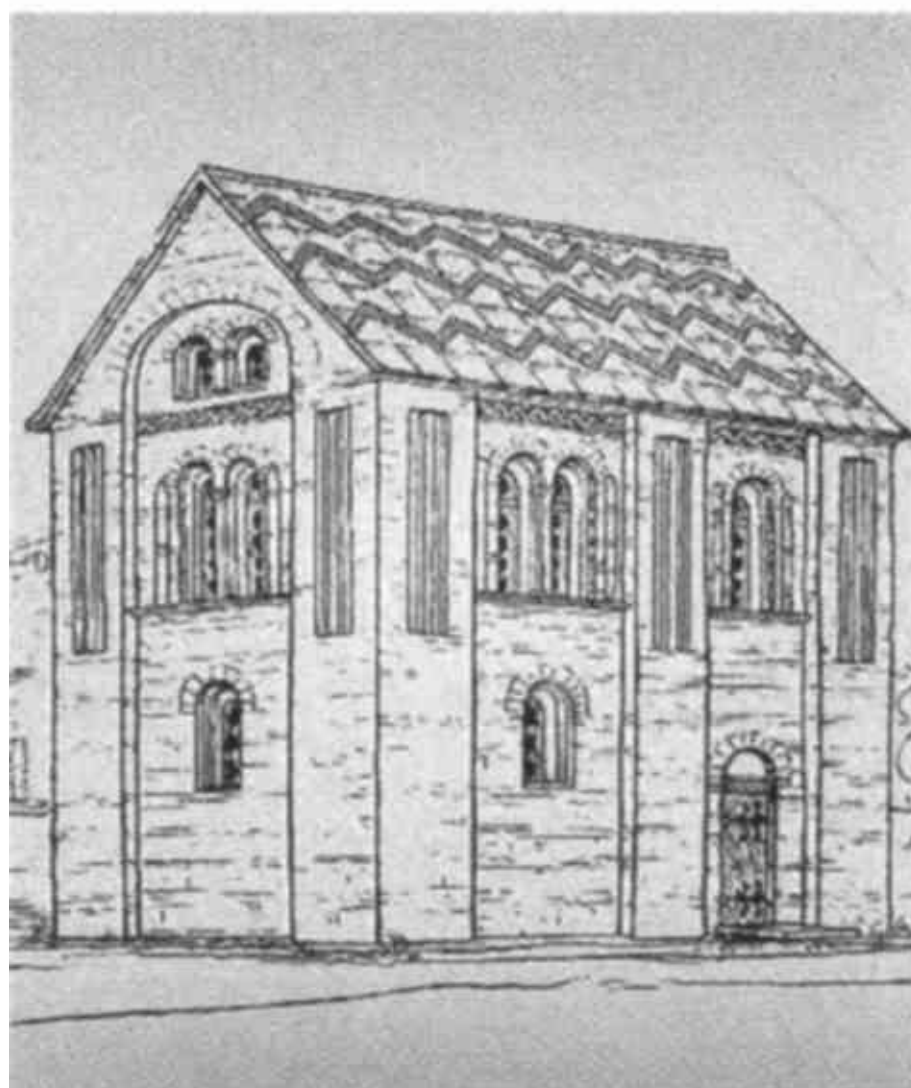

Золотая черниговская гривна («змеевик Владимира Мономаха»)
XI в.

Спасо-Преображенский собор в Чернигове

Княжеский терем
XI века близ Спасского
собора. *Реконструкция*
Н. В. Холостенко

Охота на медведя.
Фреска киевского Софийского собора

Князь Олег Святославич изгоняет Владимира Мономаха из Чернигова. Миниатюра Радзивилловской летописи. XV в.

Печать князя Владимира Мономаха. Лицевая (с изображением святого Василия Великого) и оборотная стороны

Любечский замок. Предположительно построен Владимиром Мономахом в годы его черниговского княжения. Реконструкция Б.А. Рыбакова

Печать князя Святополка Изяславича. Лицевая сторона с изображением Архангела Михаила

*Печать князя Олега Святославича. Лицевая сторона с изображением
Архангела Михаила*

Витичевский съезд князей 1110 года. Миниатюра Радзивилловской летописи

Золотые ворота города Киева. Реконструкция С.А. Высоцкого

Игуменъ силѣе стрѣтами
хана. написа книгу си
летописецъ. на дѣла сѣбѣ
мѣти прияти. при князѣ во
лодимерѣ. княжащю ему
къ кѣѣ. а мнѣ въ то время
гуменащю. оустами краіа.
ѡѣ. ѡ. х. кѣ и на кѣ. ѡ.
пѣ аи ѡ е у т е т ы к н и г ы с и я .
т о б у а н м и ѡ м л т ѡ а р ѣ

Запись игумена Сильвестра о написании
«книги сии Летописецъ... при князи Володимере,
княжащю ему Кыеве». *Лаврентьевская летопись. XIV в.*

Поход русских князей на половцев 1107 года.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Церковь Архангела Михаила
киевского Выдубицкого
монастыря

Изображение креста
на южном фасаде
Михайловской церкви

Киевский Выдубицкий монастырь. *Литография 1862 г.*

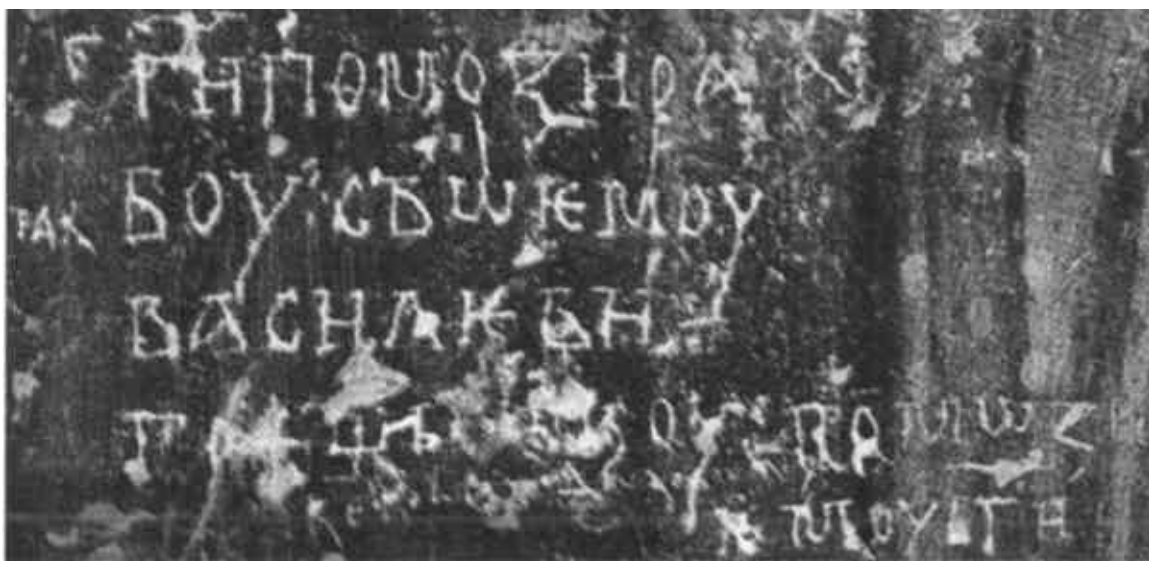

на крѣпостѣхъ . и ѿвѣдоующе
поносѣгоша прагнѣхъ :

Онъ же заповѣдь бжїю хранѣ . добротѣ
рѣше прагнѣхъ . и ѿвѣдоующе
паче меры . милостивъ же бѣше паче мѣры .

Милосердие князя Владимира Мономаха: «Он же, заповедь Божию храня, добро творяше врагом своим... милостив же бѣше паче меры...» Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Надпись (возможно, автограф?) князя Владимира
в Михайловском приделе киевского Софийского собора:
«Господи, помози рабу своему Василеви грешнику.
Помози ему, Господи»

Поход князя Владимира Мономаха на Владимир-Волынский и бегство Ярослава Святополчича.

Миниатюра Радзивилловской летописи

Владимир почитает сродников своих, святых князей
Бориса и Глеба. Миниатюра Лицевого летописного свода

Владимир вступает в Киев после смерти Святополка:
«...И прияша его кияне с великою честию».
Миниатюра Лицевого летописного свода

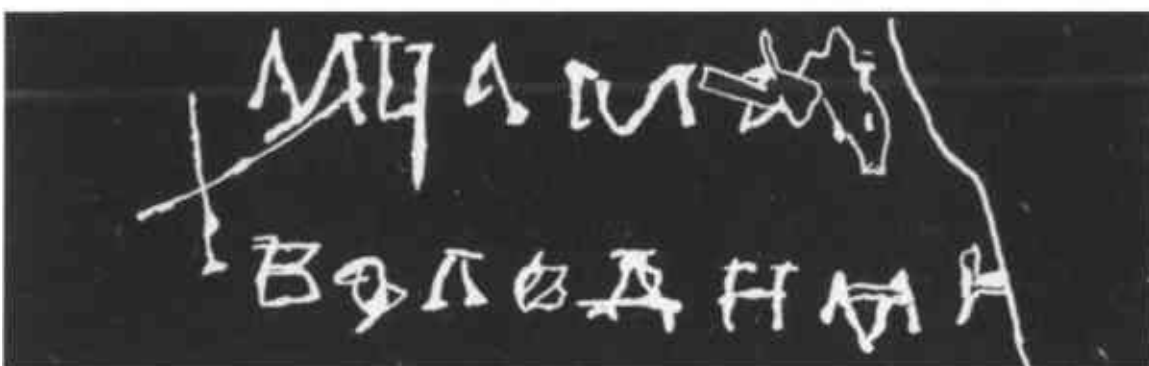
Начало княжения великого князя Владимира Всеволодовича в Киеве. Миниатюра Лицевого летописного свода

Сыновья Мономаха Мстислав Владимирович
и Юрий Долгорукий. Портреты из «Титулярника» 1672 г.

спави. ромашиснѣ. спѣволодмнрѣ. гѣ. н. нгѣвѣ
престави. всслави. потѣвѣволодмнрѣ. спѣвоѣдрѣ
го. адрѣ. кнѣжитисволодмнрѣ. прнсла:

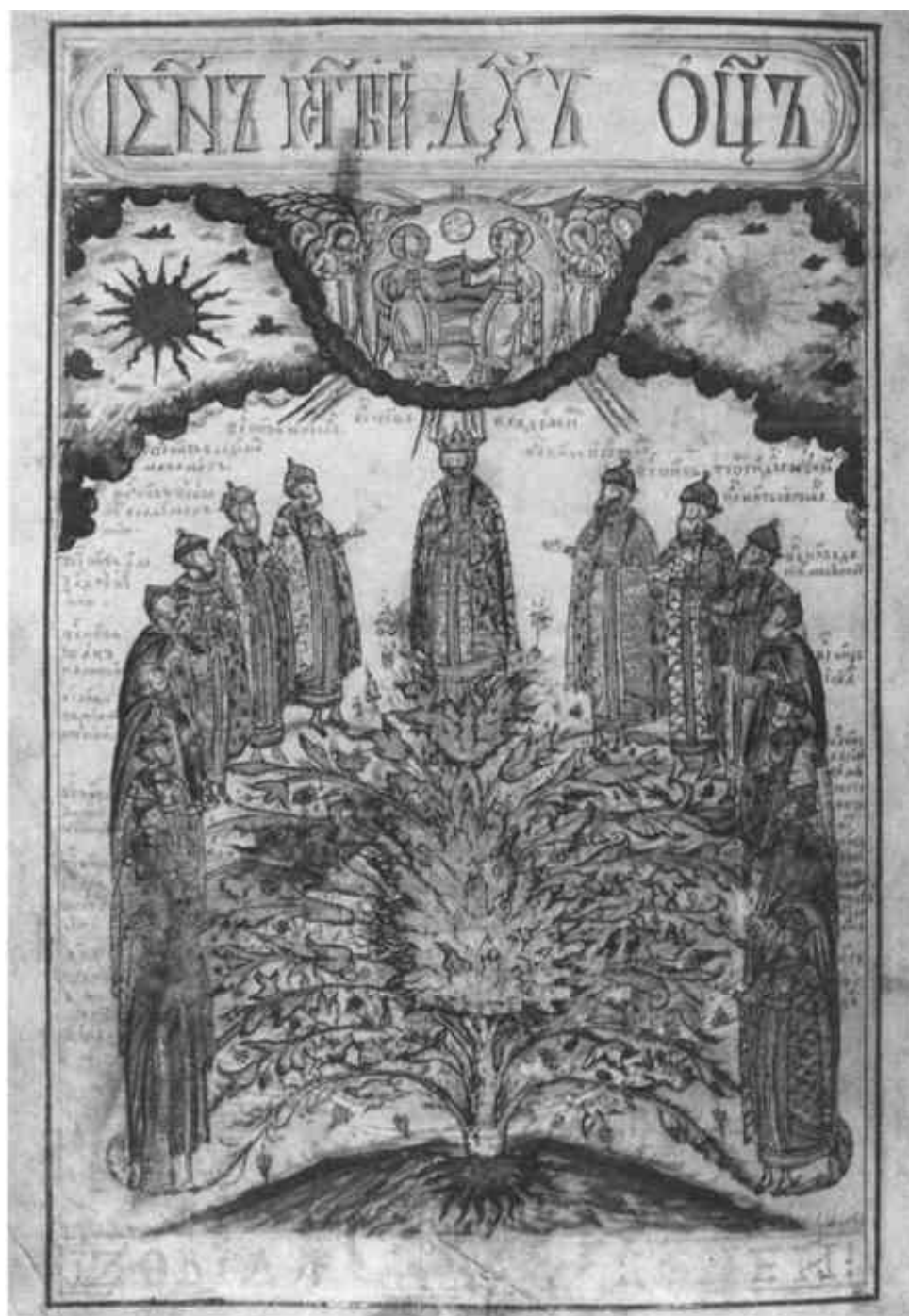
Предполагаемая запись о смерти Владимира Мономаха
в центральной части киевского Софийского собора.
Фото и прорись

Церковь Святых Бориса и Глеба на реке Альте, близ
Переяславля. Гравюра М. Рашевского с рисунка И. Гнедича.
1880-е гг.

Смерть Владимира Мономаха.
Миниатюра Лицевого летописного свода

Символическое изображение генеалогического древа русских самодержцев. Миниатюра из Степенной книги царского родословия. 1670 г.

Венчание Владимира Мономаха царским венцом.
Миниатюра Лицевого летописного свода

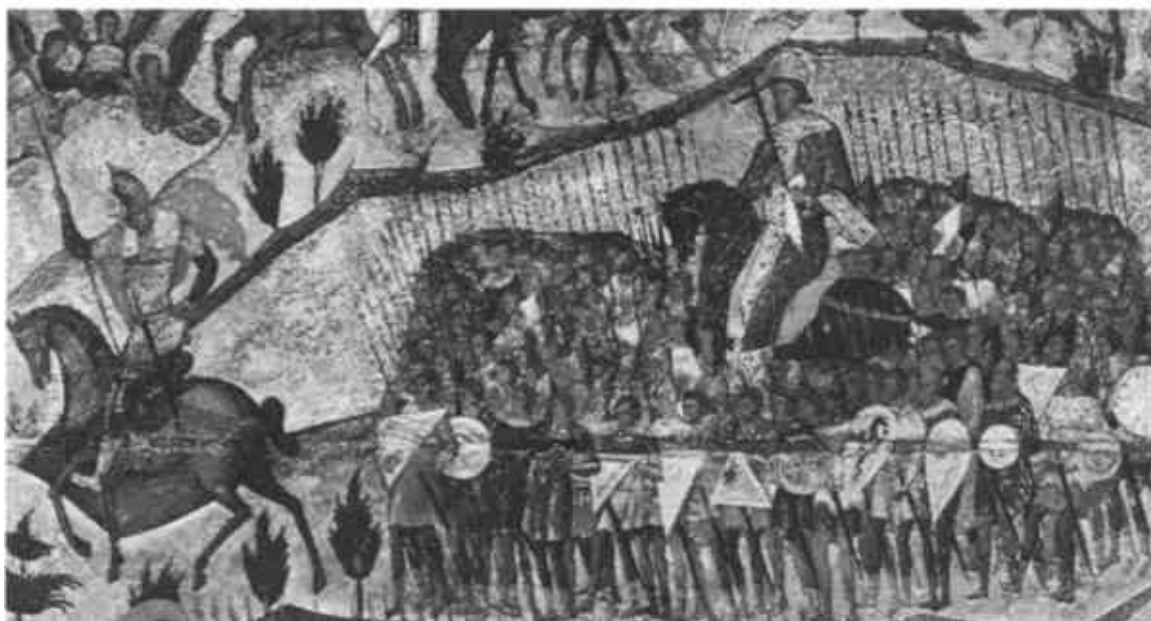

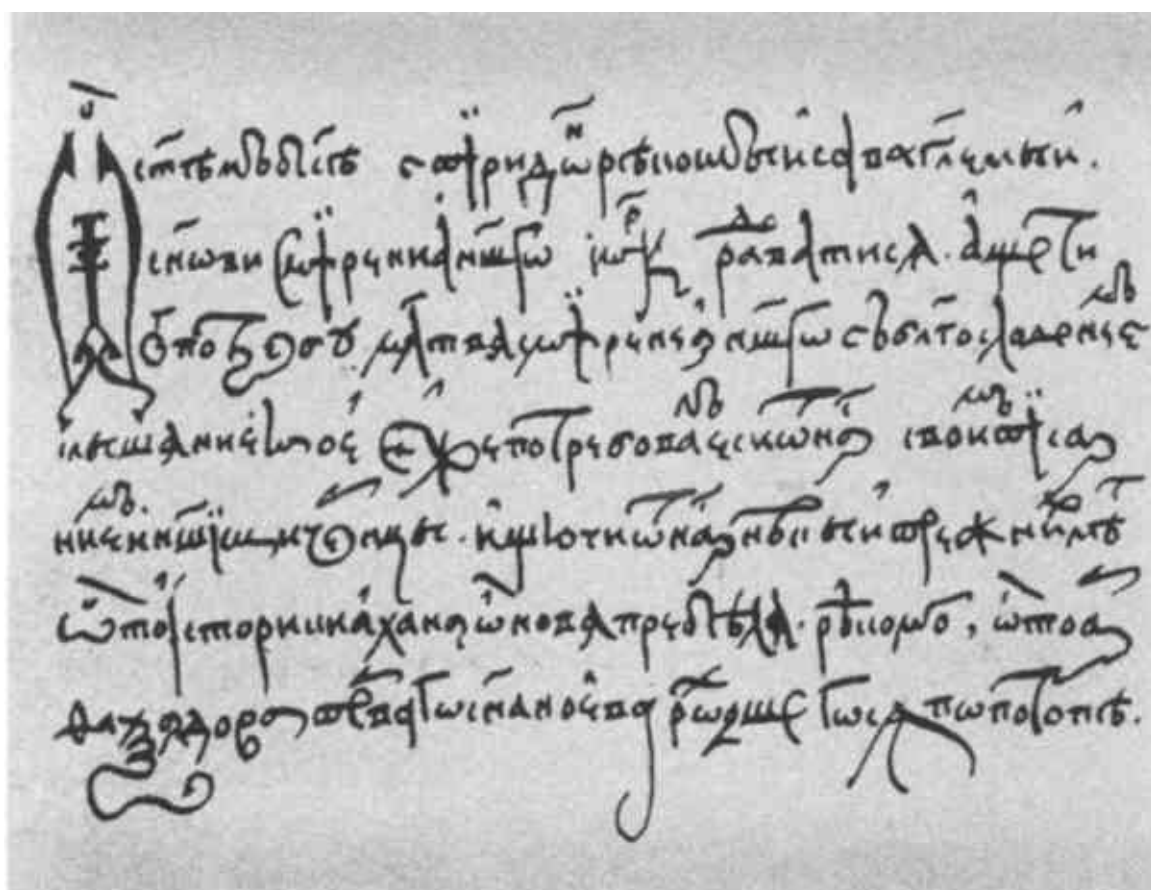
Шапка Мономаха

Икона «Благословенно воинство Небесного царя».

Середина XVI в. Фрагмент.

В центре пешего воинства помещена конная фигура —
предположительно Владимира Мономаха

Начало «Послания о Мономаховых дарах»
Спиридона-Саввы в рукописи XVI века

Владимир Мономах держит совет со своими князьями
и боярами. Барельеф «Царского места» Успенского собора

*"Царское место", или "Мономахов трон" в Успенском соборе
Московского Кремля. 1551 г.*

Владимир Мономах собирает воевод и назначает начальников над войском

Воеводы Владимира Мономаха под стенами фракийского города

Битва под стенами города и вывод пленных.
Барельефы «Царского места» Успенского собора

Император Константин Мономах на троне

Царьградские послы приносят дары великому князю Владимиру и просят у него мира

Император Константин передаёт послам Животворящий Крест и царский венец («шапку Мономаха»)

Митрополит Неофит венчает великого князя Владимира Мономаха царским венцом. Барельефы «Царского места» Успенского собора

Князя Владимир Всеволодович Мономах и его правнук
Ярослав Всеволодович. *Роспись Благовещенского собора
Московского Кремля. 1547—1551 гг.*

Позднейшие изображения
князя Владимира Всеволодовича Мономаха. *XIX в.*

Завещание Владимира Мономаха детям.
Литография по рисунку Б. Чорикова. 1836 г.

Ярослав Мудрый и Владимир Мономах.
Фрагмент памятника «Тысячелетие России».
Скульптор М. О. Микешин. 1862 г.

Примечания

Основу настоящей книги составило издание, выпущенное в свет в 2006 году в серии «Русский мир в лицах»: Великий князь Владимир Мономах / Изд. подг. А.Ю. Карпов. М.: Русский Мир, 2006. Для настоящего издания книга существенно переработана; в частности, заново составлен первый раздел книги: «Хроника семидесяти двух лет жизни великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха». Необходимые изменения внесены и в другие разделы.

В местных смоленских преданиях о перенесении иконы Смоленской Божией Матери из Константинополя на Русь мать Владимира, дочь императора Константина Мономаха, именуется Анной; в Синодике киевского Выдубицкого монастыря — Анастасией (92. С. 127—135); в помяннике из Киево-Печерского патерика в редакции Иосифа Тризны (XVII век) — Евфросинией (29. С. 229). Но все эти источники очень позднего происхождения, и ни один из них не внушает доверия. В первом случае, скорее всего, отразилось имя царицы Анны, супруги князя Владимира Святого (в некоторых записях смоленского предания речь идёт именно о ней); в сообщениях же Выдубицкого синодика и помянника Иосифа Тризны вызывает сомнение прежде всего тот факт, что Анастасия или Евфросиния названа здесь матерью как Владимира, так и Ростислава, что в любом случае неверно, ибо брат Владимира Ростислав появился на свет во втором браке своего отца. Соответственно, речь может идти о второй супруге князя Всеволода Ярославича — мачехе, но не матери Мономаха. Её имя — Анна — приведено только в позднейшей приписке к Хлебниковскому списку Ипатьевской летописи (46. Стб. 273, прим. 14), и насколько оно достоверно, также неизвестно.

С великим князем Киевским Изяславом Ярославичем, дядей Владимира.

Волынский.

В оригинале использовано двойственное число («*посласта... брата*»), что указывает на двух братьев — очевидно, Святослава и Всеволода Ярославичей.

В предшествующих рассказах Патерика речь идёт о чуде, которым сопровождалось основание церкви: «...И воздел Антоний руки к небу... И тотчас ниспал огонь с небес, и пожёг все деревья и кусты... и устроил впадину, подобную рву (*Ср. 3 Цар. 18:38*)... И так положено было начало Божественной той церкви» (2 С. 7—8). Собственно основание церкви было «размерено» тем же золотым поясом с латинского Распятia. Это происходило незадолго до кончины Антония, случившейся в 1073 году. Об основании церкви печерским игуменом Феодосием и епископом Юрьевским Михаилом «Повесть временных лет» сообщает под тем же 1073 годом (45. Стб. 183), не упоминая, однако, ни о присутствии князей, ни о каких-либо чудесах.

Город Глогау, на Одере. О датировке похода см.: 124. С. 21-34.

Здесь и далее при цитировании сохраняется орфография Татищева.

Владислав I Герман, князь Польский (1079—1102). В указанное время в Польше правил его старший брат Болеслав II Смелый.

Глац — современный польский город Клодзко на реке Нысе, левом притоке Верхней Одры; расположен в одном из проходов через Судеты из Силезии в Северо-Восточную Чехию.

Точная дата рождения Мстислава — 1 июня — приведена в «Истории Российской» В.Н. Татищева (75. С. 91), но лишь в печатном издании 1773—1774 годов, подготовленном историком Г.Ф. Миллером (ни в первой редакции «Истории...», ни в большинстве рукописей второй редакции её нет).

Император Михаил VII Дука (1071—1078).

Сыновец — племянник.

Император Никифор III Вотаниат (1078—1081).

Местоположение города неизвестно; возможно, он находился на реке Одрови, впадающей в Днепр (148. С. 155).

Точная дата приведена в Радзивилловской летописи (Радзивилловском списке «Повести временных лет») (60. С. 81).

Поганые — язычники; здесь и далее: половцы.

Что такое Сожица, неясно. Скорее всего, это река (или урочище) в Переяславской или Черниговской земле. Менее вероятно, что речь идёт о реке Сож (левый приток Днепра, выше Любеча).

Название месяца приведено в Радзивилловской и Ипатьевской летописях.

То есть вернувшегося после поражения на Сожице.

Стрижень — речка близ Чернигова.

Об этом сообщается в Софийской Первой летописи (49. Стб. 205).

Давыд был внуком Ярослава Мудрого, сыном бывшего волынского, а затем смоленского князя Игоря Ярославича, а Володарь — правнуком, сыном бывшего тмутороканского князя Ростислава Владимировича (внука Ярослава Мудрого от его старшего сына), отравленного греками в 1066 году.

Генрих IV, король Германский. Словом «царь» («цесарь») здесь и далее обозначается император.

Епископа.

Речь идёт о венгерском короле Гезе I, противнике Генриха, но он занимал венгерский престол ранее, в 1074—1077 годах.

Угорским, то есть Карпатам.

Бан — феодальный титул в Венгрии.

В 1084 году Пасха пришлась на 31 марта. Речь идёт о князе Ярополке Изяславиче, княжившем во Владимире-Волынском, и его двоюродных племянниках Рюрике и Володаре Ростиславичах.

Князя Давыда Игоревича.

Этот монастырь был основан отцом Ярополка князем Изяславом Ярославичем (в крещении Дмитрием). Сам Ярополк носил в крещении имя Пётр.

Город Прилук в Переяславском княжестве.

То есть на Успение Пресвятой Богородицы, 15 августа неизвестного года.

Имеется в виду Белая Вежа Остёрская — город в Черниговской земле.

Брат Мономаха, князь Ростислав Всеволодович. Город Красн — на реке Красне (левый приток Днепра).

Филиппов день — 14 ноября. «До мясопуста» — здесь, по-видимому: до окончания Филиппова (Рождественского) поста, то есть до 25 декабря.

Преподобный Агапит принял пострижение в Печерском монастыре при жизни Антония, то есть не позднее 1073 года. Он получил широкую известность как искусный целитель и прославился тем, что никогда не брал вознаграждения за излечение больных и не покидал стен обители. Слово об Агапите составлено постриженником Печерского монастыря Поликарпом и, как и последующие рассказы, входит в ту часть Киево-Печерского патерика, которая представляет собой послание Поликарпа печерскому игумену Акиндину (первая треть XIII века).

Согласно Слову об Агапите, некий армянин «родом и верою» подвизался в это время в Киеве как искусный врач: *«хытръ же бе врачеванию, яко таковъ не бе прежде его»*. Он завидовал славе Агапита и старался всячески принизить его, но впоследствии признал его превосходство и после кончины Агапита перешёл в православие и принял пострижение в Печерском монастыре.

Игумен Иоанн возглавлял Печерский монастырь с 1088 года; умер не ранее 1108 года.

Имеется в виду один из так называемых «Змиевых валов» — остатков древних укреплений, проходивших южнее Киева и прикрывавших лесостепь от степи.

24 июля.

То есть в начале 1096 года по нашей эре.

Ещё одно известие, попавшее под 1095 годом в «Историю Российскую» В.Н. Татищева, — о походе, якобы совершённом Владимиром Мономахом на Херсонес (Корсунь), — носит явно легендарный характер. *«Корсуняне, напав, русские корабли разбили и многое богатство побрали, — читаем у Татищева, — о чем Святополк и Владимир посылали к царю Алексею (императору Алексею Комнину. — А.К.) просить и к корсуняном, но не получили достойного награждения. Для которого Владимир с Давидом Игоревичем и Ярославом Ярополчицем, имеющим войски Святополковы, к тому взяв торков и козаров, пошел в Корсунь. И сошедшись с войски корсунскими, у града их Кафы победил. По котором корсуняне, заплатя все убытки Владимиру, мир испросили. И Владимир возвратился с честью и богатством великим»* (75. С. 103). Весь этот текст помещён в одном из списков «Истории...» на вклейке. Сам Татищев ссылаясь на польского историка Мацея Стрыйковского и «некоторые Степенные», то есть на какие-то списки русской «Степенной книги царского родословия». Очевидно, однако, что рассказ этот недостоверен. Так или иначе он связан с позднейшей легендой о получении Мономахом неких даров — будущих царских и великокняжеских регалий — в результате войны с греками (см. ниже, под 1125 годом).

Имя, под которым Мстислав Владимирович был известен в скандинавском мире. Гюда — форма имени Гиды.

Сигурд Магнуссон, норвежский конунг (1103—1130); своё прозвище получил в связи с участием в Крестовом походе в 1107—1110 годах.

Эйрик II Эймун, датский король (1134—1137).

Кнут Лавард, брат Эйрика Эймуна, датский принц, герцог Шлезвигский; в 1129—1131 годах король Ободритский.

Ратибор — видный киевский боярин, служивший ранее отцу Владимира Всеволоду Ярославичу, а затем Владимиру.

В Ипатьевской летописи: «на сеннике», то есть на сеновале.

Неделя сыропустная — последнее воскресенье перед Великим постом.

В Лаврентьевской летописи пропуск. Восстанавливается по тексту Радзивилловской летописи.

То есть по правой (киевской) стороне.

То есть разослал в заточение по другим городам.

26 февраля.

Соответственно, 27 февраля.

Брат Олега.

Вероятно, сожжённые стены Суздальской крепости.

Что такое Кулачица (Кулачыца), не вполне ясно. Едва ли речь может идти о реке Колокше, притоке Клязьмы, как иногда полагают. Скорее это название местности рядом с городом Суздалем, *«по-видимому, на его южной окраине»* (126. С. 69, прим. 107).

То есть Мстислав.

Именно из этих слов делается вывод, что Изяслав, сын Мономаха, был крестником Олега.

Ектеня — общая молитва всех присутствующих в церкви. Речь идёт о Святополке (в крещении Михаиле) Изяславиче, Владимире (Василии) Мономахе, Давыде, Олеге (в крещении Михаиле) и Ярославе (в крещении Панкратии) Святославичах и Глебе Всеславиче (188. С. 112—131). В других редакциях «Хожения» перечень князей, за которых были возглашены ектении в Лавре Святого Саввы, дополнен: названы также Мстислав (в крещении Феодор) Владимирович, Борис Всеславич, а также в отдельных списках Давыд Игоревич и некий Мстислав (в крещении Андрей) Всеволодович, которого предположительно отождествляют с упоминаемым в летописи князем Мстиславом, «Игоревым внуком», племянником князя Давыда Игоревича.

Давыдом Игоревичем.

Звиждень (Воздвижень) — город к западу от Киева.

Погорина (Погорынье) — территории по реке Горыни, притоку Припяти, по которой проходила граница между Киевской и Волынской землями.

Киевский митрополит Николай занимал кафедру предположительно с 1096 года. Умер между 1101 и 1104 годами.

В Лаврентьевской летописи пропуск. Восстановлен по Радзивилловской летописи.

В 1100 году 7 марта действительно пришлось на среду четвёртой (срединной) недели Великого поста (средокрестие). Дату, приведённую в Новгородской Карамзинской, а также Новгородской по списку П.П. Дубровского (64. С. 62) летописях, надо признать более точной, чем та, которая названа в Ипатьевской летописи: 6609-й, то есть 1101 год, или Никоновской: 2 мая 1101 года, «в 3-й час дня» (52. С. 137).

О епископе Симеоне, современнике Мономаха, никаких упоминаний в летописях не сохранилось. Скорее всего, он был переяславским епископом, так как до 1136 года Смоленск в церковном отношении подчинялся Переяславлю.

По-видимому, речь идёт о Бужске. Однако не исключено, что в речи князей упоминаются два разных города: Бужский (тот же Бужск) и некий Острог, местоположение которого неизвестно.

Дубен и Черторыйск — города на Волыни.

Подробнее о времени появления «Поучения» см. в комментариях к тексту памятника в следующем разделе книги.

Золотча — приток Днепра близ Киева.

Саков — город в Переяславском княжестве, на левом берегу Днепра, несколько выше Витичева.

В Ипатьевском списке «Повести временных лет»: 30 октября.

Деревянная церковь Святых Бориса и Глеба в Вышгороде.

Это сказано с очевидным укором в адрес Святополка. Позднее, в 1112 году, новая церковь будет построена князем Олегом Святославичем, а в 1115 году мощи святых будут торжественно перенесены в неё.

Состоявшегося в 1115 году. См. об этом под соответствующим годом.

Память святого Андрея Стратилата празднуется 19 августа.

Ибо Владимир упоминает её (как мать своего второго сына Изяслава) в письме князю Олегу Святославичу.

Долобск — урочище под Киевом на Долобском озере.

Почти те же рассуждения дружины и Мономаха читаются в летописном рассказе о половецком походе 1111 года (см. ниже). Сказать с уверенностью, какой из рассказов первичен, а какой испытал его влияние, затруднительно.

Давыд Всеславич — сын Всеслава Полоцкого; Вячеслав Ярополчич — сын Ярополка Изяславича; Ярополк Владимирович — сын Мономаха.

Река Сутень в летописях более не упоминается. По предположению К.В. Кудряшова (121. С. 91—95), это река Молочная, впадающая в Азовское море.

Городище — резиденция новгородских князей близ Новгорода.

На исходе 6612 года от Сотворения мира, то есть в феврале 1105 года от Рождества Христова.

Глеба Всеславича, князя Минского, сына умершего несколькими годами раньше князя Всеслава Брячиславича Полоцкого.

Местоположение этого города неизвестно.

В Ипатьевской летописи: «*Яня, Иванка Захарыча и Козарина*»; над строкой к слову «Яня» приписано: «*Вышатича*», а на нижнем поле добавлено: «*и брата его Путяту*» (46. Стб. 257). То же чтение дано и в новгородско-софийских летописях (49. Стб. 218). Однако есть сомнения в том, что участвовавший в походе Янь и знаменитый Янь Вышатич, который в этом же году умер в возрасте девяноста лет, — одно и то же лицо. Что же касается Иванка Захарыча Козарина, то, скорее всего, это один человек; прозвище Козарин может указывать на его происхождение из Тьмуторокани (жителей именно этого города в XI—XII веках продолжали именовать хазарами).

Примечательно, что пострижение Евпраксии Всеволодовны случилось вскоре после того, как на Руси стало известно о смерти её бывшего мужа императора Генриха IV (7 августа 1106); отсюда делают вывод, что её брак с императором формально не был расторгнут (17. С. 209, прим. 12).

Пасха в 1107 году пришлась на 14 апреля.

Город Кснятин ныне отождествляется с селом Снитин Лубенского района Полтавской области (Украина) (109. С. 76).

Mae.

Лубен — город на реке Суле, в Переяславском княжестве.

Святослав — вероятно, сын Олега Святославича; Мстислав — упомянутый выше «Игорев внук», участник многих походов на половцев; Вячеслав, Ярополк — сыновья Владимира Мономаха.

Река Хорол, приток Псёла.

В книге пророка Ионы рассказывается о пророчестве ниневитянам о разрушении их города; ниневитяне же обратились к покаянию, за что были помилованы Богом (*Иона. 3, 4-10*).

Январе.

В Ипатьевской летописи сестра Мономаха названа по-другому: Ерина (Ирина, или испорченное Екатерина?), а кончина её датирована 24 июля.

О поставлении Владимира на Клязьме «великим Владимиром» (то есть Владимиром Мономахом) сообщает и Летописец Переяславля Суздальского XV века (62. С. 105). В более поздние летописи включена легенда об основании города святым Владимиром, Крестителем Руси, ещё в конце X века (*напр.*: 52. С. 64). Однако большинство историков считают эту легенду недостоверной: и действительно, прямое указание новгородского и суздальского источников выглядит предпочтительнее (148. С. 182; 126. С. 72; и др.).

То есть за пятьдесят лет до возведения церкви Святой Богородицы (владимирского Успенского собора) князем Андреем Юрьевичем Боголюбским, внуком Мономаха, в 1158 году. Таким образом, построение города Владимира-Залесского точно датируется 1108 годом.

В 1128 году, уже после смерти Мономаха.

Юрий Долгорукий.

Юрий Всеволодович, великий князь Владимирский (ум. 1238),
правнук Владимира Мономаха.

Святославич.

Чучин —город на Днестре, выше устья Трубежа. В Ипатьевском списке текст испорчен; в результате позднейших исправлений и дописок получилось: «*Того же лета взята половци, идучи (на)зад, мног[о] сёл*». Верное чтение — в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи.

Как уже говорилось выше, летописный рассказ обнаруживает явное сходство с рассказом «Повести временных лет» о походе на половцев 1103 года (см. под соответствующим годом).

Имена князей, участников похода, полнее приведены в кратком рассказе Лаврентьевской летописи, где названы Святополк, его сын Ярослав, Владимир, его сыновья Святослав и Ярополк, Мстислав (скорее всего, «Игорев внук»), Давыд Святославич с сыном Ростиславом (?), Ольгович (Всеволод) и Давыд Игоревич (45. Стб. 289).

Второе воскресенье Великого поста в 1111 году пришлось на 26 февраля.

3 марта.

5 марта, в третью неделю (воскресенье) Великого поста, которая называется Крестопоклонной.

111

8 марта.

Шестая седмица Великого поста началась 20 марта.

21 марта. Напомню, что Доном в древней Руси называли преимущественно Северский Донец.

Половецкие города получали свои названия по имени ханов. Шарукань — город Шарукана (хана Шарука). В некоторых летописях этот город называется Осенев, по имени хана Осеня (Асеня). Переименование, очевидно, произошло после гибели Осеня.

В летописи: «пристави полкы своя». Исправляется на: «...попы своя» по тексту Воскресенской летописи (50. С. 22).

Речь идёт о событиях вечера вторника, так что слово «неделя» здесь отнюдь не означает воскресенья.

22 марта.

Лазарева суббота (в память о воскрешении Лазаря) празднуется в субботу шестой седмицы Великого поста. В 1111 году Лазарева суббота пришлась на 25 марта — празднование Благовещения Пресвятой Богородицы.

Городец на Днєпре, близ Києва. Радосынь — урочище около Городца.

Далее следует пространное рассуждение об ангелах и об Архистратиге Михаиле — вожде Небесного воинства. Как можно думать, это рассуждение выдаёт в авторе инок киевского Михайловского Выдубицкого монастыря, основанного отцом Владимира Мономаха князем Всеволодом Ярославичем.

Речь идёт о мачехе Владимира Мономаха. В Хлебниковский список позже вписано её имя: «Анна».

В Киевской (Ипатьевской) летописи под 6707 (1198) годом, в рассказе о закладке киевским князем Рюриком Ростиславичем, правнуком Мономаха, каменной стены в киевском Выдубицком монастыре, говорится так: *«Сеи же богомудрыи князь Рюрикъ пятый бысть от того (Всеволода. — А. К.), якоже пишет о праведнем Иеве от Аврама; Всеволодъ бо роди Володимера, Володимеръ же роди Мьстислава...»* и т. д. (46. Стб. 709). Очевидно, что праведный Иов, о котором рассказывает одноименная книга Ветхого Завета, отождествлён здесь с Иовом — потомком Авраама, упомянутым в Книге Бытия (46, 13).

Обезы —здесь: Грузия; Железные врата —проход в Закавказье через Дарьяльское ущелье (чаще «Железными вратами» называли Дербент, крепость на Каспии, также закрывающую проход в Закавказье через Главный Кавказский хребет). Из грузинских источников известно, что половецкий хан Отрок стал тестем грузинского царя Давида Строителя (1089—1125), который и пригласил его в Грузию и дал ему пристанище при своём дворе.

Император Мануил I Комнин занимал престол в 1143—1180 годах. Источник хронологической ошибки автора «Слова о погибели» исследователи усматривают в широко известном в древней Руси переводном хронографическом сочинении — так называемом «Летописце Никифора, патриарха Константинопольского, вскоре» (то есть «вкратце»), в котором время царствования одного из предшественников Мануила — императора Алексея Комнина — ошибочно было определено в семь лет (вместо действительных тридцати семи) (42. С. 138). В результате в позднейших русских летописях и хронографах Мануил оказался современником Владимира Мономаха (52. С. 143—144; 56. С. 381).

Очела — латгальское племя, жившее на территории современной Латвии.

В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи: «в церкви».

По расчётам астрономов, солнечное затмение действительно наблюдалось в Киеве 19 марта 1113 года. Что же касается лунного 29 (или 9) марта, то оно астрономически не подтверждается (168. 1. С. 105, 205—207).

В 1113 году Пасха праздновалась 6 апреля.

То есть в киевском Михайловском так называемом Златоверхом монастыре.

Ятровъ — жена брата. В данном случае речь идёт о вдове Святополка, двоюродного брата Мономаха.

Дополнительные сведения о киевском восстании 1113 года приводит в своей «Истории Российской» В.Н. Татищев. По его словам, за годы княжения Святополка киевские иудеи «отняли все промыслы христианом и... имели великую свободу и власть, чрез что многие купцы и ремесленники разорились; они же многих прельстили в их закон и поселились домами междо христианы, чего прежде не бывало, за что хотели всех побить и дома их разграбить». Когда начался мятеж, множество иудеев, «собрався к их синагоге, огорожаясь, оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Владимирова». Вскоре после своего вокняжения Владимир якобы созвал князей на совет в Выдубичи, где «по долгом разсуждении» было решено «ныне из всея Руския земли всех жидов со всем их имением выслать и впредь не впускать, а если тайно войдут, вольно их грабить и убивать» (75. С. 129). В другом месте своей «Истории» Татищев датирует княжеский «снем», на котором решено было «всех жидов выгнать и впредь в Русь не впускать», 1126 (должно быть: 1125-м) годом — незадолго до смерти Мономаха (74. С. 328—329). Достоверность этих известий Татищева, как правило, отвергается историками: очень похоже, что автор XVIII века перенёс на XII столетие представления о евреях, характерные для его эпохи (напр.: 104. С. 280—290). Стоит, однако, обратить внимание на то, что после 1120-х годов известия об иудеях в Киеве действительно исчезают из летописей, зато в собственно еврейских источниках появляются сведения о евреях, по каким-то причинам покинувших Русь и обосновавшихся в других землях — как на западе (во Франции, Германии), так и на юге (в Крыму). Возникает вопрос: нельзя ли рассматривать это как косвенное подтверждение информации, приведённой Татищевым (123. С. 87—89)?

По мнению одних исследователей, содержание «Устава» сводится лишь к ограничению ростовщичества, то есть к статье 53-й (167. С. 131—136); другие связывают с законодательной деятельностью Мономаха принятие «Пространной Правды» в целом, и в частности статьи, посвящённые положению заупов (зависимого населения), смердов (свободного сельского населения), а также так называемый «Устав о холопстве», завершающий текст «Русской Правды» (114. С. 217-276).

Куны — деньги; рез — процент; исто — основная часть долга. Суть установления Владимира Мономаха исследователи определяют следующим образом. Согласно предыдущим установлениям, принятым, вероятно, в княжение Святополка Изяславича (статья 51-я «Пространной Правды»), в случае, если должник не возвращал долг в положенный срок, он обязан был уплачивать вместо обычного «реза» (10 кун на 50 кун, то есть 20 процентов) «куны в треть», то есть платить 50 процентов годовых («треть» в данном случае высчитывалась от суммы вместе с процентами, то есть сам долг определялся как две трети). «Устав» же Владимира Мономаха ограничивал взимание процентов «третьим резом» (см. выше). Таким образом, годовая ставка при долгосрочных кредитах реально снижалась до 30 процентов, а главное, был ограничен произвол кредиторов, при котором обычным следствием более или менее крупного займа становилось закабаление должника.

Гривна составляла 50 кун. Речь идёт об обычном (не «в треть») займе. В этом случае сохранялся обычный «рез» — 20 процентов (10 кун на гривну).

Речь идёт о купце, отправившемся в торговое путешествие с деньгами («кунами») от доверителя и потерявшем их в результате несчастного случая: кораблекрушения, военного нападения или пожара.

Продажа — обычный способ возмещения ущерба: ранее в случае невозвращения долга или утраты имущества в судебном порядке распродавалось имущество должника, а в случае нехватки имущества — также члены его семьи и он сам.

То есть теряет деньги или товар по собственному неразумию.

То есть на усмотрение тех, кто потерпел убытки.

То есть не ведая того, доверит ему свой товар.

То есть если прежние заимодавцы, первыми давшие в долг, откажутся возвращать купцу принадлежащие ему деньги и товар.

«Прок» — остаток; «в дел» — в раздел.

Ограничение прав ростовщиков, взимающих высокие проценты («много реза»), сближает статью 55-ю со статьёй 53-й, составляющей ядро «Устава Владимира Всеволодовича».

Вырь — река в Переяславском княжестве, левый приток Сейма.

Знаменитый Николо-Дворищенский собор. Позднейшая новгородская легенда объясняла возведение собора чудесным выздоровлением князя Мстислава Владимировича от *«лютой болезни»*: *«яко разслабишася вси кости и уди его и не можаше двигнутися с места своего, и в той болезни мучащуся ему многое время»*. Князь послал в Киев за чудотворной иконой святителя Николая, но икона сама явилась посланным на озере Ильмень во время бури; её принесли в Новгород, и князь получил исцеление, а в благодарность за это *«воздвигнута церковь каменну прекрасну на дедине дворе на Ярославле»*, то есть на так называемом «Ярославовом дворе» (35. С. 58—61).

Очевидно, в связи с болезнью Святослава, который в следующем году умер.

Об этом речь шла выше, под 1102 годом.

Новая церковь князя Олега Святославича была завершена строительством в 1112 году. «Второй» год после 1112-го, по принятому в древней Руси счёту лет, соответствует 1113-му.

В рассказе Ипатьевской летописи среди участников события упоминается ещё епископ Никита Белгородский.

Память святых жён-мироносиц празднуется Церковью в третью неделю (то есть третье воскресенье) по Пасхе. В 1115 году этот день пришёлся на 2 мая.

То есть в старой деревянной и новой, выстроенной Олегом.

«Господи, помилуй» (греч.).

Комара — аркосолий, ниша в стене с арочным завершением для захоронения. Речь ведётся как бы от имени князя Олега Святославича.

Святая трапеза — святой престол в алтаре.

Перед этим в «Сказании о чудесах святых братьев» речь шла о том, как по повелению Мономаха раки святых князей Бориса и Глеба были окованы серебром в 1102 году (см. об этом выше). Наверное, нельзя исключать того, что в «Сказании» дважды говорится об одном и том же деянии князя Владимира.

Дреговичи — древнерусское племя, проживавшее на обширных территориях между Припятью и Двиной. Случеск (Слуцк) — город на реке Случь (притоке Припяти).

Здесь и далее упоминание Смоленска, по-видимому, ошибка, позднейшее искажение текста; должно быть: «пошёл к Минску». Именно так (под 6623 годом) значится в Лаврентьевской летописи. Там же приведена дата начала похода — 28 января (45. Стб. 290).

Орша и Копыс — города на левом берегу Днепра; в то время входили в состав Полоцкой (Дреговичской) земли; позднее — в составе Смоленского княжества.

Изба (истьба) — отапливаемое помещение. Иными словами, Мономах показал готовность зимовать возле осаждённого города.

Великий пост в 1116 году начался 14 февраля и закончился 24 марта (с 25 марта Страстная седмица, Пасха — 2 апреля).

Чудь — эсты (предки нынешних эстонцев). Медвежья Голова — крепость Оденпе (ныне Отепя, в Эстонии). Новгородская Первая летопись точно датирует поход 9 марта (Собор Сорока мучеников Севастийских) (36. С. 20).

Кир (греч.) — господин; почетная приставка к имени.

По свидетельству византийского полководца, родственника Алексея Комнина кесаря Никифора Вриенния, настоящий сын Романа Диогена (Никифор именует его Константином) вступил в брак не позднее 1071 года (34. С. 32). Ко времени описываемых событий ему должно было быть далеко за шестьдесят. Очевидно, и самозванец, взявший себе его имя, был примерно тех же лет.

Ясы, или аланы — предки нынешних осетин.

Князя Городенского.

Волынському.

Согласно Лаврентьевской летописи, 16 сентября. В Ипатьевском списке в дате цифра «6», как полагают издатели, предположительно переправлена из цифры «3».

Возможно, это известие имеет отношение к следующему году и помещено здесь ошибочно, как ошибочно помещены под этим годом и последующие известия данной летописной статьи, относящиеся в действительности к 1118 году (см. далее): *«Владимир же послал сына Романа во Владимир княжить. В то же лето умер Кир Алексей, и принял цесарство сын его Иоанн»*.

Император Алексей Комнин умер 15 августа 1118 года.

По Ипатьевской летописи, 6 января (1119 года).

В Ипатьевской летописи кончина Глеба Всеславича точно датирована 13 сентября 1119 года.

А вторым, возможно, на дочери польского короля Владислава I Херманна (1079—1102) (17. С. 176); если так, то его брак с внучкой Мономаха был третьим.

В Лаврентьевской ошибочно: Ярослав. Исправлено по Радзивилловской (имеется в виду сын Мономаха).

Княживший в Суздале Юрий (Георгий), будущий Долгорукий.

В Лаврентьевской летописи об изгнании торков и берендеев сообщается под предыдущим, 1120 годом; далее добавлено: «...и так скитаясь здесь и там, так и погибли».

То есть Дунай.

Высказывалось предположение, что печенеги и торки на самом деле были не изгнаны Мономахом, но посланы им намеренно против враждебной ему Византии с целью «овладения Нижним Подунавьем и болгарской территорией, а изображение их в летописи “изгнанниками” и “беглецами” из Руси вызвано стремлением “отмежеваться” от неудавшегося похода кочевников в обстановке налаживания отношений с империей» (101. С. 318). Однако такое предположение не кажется удачным. Именно ко времени воцарения Иоанна Комнина (1118) относятся заметные изменения в византийской политике Мономаха, увенчавшиеся уже в первой половине 1122 года династическим браком. Но отъезд Мстиславны «в Греки» — конечно же не начало, а завершение переговоров о мире, которые должны были начаться самое позднее в предыдущем году. Едва ли Владимир Мономах мог одновременно вести переговоры о заключении династического брака с императором Иоанном и организовывать против него нападение кочевников.

Это известие летописца точно подтверждается астрономическими исследованиями (168.1. С. 106, 182—183).

Копырев конец —один из районов Киева. Употребление глагола «заложил» (единственное число) даёт основание полагать, что речь идёт о князе Владимире.

Дмитр (Дмитрий) Завидович — новгородский посадник (ум. 1118). В этом браке у Мстислава родится сын Владимир, который впоследствии будет именоваться «Матешичем» — то есть сыном мачехи, каковой Дмитровна была для остальных сыновей Мстислава, сильно не любивших её.

Супругой Всеволода стала дочь князя-инока Святослава (Святоши), внука князя Давыда Святославича. В.Н. Татищев называет её имя — Вера, но едва ли его известие заслуживает доверия.

В.Н. Татищев называет и её имя, но, скорее всего, также вымышленное — Добродея. К тому же он ошибочно полагал, что Мстиславна стала женой самого императора Иоанна Комнина, а митрополит-грек Никита был поставлен на кафедру из русских епископов: *«Владимир отпустил внуку свою Добродею, дочь Мстиславлю, в Царьград за императора Иоанна. С нею же послал Никиту епископа и других знатных вельмож. И принята была с великою честью. Никиту же епископа, поставя патриарх в митрополиты, в Русь отпустил. Он же, возвратяся в Киев, августа 1 дня поставил Симона епископом во Владимир»* (75. С. 135).

Примечательно, что западноевропейский автор «Описания святынь Константинополя» (вторая половина XI века) сообщал, что «в Большом дворце в храме Марии Богородицы» находятся голова святого Иоанна Крестителя, а также «рука его целиком» и некоторые другие его реликвии (37. С. 440). А анонимный русский паломник, посетивший Константинополь в XIV веке, видел десницу святого Иоанна (уже в монастыре Перивлепта) «без пальца» (85. Р. 147). Трудно удержаться от предположения, что здесь не хватает того самого перста, который был передан в XII веке в Киев.

Святого Иоанна Крестителя.

Севастья — город в Палестине, где, по преданию, был погребён Иоанн Предтеча.

См.: 109. С. 155. Киевская летопись довольно подробно определяет местоположение Сетомли в статье под 6658 (1150) годом: «...приде Володимерь Галичьскои (князь Владимирко Володаревич. — А. К.) къ Олгове могыле, тако же и Дюрги (его союзник Юрий Долгорукий. — А. К.) приеха к нему... и ту ся целоваша, не съседающе с конии у Сетомля, на Болоньи...» (46. Стб. 402—403). Болонье, или Оболонь, — низменность между берегом Днепра и Киевскими горами; Ольгова же могила, по летописи, находилась на Щекавице — одной из трёх главных киевских высот. Что же касается киевского Купшина монастыря, то он из других источников неизвестен; название его, между прочим, заставляет вспомнить имя инока киевского Печерского монастыря преподобного Кукши, крестителя вятичей, принявшего мученическую смерть предположительно в первой половине (первой четверти) XII века. Рассказ об этом содержится в Патерике Киево-Печерского монастыря, причём в наиболее ранней Арсениевской редакции Киево-Печерского патерика, во всех списках, он называется не Кукшей, а Купшей (41. С. 182; 87. С. 33, 35 и др.).

Местоположение этой церкви Киевская летопись более точно определяет в статье под 6659 (1151) годом, рассказывающей о войне между князем Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким: берендеи, союзники Изяслава, *«сташа мъжи дьбрьми от Олговы оли и въ огородъ Святаго Иоана, а семо оли до Щ[е]ковице»* (46. Стб. 428). Очевидно, замечал по этому поводу знаток киевских древностей Н.В. Закревский, церковь одной своей стороной выходила к тому району Киева, который получил название «Копырев конец», а другой — к склонам Щекавицы, Ольговой могиле и Сетомли (111. С. 880).

До своего поставления на кафедру епископ Оттон (1102/06—1139) двадцать лет провёл при польском дворе в качестве капеллана супруги польского князя Владислава I, сестры германского императора Генриха IV. Отсюда польские известия в его немецком Житии.

Князем Володарем Ростиславичем.

Болеславу Польскому.

Марка — денежно-весовая единица, равная полуфунту, то есть около 200 граммов серебра.

В Лаврентьевской летописи названы точные даты смерти обоих епископов: «Преставился Сильвестр, епископ Переяславский, блаженный, месяца апреля в 12-й день, в Великий четверг... И Феокист преставился, епископ Черниговский, месяца августа в 6-й день» (45. Стб. 293).

Волынский.

Точную дату появления объединённой рати у Владимира-Волынского называет В.Н. Татищев, но лишь в одном из списков своей «Истории...»: 15 мая (75. С. 136).

То есть уступая и возрастом, и, главное, в иерархическом отношении Мономаху.

Напомню, что под этим именем в Венгрии был известен князь Ярослав Святополчич.

Скорее всего, под «обидой» имеются в виду изгнание из Венгрии дочери Мономаха (см. выше) и какие-то ответные действия Мономаха — возможно, связанные с его признанием внука Бориса «Коломановича» наследником венгерской короны.

Владимир-Волынский.

Сочетание календарной даты и дня недели показывает, что это событие относится к 1124 году.

Гора — верхняя, аристократическая часть Киева; Подол — нижняя, ремесленная и торговая.

Дата полного солнечного затмения, наблюдавшегося в Киеве и других русских городах 11 августа 1124 года, подтверждается астрономическими вычислениями (168. I. С. 106-107).

Вдова князя Святополка Изяславича. Она умерла в феврале уже следующего, 1125 года (в конце 6632-го от Сотворения мира).

Название квартала в Киеве, где проживали иудеи.

Великий пост начался в 1124 году 18 февраля и продолжался до 29 марта (Пасха — 6 апреля). Емь (хяме, тавасты) — финское племя.

Ногата — монета, 1/20 гривны.

Очевидно, это та ростовская церковь, построенная Мономахом «в меру» Печерской церкви Успения Богородицы, которая упоминалась выше, в рассказе Киево-Печерского патерика (см. под 1108 годом).

Эти слова принадлежат Поликарпу, автору соответствующей части Киево-Печерского патерика (первая треть XIII века).

Из текста Жития следует, что Маврикий отправился в Киев уже после того, как монастырь в 1111/12 году получил привилегию императора Генриха V (1106—1125). Это значит, что названным «королём Руси» почти наверняка был князь Владимир Всеволодович Мономах (147. С. 274, прим. 46; 17. С. 286, прим. 7).

208

Сумма, соответствующая примерно 20 килограммам серебра.

Слова «и благородный» в рукописи зачёркнуты.

Далее следует текст, помещённый под 6648 (1139/40 ультрамартовским) годом. Рассказ о великом князе Киевском Мстиславе Владимировиче (ум. 1132) вставлен в статью в связи с возвращением на Русь полоцких князей, изгнанных Мстиславом в 1129 году.

Здесь, как и в других местах летописи, «пот» — в значении: «труд».

Яик — старое название реки Урал.

Красив.

Кафа, или Каффа — нынешняя Феодосия, в Крыму.

По предположению А.А. Гиппиуса, непонятное «Мьномахы» представляет собой часть слова, не разобранного до конца Лаврентием: «Мономахы[нею]» (98 I. С. 93, прим. 17),— такой могла быть русская форма греческого прозвища княгини.

Отсутствующий далее текст (пробел в рукописи в 4 с половиной строки) был восполнен в копии «Поучения», писанной полууставом конца XVIII века на листах рукописи XV века (*Археографической комиссии. № 240. Л. 306*): «Азь худый дедомъ своимъ Ярославомъ, благовласнымъ, славнымъ, нареченемъ въ крещении Феодоръ, рускимъ именемъ Володимиръ, отцемъ взлюбленнымъ и материю Мономахы во благочестии наказанъ, чаадомъ моимъ преспеяти въ добродетеляхъ желая, се пишу поученье вамъ, взлюблени, и люди деля, елико сблюхъ по милости Божией и отни молитве. Седя на санехъ...» и т. д. (*цит. по: 45. Стб. 240, прим. н*). Не вызывает сомнений, однако, что материалом для неизвестного автора послужил не сам текст «Поучения», а его издание 1793 года. Об этом однозначно свидетельствуют, во-первых, чтение «благовласнымъ» (именно так А.И. Мусин-Пушкин прочитал сокращение под титлом слова «бл(а)г(о)с(ла)вл(е)нымъ» в Лаврентьевской летописи); во-вторых, имя Феодор (А.И. Мусин-Пушкин не смог или, скорее, не захотел разобрать ясно читающееся в рукописи имя «Василий» и в издании заменил его точками, а в переводе ошибочно назвал князя Феодором, сославшись при этом на какие-то мифические «все летописи и родословники», а в действительности принимая во внимание ошибочные данные «Родословника», изданного в том же 1793 году анонимно императрицей Екатериной II; см.: 108. С. 29, 44, 53); в-третьих, пропуск слова «хрестьяных» в выражении «хрестьяных людий деля», которое также не было прочитано первым издателем «Поучения» (20. С. 1, 2).

Обычно это выражение понимается как: «в конце жизненного пути», «в ожидании близкой кончины» (согласно обычаю славяне, провожая умершего в последний путь, клали его на сани вне зависимости от времени года). Однако Мономах и в самом деле мог начать работу над «Поучением» в пути, причём, как мы предположили выше, в марте, то есть в то время, когда ещё действовал санный путь. Некоторая же двусмысленность фразы могла им подразумеваться (98.1. С. 70).

Как показал Н.В. Шляков, речь идёт о днях Великого поста. Так что совсем не обязательно рассматривать эти слова как указание на преклонный возраст Мономаха.

Мономах ещё несколько раз называет своё сочинение «*грамотицей*», в том числе и в самом конце («*да сю грамотицю прочитаючи...*»). Это, между прочим, свидетельствует о единстве всего произведения, против мнения тех, кто полагает, что собственно «Поучение» Владимира Мономаха и его рассказ о жизни представляют собой два самостоятельных сочинения.

Безлепица — то, что не подобает, нелепость. В памятниках XI—XIV веков это слово употребляется только в «Поучении» Владимира Мономаха, причём дважды.

В оригинале родительный падеж двойственного числа. Речь идёт о сыновьях тмутороканского князя Ростислава Владимировича (ум. 1067) Володаре и Васильке, княживших, соответственно, в Перемышле и Теробовли (старший, Рюрик, ум. 1092). С наибольшей вероятностью можно предполагать, что встреча Мономаха с послами от «братии» имела место после Витичевского съезда князей в 1100 году, когда Володарь и Василько отказались выполнить волю князей и довольствоваться на двоих одним Перемышлем. Послы «братии» встретили Мономаха на Волге — очевидно, когда он ехал из Киева в Ростов (см. ниже: «и се ныне иду Ростову», а также комментарий к этим словам).

Обычная формула разрыва союзнических отношений.

Речь идёт о своеобразном гадании по Псалтири — любимой книге древней Руси, или, лучше сказать, о стремлении соотнести свои жизненные переживания с тем или иным наугад выбранным стихом псалма. Как видно из дальнейшего, Мономах цитировал Псалтирь по памяти. Слова «и прочее» свидетельствуют о том, что и читатели его могли свободно продолжить цитирование по первым строкам псалма.

Далее следует составленная Мономахом подборка библейских и иных цитат. В литературе высказывалось мнение, согласно которому Мономах, составляя ее, находился под влиянием богослужения первой недели Великого поста (ср. 184). Действительно, князь использует тексты, звучащие в церкви в это время, в том числе стихиру на среду первой недели Великого поста.

В Библии (Пс. 36, 21): *«Нечестивый берёт займы и не отдаёт, а праведник милует и даёт»*. Трудно сказать, когда возникла неточность: при цитировании Мономахом псалма по памяти или при переписывании текста.

Также не вполне точное цитирование Пс. 123, 3. Всё же можно думать, что выражение «*ярость его*» (вместо «*ярость их*») относится к враждующим, но не к Господу (смещение единственного и множественного числа неоднократно присутствует в «Поучении»), хотя нельзя исключать и переосмысления Мономахом библейского текста.

Святой Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской (в Малой Азии) (ум. 379), один из Отцов Церкви (его память в XI веке праздновалась 1 января; ныне 1 и 30 января). Князь Владимир Мономах получил своё крестильное имя — Василий — именно в честь этого святого и, как видно из «Поучения», особенно любил и хорошо знал его сочинения.

В тексте, по-видимому, пропуск.

Мономах близко к тексту цитирует одно из поучений святого Василия Великого, вошедшее в так называемый «Изборник» 1076 года, — поучение «како подобает человеку быти» (в некоторых более поздних списках оно озаглавлено: «Како есть лепо чернцу быти»): «Предъ старьци мълчание, предъ мудрыми послушание, съ тьчными (равными. — А. К.) любвь имети, съ мьньшиими любвьное съвещание... мало глаголати, а множее разумевати, не дързу быти словьмъ, ни пререковати въ людьхъ. Не скоро въ смехъ выпадати, соромяживу (скромным, стеснительным. — А. К.) быти, долу очи имети, а [душу] горе...» (27. С. 460—462). В греческом подлиннике эти наставления адресованы инокам (в переводе на современный русский язык поучение святого Василия озаглавлено: «Слово о подвижничестве; чем должно украшаться монаху»; см.: 78. С. 57—60), однако на русской почве произошло известное «обмирщение» поучения святого Василия Великого, и именно в такой трактовке его и использует Владимир Мономах. Как показал Н.А. Мещерский, Мономах пользовался не самой рукописью «Изборника» 1076 года, а каким-то другим списком (141. С. 87—88). Обнаружено и использование в «Поучении» Жития святого Василия Великого (98. I. С. 72), которое Владимир (Василий) Всеволодович, разумеется, хорошо знал.

Источник этого молитвенного обращения неизвестен.

Эта сентенция также дословно заимствована Мономахом из поучения святого Василия Великого, но уже другого, читающегося в составе Пролога (сборника кратких житий святых и поучений, расположенных в соответствии с церковным календарём). Ср.: «Научися, верный человеце, быти благочестью делатель, научися жити по евангельскому житию и по словеси: очима управление, языку удръжание, телу порабощение, помысл чист имей, гневу потребление, понужайся на добрая дела Господа ради. Лишаим — не мсти, ненавижим — люби, гоним — търпи, хулим — моли, умъртви грехы...» (184. II. С. 218). Греческий текст поучения также издан в русском переводе (77. С. 220).

Как отметил Н.В. Шляков (184. II. С. 220—221), данный фрагмент из Книги пророка Исаии читается в церкви в понедельник первой недели Великого поста.

Мономах цитирует стихиру на среду первой недели Великого поста. Ср. в Триоди постной и цветной XII—XIII веков (так называемой «Триоди Моисея Киянина»): «Въсия весна постыная и цвет покаяния, очистимъся убо, братие, от всякоя сквърны; Светодавцу въпиюще, рыцем: едине Человеколюбиче, слава Тебе» (115. С. 95; 184. I. С. 115). «Присутствие уже одного этого молитвословия, — отмечал Н.В. Шляков, — может свидетельствовать о том, что Поучение написано весною, постом, когда не употреблялась животная пища» (184. II. С. 224).

Как отметил Н.В. Шляков, эта фраза Мономаха находит соответствие в тропаре пятницы первой недели Великого поста; ср.: «...Господи! Разве (бо) тебе иного не знаемъ, животоми и съмрътия обладающаго...» (184. II. С. 221).

В этих словах Мономаха можно увидеть скрытую полемику со сторонниками крайней аскезы, учившими, что получить спасение человек может лишь ценой отрешения от мира в стенах монастыря и последующих жесточайших истязаний плоти (такой взгляд на существо спасения особенно ярко выражен на страницах Киево-Печерского патерика). Рассуждения Мономаха по своему духу перекликаются со многими памятниками духовной литературы первых столетий после Крещения Руси, прежде всего со «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона, летописным рассказом о князе Владимире и др. Близкие аналогии с рассуждениями Мономаха находят в «Изборнике» 1076 года, в частности в слове «О милостивом Созомене»; ср.: «Иже всхочеть самовольствѣмъ и льготою бес труда спасти душу свою, милостынею можетъ спасти ю» (27. С. 699; ср.: 141. С. 86). См. также в Прологе, со ссылкой на Василия Великого: «Участа же (святой Василий и преподобный Ефрем Сирий. — А.К.) творити добрая дела — молитве, посту, въздержанию, кротости, смирению, милостыни: та бо нетрудно въ Царство небесное вводитьъ» (115. С. 99). В целом все эти рассуждения так или иначе восходят к библейскому тексту: «заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека» (Втор. 30, 77; в славянской Библии: «заповедь сия, юже азъ заповедаю тебе днесь, не тяжка есть»; ср.: 184. II. С. 222).

Как отметил Н.В. Шляков, эти слова Мономаха близки к тем, что произносятся в чине освящения воды для таинства крещения и 6 января при великом освящении воды: «Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя, и ни едино же слово довольно будетъ къ пенію чудесь Твоихъ» (184. II. С. 222).

Эти и отчасти последующие рассуждения Мономаха восходят к так называемому «Шестодневу» — толкованию на библейский рассказ о шести днях творения мира, а именно к «Шестодневу» Иоанна, экзарха Болгарского (вторая половина IX — первая треть X века), представляющему собой переработку «Шестоднева» святого Василия Великого. Схоже передан восторг по поводу разумного устройства мира; прямые пересечения обнаруживаются и в рассуждении о разнообразии человеческих лиц («Аще и сего не разумевши, откуда изидоше образи... Аще и до края земле доидеши ище то, не обрещеши; аще ли и обрещеши, то будет или носом неподобън, или очима, или инем...») (*цит. по: 134. С. 139; см. также: 115. С. 102*).

Ирий (ирье, вырей) — в народных представлениях сказочная страна, страна вечного лета, куда на зиму улетают птицы. Иногда объясняется как синоним рая.

Слова Мономаху буквально схожи с анонимным «Словом, како встяти в ночь молитися», читающимся в Прологе: «А егда ложася спати, то не погреси ни единыя нощи не кланявся, но елика помога по силе, тем поклоняниемъ побеждаетъ человекъ диавола, а тем избываетъ грехов, иже согрешил того дни» (161. С. 279; 115. С. 111—113).

В тексте, вероятно, пропуск.

Тиун — княжеский слуга, доверенное лицо князя, распоряжающееся в его доме и хозяйстве.

Что означает слово «унеин», не вполне ясно. Ф.И. Буслаев предлагал читать его как два разных слова: «уне ина». И.М. Ивакин предполагал здесь искажение текста и читал: «убога или странника», что палеографически выглядит совершенно необоснованным (*ср.*: 128. С. 139). По мнению Н.А. Мещерского, речь, возможно, идёт о княжеских отроках, младших дружинниках («унеины» — по аналогии со «старейшинами»), которых Мономах предписывал накормить в первую очередь для предотвращения ими грабежей (140. С. 39—42). Другое объяснение: «унеин» — юный, в социальном отношении — слабейший, бедный (161. С. 290, *прим.*). Наиболее предпочтительным выглядит объяснение этого слова, предложенное прот. Г. Дьяченко: «унеин» (от глагола «унити», то есть «просить») — просящий, алчущий (106. С. 757).

Об этом мы узнаём только из «Поучения» Владимира Мономаха. Князь Всеволод Ярославич принадлежал к числу образованных людей своего времени. Очевидно, он владел греческим языком (его первой супругой была гречанка); об остальных (половецкий? латинский? немецкий? венгерский? печенежский? английский?) сказать что-либо определённое трудно.

Ср. в «Поучении к ленивым» святого Василия Великого (из «Измарагда» 1-й редакции): «Лень бо всемъ злымъ деломъ мати есть: аще бо что доброты имаши, то леность погубляетъ»; а также в «Наказании Исихии» в «Изборнике» 1076 года: «Мати зльмъ леность — доброты бо, яже имаши, крадеть, а ихъже не имаши, не дасть обрести» (27. С. 287; 115. С. 138).

В оригинале: «пути дея и ловы 13 лет». Но 13 лет ни в каком случае не могут означать расчёт времени, проведённого Мономахом в походах и на охотах. Ещё М.П. Погодин предположил, что слова эти следует читать: «тринадцати лет» и, следовательно, они означают возраст, с которого князь начал отсчёт своей княжеской деятельности (755. С. 243—244). Это исправление было принято всеми другими исследователями.

Если свой первый поход Мономах совершил в тринадцатилетнем возрасте, то это произошло около 1066/67 года. Под 1067 годом «Повесть временных лет» сообщает о совместном выступлении трёх братьев Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода (действовавших, вероятно, вместе с младшими князьями, своими сыновьями) — против князя Всеслава Брючиславича Полоцкого: в марте Ярославичи разбили Всеслава на реке Немиге, а в июле (опять же совместно) схватили его обманом в Орше, близ Смоленска, после чего Изяслав привёл пленного Всеслава в Киев (45. *Смб.* 166—167). Возможно, поход Владимира через земли вятичей к Ростову, а Всеволода — к Курску имел место вскоре после этих событий, однако цель его в таком случае остаётся неясной (может быть, сбор войска?). По-другому эти события пытаются датировать 1068 годом, когда войска трёх братьев Ярославичей потерпели поражение от половцев на реке Альте (конец лета — начало осени). После этой битвы Изяслав и Всеволод (а вместе с отцом, вероятно, и Владимир) укрылись в Киеве, а после того как 15 сентября в городе вспыхнуло восстание и на княжеский стол был возведён освобождённый из «поруба» Всеслав, бежали из Киева. Изяслав направился в Польшу; о судьбе же Всеволода летопись умалчивает (45. *Смб.* 167, 170—171). Если связывать рассказ «Поучения» именно с этими событиями, то можно сделать вывод, что Всеволод укрылся в Курске (опасаясь возвращаться в Переяславль из-за половецкой угрозы), а своего сына Владимира послал к Ростову (*см.*: 173. *С.* 672—673, *прим.* 50; 124. *С.* 26—27). Владимир особо подчёркивает то обстоятельство, что он шёл к Ростову «сквозь вятиче», — дело в том, что Вятичская земля в то время не подчинялась киевским и другим русским князьям, и проход через её территорию считался событием, заслуживающим внимания, своего рода подвигом.

Чтение «Гордятичем» (вместо «Скордятичем» или «Кордятичем») было предложено И.М. Ивакиным и принято последующими исследователями. По-видимому, речь идёт о киевском боярине Ставре Гордятиче (Городятиниче), известном, в частности, по надписям-автографам, оставленным на стенах киевского Софийского собора (10. С. 56—57).

С великим князем Киевским Изяславом Ярославичем.

Это известие Владимира давно уже поставлено в связь с событиями 1068 года. Надо полагать, что в Берестье (нынешний Брест) Изяслав оказался по пути из Киева в Польшу, куда он бежал из Киева после восстания 15 сентября. К осени или началу зимы того же года относится и переход Владимира в Смоленск.

Владимир-Волынский. По-видимому, речь идёт о событиях зимы 1068/69 года, так как следующее известие вводится фразой «тое же зимы». Неоднократное упоминание Владимира в тексте «Поучения» свидетельствует о том, что Владимир Мономах получил этот город в княжение.

Двойственная форма «брата» указывает на двух братьев: Святослава и Всеволода Ярославичей.

Д.С. Лихачёв добавляет в текст: «иде бяху ляхове пожгли» (43. С. 102), что текстологически не обосновано. О сожжении Берестья кем-либо (поляками? или, может быть, наоборот, Святославом и Всеволодом Ярославичами?) летописи не сообщают.

Фр. Миклошич, а вслед за ним А.Ф. Бычков и А.С. Орлов предложили исправление: «городъ техъ», однако и такое исправление не выглядит обоснованным.

Возвращение в Переяславль предположительно относится к весне 1069 года. Пасха в этом году была 12 апреля.

Это известие по-разному интерпретируется исследователями. Наиболее обоснованным представляется мнение С.М. Соловьёва, поддержанное и аргументированное В.А. Кучкиным, согласно которому Владимир был послан на Волынь дядьями Святославом и Всеволодом в 1069 году и должен был заключить мир с возвращающимся на Русь из Польши Изяславом и его тестем польским князем Болеславом II Храбрым (124. С. 22—34). О переговорах между Святославом и Всеволодом, с одной стороны, и Изяславом — с другой, сообщает летопись; по её словам, Святослав и Всеволод по просьбе киевлян «посласта к Изяславу, глаголюще: “...не води ляховъ Киеву... аще ли хочещи гневъ имети и погубите град, то веси, яко нама жаль отня стола”». Судя по летописи, переговоры оказались успешными: «...то слышавъ Изяславъ, остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ляховъ поимъ...» (45. Стб. 173). Город Сутейск находился на Волыни, на самой границе с Польшей.

Об этом походе сообщается в «Повести временных лет» под 6584 (1076) годом: «Ходи Володимеръ сын Всеволожь и Олегъ сынъ Святославль ляхомъ в помочь на чехы» (45. Стб. 199). По расчётам В.А. Кучкина, поход начался в сентябре 1075 года и закончился к февралю 1076-го (124. С. 24—25).

Город Глогау (ныне Глогув), на Одере. Чешский лес — либо Судетские горы (и ныне разделяющие Чехию и Польшу), либо, что менее вероятно, современный хребет Чешский лес на западе Чехии.

Старший сын Мономаха, Мстислав, впоследствии князь Новгородский. О рождении Мстислава летопись сообщает под 1076/77 годом (46. Стб. 190).

Неоднократное упоминание Турова свидетельствует о том, что Мономах княжил в этом городе, о чём по другим источникам неизвестно. Слова «на весну», скорее всего, имеют в виду весну 1076 года, когда Владимир возвратился после чешского похода.

Князь Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 года.

Речь идёт о княжении Владимира в Смоленске.

Новгородскому князю Глебу Святославичу. Скорее всего, речь идёт о помощи Глебу в его борьбе с князем Всеславом Полоцким, постоянно угрожавшим Новгороду. По-видимому, поход Владимира к Новгороду имел место в конце зимы — начале весны 1077 года.

Речь идёт о войне Всеволода с полоцким князем Всеславом
Брячиславичем.

Святополк Изяславич, сын Изяслава Ярославича.

Святополк сел на княжение в Новгород, по-видимому, ещё до гибели князя Глеба Святославича во время похода на чюдь 30 мая 1078 года (45. Стб. 199—200, по Новгородской Первой летописи, 1079 года: 36. С. 18). В статье «А се князи Великого Новагорода», читающейся в той же рукописи, что и Новгородская Первая летопись младшего извода, о Глебе сообщается следующее: «...и выгнаша из града, и бежа за Волокъ, и убиша и чюдь. А Святополкъ седе на столе...» (36. С. 470).

Местоположение города Одреска неизвестно; возможно, он находился на реке Одрови, впадающей в Днепр (148. С. 155). По предположению Н.М. Карамзина, речь идёт о Друзке (на реке Друти, притоке Днепра) — своего рода «воротах» в Полоцкую землю.

Князь Всеволод Ярославич занял Чернигов, вероятно, после вокняжения в Киеве своего брата Святослава Ярославича (март 1073 года) и затем, после короткого княжения в Киеве (январь—июль 1077), возвратился в этот город.

О княжении Олега Святославича во Владимире другие источники не сообщают. Обед, на который Мономах пригласил Олега, состоялся ранее 10 апреля 1078 года (45. Стб. 199), так как в этот день Олег бежал «от Всеволода» в Тьмуторокань. Возможно, приезд Владимира в Чернигов и был связан с претензиями на этот город Олега. Вероятнее всего, обед состоялся на Пасху 1078 года, 8 апреля.

В переводе на более привычное для древней Руси серебро 300 гривен золота равнялись трём тысячам гривен — огромная по тем временам сумма.

25 августа 1078 года на реке Соже Всеволод Ярославич потерпел поражение от своих племянников Олега Святославича и Бориса Вячеславича, пришедших из Тмутарокани с половцами. После этого Олег и Борис заняли Чернигов, а Всеволод ушёл в Киев, а оттуда в Переяславль, где и соединился со своим сыном.

В битве на Нежатиной Ниве 3 октября 1078 года войска Изяслава Ярославича, Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха и Ярополка Изяславича одержали победу над Борисом и Олегом, причём в ходе сражения были убиты великий князь Изяслав Ярославич и Борис Вячеславич. Как мы знаем, Всеволод Ярославич занял Киев, а Владимир получил Чернигов.

Обров — урочище в Переяславском княжестве.

К какому времени относятся эти события, неизвестно. По мнению И.М. Ивакина, речь идёт о том же совместном со Святополком походе против Всеслава, о котором Мономах говорил выше и который можно отнести к зиме 1077/78 года (115. С. 159; 43. С. 523). Однако упоминание черниговцев в составе Владимирова войска скорее указывает на время княжения Владимира в Чернигове (после 3 октября 1078 года).

В тексте, вероятно, пропуск.

Лукамль и Логожск — города в Полоцком княжестве.

Стародуб — город в Черниговском княжестве (ныне райцентр Брянской области). К какому времени относятся эти события, неизвестно. Половецкие «князья» Асадук, Саук и Белкатгин из других источников неизвестны.

Новгород-Северский.

Возможно, следует читать: «се мечи» (всё оружие?). Более вероятно, однако, что речь идёт о жителях Посемья, земель по реке Сейм, которые, надо полагать, имели какой-то особый статус (ср. ниже упоминание «семца»). И.М. Ивакин предлагал исправление: «все вежи», однако такое исправление выглядит необоснованным.

Вятичская земля оставалась вне власти русских князей до первой половины — середины XII века и, как видим из «Поучения» Мономаха, управлялась своими правителями, причём власть вятичских старейшин носила наследственный характер. Мономах совершал походы на Вятичскую землю прежде всего как черниговский князь, так как формально она входила в состав (сферу влияния) именно черниговских князей. О Ходоте и его сыне из других источников ничего не известно.

Что такое Кордно, неизвестно. Возможно, город в Вятичской земле.

В оригинале: «по Изяславичихъ». Поправка: «по Ростиславичихъ» предложена С.М. Соловьёвым и принята последующими исследователями. О походе Мономаха на Ростиславичей сообщается в «Повести временных лет» под 1084 годом: целью этого похода было возвращение двоюродному брату Мономаха князю Ярополку Изяславичу города Владимира, откуда он был изгнан старшими Ростиславичами — Рюриком и Володарем вскоре после Пасхи (31 марта) (45. Стб. 205). Микулин — город в Галицкой земле, на реке Серет.

Очевидно, соединение с Ярополком имело в виду совместные действия князей против Ростиславичей. Броды — город на границе Польши и Руси.

Горошин — город в Переяславском княжестве, на реке Суле. Хорол — приток Псёла. Судя по «Поучению», поход имел место летом 1084 года.

Читеевичи — один из половецких родов, союзных переяславским князьям. Поход на Минск против Всеслава должен датироваться осенью 1084 года.

То есть заключили договор о «великой» дружбе. Надо полагать, этот зимний договор, в отличие от предыдущего «весеннего», закреплял права Ярополка на Владимир-Волынский.

Имеется в виду «братия» в широком смысле слова, то есть все русские князья. Как известно, у Мономаха был единственный брат — Ростислав. К какому времени относится передача Владимиру Переяславля (в дополнение к Чернигову?), неизвестно.

Супой — левый приток Днепра.

Город Прилук в Переяславском княжестве.

Семец — по всей вероятности, житель Посемья (ср. выше упоминание «семечей»).

То есть на Успение Пресвятой Богородицы, 15 августа.

Имеется в виду Белая Вежа Остёрская — город в Черниговской земле.

Есть некоторые основания полагать, что битва у Белой Вежи относится ко времени ранее 1082 года. Дело в том, что под этим годом «Повесть временных лет» сообщает о смерти половецкого князя Осеня (Асиня) — возможно, того самого, который был пленён Мономахом (45. Стб. 205). Впрочем, нельзя исключать, что это два разных лица.

Города Торческ и Юрьев находились на реке Рось (правый приток Днепра). О городе Святославле ничего не известно.

Брат Мономаха, князь Ростислав Всеволодович. Город Красн — на реке Красне (левый приток Днепра).

Местонахождение Варина неизвестно.

Из «Повести временных лет» известно о войне между Ярополком и Всеволодом в 1085 году, о которой Мономах в своём «Поучении» даже не упоминает. Примирение между князьями состоялось в 1087 году (дата Ипатьевской летописи), незадолго до 22 ноября, после чего Ярополку был возвращён Владимир-Волынский, а Мономах ушёл в Чернигов (45. Стб. 205—206; 46. Стб. 197—198). 22 ноября Ярополк был убит — как полагали, происками Ростиславичей.

Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 года.

И.М. Ивакин предложил исправление: вместо «по Святополце» — «при Святополце»; это исправление принято большинством исследователей. Однако выражение Мономаха можно понимать и в значении: «после вокняжения Святополка».

Очевидно, речь идёт о битве у Треполя, на Стугне (а не на Суле), 24 мая 1093 года, в которой русские войска Святополка Изяславича и Владимира Мономаха потерпели сокрушительное поражение, причём при отступлении во время переправы через Стугну погиб брат Мономаха Ростислав. Халеп (Халепье) — село на Стугне, близ Треполя.

Об этом мире «Повесть временных лет» сообщает под 1094 годом.

Здесь Глеб — имя какого-то половецкого князя (вероятно, христианина?). Надо полагать, что условием мира стало возвращение русского полона, захваченного в битве у Треполя.

Речь идёт о событиях 1094 года, рассказ о которых содержится в «Повести временных лет» (45. Стб. 226).

Летописец сообщает то же: «Оле́гъ же приде к граду и пожже около града, и манастире пожже».

Традиционно исследователи поправляют текст: «отца его место». Однако это, по-видимому, не обязательно: Чернигов был столом не только отца Олега Святослава, но и отца Мономаха Всеволода. (Хотя в переводе всё же принята предложенная поправка).

304

24 июля.

Как известно, княжение Мономаха в Переяславле продолжалось до 1113 года, то есть 19 лет. В данном случае речь идёт о первых годах переяславского княжения (до зимы 1096/97 года включительно), то есть, очевидно, до нового перераспределения волостей между Мономахом и Святославичами после войны с Олегом 1096 года, закреплённого решениями Любечского съезда князей в 1097 году.

Под 1094 годом летопись сообщает о небывалом в истории древней Руси нашествии саранчи, уничтожившей «всяку траву и многа жита»; в 1095 году вновь «придоша пружи (саранча. — А.К.) ... и покрывша землю, и бе видети страшно... ядуца траву и проса» (45. Стб. 226, 229).

Римов — город на реке Суде, в Переяславском княжестве.

Половецкий военачальник Итларь и его дружина («Итларева чадь») были убиты в Переяславле 24 февраля 1096 года. Подробный рассказ об этом содержится в «Повести временных лет».

Голтав — город в Переяславском княжестве, при впадении реки Голтвы в Псёл. Об этом походе, совершённом Мономахом совместно с киевским князем Святополком Изяславичем в феврале—марте 1096 года, также рассказывается в «Повести временных лет».

Совместный поход на Олега, совершённый Мономахом и Святополком Изяславичем, и осада города Стародуба имели место в мае—июне 1096 года. Причиной войны стал отказ Олега от совместного похода на половцев и от выдачи Мономаху и Святополку укрывавшегося у него Итларева сына (45. Смб. 230).

В рукописи под титлом: Б(о)гъ. Возможно, речь идёт о Южном Буге. По-другому полагают, что под словом «Бог» может скрываться город Богуславль на реке Роси, правом притоке Днепра. Боняк — половецкий хан, один из наиболее деятельных и агрессивных противников Руси. В 1096 году, по летописи, Боняк дважды нападал на Русь: в мае и июне или июле (45. Стб. 231, 232—233).

Давыд Святославич, брат Олега. Новгородская Первая летопись сообщает о походе, совершённом Мономахом и Святополком на Давыда, под 1095 годом, в результате чего Давыд был переведён в Новгород (36. С. 19). Однако слово «паки» («снова»), очевидно, указывает на другой поход Мономаха, неизвестный летописям, возможно, совершённый в 1096 году, после того как изгнанный новгородцами Давыд вновь занял Смоленск (см.: 45. Стб. 229; 36. С. 470). Впрочем, нельзя исключать, что слово «паки» может относиться и к следующей фразе.

Возможно, речь идёт о реке Воронице (приток реки Ипуть, притока Сожи, на границе нынешних Брянской и Смоленской областей).

Менее вероятным представляется чтение: «и с половець и читеевичи», исправляемое на: «и с половець читеевичи» или даже: «и с половци с читеевичи» (то есть «и с половцами-читеевичами»).

Из летописей известно об одном походе Мономаха в Смоленск после 1095 года, а именно в 1100 году (или, по другим летописям, 1101-м), когда он вместе с переяславским (?) епископом Симеоном 7 марта заложил в Смоленске церковь Святой Богородицы «епископию». По-видимому, Мономах намеревался перенести в Смоленск переяславскую кафедру, а возможно, даже рассматривал этот город как главный центр своего княжества.

Текст трудный для понимания, прежде всего из-за использования здесь настоящего, а не прошедшего времени. И.М. Ивакин предложил исправление: «и-Смолинська идохъ Ростову». Однако палеографически эта конъектура выглядит совершенно неоправданной (см. выше). Более обоснованным представляется мнение, высказанное ещё М.П. Погодиным: употребление настоящего времени вызвано тем, что именно на этом пути Мономах и писал своё «Поучение» (ср. в начале памятника: «усретоша... мя слы... на Волзе...»). Как известно, путь к Ростову из Киева действительно проходил по Волге (ср., например, путешествие из Вышгорода в Суздаль князя Андрея Боголюбского в 1155 году). А.А. Гиппиус (98.1. С. 68—69) вслед за И.М. Ивакиным обращает особое внимание на то, что послы от «братии», двигавшиеся с юга, не могли встретиться с Мономахом в том случае, если он шёл к Ростову, но могли только догнать его; встреча же могла состояться лишь на обратном пути Мономаха, когда он двигался из Ростова. Но едва ли это обстоятельство может быть признано решающим для доказательства существования двух отдельных этапов работы Мономаха над «Поучением» на рубеже XI—XII веков (при наличии ещё и третьего этапа, около 1117 года, до которого доведена «летопись путей» Мономаха) (98.1. С. 71). Послы вполне могли, например, и разминуться с Мономахом, обогнать его, после чего и произошла встреча. Так что отвергать предположение Погодина у нас всё же нет достаточных оснований. Бóльшая же часть следующего текста (до слов: «...а и-Щернигова до Києва...») должна в таком случае рассматриваться как дополнение в первоначальную редакцию памятника. По относительной хронологии «Поучения», «нынешний» поход в Ростов («и се ныне иду...») может датироваться временем после марта 1100 года (предыдущего зимнего похода в Смоленск).

Текст не вполне ясен; возможно, имеется пропуск. Погоня (или погони) Мономаха и Святополка за Боняком может относиться к упомянутым выше событиям лета 1096 года или же к любому другому более позднему времени.

«Гюргева мати» — мать сына Мономаха Юрия (будущего Долгорукого). По-видимому, речь идёт о второй супруге князя. «Повесть временных лет» точно датирует её кончину 7 мая 1107 года (45. Стб. 281). Пасха в 1107 году пришлась на 14 апреля.

Город Кснятин ныне отождествляется с селом Снитин Лубенского района Полтавской области (Украина) (109. С. 76). В 1107 году, по летописи, Боняк дважды приходил на Русь: в мае к Переяславлю и в августе вместе с Шаруканом к Лубну. 12 августа совместные силы русских князей (Святополк, Владимир, Олег и др.) нанесли поражение половцам на реке Суле и гнали их до Хорола.

Брак сына Мономаха Юрия с Аепиной дочерью («Осеновой внукой») (и одновременно сына Олега Святославича с дочерью другого Аепы, «Гиргенеовой внукой»), скрепивший русско-половецкий мир, был заключён 12 января 1108 года.

По-видимому, речь идёт о совместном победоносном походе русских князей (Святополка, Владимира, Давыда Святославича и др.) на половцев в 1103 году. Во время этого похода Урусоба, названный первым среди половецких «князей», был убит; вместе с ним погибло ещё 20 половецких военачальников (45. Стб. 277—279).

Вероятно, упомянутый выше августовский поход 1107 года?

«В воину», вероятно, ошибка вместо: «к Воиню». Летопись датирует совместный поход Святополка, Владимира и Давыда весной 1110 года: «...и дошедше Воиня, и воротишася». Воинь — крепость на реке Суле, при её впадении в Днепр.

Напомню, что за верхнее течение Дона в древней Руси, как правило, принимали его приток Северский Донец.

Речь идёт о совместном победоносном походе русских князей (Святополка, Владимира, Давыда Святославича и др.) на половцев в марте 1111 года, когда были взяты половецкие города Шарукань, Сугров, а 27 марта на реке Сальнице разгромлены основные силы половцев. Подробный рассказ об этом походе читается в Ипатьевской летописи.

Вырь — город (или село) на реке Выри (левый приток Сейма), в Переяславском княжестве. О совместном походе Владимира с сыновьями и Олега Святославича «к Выру» в 1113 году, вскоре после вокняжения Мономаха в Киеве (20 апреля), сообщается в Ипатьевской летописи.

Город Ромен на реке Суле.

Глеб Всеславич, сын Всеслава Брячиславича, князь Минский. Поход был совершён в январе—марте 1116 года. Помимо Мономаха, в нём участвовали его сыновья и князь Давыд Святославич.

Ярослав (Ярославец) Святополчич, сын Святополка Изяславича, князь Владимиро-Волынский. Поход Владимира на Ярослава относится к 1117 году; в нём также участвовали Давыд Святославич и другие князья. Упоминание «злюб» Ярославца, по-видимому, свидетельствует о том, что борьба с ним была ещё не завершена (Ярослав Святополчич погиб летом 1123 года).

В оригинале не вполне ясное: «нестишь» (возможно, в значении «непрестанно»?); И.М. Ивакин предложил конъектуру: «нестишьды» в значении: «около ста раз», принятую большинством исследователей.

И.М. Ивакин предложил исправить «Овчины братье» на «Осеновы братье», поскольку о половецком «князе» Овчине ничего не известно. Эту конъектуру приняли и другие исследователи. Однако она представляется сомнительной, тем более что сам Осень (Асинь) был, по словам Мономаха, Багубарсовым братом.

Возможно, это два имени и следует читать: «Акланъ, Бурчевичъ» (так понимал текст переписчик летописи, поставивший между именами разделительную точку).

Что значит «таревский князь», неясно.

Речка Славлий в источниках не упоминается. О какой битве идёт речь, неизвестно. Предполагать здесь поход 1103 года, когда по приказу Мономаха был изрублен половецкий «князь» Белдюз, или победу на реке Сальнице в 1111 году, оснований нет. (Тем более нет оснований вносить в текст конъектуру и исправлять «Славлии» на «Салню», как это делают, вслед за И.М. Ивакиным, А.С. Орлов, Д.С. Лихачёв и О.В. Творогов.)

Текст не вполне ясен; возможно, он искажён или имеются пропуски.

Возможно, речь идёт о городе Турове. В таком случае следует переводить: «вне Турова».

Что означают слова «по рови», неясно. Исправление «по ровни» (по равнине, степи) предложено И.М. Ивакиным и поддержано А.С. Орловым, Д.С. Лихачёвым и О.В. Твороговым. Фр. Миклошич предлагал читать: «по Роси» (имея в виду реку Рось).

В древнерусском языке сочетанием «лютый зверь» обычно обозначался лев. Однако это же выражение могло применяться и к другому хищному и опасному зверю (волку, рыси, медведю). Какой из этих хищников напал на Мономаха, неизвестно (см., напр.: 175. С. 59—77; 135. С. 129—137).

Бирич — представитель княжеской администрации, глашатай, объявлявший княжеские уставы.

По предположению А.А. Гиппиуса, непонятное «Мьномахы» представляет собой часть слова, не разобранного до конца Лаврентием: «Мономахы[нею]» (98 I. С. 93, прим. 77), — такой могла быть русская форма греческого прозвища княгини.

Отсутствующий далее текст (пробел в рукописи в 4 с половиной строки) был восполнен в копии «Поучения», писанной полууставом конца XVIII века на листах рукописи XV века (Археографической комиссии. № 240. Л. 306): «Азь худый дедомъ своимъ Ярославомъ, благовласнымъ, славнымъ, нареченемъ въ крещении Феодоръ, рускимъ именемъ Володимиръ, отцемъ взлюбленнымъ и материю Мономахы во благочестии наказанъ, чаадомъ моимъ преспеяти въ добродетеляхъ желая, се пишу поученье вамъ, взлюблении, и люди деля, елико сблюхъ по милости Божией и отни молитве. Седя на санехъ...» и т. д. (цит. по: 45. Стб. 240, прим. н). Не вызывает сомнений, однако, что материалом для неизвестного автора послужил не сам текст «Поучения», а его издание 1793 года. Об этом однозначно свидетельствуют, во-первых, чтение «благовласнымъ» (именно так А.И. Мусин-Пушкин прочитал сокращение под титлом слова «бл(а)г(о)с(ла)вл(е)нымъ» в Лаврентьевской летописи); во-вторых, имя Феодор (А.И. Мусин-Пушкин не смог или, скорее, не захотел разобрать ясно читающееся в рукописи имя «Василий» и в издании заменил его точками, а в переводе ошибочно назвал князя Феодором, сославшись при этом на какие-то мифические «все летописи и родословники», а в действительности принимая во внимание ошибочные данные «Родословника», изданного в том же 1793 году анонимно императрицей Екатериной II; см.: 108. С. 29, 44, 53); в-третьих, пропуск слова «хрестьяных» в выражении «хрестьяных людий деля», которое также не было прочитано первым издателем «Поучения» (20. С. 1, 2).

Обычно это выражение понимается как: «в конце жизненного пути», «в ожидании близкой кончины» (согласно обычаю славяне, провожая умершего в последний путь, клали его на сани вне зависимости от времени года). Однако Мономах и в самом деле мог начать работу над «Поучением» в пути, причём, как мы предположили выше, в марте, то есть в то время, когда ещё действовал санный путь. Некоторая же двусмысленность фразы могла им подразумеваться (98.1. С. 70).

Как показал Н.В. Шляков, речь идёт о днях Великого поста. Так что совсем не обязательно рассматривать эти слова как указание на преклонный возраст Мономаха.

Мономах ещё несколько раз называет своё сочинение «грамотицей», в том числе и в самом конце («да сю грамотицю прочитаючи...»). Это, между прочим, свидетельствует о единстве всего произведения, против мнения тех, кто полагает, что собственно «Поучение» Владимира Мономаха и его рассказ о жизни представляют собой два самостоятельных сочинения.

Безлепица — то, что не подобает, нелепость. В памятниках XI—XIV веков это слово употребляется только в «Поучении» Владимира Мономаха, причём дважды.

В оригинале родительный падеж двойственного числа. Речь идёт о сыновьях тмутороканского князя Ростислава Владимировича (ум. 1067) Володаре и Васильке, княживших, соответственно, в Перемышле и Теребовли (старший, Рюрик, ум. 1092). С наибольшей вероятностью можно предполагать, что встреча Мономаха с послами от «братии» имела место после Витичевского съезда князей в 1100 году, когда Володарь и Василько отказались выполнить волю князей и довольствоваться на двоих одним Перемышлем. Послы «братии» встретили Мономаха на Волге — очевидно, когда он ехал из Киева в Ростов (см. ниже: «и се ныне иду Ростову», а также комментарий к этим словам).

Обычная формула разрыва союзнических отношений.

Речь идёт о своеобразном гадании по Псалтири — любимой книге древней Руси, или, лучше сказать, о стремлении соотнести свои жизненные переживания с тем или иным наугад выбранным стихом псалма. Как видно из дальнейшего, Мономах цитировал Псалтирь по памяти. Слова «и прочее» свидетельствуют о том, что и читатели его могли свободно продолжить цитирование по первым строкам псалма.

Далее следует составленная Мономахом подборка библейских и иных цитат. В литературе высказывалось мнение, согласно которому Мономах, составляя ее, находился под влиянием богослужения первой недели Великого поста (ср. 184). Действительно, князь использует тексты, звучащие в церкви в это время, в том числе стихиру на среду первой недели Великого поста.

В Библии (*Пс. 36, 21*): «Нечестивый берёт займы и не отдаёт, а праведник милует и даёт». Трудно сказать, когда возникла неточность: при цитировании Мономахом псалма по памяти или при переписывании текста.

Также не вполне точное цитирование *Пс. 123, 3*. Всё же можно думать, что выражение «ярость его» (вместо «ярость их») относится к враждующим, но не к Господу (смещение единственного и множественного числа неоднократно присутствует в «Поучении»), хотя нельзя исключать и переосмысления Мономахом библейского текста.

Святой Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской (в Малой Азии) (ум. 379), один из Отцов Церкви (его память в XI веке праздновалась 1 января; ныне 1 и 30 января). Князь Владимир Мономах получил своё крестильное имя — Василий — именно в честь этого святого и, как видно из «Поучения», особенно любил и хорошо знал его сочинения.

В тексте, по-видимому, пропуск.

Мономах близко к тексту цитирует одно из поучений святого Василия Великого, вошедшее в так называемый «Изборник» 1076 года, — поучение «како подобает человеку быти» (в некоторых более поздних списках оно озаглавлено: «Како есть лепо чернцу быти»): «Предъ старьци мълчание, предъ мудрыими послушание, съ тьчьными (равными. — А.К.) любвь имети, съ мьньшиими любвьное съвещание... мало глаголати, а множее разумевати, не дързу быти словьмъ, ни пререковати въ людьхъ. Не скоро въ смехъ выпадати, соромяживу (скромным, стеснительным. — А.К.) быти, долу очи имети, а [душу] горé...» (27. С. 460—462). В греческом подлиннике эти наставления адресованы инокам (в переводе на современный русский язык поучение святого Василия озаглавлено: «Слово о подвижничестве; чем должно украшаться монаху»; см.: 78. С. 57—60), однако на русской почве произошло известное «обмирщение» поучения святого Василия Великого, и именно в такой трактовке его и использует Владимир Мономах. Как показал Н.А. Мещерский, Мономах пользовался не самой рукописью «Изборника» 1076 года, а каким-то другим списком (141. С. 87—88). Обнаружено и использование в «Поучении» Жития святого Василия Великого (98. I. С. 72), которое Владимир (Василий) Всеволодович, разумеется, хорошо знал.

Источник этого молитвенного обращения неизвестен.

Эта сентенция также дословно заимствована Мономахом из поучения святого Василия Великого, но уже другого, читающегося в составе Пролога (сборника кратких житий святых и поучений, расположенных в соответствии с церковным календарём). Ср.: «Научися, верный человеце, быти благочестью делатель, научися жити по евангельскому житию и по словеси: очима управление, языку удръжание, телу порабощение, помысл чист имей, гневу потребление, понужайся на добрая дела Господа ради. Лишаим — не мсти, ненавижим — люби, гоним — търпи, хулим — моли, умъртви грехы...» (184. II. С. 218). Греческий текст поучения также издан в русском переводе (77. С. 220).

Как отметил Н.В. Шляков (184. II. С. 220—221), данный фрагмент из Книги пророка Исаии читается в церкви в понедельник первой недели Великого поста.

Мономах цитирует стихиру на среду первой недели Великого поста. Ср. в Триоди постной и цветной XII—XIII веков (так называемой «Триоди Моисея Киянина»): «Въсия весна постыная и цвет покаяния, очистимъся убо, братие, от всякоя сквърны; Светодавцу въпиюще, рыцем: едине Человеколюбиче, слава Тебе» (115. С. 95; 184. I. С. 115). «Присутствие уже одного этого молитвословия, — отмечал Н.В. Шляков, — может свидетельствовать о том, что Поучение написано весною, постом, когда не употреблялась животная пища» (184. II. С. 224).

Как отметил Н.В. Шляков, эта фраза Мономаха находит соответствие в тропаре пятницы первой недели Великого поста; ср.: «...Господи! Разве (бо) тебе иного не знаемъ, животоми и сѣмрѣтиа обладающаго...» (184. II. С. 221).

В этих словах Мономаха можно увидеть скрытую полемику со сторонниками крайней аскезы, учившими, что получить спасение человек может лишь ценой отрешения от мира в стенах монастыря и последующих жесточайших истязаний плоти (такой взгляд на существо спасения особенно ярко выражен на страницах Киево-Печерского патерика). Рассуждения Мономаха по своему духу перекликаются со многими памятниками духовной литературы первых столетий после Крещения Руси, прежде всего со «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона, летописным рассказом о князе Владимире и др. Близкие аналогии с рассуждениями Мономаха находят в «Изборнике» 1076 года, в частности в слове «О милостивом Созомене»; ср.: «Иже всхочеть самовольствъмъ и льготою бес труда спасти душу свою, милостынею может спасти ю» (27. С. 699; ср.: 141. С. 86). См. также в Прологе, со ссылкой на Василия Великого: «Участа же (святой Василий и преподобный Ефрем Сирий. — А.К.) творити добрая дела — молитве, посту, въздержанию, кротости, смирению, милостыни: та бо нетрудно въ Царство небесное вводитьъ» (115. С. 99). В целом все эти рассуждения так или иначе восходят к библейскому тексту: «заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека» (Втор. 30, 77; в славянской Библии: «заповедь сия, юже азъ заповедаю тебе днесъ, не тяжка есть»; ср.: 184. II. С. 222).

Как отметил Н.В. Шляков, эти слова Мономаха близки к тем, что произносятся в чине освящения воды для таинства крещения и 6 января при великом освящении воды: «Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя, и ни едино же слово довольно будетъ къ пеню чудесь Твоихъ» (184. II. С. 222).

Эти и отчасти последующие рассуждения Мономаха восходят к так называемому «Шестодневу» — толкованию на библейский рассказ о шести днях творения мира, а именно к «Шестодневу» Иоанна, экзарха Болгарского (вторая половина IX — первая треть X века), представляющему собой переработку «Шестоднева» святого Василия Великого. Схоже передан восторг по поводу разумного устройства мира; прямые пересечения обнаруживаются и в рассуждении о разнообразии человеческих лиц («Аще и сего не разумевши, откуда изидоше образи... Аще и до края земле доидеши ище то, не обрещеши; аще ли и обрещеши, то будет или носом неподобън, или очима, или инем...») (цит. по: 134. С. 139; см. также: 115. С. 102).

Ирий (ирье, вырей) — в народных представлениях сказочная страна, страна вечного лета, куда на зиму улетают птицы. Иногда объясняется как синоним рая.

Слова Мономаху буквально схожи с анонимным «Словом, како встяти в ночь молитися», читающимся в Прологе: «А егда ложася спати, то не погреси ни единыя нощи не кланявся, но елика помога по силе, тем поклоняниемъ побеждаетъ человекъ диавола, а тем избываетъ грехов, иже согрешил того дни» (161. С. 279; 115. С. 111—113).

В тексте, вероятно, пропуск.

Тиун — княжеский слуга, доверенное лицо князя, распоряжающееся в его доме и хозяйстве.

Что означает слово «унеин», не вполне ясно. Ф.И. Буслаев предлагал читать его как два разных слова: «уне ина». И.М. Ивакин предполагал здесь искажение текста и читал: «убога или странника», что палеографически выглядит совершенно необоснованным (*ср.*: 128. С. 139). По мнению Н.А. Мещерского, речь, возможно, идёт о княжеских отроках, младших дружинниках («унеины» — по аналогии со «старейшинами»), которых Мономах предписывал накормить в первую очередь для предотвращения ими грабежей (140. С. 39—42). Другое объяснение: «унеин» — юный, в социальном отношении — слабейший, бедный (161. С. 290, *прим.*). Наиболее предпочтительным выглядит объяснение этого слова, предложенное прот. Г. Дьяченко: «унеин» (от глагола «унити», то есть «просить») — просящий, алчущий (106. С. 757).

Об этом мы узнаём только из «Поучения» Владимира Мономаха. Князь Всеволод Ярославич принадлежал к числу образованных людей своего времени. Очевидно, он владел греческим языком (его первой супругой была гречанка); об остальных (половецкий? латинский? немецкий? венгерский? печенежский? английский?) сказать что-либо определённое трудно.

Ср. в «Поучении к ленивым» святого Василия Великого (из «Измарагда» 1-й редакции): «Лень бо всемъ злымъ деломъ мати есть: аще бо что доброты имаши, то леность погубляетъ»; а также в «Наказании Исихии» в «Изборнике» 1076 года: «Мати зльмъ леность — доброты бо, яже имаши, крадеть, а ихъже не имаши, не дасть обрести» (27. С. 287; 115. С. 138).

В оригинале: «пути дея и ловы 13 лет». Но 13 лет ни в каком случае не могут означать расчёт времени, проведённого Мономахом в походах и на охотах. Ещё М.П. Погодин предположил, что слова эти следует читать: «тринадцати лет» и, следовательно, они означают возраст, с которого князь начал отсчёт своей княжеской деятельности (755. С. 243—244). Это исправление было принято всеми другими исследователями.

Если свой первый поход Мономах совершил в тринадцатилетнем возрасте, то это произошло около 1066/67 года. Под 1067 годом «Повесть временных лет» сообщает о совместном выступлении трёх братьев Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода (действовавших, вероятно, вместе с младшими князьями, своими сыновьями) — против князя Всеслава Брючиславича Полоцкого: в марте Ярославичи разбили Всеслава на реке Немиге, а в июле (опять же совместно) схватили его обманом в Орше, близ Смоленска, после чего Изяслав привёл пленного Всеслава в Киев (45. *Смб.* 166—167). Возможно, поход Владимира через земли вятичей к Ростову, а Всеволода — к Курску имел место вскоре после этих событий, однако цель его в таком случае остаётся неясной (может быть, сбор войска?). По-другому эти события пытаются датировать 1068 годом, когда войска трёх братьев Ярославичей потерпели поражение от половцев на реке Альте (конец лета — начало осени). После этой битвы Изяслав и Всеволод (а вместе с отцом, вероятно, и Владимир) укрылись в Киеве, а после того как 15 сентября в городе вспыхнуло восстание и на княжеский стол был возведён освобождённый из «поруба» Всеслав, бежали из Киева. Изяслав направился в Польшу; о судьбе же Всеволода летопись умалчивает (45. *Смб.* 167, 170—171). Если связывать рассказ «Поучения» именно с этими событиями, то можно сделать вывод, что Всеволод укрылся в Курске (опасаясь возвращаться в Переяславль из-за половецкой угрозы), а своего сына Владимира послал к Ростову (*см.*: 173. *С.* 672—673, *прим.* 50; 124. *С.* 26—27). Владимир особо подчёркивает то обстоятельство, что он шёл к Ростову «сквозь вятиче», — дело в том, что Вятичская земля в то время не подчинялась киевским и другим русским князьям, и проход через её территорию считался событием, заслуживающим внимания, своего рода подвигом.

Чтение «Гордятичем» (вместо «Скордятичем» или «Кордятичем») было предложено И.М. Ивакиным и принято последующими исследователями. По-видимому, речь идёт о киевском боярине Ставре Гордятиче (Городятинице), известном, в частности, по надписям-автографам, оставленным на стенах киевского Софийского собора (10. С. 56—57).

С великим князем Киевским Изяславом Ярославичем.

Это известие Владимира давно уже поставлено в связь с событиями 1068 года. Надо полагать, что в Берестье (нынешний Брест) Изяслав оказался по пути из Киева в Польшу, куда он бежал из Киева после восстания 15 сентября. К осени или началу зимы того же года относится и переход Владимира в Смоленск.

Владимир-Волынский. По-видимому, речь идёт о событиях зимы 1068/69 года, так как следующее известие вводится фразой «тое же зимы». Неоднократное упоминание Владимира в тексте «Поучения» свидетельствует о том, что Владимир Мономах получил этот город в княжение.

Двойственная форма «брата» указывает на двух братьев: Святослава и Всеволода Ярославичей.

Д.С. Лихачёв добавляет в текст: «иде бяху ляхове пожгли» (43. С. 102), что текстологически не обосновано. О сожжении Берестья кем-либо (поляками? или, может быть, наоборот, Святославом и Всеволодом Ярославичами?) летописи не сообщают.

Фр. Миклошич, а вслед за ним А.Ф. Бычков и А.С. Орлов предложили исправление: «городъ техъ», однако и такое исправление не выглядит обоснованным.

Возвращение в Переяславль предположительно относится к весне 1069 года. Пасха в этом году была 12 апреля.

Это известие по-разному интерпретируется исследователями. Наиболее обоснованным представляется мнение С.М. Соловьёва, поддержанное и аргументированное В.А. Кучкиным, согласно которому Владимир был послан на Волынь дядьями Святославом и Всеволодом в 1069 году и должен был заключить мир с возвращающимся на Русь из Польши Изяславом и его тестем польским князем Болеславом II Храбрым (124. С. 22—34). О переговорах между Святославом и Всеволодом, с одной стороны, и Изяславом — с другой, сообщает летопись; по её словам, Святослав и Всеволод по просьбе киевлян «посласта к Изяславу, глаголюще: “...не води ляховъ Киеву... аще ли хочещи гневъ имети и погубите град, то веси, яко нама жаль отня стола”». Судя по летописи, переговоры оказались успешными: «...то слышавъ Изяславъ, остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ляховъ поимъ...» (45. Стб. 173). Город Сутейск находился на Волыни, на самой границе с Польшей.

Об этом походе сообщается в «Повести временных лет» под 6584 (1076) годом: «Ходи Володимеръ сын Всеволожь и Олегъ сынъ Святославль ляхомъ в помочь на чехы» (45. Стб. 199). По расчётам В.А. Кучкина, поход начался в сентябре 1075 года и закончился к февралю 1076-го (124. С. 24—25).

Город Глогау (ныне Глогув), на Одере. Чешский лес — либо Судетские горы (и ныне разделяющие Чехию и Польшу), либо, что менее вероятно, современный хребет Чешский лес на западе Чехии.

Старший сын Мономаха, Мстислав, впоследствии князь Новгородский. О рождении Мстислава летопись сообщает под 1076/77 годом (46. Стб. 190).

Неоднократное упоминание Турова свидетельствует о том, что Мономах княжил в этом городе, о чём по другим источникам неизвестно. Слова «на весну», скорее всего, имеют в виду весну 1076 года, когда Владимир возвратился после чешского похода.

Князь Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 года.

Речь идёт о княжении Владимира в Смоленске.

Новгородскому князю Глебу Святославичу. Скорее всего, речь идёт о помощи Глебу в его борьбе с князем Всеславом Полоцким, постоянно угрожавшим Новгороду. По-видимому, поход Владимира к Новгороду имел место в конце зимы — начале весны 1077 года.

Речь идёт о войне Всеволода с полоцким князем Всеславом
Брячиславичем.

Святополк Изяславич, сын Изяслава Ярославича.

Святополк сел на княжение в Новгород, по-видимому, ещё до гибели князя Глеба Святославича во время похода на чюдь 30 мая 1078 года (45. Стб. 199—200, по Новгородской Первой летописи, 1079 года: 36. С. 18). В статье «А се князи Великого Новагорода», читающейся в той же рукописи, что и Новгородская Первая летопись младшего извода, о Глебе сообщается следующее: «...и выгнаша из града, и бежа за Волокъ, и убиша и чюдь. А Святополкъ седе на столе...» (36. С. 470).

Местоположение города Одреска неизвестно; возможно, он находился на реке Одрови, впадающей в Днепр (148. С. 155). По предположению Н.М. Карамзина, речь идёт о Друцке (на реке Друти, притоке Днепра) — своего рода «воротах» в Полоцкую землю.

Князь Всеволод Ярославич занял Чернигов, вероятно, после вокняжения в Киеве своего брата Святослава Ярославича (март 1073 года) и затем, после короткого княжения в Киеве (январь—июль 1077), возвратился в этот город.

О княжении Олега Святославича во Владимире другие источники не сообщают. Обед, на который Мономах пригласил Олега, состоялся ранее 10 апреля 1078 года (45. Стб. 199), так как в этот день Олег бежал «от Всеволода» в Тьмуторокань. Возможно, приезд Владимира в Чернигов и был связан с претензиями на этот город Олега. Вероятнее всего, обед состоялся на Пасху 1078 года, 8 апреля.

В переводе на более привычное для древней Руси серебро 300 гривен золота равнялись трём тысячам гривен — огромная по тем временам сумма.

25 августа 1078 года на реке Соже Всеволод Ярославич потерпел поражение от своих племянников Олега Святославича и Бориса Вячеславича, пришедших из Тмутарокани с половцами. После этого Олег и Борис заняли Чернигов, а Всеволод ушёл в Киев, а оттуда в Переяславль, где и соединился со своим сыном.

В битве на Нежатиной Ниве 3 октября 1078 года войска Изяслава Ярославича, Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха и Ярополка Изяславича одержали победу над Борисом и Олегом, причём в ходе сражения были убиты великий князь Изяслав Ярославич и Борис Вячеславич. Как мы знаем, Всеволод Ярославич занял Киев, а Владимир получил Чернигов.

Обров — урочище в Переяславском княжестве.

К какому времени относятся эти события, неизвестно. По мнению И.М. Ивакина, речь идёт о том же совместном со Святополком походе против Всеслава, о котором Мономах говорил выше и который можно отнести к зиме 1077/78 года (115. С. 159; 43. С. 523). Однако упоминание черниговцев в составе Владимирова войска скорее указывает на время княжения Владимира в Чернигове (после 3 октября 1078 года).

В тексте, вероятно, пропуск.

Лукомль и Логожск — города в Полоцком княжестве.

Стародуб — город в Черниговском княжестве (ныне райцентр Брянской области). К какому времени относятся эти события, неизвестно. Половецкие «князья» Асадук, Саук и Белкатгин из других источников неизвестны.

401

Новгород-Северский.

Возможно, следует читать: «се мечи» (всё оружие?). Более вероятно, однако, что речь идёт о жителях Посемья, земель по реке Сейм, которые, надо полагать, имели какой-то особый статус (ср. ниже упоминание «семца»). И.М. Ивакин предлагал исправление: «все вежи», однако такое исправление выглядит необоснованным.

Вятичская земля оставалась вне власти русских князей до первой половины — середины XII века и, как видим из «Поучения» Мономаха, управлялась своими правителями, причём власть вятичских старейшин носила наследственный характер. Мономах совершал походы на Вятичскую землю прежде всего как черниговский князь, так как формально она входила в состав (сферу влияния) именно черниговских князей. О Ходоте и его сыне из других источников ничего не известно.

Что такое Кордно, неизвестно. Возможно, город в Вятичской земле.

В оригинале: «по Изяславичихъ». Поправка: «по Ростиславичихъ» предложена С.М. Соловьёвым и принята последующими исследователями. О походе Мономаха на Ростиславичей сообщается в «Повести временных лет» под 1084 годом: целью этого похода было возвращение двоюродному брату Мономаха князю Ярополку Изяславичу города Владимира, откуда он был изгнан старшими Ростиславичами — Рюриком и Володарем вскоре после Пасхи (31 марта) (45. Стб. 205). Микулин — город в Галицкой земле, на реке Серет.

Очевидно, соединение с Ярополком имело в виду совместные действия князей против Ростиславичей. Броды — город на границе Польши и Руси.

Горошин — город в Переяславском княжестве, на реке Суле. Хорол — приток Псёла. Судя по «Поучению», поход имел место летом 1084 года.

Читеевичи — один из половецких родов, союзных переяславским князьям. Поход на Минск против Всеслава должен датироваться осенью 1084 года.

То есть заключили договор о «великой» дружбе. Надо полагать, этот зимний договор, в отличие от предыдущего «весеннего», закреплял права Ярополка на Владимир-Волынский.

Имеется в виду «братия» в широком смысле слова, то есть все русские князья. Как известно, у Мономаха был единственный брат — Ростислав. К какому времени относится передача Владимиру Переяславля (в дополнение к Чернигову?), неизвестно.

Супой — левый приток Днепра.

Город Прилук в Переяславском княжестве.

Семец — по всей вероятности, житель Посемья (ср. выше упоминание «семечей»).

То есть на Успение Пресвятой Богородицы, 15 августа.

Имеется в виду Белая Вежа Остёрская — город в Черниговской земле.

Есть некоторые основания полагать, что битва у Белой Вежи относится ко времени ранее 1082 года. Дело в том, что под этим годом «Повесть временных лет» сообщает о смерти половецкого князя Осеня (Асиня) — возможно, того самого, который был пленён Мономахом (45. Стб. 205). Впрочем, нельзя исключать, что это два разных лица.

Города Торческ и Юрьев находились на реке Рось (правый приток Днепра). О городе Святославле ничего не известно.

Брат Мономаха, князь Ростислав Всеволодович. Город Красн — на реке Красне (левый приток Днепра).

Местонахождение Варина неизвестно.

Из «Повести временных лет» известно о войне между Ярополком и Всеволодом в 1085 году, о которой Мономах в своём «Поучении» даже не упоминает. Примирение между князьями состоялось в 1087 году (дата Ипатьевской летописи), незадолго до 22 ноября, после чего Ярополку был возвращён Владимир-Волынский, а Мономах ушёл в Чернигов (45. Стб. 205—206; 46. Стб. 197—198). 22 ноября Ярополк был убит — как полагали, происками Ростиславичей.

Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 года.

И.М. Ивакин предложил исправление: вместо «по Святополце» — «при Святополце»; это исправление принято большинством исследователей. Однако выражение Мономаха можно понимать и в значении: «после вокняжения Святополка».

Очевидно, речь идёт о битве у Треполя, на Стугне (а не на Суле), 24 мая 1093 года, в которой русские войска Святополка Изяславича и Владимира Мономаха потерпели сокрушительное поражение, причём при отступлении во время переправы через Стугну погиб брат Мономаха Ростислав. Халеп (Халепье) — село на Стугне, близ Треполя.

Об этом мире «Повесть временных лет» сообщает под 1094 годом.

Здесь Глеб — имя какого-то половецкого князя (вероятно, христианина?). Надо полагать, что условием мира стало возвращение русского полона, захваченного в битве у Треполя.

Речь идёт о событиях 1094 года, рассказ о которых содержится в «Повести временных лет» (45. Стб. 226).

Летописец сообщает то же: «Оле́гъ же приде к граду и пожже около града, и манастире пожже».

Традиционно исследователи поправляют текст: «отца его место». Однако это, по-видимому, не обязательно: Чернигов был столом не только отца Олега Святослава, но и отца Мономаха Всеволода. (Хотя в переводе всё же принята предложенная поправка).

429

24 июля.

Как известно, княжение Мономаха в Переяславле продолжалось до 1113 года, то есть 19 лет. В данном случае речь идёт о первых годах переяславского княжения (до зимы 1096/97 года включительно), то есть, очевидно, до нового перераспределения волостей между Мономахом и Святославичами после войны с Олегом 1096 года, закреплённого решениями Любечского съезда князей в 1097 году.

Под 1094 годом летопись сообщает о небывалом в истории древней Руси нашествии саранчи, уничтожившей «всяку траву и многа жита»; в 1095 году вновь «придоша пружи (саранча. — А.К.) ...и покрыша землю, и бе видети страшно... ядуца траву и проса» (45. Стб. 226, 229).

Римов — город на реке Суле, в Переяславском княжестве.

Половецкий военачальник Итларь и его дружина («Итларева чадь») были убиты в Переяславле 24 февраля 1096 года. Подробный рассказ об этом содержится в «Повести временных лет».

Голтав — город в Переяславском княжестве, при впадении реки Голтвы в Псёл. Об этом походе, совершённом Мономахом совместно с киевским князем Святополком Изяславичем в феврале—марте 1096 года, также рассказывается в «Повести временных лет»

Совместный поход на Олега, совершённый Мономахом и Святополком Изяславичем, и осада города Стародуба имели место в мае—июне 1096 года. Причиной войны стал отказ Олега от совместного похода на половцев и от выдачи Мономаху и Святополку укрывавшегося у него Итларева сына (45. Стб. 230).

В рукописи под титлом: Б(о)гъ. Возможно, речь идёт о Южном Буге. По-другому полагают, что под словом «Бог» может скрываться город Богуславль на реке Роси, правом притоке Днепра. Боняк — половецкий хан, один из наиболее деятельных и агрессивных противников Руси. В 1096 году, по летописи, Боняк дважды нападал на Русь: в мае и июне или июле (45. Стб. 231, 232—233).

Давыд Святославич, брат Олега. Новгородская Первая летопись сообщает о походе, совершённом Мономахом и Святополком на Давыда, под 1095 годом, в результате чего Давыд был переведён в Новгород (36. С. 19). Однако слово «паки» («снова»), очевидно, указывает на другой поход Мономаха, неизвестный летописям, возможно, совершённый в 1096 году, после того как изгнанный новгородцами Давыд вновь занял Смоленск (см.: 45. Стб. 229; 36. С. 470). Впрочем, нельзя исключать, что слово «паки» может относиться и к следующей фразе.

Возможно, речь идёт о реке Воронице (приток реки Ипуть, притока Сожи, на границе нынешних Брянской и Смоленской областей).

Менее вероятным представляется чтение: «и с половець и читеевичи», исправляемое на: «и с половець читеевичи» или даже: «и с половци с читеевичи» (то есть «и с половцами-читеевичами»).

Из летописей известно об одном походе Мономаха в Смоленск после 1095 года, а именно в 1100 году (или, по другим летописям, 1101-м), когда он вместе с переяславским (?) епископом Симеоном 7 марта заложил в Смоленске церковь Святой Богородицы «епископию». По-видимому, Мономах намеревался перенести в Смоленск переяславскую кафедру, а возможно, даже рассматривал этот город как главный центр своего княжества.

Текст трудный для понимания, прежде всего из-за использования здесь настоящего, а не прошедшего времени. И.М. Ивакин предложил исправление: «и-Смолинська идохъ Ростову». Однако палеографически эта конъектура выглядит совершенно неоправданной (см. выше). Более обоснованным представляется мнение, высказанное ещё М.П. Погодиным: употребление настоящего времени вызвано тем, что именно на этом пути Мономах и писал своё «Поучение» (ср. в начале памятника: «усретоша... мя слы... на Волзе...»). Как известно, путь к Ростову из Киева действительно проходил по Волге (ср., например, путешествие из Вышгорода в Суздаль князя Андрея Боголюбского в 1155 году). А.А. Гиппиус (98.1. С. 68—69) вслед за И.М. Ивакиным обращает особое внимание на то, что послы от «братии», двигавшиеся с юга, не могли встретиться с Мономахом в том случае, если он шёл к Ростову, но могли только догнать его; встреча же могла состояться лишь на обратном пути Мономаха, когда он двигался из Ростова. Но едва ли это обстоятельство может быть признано решающим для доказательства существования двух отдельных этапов работы Мономаха над «Поучением» на рубеже XI—XII веков (при наличии ещё и третьего этапа, около 1117 года, до которого доведена «летопись путей» Мономаха) (98.1. С. 71). Послы вполне могли, например, и разминуться с Мономахом, обогнать его, после чего и произошла встреча. Так что отвергать предположение Погодина у нас всё же нет достаточных оснований. Бóльшая же часть следующего текста (до слов: «...а и-Щернигова до Києва...») должна в таком случае рассматриваться как дополнение в первоначальную редакцию памятника. По относительной хронологии «Поучения», «нынешний» поход в Ростов («и се ныне иду...») может датироваться временем после марта 1100 года (предыдущего зимнего похода в Смоленск).

Текст не вполне ясен; возможно, имеется пропуск. Погоня (или погони) Мономаха и Святополка за Боняком может относиться к упомянутым выше событиям лета 1096 года или же к любому другому более позднему времени.

«Гюргева мати» — мать сына Мономаха Юрия (будущего Долгорукого). По-видимому, речь идёт о второй супруге князя. «Повесть временных лет» точно датирует её кончину 7 мая 1107 года (45. Стб. 281). Пасха в 1107 году пришлась на 14 апреля.

Город Кснятин ныне отождествляется с селом Снитин Лубенского района Полтавской области (Украина) (109. С. 76). В 1107 году, по летописи, Боняк дважды приходил на Русь: в мае к Переяславлю и в августе вместе с Шаруканом к Лубну. 12 августа совместные силы русских князей (Святополк, Владимир, Олег и др.) нанесли поражение половцам на реке Суле и гнали их до Хорола.

Брак сына Мономаха Юрия с Аепиной дочерью («Осеновой внукой») (и одновременно сына Олега Святославича с дочерью другого Аепы, «Гиргенеовой внукой»), скрепивший русско-половецкий мир, был заключён 12 января 1108 года.

По-видимому, речь идёт о совместном победоносном походе русских князей (Святополка, Владимира, Давыда Святославича и др.) на половцев в 1103 году. Во время этого похода Урусоба, названный первым среди половецких «князей», был убит; вместе с ним погибло ещё 20 половецких военачальников (45. Стб. 277—279).

447

Вероятно, упомянутый выше августовский поход 1107 года?

«В воину», вероятно, ошибка вместо: «к Воиню». Летопись датирует совместный поход Святополка, Владимира и Давыда весной 1110 года: «...и дошедше Воиня, и воротишася». Воинь — крепость на реке Суле, при её впадении в Днепр.

Напомню, что за верхнее течение Дона в древней Руси, как правило, принимали его приток Северский Донец.

Речь идёт о совместном победоносном походе русских князей (Святополка, Владимира, Давыда Святославича и др.) на половцев в марте 1111 года, когда были взяты половецкие города Шарукань, Сугров, а 27 марта на реке Сальнице разгромлены основные силы половцев. Подробный рассказ об этом походе читается в Ипатьевской летописи.

Вырь — город (или село) на реке Выри (левый приток Сейма), в Переяславском княжестве. О совместном походе Владимира с сыновьями и Олега Святославича «к Выру» в 1113 году, вскоре после вокняжения Мономаха в Киеве (20 апреля), сообщается в Ипатьевской летописи.

Город Ромен на реке Суле.

Глеб Всеславич, сын Всеслава Брячиславича, князь Минский. Поход был совершён в январе—марте 1116 года. Помимо Мономаха, в нём участвовали его сыновья и князь Давыд Святославич.

Ярослав (Ярославец) Святополчич, сын Святополка Изяславича, князь Владимиро-Волынский. Поход Владимира на Ярослава относится к 1117 году; в нём также участвовали Давыд Святославич и другие князья. Упоминание «злюб» Ярославца, по-видимому, свидетельствует о том, что борьба с ним была ещё не завершена (Ярослав Святополчич погиб летом 1123 года).

В оригинале не вполне ясное: «нестишь» (возможно, в значении «непрестанно»?); И.М. Ивакин предложил конъектуру: «нестишьды» в значении: «около ста раз», принятую большинством исследователей.

И.М. Ивакин предложил исправить «Овчины братье» на «Осеновы братье», поскольку о половецком «князе» Овчине ничего не известно. Эту конъектуру приняли и другие исследователи. Однако она представляется сомнительной, тем более что сам Осень (Асинь) был, по словам Мономаха, Багубарсовым братом.

Возможно, это два имени и следует читать: «Акланъ, Бурчевичъ» (так понимал текст переписчик летописи, поставивший между именами разделительную точку).

Что значит «таревский князь», неясно.

Речка Славлий в источниках не упоминается. О какой битве идёт речь, неизвестно. Предполагать здесь поход 1103 года, когда по приказу Мономаха был изрублен половецкий «князь» Белдюз, или победу на реке Сальнице в 1111 году, оснований нет. (Тем более нет оснований вносить в текст конъектуру и исправлять «Славлии» на «Салню», как это делают, вслед за И.М. Ивакиным, А.С. Орлов, Д.С. Лихачёв и О.В. Творогов.)

Текст не вполне ясен; возможно, он искажён или имеются пропуски.

Возможно, речь идёт о городе Турове. В таком случае следует переводить: «вне Турова».

Что означают слова «по рови», неясно. Исправление «по ровни» (по равнине, степи) предложено И.М. Ивакиным и поддержано А.С. Орловым, Д.С. Лихачёвым и О.В. Твороговым. Фр. Миклошич предлагал читать: «по Роси» (имея в виду реку Рось).

В древнерусском языке сочетанием «лютый зверь» обычно обозначался лев. Однако это же выражение могло применяться и к другому хищному и опасному зверю (волку, рыси, медведю). Какой из этих хищников напал на Мономаха, неизвестно (см., напр.: 175. С. 59—77; 135. С. 129—137).

Бирич — представитель княжеской администрации, глашатай, объявлявший княжеские уставы.

В рукописи «Поучение» находится на листах 78—84. См.: 45. Стб. 234, прим, з; Стб. 240—256. В других летописях, содержащих «Повесть временных лет» (Радзивилловской, Московско-Академической, Ипатьевской), текст статьи 1096 года сохранился в нормальном виде, без «Поучения» Владимира Мономаха (60. С. 93; 46. Стб. 224). При подготовке настоящего издания сочинений Владимира Мономаха за основу было взято издание Е.Ф. Карского (45. Стб. 240—256), исправленное в соответствии с факсимильным воспроизведением первой части Лаврентьевской летописи: 44. С. 155—169.

О возможном знакомстве Владимира Мономаха с западноевропейскими памятниками подобного жанра см.: 88. С. 39—80, 102. С. 97—107.

Данное обстоятельство специально отмечено и в статье А.А. Гиппиуса (98.1. С. 61—62, 69). Это весьма глубокое, новаторское исследование (98. I—III), первые две части которого были опубликованы ещё до выхода в свет первого варианта настоящей книги (95), однако, к сожалению, остались мне неизвестными. Наблюдения А.А. Гиппиуса, несомненно, очень важны. Однако основные его выводы: о трёхкратном редактировании текста «Поучения» и о вычленении из комплекса сочинений Мономаха некой изначально самостоятельной «Великопостной беседы», кажутся мне излишне громоздкими и не обязательными. Примечательно, что для обоснования своих выводов исследователю приходится допускать деятельное участие в работе над трудами Мономаха ещё одного лица — некоего «технического редактора», писца, по собственному усмотрению, но притом чаще всего ошибочно вставляющего отдельные фразы, добавленные Мономахом, на ненадлежащее им место. Думаю, что экземпляр «Поучения», переданный Мономахом одному из своих сыновей и попавший затем в руки Лаврентия или, скорее, кого-то из его предшественников, должен был быть, так сказать, «авторизован» князем.

Показательно, что в 1151 году князь Вячеслав Владимирович, пятый сын Мономаха, обращался к Юрию (шестому сыну Мономаха) с такими словами: «Язь тебе старей есмь не маломъ, но многомъ: азь уже бородать, а ты ся еси родиль» (46. Стб. 430; ср. 127. С. 57—63).

См. также ниже примечание к этим словам «Поучения».

Обычно «многострастный» переводят как: «многострадальный». Однако, учитывая общий настрой всего письма, предпочтительнее принять другое значение этого слова (171. С. 70), а именно то, которое приведено в настоящем переводе.

Перевод не бесспорный. Д.С. Лихачёв, например, переводит: «Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце моё». Однако кажется более вероятным, что Мономах сетует на то, что именно сердце одолевает душу его, «зане тленьне сущи».

Как отметил Н.В. Шляков, эти слова Мономаха обнаруживают сходство с молитвословиями недели мясопустной (канун Масленицы) или сырной (Прощёное воскресенье). Ср. седален на утрени недели мясопустной: «Помышляю день страшный, и плачуся деяний моих лукавых: како отвечаю безсмертному царю; коим же дерзновением воззрю на судию блудный аз...» (184. II. С. 224—225).

Предлагается исправление: «сын мой». Но можно принять и написание оригинала, так как хотя речь идёт о сыне Владимира Мономаха Мстиславе, далее подчёркивается, что он был крёстным сыном Олега Святославича.

Сыну Мономаха Изяславу, убитому в ходе войны с Олегом 6 сентября 1096 года.

Согласно «Повести временных лет», Мстислав неоднократно предлагал Олегу мир, обещая выступить посредником в его переговорах с отцом, — вскоре после занятия Олегом Суздаля и Ростова, после отступления к Мурому и наконец после битвы на Кулачке. Ниже Мономах, по-видимому, ещё раз цитирует письмо Мстислава (см.), причём близко к тому тексту первого послания Мстислава Олегу, который читается в летописи.

Эти слова можно понимать так, что Изяслав, как и Мстислав, был крёстным сыном Олега.

Упоминание матери убитого Изяслава свидетельствует о том, что Гида Харальдовна, первая супруга Мономаха, к февралю 1097 года была ещё жива. Нельзя исключать, однако, что она была оставлена князем, вступившим при её жизни во второй брак.

Вдову убитого Мономахова сына Изяслава.

В соответствии с завещанием Ярослава Мудрого Муром считался уделом отца Олега князя Святослава Ярославича, а Ростов принадлежал к уделу отца Мономаха Всеволода Ярославича.

Возможно, Мономах цитирует письмо своего сына, о котором он говорил выше. Ср. в летописи слова Мстислава, обращённые к Олегу: «Аще и брата моего убиль [еси], то есть не дивно: в ратех бо и цари и мужи погыбають» (45. Стб. 238).

О каком епископе идёт речь, неясно. Из дальнейшего видно, что Олег к моменту написания письма пребывал в Муроме, входившем в состав Черниговской епархии. Но о тогдашнем черниговском епископе Иоанне (ранее 1087—1111) известно, что он большую часть своего пастырского служения тяжело болел («лежа в болести летъ 25»); следовательно, едва ли он мог сопровождать Олега в Муром. Возможно, имеется в виду ростовский епископ. В 90-е годы XI века ростовскую (суздальскую) кафедру возглавлял постриженник Печерского монастыря Ефрем.

Владимир Мономах и Святополк Изяславич осаждали Олега в Стародубе в мае—июне 1096 года в течение тридцати трёх дней. Князья заключили мир на том, чтобы им всем собраться в Киеве на княжеский съезд, однако Олег нарушил данное им обещание и начал войну с сыновьями Мономаха за Муром и Ростов.

И.М. Ивакин, а вслед за ним А.С. Орлов и Д.С. Лихачёв поправляют на: «от повеленья твоего». Однако такая правка не кажется обязательной: Мономах говорит о всех князьях, включая в их число и Олега, и себя, и прочих.

Мстислав Владимирович, бывший крестным сыном Олега, ко времени написания письма находился в Суздале. Относительно «малого брата» Мстислава мнения исследователей расходятся (см. выше). Наиболее вероятно, что имеется в виду Вячеслав, явившийся на помощь Мстиславу.

То есть в уделе деда своего.

Из этих слов Мономаха видно, что ко времени написания письма Олег находился в своём уделе, то есть в Муроме.

Князем Давыдом Святославичем. Их младший брат Ярослав находился в то время вместе с Олегом.

Мономах цитирует тропарь, читающийся в Псалтири после 3-й кафизмы, а также на утрени в понедельник, глас 3-й. Ср.: «На страшнемъ при бе-суперникъ обличаюся, безъ осведитель осужаюся» (Псалтирь 1296 года); «На страшном судищи без оглагольников обличаюся, без свидетелей осуждаюся, книги бо совестныя разгибаются, и дела сокровенная открываются...» (современный молитвослов) (184. II. С. 227— 230, 236). В соответствии с православным календарём в 1097 году это песнопение звучало в церкви, в частности, в понедельник сырной седмицы (9 февраля).

Обычно «многострастный» переводят как: «многострадальный». Однако, учитывая общий настрой всего письма, предпочтительнее принять другое значение этого слова (171. С. 70), а именно то, которое приведено в настоящем переводе.

Перевод не бесспорный. Д.С. Лихачёв, например, переводит: «Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце моё». Однако кажется более вероятным, что Мономах сетует на то, что именно сердце одолевает душу его, «зане тленьне сущи».

Как отметил Н.В. Шляков, эти слова Мономаха обнаруживают сходство с молитвословиями недели мясопустной (канун Масленицы) или сырной (Прощёное воскресенье). Ср. седален на утрени недели мясопустной: «Помышляю день страшный, и плачуся деяний моих лукавых: како отвечаю безсмертному царю; коим же дерзновением воззрю на судию блудный аз...» (184. II. С. 224—225).

Предлагается исправление: «сын мой». Но можно принять и написание оригинала, так как хотя речь идёт о сыне Владимира Мономаха Мстиславе, далее подчёркивается, что он был крёстным сыном Олега Святославича.

Сыну Мономаха Изяславу, убитому в ходе войны с Олегом 6 сентября 1096 года.

Согласно «Повести временных лет», Мстислав неоднократно предлагал Олегу мир, обещая выступить посредником в его переговорах с отцом, — вскоре после занятия Олегом Суздаля и Ростова, после отступления к Мурому и наконец после битвы на Кулачке. Ниже Мономах, по-видимому, ещё раз цитирует письмо Мстислава (см.), причём близко к тому тексту первого послания Мстислава Олегу, который читается в летописи.

Эти слова можно понимать так, что Изяслав, как и Мстислав, был крёстным сыном Олега.

Упоминание матери убитого Изяслава свидетельствует о том, что Гида Харальдовна, первая супруга Мономаха, к февралю 1097 года была ещё жива. Нельзя исключать, однако, что она была оставлена князем, вступившим при её жизни во второй брак.

Вдову убитого Мономахова сына Изяслава.

В соответствии с завещанием Ярослава Мудрого Муром считался уделом отца Олега князя Святослава Ярославича, а Ростов принадлежал к уделу отца Мономаха Всеволода Ярославича.

Возможно, Мономах цитирует письмо своего сына, о котором он говорил выше. Ср. в летописи слова Мстислава, обращённые к Олегу: «Аще и брата моего убиль [еси], то есть не дивно: в ратех бо и цари и мужи погыбають» (45. Стб. 238).

О каком епископе идёт речь, неясно. Из дальнейшего видно, что Олег к моменту написания письма пребывал в Муроме, входившем в состав Черниговской епархии. Но о тогдашнем черниговском епископе Иоанне (ранее 1087—1111) известно, что он бóльшую часть своего пастырского служения тяжело болел («лежа в болести летъ 25»); следовательно, едва ли он мог сопровождать Олега в Муром. Возможно, имеется в виду ростовский епископ. В 90-е годы XI века ростовскую (суздальскую) кафедру возглавлял постриженник Печерского монастыря Ефрем.

Владимир Мономах и Святополк Изяславич осаждали Олега в Стародубе в мае—июне 1096 года в течение тридцати трёх дней. Князья заключили мир на том, чтобы им всем собраться в Киеве на княжеский съезд, однако Олег нарушил данное им обещание и начал войну с сыновьями Мономаха за Муром и Ростов.

И.М. Ивакин, а вслед за ним А.С. Орлов и Д.С. Лихачёв поправляют на: «от повеленья твоего». Однако такая правка не кажется обязательной: Мономах говорит о всех князьях, включая в их число и Олега, и себя, и прочих.

Мстислав Владимирович, бывший крестным сыном Олега, ко времени написания письма находился в Суздале. Относительно «малого брата» Мстислава мнения исследователей расходятся (см. выше). Наиболее вероятно, что имеется в виду Вячеслав, явившийся на помощь Мстиславу.

То есть в уделе деда своего.

Из этих слов Мономаха видно, что ко времени написания письма Олег находился в своём уделе, то есть в Муроме.

Князем Давыдом Святославичем. Их младший брат Ярослав находился в то время вместе с Олегом.

Мономах цитирует тропарь, читающийся в Псалтири после 3-й кафизмы, а также на утрени в понедельник, глас 3-й. Ср.: «На страшнемъ при бе-суперникъ обличаюся, безъ осведитель осужаюся» (Псалтирь 1296 года); «На страшном судищи без оглагольников обличаюся, без свидетелей осуждаюся, книги бо совестныя разгибаются, и дела сокровенная открываются...» (современный молитвослов) (184. II. С. 227— 230, 236). В соответствии с православным календарём в 1097 году это песнопение звучало в церкви, в частности, в понедельник сырной седмицы (9 февраля).

Об этом писал Н.В. Шляков (184. II. С. 228—230, 236), однако он относил интересующий нас текст (и в начале, и в конце письма) к «Поучению» Владимира Мономаха и, в соответствии со своей датировкой «Поучения», искал для него место в церковном календаре 1106 года.

Текст заимствован из Триоди постной. См. кондак утрени сыропустной недели: «Премудрости наставниче, смысла подателю, немудрыхъ наказателю и нищихъ защитителю, утверди, вразуми сердце мое, Владыко; Ты даждь ми слово, отчее слово, се бо устне мои не возбраню, но еже звати Тебе: милостиве, помилуй мя падшаго» (здесь и далее *цит. по*: 139. С. 193-196).

Текст заимствован из Триоди постной. См. молитву Иоанникия, которая читается в конце великого повечерия в понедельник после сыропустного воскресенья и также включается в одну из ежедневных молитв «на сон грядущим»: «Упование мое Отецъ, прибежище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святой; Троице Святая, слава Тебе».

Следует молитвенное обращение к Божией Матери.

Текст заимствован из Триоди постной. См. тропарь 10 второй песни канона святой Марии Египетской, который поётся на утрени в четверг пятой недели Великого поста: «Разумейте и видите, яко Азь есмь Богъ, испытаяй сердца, и умучаяй мысли, обличаяй деяния, и пополаяй грехи, и судяй сиру и смирену и нищу».

Текст заимствован из Триоди постной. См. тропарь 3, следующий за ирмосом 3 четвёртой песни Великого канона Андрея Критского, который поётся во время той же службы, что и предыдущее песнопение: «Воспряни, о душе моя! деяния твоя, яже соделала еси, помышляй, и сия предъ лице твое принеси, и капли испусти слезь твоихъ: рцы со дерзновениемъ деяния и помышления Христу, и оправдайся».

Святой Андрей, архиепископ Критский (ум. ок. 720; память 4 июля), церковный писатель, автор «Великого Покаянного канона», который звучит в церкви во время Великого поста. Текст заимствован из молитвы святому, следующей в Триоди постной сразу же после Великого канона Андрея Критского; поётся во время той же службы, что и предыдущее песнопение.

Текст заимствован из молитвы Пресвятой Богородице, которая поётся после Великого канона Андрея Критского во время той же службы, что и предыдущее песнопение. См. в Триоди постной: «Градъ Твой сохраняй, Богородительнице Пречистая: въ Тебе бо сей верно царствуяй, въ Тебе и утверждается; и Тобою побеждаяй, побеждаетъ всякое искушение, и пленяетъ ратники, и проходить послушание». Здесь и ниже, в Акафисте Богородице, речь идёт о Константинополе — «Царствующем городе», находящемся под защитой Богородицы. На Руси представления об особом покровительстве Божьей Матери были перенесены на Киев, а затем и на другие русские города, в том числе Владимир-Залесский и, позднее, Москву.

Текст заимствован (с некоторыми изменениями) из Акафиста Богородице. См. кондак 13 Акафиста, который поётся на утрени в субботу пятой недели Великого поста: «О всепетая Мати, рождшая всехъ святыхъ святѣйшее Слово, нынѣшнее приемши приношение, от всякия избави напасти всехъ, и будущия изми муки Тебе вопиющихъ».

Текст заимствован из Акафиста Богородице. См. тропарь 5, следующий за первым ирмосом седьмой песни канона, который поётся на утрени в воскресенье пятой недели Великого поста: «Молимъ раби Твои, и приклоняемъ колено сердца нашего: приклони ухо Твое, чистая, и спаси скорбьми погружаемая присно, и соблюди от всякаго вражия пленения Твой градъ, Богородице».

Текст заимствован (с некоторым искажением смысла) из Акафиста Богородице. См. тропарь 5, следующий за первым ирмосом девятой песни канона: «Пощади, Боже, наследие Твое, грехи наша вся презревъ ныне, на сие имея молящую Тя, на земли безсеменно Тебе рождшую, великия ради милости восхотевшаго вообразитися Христе въ человечество».

Как показал Р. Матъесен, текст совпадает с «Каноном молитвенным», принадлежащим Кириллу, епископу Туровскому. См. 9-ю песнь канона: «Помилуй мя, Боже, помилуй; егда хоцещи ми судити, не осуди мене въ огонь, ни обличи мене яростью си; молить Тя Дева чиста, рожьшия Тя, Христе, и множество ангель и мученикъ сборъ». На этом основании делается вывод о создании Молитвы не ранее второй половины XII века. Однако этот вывод не представляется бесспорным. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что с «Каноном» Кирилла Туровского совпадает лишь часть фразы Молитвы (со слов: «Помилуй мя, Господи, помилуй...»), тогда как в Молитве фраза начинается словами: «Дево Пречистая...», соответствие которым не найдено. Между тем в остальных случаях фрагменты песнопений включены в Молитву полностью. Следовательно, нельзя исключать наличие общего источника и для Молитвы, и для «Канона» Кирилла Туровского. Тем более что, как показал ещё Н.В. Шляков, слова Молитвы находят соответствие в ряде молитвословий; ср., напр.: «...Егда хоцещи судити судъ человеческим деяниемъ, не осуди насъ, Владыко, во огонь геенский...» (светилен на утрени 6-го гласа); «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене...» (стих по 1-м седальне в понедельник и вторник); «Молить Тя, Христе, Богородице, молить [м]ученикъ Твоихъ соборъ...» (в неделю ваяй на повечерии, богородичен 8-й песни) (184. II. С. 233—234).

Текст заимствован из Триоди постной. См. кондак утрени сыропустной недели: «Премудрости наставниче, смысла подателю, немудрыхъ наказателю и нищихъ защитителю, утверди, вразуми сердце мое, Владыко; Ты даждь ми слово, отчее слово, се бо устне мои не возбраню, но еже звати Тебе: милостиве, помилуй мя падшаго» (здесь и далее цит. по: 139. С. 193—196).

Текст заимствован из Триоди постной. См. молитву Иоанникия, которая читается в конце великого повечерия в понедельник после сыропустного воскресенья и также включается в одну из ежедневных молитв «на сон грядущим»: «Упование мое Отецъ, прибежище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святой; Троице Святая, слава Тебе».

Следует молитвенное обращение к Божией Матери.

Текст заимствован из Триоди постной. См. тропарь 10 второй песни канона святой Марии Египетской, который поётся на утрени в четверг пятой недели Великого поста: «Разумейте и видите, яко Азь есмь Богъ, испытаяй сердца, и умучаяй мысли, обличаяй деяния, и пополаяй грехи, и судяй сиру и смирену и нищу».

Текст заимствован из Триоди постной. См. тропарь 3, следующий за ирмосом 3 четвёртой песни Великого канона Андрея Критского, который поётся во время той же службы, что и предыдущее песнопение: «Воспряни, о душе моя! деяния твоя, яже соделала еси, помышляй, и сия предъ лице твое принеси, и капли испусти слезь твоихъ: рцы со дерзновениемъ деяния и помышления Христу, и оправдайся».

Святой Андрей, архиепископ Критский (ум. ок. 720; память 4 июля), церковный писатель, автор «Великого Покаянного канона», который звучит в церкви во время Великого поста. Текст заимствован из молитвы святому, следующей в Триоди постной сразу же после Великого канона Андрея Критского; поётся во время той же службы, что и предыдущее песнопение.

Текст заимствован из молитвы Пресвятой Богородице, которая поётся после Великого канона Андрея Критского во время той же службы, что и предыдущее песнопение. См. в Триоди постной: «Градъ Твой сохраняй, Богородительнице Пречистая: въ Тебе бо сей верно царствуяй, въ Тебе и утверждается; и Тобою побеждаяй, побеждаетъ всякое искушение, и пленяетъ ратники, и проходить послушание». Здесь и ниже, в Акафисте Богородице, речь идёт о Константинополе — «Царствующем городе», находящемся под защитой Богородицы. На Руси представления об особом покровительстве Божьей Матери были перенесены на Киев, а затем и на другие русские города, в том числе Владимир-Залесский и, позднее, Москву.

Текст заимствован (с некоторыми изменениями) из Акафиста Богородице. См. кондак 13 Акафиста, который поётся на утрени в субботу пятой недели Великого поста: «О всепетая Мати, рождшая всехъ святыхъ святѣйшее Слово, нынѣшнее приемши приношение, от всякия избави напасти всехъ, и будущия изми муки Тебе вопиющихъ».

Текст заимствован из Акафиста Богородице. См. тропарь 5, следующий за первым ирмосом седьмой песни канона, который поётся на утрени в воскресенье пятой недели Великого поста: «Молимъ раби Твои, и приклоняемъ колено сердца нашего: приклони ухо Твое, чистая, и спаси скорбьми погружаемая присно, и соблюди от всякаго вражия пленения Твой градъ, Богородице».

Текст заимствован (с некоторым искажением смысла) из Акафиста Богородице. См. тропарь 5, следующий за первым ирмосом девятой песни канона: «Пощади, Боже, наследие Твое, грехи наша вся презревъ ныне, на сие имея молящую Тя, на земли безсеменно Тебе рождшую, великия ради милости восхотевшаго вообразитися Христе въ человечество».

Как показал Р. Матъесен, текст совпадает с «Каноном молитвенным», принадлежащим Кириллу, епископу Туровскому. См. 9-ю песнь канона: «Помилуй мя, Боже, помилуй; егда хоцещи ми судити, не осуди мене въ огонь, ни обличи мене яростью си; молить Тя Дева чиста, рожьшия Тя, Христе, и множество ангель и мученикъ сборъ». На этом основании делается вывод о создании Молитвы не ранее второй половины XII века. Однако этот вывод не представляется бесспорным. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что с «Каноном» Кирилла Туровского совпадает лишь часть фразы Молитвы (со слов: «Помилуй мя, Господи, помилуй...»), тогда как в Молитве фраза начинается словами: «Дево Пречистая...», соответствие которым не найдено. Между тем в остальных случаях фрагменты песнопений включены в Молитву полностью. Следовательно, нельзя исключать наличие общего источника и для Молитвы, и для «Канона» Кирилла Туровского. Тем более что, как показал ещё Н.В. Шляков, слова Молитвы находят соответствие в ряде молитвословий; ср., напр.: «...Егда хоцещи судити судъ человеческим деяниемъ, не осуди насъ, Владыко, во огонь геенский...» (светилен на утрени 6-го гласа); «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене...» (стих по 1-м седальне в понедельник и вторник); «Молить Тя, Христе, Богородице, молить [м]ученикъ Твоихъ соборъ...» (в неделю ваяй на повечерии, богородичен 8-й песни) (184. II. С. 233—234).

В рукописях встречается также сокращённая версия послания князю Ярославу Святополчичу, иногда признающаяся самостоятельным произведением («Послание митрополита Никифора неизвестному князю»): 79. С. 171—184.

Как будет видно из дальнейшего, речь идёт о начале Великого поста, предшествующего Пасхе.

В оригинале: «словесно и бесловесно».

Очевидно, Никифор имеет в виду происхождение Владимира Мономаха: как известно, его отец был русским князем, а мать — византийской царевной.

Речь идёт о грехопадении Адама, о чём рассказывается в библейской Книге Бытия (гл. 3). «Умертвил» здесь в значении: «сделал смертным».

В оригинале: «словесное, и яростное, и желанное». Представления о трёх силах души восходят к учению Платона. Эти идеи развивали в своих трудах многие христианские писатели, Отцы Церкви, в том числе Климент Александрийский, Григорий Нисский, Иоанн Дамаскин и др.

О праотце Енохе в Библии сообщается очень кратко: «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (*Быт. 5, 24; ср. Евр. 11, 5*). Подробный рассказ о вознесении Еноха на небо имеется в апокрифической (отречённой) «Книге Еноха», известной в том числе и на славянском языке.

Денница — падший ангел, дьявол.

Эллины — греки; в христианской традиции — язычники. (Сами греки называли себя «ромеями».)

Вретище — грубая, убогая одежда, рубище.

В оригинале: «и до камаров».

По мнению митрополита Макария (Булгакова), в этих словах, возможно, содержится намёк на происки латинян в отношении Русской церкви (138. С. 222). Более вероятно, однако, что Никифор использует традиционные для христианской литературы образы, не обязательно имеющие в виду какие-то конкретные покушения на православие (65. С. 80).

По-видимому, какая-то неточность, так как далее автор высказывает князю упрёки именно в отношении «второго» чувства, то есть слуха.

В оригинале: «...и уне руки (то есть в отношении того, что руками. — А.К.) тако же».

Гора Хорив на Синае («гора Моисея»), на которой Господь явил Моисею закон для Израиля.

Согласно Часослову, 100-й псалом читается за службой первого часа третьим по очереди, вслед за 5-м и 89-м псалмами.

В оригинале: «тъи есть истинный икунъникъ царское и княжеское икуны». К слову «икунъникъ» на поле сделана помета: «и съкровище»; к слову «икуны»: «и богатство».

Очевидно, Никифор имеет в виду следующие строки 100-го псалма: «Сердце развращённое будет удалено от меня; злого я не буду знать. Тайно клеветущего на ближнего своего изгоню... Не будет жить в доме моём поступающий коварно; говорящий ложь не останется пред глазами моими...» (Пс. 100, 3—5, 7). В христианской литературе этот псалом традиционно определяется как выражение идеалов царского правления; об этом писал в своих толкованиях на Псалтирь ещё святой Афанасий Александрийский (65. С. 81).

То есть Пасхи.

Православная церковь признаёт лишь семь первых вселенских соборов, состоявшихся до разделения церквей, когда были выработаны и утверждены основы христианского вероучения.

Обвинение латинян в употреблении «опресноков» (то есть пресного, а не квашеного хлеба) в таинстве причащения стало одним из основных в византийской и древнерусской полемической литературе с середины XI века. Православные богословы видели в этом отступление к иудаизму, в котором тоже (в частности, при праздновании еврейской пасхи) используется пресный хлеб. Это обвинение встречается во всех древнерусских полемических сочинениях против «латинян». Как и предшествующий и последующий тексты, данное место Послания митрополита Никифора буквально совпадает с соответствующим текстом «Сязания с латиной» митрополита Георгия, в котором обвинение «латинян» в употреблении опресноков также поставлено первым.

То есть Тайной вечери (*ср. Мф. 26, 26*).

Соответствует 15-му обвинению у митрополита Георгия. Это обвинение также обычно для византийской и древнерусской полемической литературы. Показательно, однако, что киевский митрополит Иоанн II, автор ещё одного древнерусского полемического сочинения против «латинян» (Послания римскому папе Клименту III), считал это обвинение не столь существенным (см.: 65. С. 35).

Соответствует 2-му обвинению у митрополита Георгия.

Автор цитирует 64-е правило Собора святых апостолов (как и другие соборные правила, определяющие устои церковной жизни, оно входит в состав Кормчей книги). Это обвинение также обычно для византийской и древнерусской полемической литературы. Оно соответствует 13-му обвинению у митрополита Георгия.

Соответствует 16-му и 18-му обвинениям митрополита Георгия, в которых имеются любопытные подробности: «едять бо и жълвь (черепаху. — А.К.) нечистую, нарицяюще ю кокошью (курицей. — А.К.)»; «ядять медведину и ослы, и попове ихъ ядять в говение (в пост. — А.К.) бобровину: глаголють бо, яко от воды есть и рыба всяко есть». Показательно, что митрополит Иоанн II считал обвинение латинян в употреблении «нечистых животных» не столь существенным (см.: 65. С. 35).

Соответствует 17-му обвинению митрополита Георгия. В православных монастырях вкушение мяса монахами не допускалось. Обвинение латинян в том, что их монахи употребляют в пищу мясо, обычно для византийской и древнерусской полемической литературы. Показательно, однако, что митрополит Иоанн II считал не столь существенным и это обвинение.

Мясопуст — допущение в пищу мяса. Маслопуст (сыропуст) — допущение в пищу молочных продуктов. Речь идёт об употреблении этих продуктов в первое воскресенье (первую неделю) Великого поста. Это обвинение обычно для византийской и древнерусской полемической литературы. Оно соответствует 14-му обвинению митрополита Георгия.

Имеется в виду Символ веры.

Прибавление «и от Сына» (лат. *filioque*) к никейско-цареградскому Символу веры — главное догматическое расхождение между Западной и Восточной церквями. Обвинение в искажении Символа веры обычно для византийской и древнерусской полемической литературы.

Савелианство — ересь, созданная в III веке Савелием из Птолемаиды; суть её — в слиянии двух божественных ипостасей — Бога Отца и Бога Сына. Православная церковь считает, что добавление *filioque* приводит к стиранию различий между первой и второй ипостасями Бога, и в этом видит основу для обвинения латинян в савелианстве. С этим же связано и обвинение латинян в уклонении в иудаизм, в котором вообще не признаётся Троичность Бога. Это обвинение митрополита Никифора соответствует 5-му обвинению митрополита Георгия.

Это обвинение обычно для византийской и древнерусской полемической литературы. Оно соответствует 6-му обвинению митрополита Георгия.

Запрещение брака для священников (целибат) установлено папой Григорием VII (1073—1085). Это обвинение обычно для византийской и древнерусской полемической литературы. Оно соответствует 8-му обвинению митрополита Георгия.

Иподиаконы — младшие диаконы.

18-е правило Собора святых апостолов.

Это обвинение соответствует 9-му обвинению митрополита Георгия и имеет в виду различия между Западной и Восточной церквями в отношении к близкородственным связям, препятствующим заключению брака.

Соответствует 3-му обвинению митрополита Георгия.

567

Соответствует 10-му обвинению митрополита Георгия.

Соответствует 11-му обвинению митрополита Георгия.

Арианство — ересь, созданная Арием (ум. 336), отрицавшим единосущность Бога Сына Богу Отцу. Принятое в Западной церкви единократное погружение в воду при крещении сравнивается с неким «жидовским крещением», что, по-видимому, имеет в виду древний иудейский обычай очищения водой (79. С. 149). Это обвинение соответствует 21-му обвинению митрополита Георгия.

Употребление соли как предохраняющего средства против чародейства встречается в обрядах, связанных с рождением ребёнка, у многих народов Европы. Это обвинение обычно для византийской и древнерусской полемической литературы. Оно соответствует части 22-го обвинения митрополита Георгия.

Соответствует 7-му обвинению митрополита Георгия. Показательно, однако, что в «Стязании с латиной» слова автора обращены к «латинянину», а у митрополита Никифора — к князю.

Гноеименитый — византийский император Константин V (741—775), получивший прозвище Копроним (от греч. колрос — навоз, гной), — ярый иконоборец. Иконоборческое движение охватило Византию в VIII — первой половине IX века. Это обвинение соответствует 23-му обвинению митрополита Георгия.

Величайшие Отцы Церкви святые Василий Великий, архиепископ Кесарийский (около 329 — 379), Григорий Богослов, патриарх Константинопольский (около 330 — 389) и Иоанн Златоуст, патриарх Константинопольский (около 347—407), особо почитаемые в Восточной церкви. В XI веке в Византии и на Руси было установлено общее празднование этим трём вселенским святителям. Это обвинение соответствует 20-му обвинению митрополита Георгия.

В оригинале: «прибожьнокъ и предъдверие». Имеются в виду внешний и внутренний притворы храма.

575

Надо полагать, на хорах.

Бóльшая часть этого обвинения соответствует 25-му обвинению митрополита Георгия.

Как отмечает Г. Подскальски, слова апостола Павла о «соцарствии» со Христом (2 Тим. 2, 12), относимые ко всем христианам, в раннее Средневековье как на Западе, так и в Византии и на Руси ставились в связь только с государями (156. С. 292, прим. 762).

Заголовок («от инога») отделяет данное послание от предшествующих ему в рукописях Кормчей книги посланий, принадлежащих митрополиту Киприану (ум. 1406).

По предположению Н.В. Поньрко (см. выше), эти слова представляют собой риторическую фигуру речи, иносказательное обыгрывание имени князя. Заметим, однако, что позднейшие переписчики послания отнюдь не восприняли их таким образом, посчитав возможным использовать послание как образец для других сочинений подобного рода.

В оригинале имя епископа обозначено лишь инициалом: заглавной буквой Д. В литературе было высказано мнение, что её можно рассматривать как цифру «4», и, следовательно, речь идёт о «4-м» епископе. В соответствии с таким пониманием текста Г.М. Прохоров считал автором послания митрополита Московского Киприана, четвёртого после митрополита Петра, чьи послания приведены в Кормчей выше (см.: 162. С. 194, 202—203). Однако, как отмечает Н.В. Понырко, титло над буквой «Д» присутствует лишь в одном из списков послания. К тому же последовательное перечисление прадеда князя-адресата (Владимира Святого, Крестителя Руси), деда и отца свидетельствует в пользу того, что адресат послания был правнуком князя Владимира Святославича в прямом смысле этого слова.

Из этих слов следует, что адресат послания (Мономах?) лично способствовал возведению автора (Даниила?) в епископский сан.

Киевского князя Владимира Святославича (ум. 1015), Крестителя Руси.

В оригинале: «тмы тмами», то есть бесчисленное множество.

Очевидно, киевского князя Ярослава Владимировича Мудрого (ум. 1054).

Очевидно, князя Всеволода Ярославича (ум. 1093), отца Мономаха.

Сведений о церковном прославлении или тем более церковной канонизации князя Всеволода Ярославича в источниках нет. Стоит, однако, отметить, что в древней Руси слово «святой» употреблялось и в широком смысле — применительно к людям благочестивым, ведущим праведную жизнь (ср., например, в Послании киевского митрополита Климента Смолятича пресвитеру Фоме, где как о святом говорится о некоем Григории: «...не токмо праведень, но и преподобень, нъ аще дерзо рещи, святъ есть»: 65. С. 125).

Призыв к милосердию и снисхождению к «повинным» почти обязателен для посланий церковных иерархов светским правителям. Однако подчёркнутое внимание к этой теме и митрополита Никифора, и автора настоящего текста, по-видимому, свидетельствует о том, что эта тема была чрезвычайно актуальной в годы киевского княжения Владимира Мономаха.

Замена имени князя на «имярек» свидетельствует о том, что послание переписывалось в качестве образца («формуляра») для последующих посланий церковных иерархов светским правителям.

Певец, исполнявший свои песни на особом музыкальном инструменте.

Великому князю Владимиро-Суздальскому Всеволоду Юрьевичу
Большое Гнездо (1176—1212).

Юрию Владимировичу Долгорукому (ум. 1157).

Правда, в летописном известии об этом событии имя Владимира Мономаха не упомянуто (51. С. 144—145). Древняя икона Смоленской Божией Матери была утрачена в годы Великой Отечественной войны. Существует большое количество списков с неё; в их числе и чудотворные и особо чтимые: в Смоленске, Москве (Новодевичьем монастыре), Троице-Сергиевой лавре, Великом Устюге и др. Смоленская икона относится к числу главнейших святынь России. Празднование в её честь установлено 28 июля (10 августа по новому стилю) — в церковной традиции принято считать, что в этот день икона была привезена на Русь в 1046 году.

Отцом Дмитрия-«внука» был старший сын и соправитель Ивана III Иван Иванович Молодой, умерший в 1490 году. Венчание Дмитрия на великое княжение было связано с опалой, которую Иван III наложил на своего сына от второго брака Василия (будущего Василия III) и его мать Софью Палеолог. Судьба первого венчанного по византийскому образцу великого князя сложится трагически. Уже в 1499 году Василий будет прощён и «пожалован» великим княжением Новгородским и Псковским, а спустя три года Дмитрий окажется в заточении, где и скончается «в нужде и в турме» в феврале 1509 года. Однако похоронен он будет как великий князь в Архангельском соборе Московского Кремля, рядом с отцом и дедом.

Ширинка — широкая полоса ткани.

В частности, именно так в летописях, восходящих к Новгородскому летописному своду 1539 года: Новгородской Четвёртой по списку Дубровского (47. С. 531) и Архивской (183. С. 83). По мнению Я.С. Лурье (137. С. 253—254), сохранившийся в этих летописях отрывок за 1498—1500 годы может восходить к великокняжескому своду 1500 года. Если принять этот вывод, то получается, что уже к 1500 году — через два года после венчания Дмитрия-«внука» — одна из регалий великокняжеской власти, а именно «бармы», связывалась с наследием Владимира Мономаха.

Наличие второго имени — Савва, — возможно, свидетельствует о том, что бывший митрополит незадолго до смерти принял «великую схиму».

В оригинале использована традиционная формула обращения церковного иерарха к своему адресату. Имя адресата заменено на неопределённое «имярек», из чего видно, что составитель пользовался формулярным изводом подлинного «Послания Спиридона-Саввы».

Ханаан, сын Хама, сына Ноя (*Быт.* 9, 18). «Пределом Ханаановым», или «землёй Ханаановой», в Библии называется Палестина (*Быт.* 12, 5). Однако в нашем тексте в дальнейшем речь будет идти о другом «пределе Хамовом» — Египте.

По Библии, Арфаксад — третий сын Сима, внук Ноя (*Быт. 10, 22*), родоначальник Авраамова рода; он родился через два года после потопа (*Быт. 11, 10*) и действительно был первым потомком Ноя после потопа. В «Послании» Спиридона-Саввы, однако, Арфаксад превращён в четвёртого сына Ноя, хотя ниже упоминается и Арфаксад сын Сима. Источник сведений Спиридона об Арфаксаде неизвестен. Не исключено, что Спиридон самостоятельно пришёл к выводу о существовании четвёртого сына Ноя, потомство которого, согласно его концепции, и дало начало «дому» русских государей.

В Медоварцевской и последующих редакциях «Сказания о князьях владимирских» исправлено в соответствии с Книгой Бытия: «...благослови же и Симова сына Арфаксада...»

Месрем (Месром, Мицраим) и Хус (Хуш) — по Библии, сыновья Хама (*Быт. 10, 6*). Месром назван «родоначальником» Египта в византийских и древнерусских хронографических памятниках; Хус же считался «родоначальником» Эфиопии. Арфаксад как отец Месрема и Хуса «замещает» здесь (как и в заголовке произведения) Хама, причём причины этого замещения ясны: они в неблагоприятном поведении Хама и в благословении его Ноем.

Сеостр (Феост, Фест, Гефест), согласно древнерусским хронографам, правил в Египте после Еремии (Гермеса) в течение шестнадцати с половиной лет (см.: 30. 1. С. 11). В поздних («Первой» и «Второй») редакциях «Сказания о князьях владимирских» здесь очевидное искажение текста: вместо «даже до Сеостра» читается: «даже до сей страны».

Фарсис, по Библии, — сын Иована, внук Иафета (*Быт. 10, 4*). В древнерусском «Летописце еллинском и римском» среди потомков Иафета упоминаются Фарис, «от него же фракци», и Фаусис, «от него же Киликис» (*30. 1. С. 7*). «Калаврийские страны» — Калабрия, на юге Италии (в раннее Средневековье византийская провинция).

В Медоварцевской редакции «Сказания»: «От Арфаксадова же рода сына Ноева правнук его именем Гандуварий...» В «Первой» редакции текст явно искажён: «...и созда (Фарис. — А.К.) град во имя свое именем Арфакса».

В Библии упоминается Гадорам, правнук Сима (*Быт.* 10, 27). Гандуварий как прародитель астрономии, «муж некий муринъ (эфиоп. — А.К.), мудръ индианинъ», упоминается в некоторых византийских и древнерусских хронографах (Хронике Иоанна Малалы, так называемом Виленском хронографе; см.: 30. 2. С. 136). Как отмечает Р.П. Дмитриева, текст «Послания» Спиридона обнаруживает в этом месте явные черты первичности по сравнению со «Сказанием о князьях владимирских», ибо в «Первой» редакции «Сказания» Гандуварий оказывается потомком Иафета, а в Медоварцевской — потомком Арфаксада сына Ноя; между тем далее сообщается о его вселении в «пределах Симовых, прародителя своего».

Филикс (или Филист) назван правителем Египта, преемником Феста (Сеостра), также в «Летописце еллинском и римском» (30. 1. С. 12): он «прият всю землю Акыаню силою некоею, и оттуду прииде въ Афраксиискую землю влѣхвовати въ славе».

Ахтанав — искажённое Нектанав, то есть Нектанеб II, правитель Египта. Согласно преданию, отразившемуся в так называемой «Александрии» (средневековом романе об Александре Македонском) и византийских и древнерусских хронографах, Олимпиада, жена Филиппа, царя Македонского, родила сына Александра, великого полководца, не от своего мужа, но от египетского царя Нектанава, волшебным образом вступившего с ней в связь в виде египетского бога Аммона (З. С. 8—10; 30. 1. С. 86—91).

Неточно. Годы жизни Александра Македонского: 356—323 до н. э. В «Сказании о князьях владимирских» точнее: «...пооблада вселенною лет 12, и всех лет живота его 32». Возможно, источник ошибки «Послания» обнаруживается в «Летописце еллинском и римском», где годы жизни Алехандра названы следующим образом: «Живе же Алехсандр 30 лет и 2...» (30. 1. С. 177).

Птолемей Заячич (от имени отца — Лага, то есть Зайца) — Птолемей I Сотер, правитель Египта (323—283 до н. э., с 305 царь), основатель династии Птолемеев, все представители которой носили это имя. Всего насчитывается четырнадцать Птолемеев. Птолемей Прокажённый, далее названный отцом Клеопатры, — Птолемей XII Авлет (80—58, 56—51 до н. э.). Указание на двадцать одного Птолемея в данном случае — ошибка. Должно быть: «12 Птолемеев». Источник этой ошибки, возможно, также обнаруживается в «Летописце еллинском и римском», в большинстве списков которого во фразе: «Царствоваша убо 12 Птолommeевъ макидонось въ Египтстей стране от Птолommeя Лагова до Клеопатры» правильная цифра «12» заменена на «20» (30. 1. С. 181, прим. 85).

В действительности Олимпиада была дочерью эпирского царя Неоптолема. Эфиопский царь Фол как отец Олимпиады упоминается в «Александрии» и хронографах.

Виз, или Виза, — личность мифическая. В связи с историей города Византия (Константинополя) он упоминается в хронографах.

Сосфений — пригород Константинополя.

В «Летописце еллинском и римском» (30. 1. С. 179) дочь Визы и Олимпиады (Хузиты) названа Византией.

Клеопатра (69—30 до н. э.), дочь Птолемея XII, знаменитая царица Египта, сестра, соправительница и супруга Птолемея XIII, союзница и любовница сначала Юлия Цезаря, а затем Марка Антония.

Гай Юлий Цезарь (102 или 100—44 до н. э.), знаменитый римский полководец, правитель Римской державы.

Марк Антоний (около 83—30 до н. э.), римский полководец. После смерти Цезаря один из триумвиров, с 42 года до н. э. получил в управление восточные области Римской державы.

Август Октавиан, римский император (27 до н. э. — 14 н. э.); был не братом, а внучатым племянником Цезаря, усыновлённым им.

Аспид — мифический ядовитый змей.

Гней Помпей (106—48 до н. э.) и Красс Лициний (около 115—53 до н. э.) входили вместе с Цезарем в так называемый первый триумвират; оба умерли ещё при жизни Цезаря, так что не могли участвовать в его убийстве. Марк Юний Брут (85—42 до н. э.) возглавлял вместе с Кассием заговор против Цезаря (44 до н. э.); по преданию, одним из первых нанёс ему смертельный удар кинжалом.

Порфира (пурпур), виссон — драгоценные ткани, использовавшиеся в одеянии византийских императоров.

Значение слова неясно. В «Первой» редакции «Сказания»: «поясом дерьмлидом».

Митра — драгоценный головной убор, принадлежность восточных владык. Пор — правитель одной из областей западной Индии, разбитый Александром Македонским в битве при Гидаспе в 326 году до н. э.

Значение слова неясно. Самбука (σαμβουκη) — греческий струнный инструмент.

Патрикий (как и следующий за ним Августалий) — скорее всего, не имя, а титул.

Появление этого имени объясняется из текста «Летописца еллинского и римского»: «И постави (Август. — А.К.) власти темь и Египте и въ Александреи первого князя от мужь своих, именем Корнилия Гальскаго, емуже нарече сан августалии, своего имени ему знамение» (30. 1. С. 194). Вообще же августалий — титул префектов Египта во времена Римской империи. В русских азбуковниках «августалий» объясняется как «воевода великий» (110. С. 66).

Кириней — воевода Сирии во времена Августа. Его имя упоминается в древнерусских хронографах. В поздних редакциях «Сказания о князьях владимирских» известие о Киринее пропущено.

Ирод I Великий, царь Иудеи (40—4 до н. э.), сын Антипатра.

В рукописи: «от Аманид». Происхождение этого названия неясно. Аммонитяне (потомки библейского праотца Аммона, в современном переводе Библии Бен-Амми) — одно из библейских племён. Возможно, в тексте ошибка, и вместо «от Аманид» следует читать: «идумеанин», так как отец Ирода Антипатр был родом из Эдома (Идумеи). В «Сказании о князьях владимирских» (во всех редакциях) Ирод назван «Асколонитянином», то есть происходящим из города Асколон, как и в подавляющем большинстве древнерусских хронографических памятников.

В «Сказании о князьях владимирских»: «иудейским».

630

Происхождение этого имени неизвестно.

Последующие имена мифических родственников Августа образованы от этнических или географических названий: Илирик — от Иллирии (или Иллирика), области по Дунаю; Пион (Пеон) — по византийскому названию венгров (пеонов); Прус — по названию племени пруссов, живших по реке Неман.

Истр — византийское название Дуная.

Угры — древнерусское название Венгрии и венгров.

В «Сказании о князьях владимирских» добавлено: «сродника своего».

635

Ныне Мальборк.

Перечислены города, находившиеся в Пруссии (области расселения древних пруссов), ныне в Польше. Как показал А.Д. Гольдберг, в конце XV — первой четверти XVI века все эти города, отошедшие к Польше по условиям Торуньского мира 1466 года, были предметом спора между Польшей и Тевтонским орденом. В частности, как «пруссские» города, «которые король (польский. — А.К.) держит за собою... неправдою», они упоминаются в русских дипломатических документах с конца XV века (все четыре города, но не в том порядке, что в «Послании» и «Сказании», названы в грамоте 1520 года) (99. С. 208).

Личность полулегендарная. Его именем открывается список новгородских посадников XV века (Зб. С. 164, 471); в древнейших летописях Гостомысл не упоминается.

В Медоварцевской редакции «Сказания о князьях владимирских» добавлено: «в град, глаголемый Марборок».

В некоторых летописях уточнено родство Рюрика по отношению к Прусу: он оказывается «от Пруса четвёртое на десять (то есть 14-е. — А.К.) колено»; так в «Медоварцевской летописи», читающейся в том же сборнике Михаила Медоварцева, что и принадлежащая ему редакция «Сказания о князьях владимирских» (26. С. 49), и Воскресенской (50. С. 268). Полагают, что сама идея происхождения Рюрика от «римского царя Августа» могла сложиться у Спиридона ещё в период его нахождения в Литве под влиянием легенды о римском происхождении литовцев (142. С. 213— 216).

В рукописи текст дефектен. Исправление внесено по списку БАН. 34.2.31 второй половины XVI века. В Медоварцевской редакции «Сказания»: «Сеий благоверный князь великий Володимер Всеволодич егда седе в Киеве на великом княжении, съвет творяше...»; в Чудовской повести: «...князь великий Владимир Всеволодичь Маномах. И егда сяде в Киеве на великам княженьи, совет творяше...»

В «Сказании»: «с Цариграда». Слова «с новаго Рима» читаются только в «Послании» Спиридона.

В «Сказании»: «велию дань на вся воя своя».

Речь идёт о походе Олега на Царьград, описанном в летописи под 907 годом.

В рукописи: Свеслав. В «Сказании о князьях владимирских»: Всеслав.

Этого прозвища в «Сказании» нет. Прозвище «Лёгкий» применительно к Святославу упоминается также в Кратком Владимирском летописце XVI века: «Святослав, нарецаемый Легкий» (80. С. 209); ср. также о Святославе в «Похвальном слове» князю Владимиру, памятнике также XVI века.: «...бе же теломъ легокъ...» (72. С. 59). Это прозвище восходит к летописной характеристике князя Святослава Игоревича под 964 годом: «...и легко ходя, аки пардусъ» (45. Стб. 64). Источник дополнительных сведений «Послания» Спиридона о Святославе неизвестен.

Галея (греч. γαλέα) — род судна. В Погодинском списке (РНБ. Погод. № 1567): «в ладиях».

Упоминания о «галеях» также нет в «Сказании». В списке БАН «Послания» говорится о двух тысячах ладей.

Последних слов в «Сказании» также нет.

Происхождение даты неясно. Возможно, в ней использована так называемая антиохийская эра, и тогда речь идёт о 1053 году от Рождества Христова. В Медоварцевской редакции «Сказания о князьях владимирских» рассказ о папе Формозе и «латынах» отсутствует. В Чудовской повести он, в несколько изменённом виде, читается ниже, после рассказа о передаче даров Владимиру Мономаху.

Римский папа Формоз занимал престол в 891—896 годах, то есть никак не мог быть современником Константина Мономаха или Владимира Мономаха. Согласно традиции, отражённой в древнерусской хронографической и полемической литературе, именно папа Формоз считается главным виновником разделения церквей. Ему приписывается «Исповедание веры», направленное четырём вселенским патриархам, в котором обосновывалось исхождение Святого Духа не только от Отца, но и от Сына (прибавление *filioque*) (30. 1. С. 459; 30. 2. С. 102—103).

Император Константин Мономах занимал престол в 1042—1055 годах.

Правильно: Кирулария. Патриарх Михаил I Кируларий возглавлял кафедру в 1043—1058 годах. Церковный собор в связи с посольством от папы Льва проходил в 1054 году.

В оригинале: «ис паралипомена», что неясно (то же слово и в Чудовской повести). Парад ипомеи, или Парад ипоменон, — название двух книг Ветхого Завета. По-видимому, в оригинале стояло какое-то иное слово. В «Первой» редакции: «ис поминаней церковных»; в одном из списков Чудовской повести: «ис патриаршества, понеже променя церковный креста четырех патриархов...».

В оригинале: «лытают». Значение слова неясно. Скорее всего, это видоизменённое «литают», то есть совершают литургию. Но несомненно, что автор использует и игру слов, сближая простонародное «лытают» с русским наименованием католиков: «латына».

В оригинале: «блядивый». В «Первой» редакции «Сказания о князьях владимирских» нижеследующий резкий выпад против папы и латинян опущен.

Прибавление *filioque* («и от Сына») — главнейшее догматическое расхождение между католицизмом и православием.

В оригинале: «составляет съвет». В Медоварцевской редакции (где пропущен предыдущий фрагмент о латинах) текст согласован не вполне удачно: «Тогда же бе в Цариграде благочестивый царь Константин Маномах составляет совет...» В Чудовской и последующих редакциях: «Тогда же бе во Цариграде царь благочестивый Коньстянтин Монамах, и в то время брань имея с персы и с латынаю. И составляет совет мудр царски».

В списке эфесских митрополитов (Эфес — город в Малой Азии) имя Неофита отсутствует.

Мелитина — город на востоке Малой Азии; Митилена — город на острове Лесбос. Уместно отметить, что оба эти города были центрами не епископий, а митрополий.

В «Первой» редакции «Сказания о князьях владимирских» добавлено имя: «...стратига Антипа антиохийского».

Как и при предыдущем упоминании (см. выше), августалий александрийский — скорее всего, не имя, а титул. В Чудовской и последующих редакциях «Сказания» о нём не упоминается.

Игемон — прокуратор, римский наместник.

В оригинале «крабицу», то есть «коробочку».

В так называемой «Второй» редакции «Сказания о князьях владимирских» добавлено: «сиречь святыя бармы».

В Чудовской и последующих редакциях «Сказания» вместо «кации» (кадильницы) упомянута «чепь» (цепь), также «от злата аравьска исковану». Возможно, замена объясняется тем, что слово «кация» не было понято редактором.

Смирна, или мирра, — благовонная смола.

Ливан — ладан, ещё одна благовонная смола. Что значит «ливан от злата аравийска трома смешение имат», неясно. Вероятно, здесь, как и в предыдущем случае, речь идёт о драгоценных сосудах (ладанках?) для хранения благовоний. Об использовании «ливана» и «смирны» в обряде царского венчания русским книжникам было известно, в частности, из описания венчания Александра Македонского в «Александрии»: «...и покадиша его, и поклонишася ему, и даше ему злато, и ливан, и змирну — сия радования царская суть» (5. С. 20—21). В Чудовской и последующих редакциях «Сказания о князьях владимирских» «смирна» и «ливан» среди даров Константина Мономаха не упоминаются. Возможно, это связано с неясностью текста; возможно — с тем, что ни «смирна», ни «ливан» не находят соответствий среди регалий царской власти Московской Руси.

668

В Погодинском списке добавлено: «в Киев».

Имя Мономах, как мы знаем, князь Владимир Всеволодович получил с рождения, по имени своей матери, дочери императора Константина Мономаха.

Далее в «Сказании о князьях владимирских» (во всех списках) добавлено: «...и пребысть с царем Константином мире и в любви».

В Чудовской и «Первой» редакциях «Сказания о князьях владимирских» далее следует рассказ о папе Формозе и латинянах. Последующий текст читается только в «Послании». В Медоварцевской редакции «Сказания» в самом конце памятника (после родословия литовских князей) читаем схожий по смыслу текст: «Государей же великих князей русских глаголем не просто их поколенства, иже благочестия удержавших православныя веры, царству их начяток от Августа кесаря римскаго, сей бо Август пооблада вселенною. Протече же до нынешняго времени от Августа лет 1000 и 500 и 70 и 8, а от начяла великаго князя Рюрика перваго русскаго до нынешняго лета 7030 пятаго (1527) протече лет 600 и 60 и 5. А нынешний государь нашъ и царь и великий князь всея Росии Василий Ивановичъ от великаго князя Рюрика двадесятое колено, а от великаго князя Владимира, иже просветил Русскую землю святым крещением, шестое на десять».

Великий князь Василий III (1505—1533). Уместно отметить, что Василий III так и не был венчан на царство.

Расчёт «колен» в обоих случаях неверен. Согласно принятому в древней Руси счёту, великий князь Василий III был 19-е «колено» от Рюрика и 13-е от Владимира Мономаха.

Ивановичи — родные братья Василия III, сыновья Ивана III: Андрей (ум. 1537), Юрий (ум. 1536), Семён (ум. 1518) и Дмитрий (ум. 1521). Андреевичи — двоюродные братья Василия III, сыновья князя Андрея Большого Васильевича, Иван и Дмитрий, попавшие в опалу вместе с отцом и почти всю свою жизнь проведшие в заточении «в железах». Упоминание Андреевичей во множественном числе позволяет датировать памятник временем до смерти Ивана Андреевича 19 мая 1523 года. И.Н. Жданов обратил внимание на отсутствие в тексте упоминаний о «Борисовичах» — также двоюродных братьях Василия III, сыновьях Бориса Васильевича, Иване (ум. 1503) и Фёдоре (ум. 1513), что, по его мнению, может свидетельствовать о написании «Послания» после 1513 года (110. С. 57, прим. 1).

Если отсчёт лет ведётся от потопа (что кажется наиболее вероятным), то можно определить дату, которую имел в виду автор текста. От Сотворения мира до потопа в древней Руси насчитывали 2242 года (см. выше); следовательно, речь идёт о 7042 (1533/34)годе.

Далее в Послании Спиридона читается рассказ о происхождении литовских князей, в котором, между прочим, упоминается «Жигмонт, король нынешний», то есть польский король Сигизмунд I (1506—1548).

Издано: 19. С. 159—170.

См.: 151. С. 30—31, прим. 25 (со ссылкой на И.И. Бриллиантова и Н.К. Никольского); 13. С. 299—300, прим. 157 и др.

К 1503 году относится переработка Спиридоном Жития святых Зосимы и Савватия Соловецких, за которую он взялся по просьбе соловецкого инокa Досифея. Вскоре после этого Спиридон, вероятно, и умер: как отметил ещё В.О. Ключевский, новгородский епископ Геннадий Гонзов (сведён с кафедры в июне 1504 года), которому Досифей привёз исправленное Житие, говорил о Спиридоне уже как об умершем (118. С. 200, прим. 1). В синодике Ферапонтова монастыря XVII века имя Спиридона следует сразу же за именем великой княгини Софьи Палеолог, умершей 15 мая 1503 года (151. С. 30—31, прим. 25).

Эта датировка была принята последующими исследователями. Иван Андреевич (в иночестве Игнатий), проведший почти всю жизнь в заточении, умер в Вологде и после смерти был причислен к лику святых. В церковной традиции датой его смерти называют 19 мая 1522 года (23. С. 590). Однако это, по-видимому, не вполне точно. Дата кончины князя Ивана выводится из указания Жития на то, что он провёл в заточении 32 года (23. С. 569). Заточён же Иван вместе с отцом и братом Дмитрием был 20 сентября 1491 года (51. С. 223; 53. С. 231; и др.). Согласно «включённому» счёту лет, принятому в средневековой Руси, его кончина должна относиться к 19 мая 7031 (1523) года.

Издана Н.В. Синицыной: 26. С. 23—31. Текст «Сказания» в сборнике Медоварцева перемежается летописными и родословными выписками. Дата приведена в конце «Сказания»: «...протече же до нынешняго времени от Августа лет 1000 и 500 и 70 и 8, а от начяла великаго князя Рюрика... до нынешняго лета 7030 пятого протече лет 600 и 60 и 5».

Издана Р.П. Дмитриевой: 19. С. 196—200.

Изданы Р.П. Дмитриевой: 19. С. 171—178, 179—181 (Первая редакция), 185—191 (Вторая).

Стоит отметить подобную же замену в тексте Чудовской редакции Чина венчания Дмитрия-внука (в той же рукописи Чуд. 264, где содержится самый ранний список Чудовской повести): «ширинка» оригинала заменена здесь на «фату» (170. С. 193).

Ошибочным оказывается и основной аргумент А.А. Зимина в пользу первичности Чудовской повести: присутствие в том же сборнике Чуд. 264 особой редакции Чина венчания Дмитрия-«внука», в которой венец назван «Мономаховой шапкой». Как показали последующие исследования, Чудовская редакция Чина является позднейшей переработкой более ранней редакции (177. С. 604—607; 170. С. 189—196).

В обеих редакциях читается эпизод с проклятием Хама, «меньшего» сына Ноя, а Арфаксад, отец Месрема и Хуса, назван сыном Сима, а не Ноя, как в «Послании». Имеется ещё несколько общих чтений Медоварцевской и «Первой» редакций. В то же время текст «Первой» редакции в ряде случаев явно искажён: вместо «даже до Сеостра» читается: «даже до сей страны»; в одном случае имя «Арфакса» превращено в название города, из-за чего Гайдуварий (Гандуварий) оказывается потомком Иафета.

Ср.: 99. С. 211. Правда, А.Л. Гольдберг рассматривал уникальные сведения «Послания» как добавления, сделанные Спиридоном-Саввой в первоначальную версию рассказа. Мне же представляется, что добавления принадлежат позднему редактору первоначального «Послания» Спиридона-Саввы.

Дата не вполне точная. 6622 годом в некоторых летописях датируется вступление Владимира Мономаха на великое княжение Киевское. Точнее, это произошло в 6621 (1113) году.

Ошибка, повторенная во всех редакциях «Сказания о князьях владимирских». Правильно: Святослав.

То, что «царским венцом» венчались вовсе не владимирские великие князья, а лишь некоторые ближайшие предшественники Ивана IV (достоверно, впрочем, известно лишь об одном: недолгом соправителе Ивана III Дмитриии-«внуке»), вероятно, было известно книжникам, использовавшим «Сказание о князьях владимирских». В одном из поздних летописцев (так называемом Кратком Толстовском), сохранившемся в рукописи XVII века из бывшего Толстовского собрания (РНБ. Q. XVII. № 71), приведена легенда, так повествующая о судьбе царских регалий, полученных Владимиром Мономахом:

«...В лето 6633 (1125) царь и великий князь Владимир Всеволодич Манамах впаде в болезнь тяшку и, собрав детей своих и бояр и всякого чину служилых людей, приказывает и заповедует им всем по смерти своей, да не ставятся на его место на царство царем ни от детей его, ни от бояр для того, что в то время все были уделные князи, и аще кого поставят себе царя, то завистию убьют царя и межь собою побьются. По глаголании же сем, по смерти царя и великаго князя Владимира Всеволодовича Монамаха, приемлет Животворящий крест Господень, его же присла из Царяграда греческий царь Константин Маномех, и порфиру, и виссон, и гривну златую, и венец царский сын царя и великаго князя Владимира Игорь (должно быть: Юрий. — А.К.) Владимирович, и по повелению отчю сохрани я и печашеся соблюсти я, аки душу свою или аки зеницу очей своих, а по смерти своей такоже повеле отдать сыну своему, иже бы могл сей великий дар царев в сохранении препроводити, дондеже от рода их кого воздвигнет Бог в велицей России царя и самодержца...» А далее говорится о передаче регалий по линии младших Мономашичей вплоть до Василия III, который будто бы и был венчан «в цари и великие князи» в московском Успенском соборе (110. С. 113—114, прим. 2).

Впрочем, Василий III так и не был венчан «шапкой Мономаха», а первым царём на русском престоле стал, как известно, его сын Иван Грозный.

То есть бармы («порамница» — от слова «рамена», плечи).

Появление этой даты — Крещения Руси князем Владимиром Святославичем — в рассказе о Владимире Мономахе объясняется не слишком удачным сокращением текста «Первой» редакции «Сказания о князьях владимирских». В «Первой» редакции эта дата относится к предыдущей фразе: «А великого князя Рюрика четвертое колено великий князь Володимер, иже просветил Русьскую землю святым крещеньем в лето 6496. А от великого князя Владимира четвертое колено князь великий Владимир Всеволодич Манамах, правнук» (19. С. 175—176).

Должно быть: Святослав Игоревич. Ошибка, восходящая к самым ранним редакциям «Сказания о князьях владимирских».

Так в надписи. В «Послании о Мономаховых дарах» и «Сказании о князьях владимирских»: «игемона».

comments

Комментарии

1

Так в рукописи. Должно быть: наречении.

Так в рукописи. Далее в рукописи пробел в 4 с половиной строки.

Так в рукописи. Должно быть: уповай.

В рукописи: бурюущися. Исправлено по смыслу. В тексте Синайской Псалтири: «борящися».

В тексте Пс. 57, 12: «судя имъ на земли».

В тексте Пс. 58, 3: «от мужъ крови» (множественное число).

Так в рукописи. В соответствии с текстом Пс. 62, 5, должно быть:
Тако.

В Пс. 63, 3 обычно употребляется множественное число: «лукавнующихъ», «зълбивыхъ».

Так в рукописи. По-видимому, следует читать: Яди и питью.

Так в рукописи. Должно быть: благочестию.

Так в рукописи. Должно быть: ненави́димъ — люби, гонимъ — терпи, как читается это место в поучении Василия Великого.

Скорее, ожидалось бы: бьет.

Добавлено по смыслу.

Так в рукописи. Должно быть: иже или якоже (как в тексте псалма).

Так в рукописи. Должно быть: не погубляйте.

Так, очевидно, следует читать искажённое в рукописи написание:
ч(с)тны (под титлом).

В рукописи: мо; и добавлено по смыслу.

В рукописи: и; же добавляется по смыслу. (Впрочем, не исключено, что союз и отделяет одну цитату от другой, как полагал Н.В. Шляков.)

Так в рукописи (отъчина, или отъ чина). По-видимому, правильное чтение: о тѣ чинѣ.

Возможно чтение: со Ставкомъ Скордятичемъ.

Скорее ожидалось бы чтение: пришедша.

Возможно чтение в два слова: се мечи.

По замечанию Е.Ф. Карского, цифра ц (900) имеет не совсем обычную форму, напоминающую цифру у (400) памятников XIV века.

В середине страницы пергамен прорван; от слова греблю уцелел слог лю.

*В середине страницы пергамен прорван; от слова съжаливьси уцелело:
жаливьси.*

Так в рукописи. Должно быть: выидохом или изидохом.

Так в рукописи. Должно быть: я.

Смысл не вполне ясен; возможен пропуск.

В рукописи: Апою; исправляется по смыслу.

В рукописи: Урубѹ; исправляется по смыслу.

Так в рукописи. Предлагается исправление: к Воиню.

В рукописи: очитивше. Исправляется по смыслу.

В середине листа пергамен прорван. Текст восстанавливается предположительно.

В рукописи: уганива. Восстанавливается по смыслу.

В рукописи: емъ. Исправляется по смыслу.

Так в рукописи. Должно быть: ни.

*В рукописи под титлом: отче. Вероятно, следует читать: аче, или
аще.*

Слова еже жити добавлены из текста псалма.

В рукописи: детех. Исправляется по смыслу.

Так в рукописи. Должно быть: хочет.

В рукописи ошибочно: сваживаживает.

В рукописи: хрстиль без титла.

В рукописи ошибочно: мужьство и — очевидно, неверно понятое либо: мужь свои, либо: мужь твои.

Так в рукописи. Возможно следует читать: сие.

Добавлено по смыслу.

Так в рукописи. Должно быть: вселеней.

Было бы правильнее: иже в мегновеньи ока вся створить, яже хочеть.

Так в рукописи. Должно быть: своей.

в добавлено по смыслу.

Так в рукописи. По смыслу должно быть: нъ прелюбодеянье створивъ.

Так в рукописи. Возможно, ошибка, вместо: сломъ (то есть послом).

В рукописи ошибочно добавлено: не.

В рукописи ошибочно: дети отци наших. Исправлено по смыслу.

не добавлено по смыслу. (Впрочем, по мнению Н.В. Поньрко, это добавление излишне; слова а от тебе следует понимать в значении: через тебя).

Так в рукописи. Правильнее было бы: десятью.

В рукописи: же. Исправлено по смыслу.

В оригинале фраза не закончена.

В рукописи исправлено на: тою.

Слово неясное. Предлагались различные поправки: милующися (Соловьёв); мила ся деюща (Миклошич, Бычков); милосердуюча (Ивакин, Орлов, Лихачёв, Понырko).

В рукописи: испытал. Исправляется по смыслу.

Так в рукописи. Должно быть: Андрею.

В рукописи: всяко. Исправлено по смыслу.

Так в рукописи. Должно быть: рожьшую.

В рукописи: обратися. Исправлено по смыслу.

Так в рукописи. Должно быть: рожься (как относящееся к Спасу).

В рукописи: ме. Исправлено по смыслу.